

ОТ
ХАНААНА
ДО
КАРФАГЕНА

ЮЛИЙ
ЦИРКИН

*Эта книга — первый
в отечественной
исторической науке
опыт создания
последовательной
истории Финикии*

ЮЛИЙ ЦИРКИН

ОТ ХАНААНА
ДО КАРФАГЕНА

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО Астрель
Москва
2001

Дизайн обложки *С.В. Баркова*

Циркин Ю. Б

Ц 69 От Ханаана до Карфагена / Ю.Б. Циркин. — М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001. — 528 с. — (Классическая мысль).

ISBN 5-17-005552-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-01788-5 (ООО «Издательство Астрель»)

Появившиеся в Средиземноморье в начале III тысячелетия до н. э. финикийцы сами себя называли ханаанеями, а страну свою — Ханааном, под этим же именем она упоминается в Ветхом Завете. Финикия так и не обрела политического единства, ее история — это история отдельных городов: Библа, Сидона, Берита, Тира, Арвада; а также колоний в Северной Африке, в Испании, на островах Средиземного моря, в том числе Карфагена. В то же время общность языка, множество открытий в области культуры, высокоразвитое искусство говорят о том, что перед нами — одна из интереснейших цивилизаций древности. И, пожалуй, одна из самых малоизученных. Эта книга — первый в отечественной исторической науке опыт создания последовательной истории Финикии.

**УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31**

ISBN 5-17-005552-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-01788-5 (ООО «Издательство Астрель»)

ВВЕДЕНИЕ

Финикия сыграла большую роль в истории человечества. Достаточно сказать, что именно финикийцы создали систему письма, различными элементами которого пользуются до сих пор. Финикийские купцы и моряки были известны в самых разных уголках средиземноморского мира, что отмечалось во многих древних источниках. Такая активность финикийцев была обусловлена географическим положением страны.

Финикия располагалась на восточном побережье Средиземного моря. Плиний (V, 75—78*) начинает описание Финикии с города Крокодилона, несколько южнее горы Кармел с выдающимся в море мысом, и завершает островным городом Арвадом. Приблизительно так же определяет территорию Финикии и Страбон (XVI, 2, 12—27). Страна представляет собой сравнительно узкую прибрежную полосу, основная часть которой отделена от внутренних районов Сирии горами Ливана. Иногда горы подходят вплотную к морю, выступая в него острыми мысами и разделяя территорию Финикии на отдельные районы, связи между которыми были весьма затруднены, как и со странами, лежащими к востоку. Однако в некоторых местах этих гор были относительно удобные проходы, игравшие значительную роль в

---

* Здесь и далее после указания источника арабская цифра означает год издания, римская — том, последующие арабские — номера страниц.

истории развития этого региона. В целом же территория страны была обращена к морю. Склоны гор, густо покрытые лесами, давали великолепное дерево, особенно кедры и кипарисы — главные экспортные товары страны. Спускающиеся террасами западные склоны Ливанских гор и долины рек, пересекающих Финикию, покрыты плодородной почвой. Территория страны, в целом небольшая, не обеспечивала финикийцев собственными ресурсами. Но в то же время множество удобных заливов, бухт, островков давали возможность для развития мореходства.

География в значительной степени определила и то, что на всем протяжении своей истории Финикия так и не обрела политического единства. История Финикии — это история отдельных ее городов, большинство из которых было основано на морском берегу в удобных для стоянки кораблей местах, а два — Арвад и Тир — на островках вблизи материка.

Финикийцы появились на этой территории около 3000 г. до н. э. Однако историю Финикии большинство современных ученых начинают предположительно с 1200 г. до н. э. Приблизительно в это время в результате нашествий так называемых народов моря¹ и кочевников из внутренних районов Передней Азии на Ближнем Востоке произошли значительные изменения, о чем будет сказано в главе IV. Можно говорить, что именно тогда началась совершенно новая эпоха в истории региона. До этих событий, как отмечают исследователи, история финикийских городов ничем не отличалась от истории соседних стран, и лишь после них она приобрела индивидуальность, резко отличающую ее от соседей

¹ «Народами моря» современная наука называет различные народы Средиземноморья, обрушившиеся на Египет.

(Baurain, Bonnet, 1992, 16; Les Phéniciens, 1997, 18). Это верно, но все же ограничиваться только констатацией этого факта нельзя.

История Финикии — это история финикийского народа. Определение народа, этноса в науке противоречиво. Но ясно, что оно включает как объективные, так и субъективные элементы. Если принять определение, что народ — есть совокупность людей, обладающая относительно стабильными особенностями культуры, языка и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований, т.е. самосознанием, фиксированном в самоназвании (Бромлей, 1983, 58), то надо отметить, что, хотя история финикийцев и их культуры исследована еще недостаточно, можно говорить, что эти признаки объединяют финикийцев I тысячелетия до н. э. с их предшественниками предыдущих двух тысячелетий. Они явно говорили на одном языке, культура конца II—I тысячелетий до н. э. являлась прямым продолжением предыдущей, хотя их религия несомненно развивалась и это развитие происходило в рамках одной религиозной системы (ср.: Olmo Lete, 1996). Сами финикийцы, как об этом будет сказано далее, называли себя ханаанцами: и те, кто остался в Азии, и те, кто в ходе колонизации переселился в Африку. Название «Ханаан» было распространено по крайней мере еще во II тысячелетии до н. э. Во время великих потрясений XIII—XII вв. до н. э., когда менялись этническая и политическая карты Средиземноморья (и несколько позже), не произошло уничтожения основных финикийских городов, а ряд тех, которые были разрушены, относительно быстро восстанавливались. Нашадения того времени, как мы увидим далее, оказали определенное влияние на судьбы финикий-

ских городов, но не прервали ход исторического процесса. История Финикии конца II—I тысячелетий до н. э. (до завоевания Александром Македонским в 332 г. до н. э.) является прямым и почти непрерывным продолжением предшествующей и в политическом, и в экономическом, и в социальном, и в культурном отношении. В связи с этим можно, не выходя за пределы времен и в рамках средиземноморского региона, привести аналогию. Приблизительно тогда же, когда восточное побережье Средиземного моря подвергалось опустошительным нападениям «народов моря» и степных кочевников, была уничтожена цивилизация Микенской Греции. В Греции даже произошла ликвидация существующей государственности, и в течение «темных веков» происходила нивелировка социального и культурного развития Эллады на уровне родового строя. Развитие страны началось фактически заново, хотя многие элементы прежнего бытия (особенно в области религии и мифологии) сохранились. Тем не менее все современные истории Греции включают в себя историю микенского общества. (Даже общества минойского Крита, хотя минойцы не были греками, они оказали большое влияние на микенских греков и развивали свою культуру на территории, позже занятой эллинами.) Поэтому нет достаточных оснований для резкого отделения истории Финикии после 1200 г. до н. э. от предыдущей, и ее надо начинать с того времени, когда финикийский народ появился на восточном побережье Средиземного моря. Как мы увидим дальше, финикийцы III—II тысячелетий до н. э. были частью ханаанейского этноса, занимавшего гораздо большую территорию, чем собственно Финикия. После сложных перипетий конца II — начала I ты-

сячелетия до н. э. ареал распространения ханаанейского этноса ограничивается именно Финикией. Соответственно ее история предшествующего времени была частью истории Ханаана, а затем и всей историей Ханаана.

Одним из важнейших источников истории и цивилизации Финикии является Библия. Поэтому долго и Финикию, и финикийцев рассматривали в рамках «священной истории», противопоставляемой истории «гражданской». Именно в этих рамках говорил о Финикии в своем труде «Священная география», появившемся в 1646 г., С. Бохарт (или Бошар). При всей наивности этого труда с современной точки зрения он заслуживает внимания как первый, где была сделана попытка рассказать о финикийцах. В XVIII в. о финикийцах уже говорили и писали многие. Но подлинно научное исследование истории и цивилизации Финикии, включая ее колонии, началось в XIX в.

В 1835 г. знаменитый немецкий филолог и богослов, профессор университета в Галле Ф.Г.В. Гезениус выпустил в свет исследование о финикийском письме, заложившее основы финикийской палеографии. А через год он опубликовал все известные тогда памятники, написанные финикийским письмом на финикийском языке. Этим было положено начало финикийской филологии как самостоятельной отрасли филологии семитской. У истоков изучения истории и религии финикийцев стоит другой немецкий ученый — профессор университета в Бреслау (ныне Вроцлав в Польше) Ф.К. Моверс. В 1841—1856 гг. появились четыре тома его капитального труда «Финикийцы» («Die Phönizier»), в котором были собраны и на уровне науки того времени тщательно исследованы все известные сведения греко-римских (антич-

ных) и библейских авторов о финикийцах и их религии. В 1860 г. французский император Наполеон III отправил на восточное побережье Средиземного моря, где когда-то располагалась Финикия, экспедицию во главе со знаменитым ученым Ж.-Э. Ренаном. Эта экспедиция, во время которой впервые велись археологические раскопки на территории Финикии, продолжалась целый год, и после возвращения во Францию Ренан обработал полученные материалы и опубликовал результаты своих исследований в 1864 г. Позже Ренан опубликовал также «Корпус семитских надписей», первый том которого содержал финикийские надписи. Его работы в области финикийской эпиграфики продолжили немецкий ученый Э. Лидзбарский и французский — Ш. Клермон-Ганно. Им удалось преодолеть некоторый налет дилетантизма, который все же был присущ Ренану. Клермон-Ганно стал также исследовать и финикийское искусство. Еще раньше началось исследование финикийских колоний, особенно Карфагена, чья история тесно связана с историей Рима. В 1817 г. были найдены первые карфагенские надписи, а в 1833 г. датский консул в Тунисе К.Т. Фальб нанес на карту план карфагенских развалин и положил начало археологическому изучению Карфагена. Вскоре Карфаген, его история, культура и судьба привлекают внимание не только ученых. В 1862 г. появляется роман Г. Флобера «Саламбо». И хотя с современной точки зрения в этом романе много авторского вымысла, до сих пор многие смотрят на историю Карфагена под углом зрения этого произведения. Так появились разные направления в изучении финикийской цивилизации: история, история религии, история искусства, археология, эпиграфика, филология, а также отображение этой цивилизации в современном искусстве. В XIX и XX вв.

в этих областях были сделаны значительные исследования. Среди них надо отметить работы Б.А. Тураева, который в 1903 г. опубликовал на русском языке все известные остатки финикийской литературы. Попытку объединить эти направления и дать общую картину финикийской цивилизации предпринял Э. Контано, впервые опубликовавший свой труд в 1929 г. и выпустивший его вторым расширенным изданием в 1949 г. Но все же научного материала было еще очень мало. Гораздо больше сведений инарративных, т.е. рассказов греко-римских авторов, археологических и, как следствие интенсивных раскопок, эпиграфических имелось по истории Карфагена и его державы. Карфаген был основан финикийцами в Северной Африке, позже он завоевал обширные территории и в течение долгого времени был соперником западных греков. На последнем этапе своей истории Карфаген выступил опаснейшим соперником Рима. Поэтому античные писатели о Карфагене рассказывали относительно много, особенно о его военной истории. Уже в конце XIX и начале XX в. появились обширные труды по истории Карфагена. Среди них надо отметить двухтомный труд немецкого ученого О. Мельцера, вышедший в 80—90-х гг. XIX в. и дополненный третьим томом, написанным после смерти Мельцера У. Каршtedтом и опубликованным в 1913 г. В 1913—1920 гг. и вторым изданием в 1921—1924 гг. появились четыре тома работы французского исследователя С. Гзелля. Эти во многом основополагающие труды не утратили своего значения и в наше время. Появлялись значительные работы по истории Карфагена и отдельным отраслям его цивилизации, среди которых надо отметить исследование ленинградского ученого И.Ш. Шифмана «Возникновение Карфагенской державы», опубликованное в

1963 г. Содержание этого исследования выходит за рамки его названия, ибо в нем проанализирована не только история Карфагена до свержения Магонидов в середине V в. до н. э., но дан обзор финикийской колонизации и сделан ряд ценных наблюдений по некоторым аспектам истории Финикии. Еще большее внимание к Карфагену было привлечено в связи с призывом ЮНЕСКО спасти остатки города, что вызвало еще более интенсивные международные археологические исследования, в результате которых появилось много новых работ. Изучение Карфагена становилось столь значительным, что даже в работах, авторы которых стремились рассмотреть финикийскую цивилизацию в общем, тема Карфагена занимала наиболее значительное место. Примером может служить небольшой по размерам, но огромный по охвату материала и глубине анализа труд английского ученого Д. Хардена «Финикийцы», вышедший в 1962 г.

В 60-е годы XX в., как отметил итальянский ученый С. Москати, произошла подлинная трансформация наших знаний по истории и цивилизации Финикии и ее колоний. Прежде всего это было связано с небывалым расширением археологических исследований. Кроме Карфагена, многочисленные раскопки велись в других местах Северной Африки. Большой размах приобрели подобные работы в финикийской части Сицилии и Сардинии. Практически заново была открыта финикийская цивилизация в Испании, где впервые было найдено большое количество финикийских поселений. Новые открытия были сделаны на Кипре и Мальте. И в ряду научных дисциплин, занимающихся финикийцами, на первый план вышла археология, которая позволила рассмотреть новые проблемы и по-иному оценить старые. В этом содержится и определенная опасность,

ибо ученые стали переоценивать археологические свидетельства и недооценивать письменные, особенно сообщения греческих и римских писателей. Это, в частности, сказалось и в недостаточном внимании к самой Финикии, где размах археологических работ во многом уступает тому, что ведется на территориях финикийской колонизации. После археологической миссии Ренана в XIX в. долгое время серьезных археологических работ в Финикии не производилось. В 20-х годах XX в. началось тщательное археологическое исследование Библа, давшее превосходные результаты и позволившее многое узнать об этом городе и его роли в III и II тысячелетиях до н. э., но другие крупные центры Финикии долго оставались вне таких работ. В то время, когда начался археологический бум в районах финикийской колонизации, политические обстоятельства на Ближнем Востоке сделали подобные работы в самой Финикии, во многом совпадающей с современным Ливаном, практически невозможными.

И все же за последние тридцать—сорок лет наука о Финикии далеко продвинулась. Хотя главенствуют археологические и в меньшей степени эпиграфические исследования, но и остальные дисциплины добились определенных результатов. Значительным шагом в этом направлении стала монография бельгийского ученого Г. Бюнненса «Финикийская экспансия в Средиземноморье», вышедшая в 1979 г., где собрана и внимательно исследована (порой с несколько излишним критицизмом) вся литературная традиция о финикийской колонизации. Бельгия вообще стала одним из центров мирового финикиеведения. Там под руководством Э. Липиньского проводились различные конференции и издавалась целая серия, как правило, коллективных работ, часть из которых была

результатом конференций. Интересны в этом плане и работы самого Э. Липиньского, посвященные преимущественно интерпретации финикийского эпиграфического материала, на основе которого даются важные исторические исследования.

Блестящие результаты раскопок в Южной и Юго-Восточной Испании стали основой для взлета исследований в области финикийской цивилизации и истории в этой стране, однако ряд испанских ученых выходят за региональные рамки. Признанным главой испанских исследователей является Х.М. Бласкес, который еще в 1968 г. (а затем в расширенном издании в 1975 г.) в своем труде «Тартесс и начало финикийской колонизации на Западе» обобщил все достигнутые в этой области результаты. Его ученики, Э.Г. Вагнер, Х. Альвар и многие другие, продолжили работу, расширяя ареал своих исследований и углубляя их теоретическую базу. Недавно в Мадриде под руководством Вагнера был создан специальный центр финикийских штудий. Другим центром исследований в этой области в Испании является Барселона, где работают такие ученые, как Г. Ольмо Лете и М.Э. Аубет. Труд последней «Тир и финикийская колонизация на Западе», вышедший вторым расширенным изданием в 1994 г., представляет собой новый этап изучения финикийской колонизации.

Значительную работу в этом плане ведут немецкие ученые — Х. Шубарт, Х.-Г. Нимайер и другие. Они тоже сосредоточили свое внимание в основном на колониальном мире. Вместе с испанскими коллегами немецкие археологи ведут много раскопок в Южной Испании, тщательно исследуя результаты. Другой участок их работы — Карфаген, где немецкие археологи сделали ряд важных открытий.

В нашей стране, к сожалению, исследования финикийского материала не имеют такого масштаба. Финикийцы не оставили почти никаких следов на территории бывшего СССР. Исторические и филологические исследования в этой области в определенной степени связаны с некоторыми ветхозаветными проблемами, а изучение Ветхого Завета в советское время не приветствовалось. В этом плане можно говорить лишь об отдельных работах Н.А. Машкина, В.И. Авдиева, Н.Н. Залесского, И.М. Дьяконова, центр внимания которых все же был сосредоточен на других отраслях исторического исследования. До своего отъезда из СССР финикийский материал рассматривал в своих работах М.Л. Гельцер. Живя сейчас в Израиле, он продолжает эти исследования. Особенно же важны труды И.Ш. Шифмана. Несмотря на то что он занялся более широкой проблематикой, финикийские штудии никогда не уходили из его поля зрения. Он рассматривал разные вопросы финикийской истории и культуры — финикийский язык, социальные отношения, религию и мореплавание. Много сделано Шифманом для определения места финикийцев в среде Древнего Ближнего Востока. К сожалению, некоторые результаты его исследований остались неизвестными в мировой науке, так как работы на русском языке иностранным ученым не всегда доступны.

Финикийскими исследованиями занимаются ученые и других стран — Франции, Англии, США, Нидерландов, Туниса, Кипра, Ливана, Мальты. Но центром этих исследований в последнее тридцатилетие является, безусловно, Италия. Там впервые был создан специальный Центр финикийских и пунических исследований. Итальянские археологи много работают в финикийских местах Сар-

динии, Сицилии, Мальты, с их участием создаются обобщающие работы. Такой стала появившаяся в Париже в 1975 г. монография француза А. Парро, ливанца М. Шехаба и итальянца С. Москати «Финикийцы», посвященная в основном финикийскому искусству. Самым разным сторонам финикийской истории и цивилизации посвящена коллективная работа преимущественно итальянских исследователей «Финикийцы», последнее французское издание которой появилось в 1997 г. Неоценимый вклад в изучение самых разных сторон жизни и истории финикийцев внес уже упоминавшийся Москати. Одна из его последних работ «Кем были финикийцы», опубликованная в 1994 г., в значительной степени подвела итог исследованиям ученых разных стран в этой области. Москати возглавил работы многих других итальянских исследователей, занимающихся Финикийей и ее колониями.

Размах исследований потребовал, если не объединения ученых разных стран, занимающихся этой проблемой, то более широкого обмена результатами. И здесь велика роль итальянских коллег. В Риме в 70-е годы стал выходить журнал *Rivista di Studi Fenici* (Журнал финикийских исследований), который сразу же стал международным. В следующем десятилетии по инициативе итальянских ученых начали собираться и международные конгрессы финикийских исследований. Первые два состоялись в Риме, третий — в Тунисе, четвертый — в Кадисе (Испания). Пятый должен был пройти в 1999 г. в Ливане, но неблагоприятная политическая ситуация заставила перенести его в Италию. В центре всей этой работы до своей кончины стоял Москати. Во многом эту роль сейчас выполняет его коллега Э. Акваро.

Говоря о современном состоянии исследований, надо отметить, что в последнее время произошли важные сдвиги. Несмотря на отмеченное преобладание археологических трудов, растет внимание и к истории как таковой. В центр внимания ученых все более попадает не только колониальный мир, включая Карфаген, но и сама Финикия. В этом плане очень важна работа М. Гра, Руийяра и Тейшидора «Финикийская вселенная», опубликованная в 1989 г., где материал о Финикии занял достойное место. В еще большей степени это относится к монографии двух бельгийских ученых К. Борена и К. Бонне «Финикийцы. Моряки трех континентов», изданной в Париже в 1992 г., где рассматриваются различные стороны истории и жизнедеятельности преимущественно финикийцев метрополии.

Все же многие вопросы финикийской истории пока остаются весьма спорными, многое еще не выяснено. Среди этих вопросов важное место занимает проблема места финикийцев в древнем обществе, пути его развития, отношение к обществам Древнего Востока и греко-римского мира. Возникает также вопрос: в какой степени общим или, по крайней мере, подобным был путь самой Финикии и ее важнейшей колонии Карфагена? Рассмотрение этих вопросов и непосредственной истории Финикии и Карфагена является содержанием данной работы.

Глава 1

ХАНААН, ФИНИКИЯ, СИДОН

Название «финикийцы», под которым этот народ известен и в древности, и в наше время, не было самоназванием. Так этот народ называли греки. Сами финикийцы именовали себя ханаанеями, а свою страну Ханааном (Segert, 1976, 17). Так, по словам Августина (PL XXXIV—XXXV, col. 2096), называли себя потомки карфагенян в Северной Африке. В одной из надписей из Цирты (нынешней Эль-Хофры), по-видимому, карфагенянин (или финикиец) обозначается как «человек Ханаана» (KAI 116, 3). Наименование Финикии Ханааном встречается на монете города Берита (Hill, 1910, 52; Segert, 1976, 264), что не случайно. Финикийцы были частью ханаанейского этноса, занимавшего довольно обширное пространство в Восточном Средиземноморье в III—II тысячелетиях до н. э.

В науке существуют различные объяснения самого термина «Ханаан». Часто его связывают с понятием пурпура или вообще красного цвета, рассматривая в этом случае Ханаан как «Пурпурную страну» и ханаанеев, включая финикийцев, как «красных (краснокожих или красноволосых) людей», установ-

ливая параллель с греческим названием, производя его от понятия «красный» (Helck, 1962, 280; Katzenstein, 1973, 7; Moscati, 1994, 16—17). Основание этому видят в производстве на сиро-финикийском побережье пурпурной краски, столь ценимой в древности. Действительно, хурритское слово *kinakhnu* используется в месопотамских источниках для обозначения красного цвета, но, как отмечает С. Москати, лингвистически легче объяснить переход от названия Ханаан к прилагательному *kinakhnu* — красный, чем наоборот (Moscati, 1994, 17). Поэтому можно полагать, что месопотамское или хурритское использование этого слова в качестве определения является вторичным, как и встречающееся иногда использование этого термина не в этническом, а в профессиональном смысле. Надо иметь в виду, что при всем значении пурпура и пурпурных тканей все же главным объектом экспорта с побережья и прилегающих горных районов, а также целью походов и торговых экспедиций в эти районы был лес. Если же учесть, что слово «Ханаан» было самоназванием народа и соответственно страны, то имеющееся объяснение кажется невероятным: трудно представить, что какой-либо народ назвал себя по тому или иному продукту, который он производит. Все это требует иного объяснения.

Среди семитских народов сиро-палестинского региона было широко распространено самоназвание этнической группы по имени своего реального или чаще мифического предка. Амореи считали своим прародителем Амурру, который в Угарите считался, по-видимому, первородным сыном Силача Балу и Девы Анат (Шифман, 1987, 89). Одно из аморейских обществ, составивших затем угаритское, было Дитану, и его предком считался первый царь того же име-

ни (Cazelles, 1984, 181). Далеким предком сутиев был Шет, сын Адама и Евы, рожденный после гибели Авеля и бегства Каина (Gen. IV, 25—26; V, 3). Израильтяне, как известно, рассматривали себя как потомков Израиля — Иакова. Так что гораздо естественнее возводить название «Ханаан» для обозначения народа и страны, в которой он обитает, по имени своего предка. Такого предка мы находим как в Библии, так и в финикийской литературе. В библейской «Таблице народов» среди сынов Хама называется Ханаан (Кенаан), ставший предком ряда народов, в том числе сидонян (Gen. X, 6; 15). Филон Библиский (fr. 39) говорит о Хна (Χνα), который позже получил имя Финика. Филон стремился там, где это возможно, дать финикийским божествам и героям греческие имена. Так что Финик, по мнению Филона, греческое имя Хна. Финик (Φοινίξ) же считался греками предком-эпонимом финикийцев. Само имя Хна является формой того же имени, что и воспроизводимое в клинописной литературе имя Ханаана (Тураев, 1902, 71—72). Молодой московский исследователь А.А. Немировский в своей еще не опубликованной диссертации показал, что все встречающиеся в источниках имена предка ханаанеев восходят к имени, которое в Библии воспроизводится как Каин. Поэтому можно сделать вывод, что сами ханаанеи производили свое название от имени Хна-Каина. То, что в Библии Каин предстает убийцей и первым злодеем на земле, неудивительно. Согласно библейскому сказанию, Каин был земледельцем, а Абель — овцеводом (Gen. IV, 2). Перед нами явный перенос в мифологическую сферу старинных враждебных отношений между земледельцами и скотоводами. Это можно сравнить с тем, что в шумерской литературе предок амореев Амурру описывается с явной враждебностью

и рассматривается как воплощение дикости (Крамер, 1977, 145—146; Шифман, 1987, 153).

В IV главе Книги Бытия рассказывается история Каина и его потомков. После убийства брата он бежал в страну Нод, расположенную к востоку (или напротив) от Эдема, где женился и имел сына Ханоха (Эноха). Там же Каин построил первый город (до этого города в Библии не упоминаются), названный им по имени сына. Так что Каин оказывается не только первым земледельцем, но и первым горожанином. Кочевое и полукочевое скотоводческое население Ближнего Востока воспринимало город и его земледельческую округу глубоко враждебно. И вся эта враждебность сконцентрировалась в образе Каина. Известно, что Ханаан до еврейского завоевания являлся страной городов (Malamat, 1981, 13—15). В финикийской мифологии основателем первого города, каковым был Библ, является верховный бог Эл (Phil fr. 19). Перечисление потомков Каина практически не дает никакой информации, ибо представляет лишь голый список имен. И только пятый потомок Каина Лемех кажется уже довольно конкретной фигурой. Известны две его жены, к которым он обращается с песней, являющейся одним из древнейших образцов еврейской поэзии. Но что еще важнее: сыновья Лемеха связываются с определенными профессиями: Йавал — прародитель всех кочевых скотоводов, Йувал — музыкантов, а Тубал-Каин — кузнецов (Gen. IV, 16—24). Перед нами типичные «культурные герои», каковые встречаются во всех мифологиях мира, в том числе и в финикийской. Поэтому появление подобных персонажей в библейских сказаниях неудивительно.

Однако обращает на себя внимание другое. Все сказание о пребывании Каина в стране Нод и его по-

томках кажется искусственно вставленным в повествование о допотопных временах. Действительно, в конце IV главы повествование возвращается к Адаму и называет имя его нового сына Шета, а далее вполне логично развивается рассказ о потомстве Шета вплоть до Ноя и его сыновей. V глава описывает родословие Адама от создания его по подобию Бога, опуская весь эпизод с Каином и Авелем, даже не называя этих имен. В этой главе мы вновь встречаем некоторые имена потомков Каина среди потомков Шета. Ханох (Энох) называется сыном Каина (Gen. IV, 17), далее оказывается сыном Йереда (Gen, 18). И если первый Ханох лишь упоминается, да еще говорится, что его именем отец назвал построенный им город, то второй предстает как воплощение праведности, ибо «ходил с Богом» (Gen. V, 22). Известно, что в древнееврейской литературе имя этого персонажа носит книга, посвященная именно благочестию (Шифман, 1993, 272). Лемех в V главе оказывается внуком Ханоха и отцом Ноя, в то время как в предыдущей главе он — четвертый потомок Ханоха и отец Тубал-Каина и его братьев. Вероятно, это были довольно популярные фигуры, известные в палестинском или даже во всем сиро-палестинском регионе, которые могли «кочевать» из мифологии одного народа этого региона в мифологию другого. Лемех оказывался автором ходившей в народе песни о кровной мести (Шифман, 1987а, 107). Если обратиться к Книгам Хроник, то в первой главе первой книги вновь перечисляются предки человечества от Адама до сыновей Ноя и в ней совершенно не упоминаются ни Каин, ни Авель, ни потомки Каина, а устанавливается прямой ряд — Адам, Шет и далее его потомки. Источники Пятикнижия были очень разнообразны, и значительное место среди них занимают

фольклорные произведения (см., например, Фрэзер, 1985, 13—297). Время оформления Пятикнижия спорно, но, вероятнее всего, относится к последней трети VII в. до н. э., ко времени царя Иосии (Шифман, 1987а, 89—95), т. е. еще к допленному периоду иудеев. Хотя в это время монотеизм уже укореняется в иудейском обществе, жесткого отграничения от окружающего населения в нем еще не было.

Книги Хроник были составлены, вероятнее всего, в середине или второй половине V в. до н. э., по видимому, Неемией (Шифман, 1987а, 158), когда утверждается резкое противостояние иудейской йахвистской общины не только язычникам, но и сравнительно близким по вере самаритянам и даже тем соплеменникам, которые после падения царства остались в Палестине (Tadmor, 1981, 218—220). Общество начало свое новое развитие почти с нуля, но в то же время оно стремилось установить непосредственную связь с допленным периодом своей истории. Поэтому автор Книг Хроник активно использовал допленный материал, содержащийся прежде всего в устной памяти вернувшихся, и особенно родовые генеалогии, довольно решительно отсекая посторонний материал. Даже при перечислении потомков Ноя он резко сокращает генеалогию Иафета и Хама (Weinberg, 1981, 91—113). История Авеля и Каина иудеям после пленного периода уже не казалась частью их собственной истории, а чем-то чуждым, которым можно пренебречь. Все это ведет к мысли, что рассказ о Каине и его потомках был не еврейским, а воспринят еврейским населением Палестины от соседей или подчиненных ханаанеив. Его интеграция в еврейскую мифо-историческую традицию долгое время была не полной. И лишь безусловный авторитет Пятикнижия, в котором это по-

вестование уже содержалось, заставило сохранить его в Библии.

Если рассматривать Каина как предка ханаанеев, то перед нами — весьма значительно трансформированный остаток ханаанейской мифологии. О ханаанейском происхождении этого сюжета свидетельствует и то, что Каин назван первым из сыновей Евы (Gen. IV, 1). Это доказывает, что он — старший, первородный сын, старше Авеля (известно, какое значение имело на Ближнем Востоке первородство). Достаточно вспомнить библейского Иакова, дважды ставшего первородным сыном, и историю о покупке им первородства у своего брата Исава и о получении коварным путем благословения от отца (Gen. XXV, 31—34; XXVII, 1—36).

Обращает на себя внимание еще один момент в истории Каина. От гнева Бога он бежит в страну Нод, которая находится к востоку от Эдема (или напротив него). Историю с бегством Каина можно сопоставить с финикийским мифом о бегстве бога Демарунта, потерпевшего поражение в сражении с Морем (Phil. fr.28). В Угарите с богом моря Йамму был каким-то образом связан бог Йаву (может быть, он был одной из ипостасей Йамму). Этот же бог с именем Йево почитался в финикийском Берите, где он тоже был связан с морским божеством. С другой стороны, существует связь между Йаву-Йево и библейским Йахве (Шифман, 1987, 91; Lipinski, 1995, 122). Если это так, то Каин оказывается ипостасью Демарунта, еще во многом загадочного божества, сказания о котором относятся к тирскому варианту финикийской мифологии, как об этом будет сказано позже. Филон не уточняет места, куда бежал Демарунт. Страна же Нод, ставшая прибежищем Каина, локализуется библейским автором где-то в районе Эдема. Эдем — это

райский сад, являвшийся местопребыванием Бога и первых людей до их грехопадения. В шумерской мифологии таким раем и родиной человечества является Дильмун, отождествляемый с Бахрейном (Дьяконов, 1983, 92; Афанасьева, 1983, 145; Alster, 39—65). У Страбона (XVI, 3,4) сохранилось предание, согласно которому прародиной финикийцев были острова в Персидском заливе, т. е. тот же Бахрейн. Не является ли представление о стране Нод вариантом шумерского мифа о Дильмуне и еврейского об Эдеме как о местожительстве богов и прародине людей своего этноса?

Видимо, повествование о Каине и его потомках надо рассматривать как мифическую предысторию Ханаана. Само по себе заимствование этих мифов евреями не вызывает удивления, ибо в Библии мы находим и другие заимствования из финикийской литературы (Garbini, 1991, 490). Более ранняя ханаанейская литература (мы в нее, однако, не включаем угаритскую) конечно же должна была оказать влияние на еврейскую.

Границы Ханаана хорошо отмечены в Библии (Num. XXXIV, 2—12). Не все пункты, отмеченные там, можно точно локализовать, но в целом территория Ханаана включает значительную часть сиро-палестинского побережья, юго-западную часть Внутренней Сирии, всю Палестину с Заиорданьем и часть Синайского полуострова. Финикийцы занимали часть этого пространства: узкую полосу побережья между Ливанскими горами (включая часть гор) и Средиземным морем к северу от горы Кармел. Северную границу Финикии определить сложно, но, по-видимому, ее надо расположить приблизительно в районе современного Телль-Сукас (Les Pheniciens, 1997, 20). Именно здесь греки располагали финикийцев.

Проблема происхождения названия «финикийцы» не менее сложная и спорная, чем происхождение имени «ханааней». Это слово тоже часто возводят к корню *ф_оv, имеющему в принципе значение «красный» (Godart, 1991, 495). И соответственно пытаются дать самые разные объяснения такому названию. Не входя сейчас в подробное обсуждение всех предложенных объяснений, надо отметить их неубедительность. Едва ли «ханааней» может обозначать «окровавленные», или «красноволосые», или «краснокожие» (ср. Baurian, Bonnet, 1992, 14—16; Godart, 1991, 497). Окровавленными могли быть и многие другие народы, с которыми греки вступали в какие-либо вооруженные конфликты, к тому же для раннего времени не засвидетельствованные. Люди дают названия другим народам обычно по тем признакам, которые достаточно ясно этих «других» отделяют от них самих. Но думается, что едва ли антропологически жители восточного побережья Средиземного моря столь уж резко отличались от жителей юга Балканского полуострова. Что же касается связи этого названия с пурпуром, то к сказанному о сомнительности таковой можно добавить, что в греческом языке пурпурная краска и пурпурная ткань чаще именуются πορφυρα, а красный цвет — ερυθρος. Мнение же, что первоначально «Финикия» и «финикийцы» обозначали определенную область в Греции и ее жителей, а после вторжения «народов моря», в котором они участвовали, эти названия были перенесены на соседей (Paraskevaidou, 1991, 527), кажется надуманным. То, что выходцы из Эгейского бассейна являлись частью коалиции «народов моря», едва ли подлежит сомнению (ср.: Dothan, 1995, 41—42; Tel Miqne-Ekron, 1998, 3, 21). Также несомненно, и это хорошо пока-

зал Параскеведу (Paraskevaidou, 1991, 523), что в Греции и вообще в Эгейском бассейне встречаются топонимы, близкие названию «Финикия», но к исторической Финикии отношения не имеющие. На восточном побережье Средиземного моря (точнее — побережье Палестины) обосновались не финикийцы из Греции, а филистимляне и чекеры, причем первые, вероятнее всего, происходили с Крита. Все это заставляет искать другое объяснение происхождению названия.

Уже давно было предложено связать греческое Φοινίκαι с египетским Fenkhu (Baurian, Bonnet, 1992, 16; Wiseman, 1973, 263). Впрочем, и вокруг последнего слова тоже идут споры. Вероятнее всего, что оно первоначально обозначало лесорубов (или, может быть, кораблестроителей), но позже становится этнонимом (Helck, 1962, 277—278; Lexikon der Aegyptologie, 1982, 1039; Nibbi, 1991, 169). Естественно, что этим словом называли людей, представлявших египтянам главными поставщиками леса в их безлесную страну. В дальнейшем мы увидим, что таковыми были финикийцы и особенно жители Библа. Поэтому неудивительно, что словом Fenkhu могли обозначаться именно жители этого района. Египтяне издавна часто называли чужестранцев по их профессиям, независимо от подлинного имени того или иного народа (Helck, 1962, 278). Так как слово Fenkhu было не самоназванием, а именем, данным другим народом, то такой перенос значения слова не вызывает возражений. В «Рассказе Синухе» упоминается страна Фенху и ее правитель Менус (Поэзия и проза Древнего Востока, 1973, 47). Это произведение относится ко времени Среднего царства, к XII династии, и считается, что оно довольно точно изображает обстановку в азиатской периферии Египетского госу-

дарства (Перепелкин, 1988, 224). Во время одного из своих последних походов в Азию Тутмос III проходил по прибрежной дороге через Фенху к Иркате в Северной Финикии (ANET, 241). Все эти соображения заставляют полагать, что «страна лесорубов» находилась в районе Библа.

Эгейцы (минойцы и микенцы) издавна были связаны с Египтом¹. Связаны были микенцы и с Библом, как об этом свидетельствует само название города в греческом языке: финикийское Gubla могло стать греческим Byblos только в результате фонетических преобразований в греческом языке от микенского к послемикенскому времени (Дьяконов и др., 1988, 226). Лингвистические данные дополняются археологическими, которые тоже свидетельствуют о связях микенских греков с Библом (Lorimer, 1950, 52; Muller-Karpe, 1980, 754). Поэтому неудивительно, что греки II тысячелетия до н. э. могли заимствовать и египетское название района Библа. Действительно, в табличках, написанных линейным письмом В и найденных на Крите, встречаются два написания слова ро-пи-ки-жо и ро-пи-ке-жа. Это слово могло иметь разные значения, но в любом случае оно не относилось к пурпуру, поскольку в микенских текстах пурпур называется ри-ри-го, и также к красному цвету, ибо имелось слово е-ри-те-га. Скорее всего, дважды это слово означает этническую принадлежность женщины, видимо, хозяйки или работницы текстильной мастерской, и оно идентично более позднему этнику Фοινικία (Godart, 1991, 495—497). Таким образом, можно говорить, что уже в микенское время греки использо-

¹ Литература о связях Эгейского мира с Египтом огромна. Отметим только в качестве примера: Пендлбери, 1950, с. 24—25 и далее постоянно; Бартонек, 1991, с. 175.

вали термин «Финикия» и производные от него для обозначения страны и народа. И если этот термин не связан ни с пурпуром, ни с красным цветом, то наиболее вероятно его заимствование из египетской терминологии. Как и египтяне, греки II тысячелетия до н. э. относили его к району сиро-финикийского побережья.

Известно, что в гомеровских поэмах финикийцы именуются сидонянами, и эта традиция осталась в античной литературе на долгое время. Но это не исключает и упоминаний финикийцев. В «Илиаде» (XXIII, 743—744) говорится о серебряной чаше, которую изготовили сидоняне и привезли на Лемнос финикийцы. Еще чаще финикийцы упоминаются в «Одиссее». Если в «Илиаде» отношение к финикийцам достаточно нейтральное, а о «сидонянах» говорится с некоторым восхищением как о «многоискуссных», то в «Одиссее» характеристика финикийцев — резко отрицательная (Latacz, 1990, 14—16). Герой, рассказывая выдуманную историю о своих бедствиях, говорит о коварном финикийце, который обманом завлек его на свой корабль, якобы плыть в Финикию, а на деле продать в рабство (Od. XIV, 283—297). И несколько раньше (XIII, 272) также упоминается корабль финикийцев. А верный Эвмей, повествуя о том, как он ребенком стал рабом, виновниками своего несчастья опять же называет финикийцев (Od. XV, 414—484). В то же время в «Одиссее» встречаются упоминания и сидонян. Особенно важен рассказ Менелая, как он, возвращаясь из-под Трои, побывал на Кипре, у финикийцев, египтян, эфиопов, сидонян и в Ливии (IV, 83—85). Как и в рассказе о чаше в «Илиаде», здесь вместе упоминаются финикийцы и сидоняне, так что становится ясно, что для автора (и его слушателей) — это два разных народа. При

этом к сидонцам сохраняется благожелательное отношение. В том же рассказе Менелая о его странствиях герой гордится чашей, которую ему подарил царь сидонян благородный Федим. Можно даже сказать, что в поэмах противопоставляются искусные ремесленники сидоняне и коварные торговцы и мореплаватели финикийцы (Latacz, 1990, 21). В данном случае неважно, являются ли эти характеристики наследием микенской эпохи или возникли уже в гомеровское время. Важно то, что эти два слова обозначают два разных народа с разными этическими характеристиками.

Ранее говорилось, что финикийцы упоминаются уже в табличках письма В. Поэтому неудивительно их появление и в гомеровском эпосе. Сложнее обстоит дело с сидонянами. Обычно полагают, что в этом названии отразилось первенствующее положение Сидона среди других финикийских городов. Но возникает вопрос, к какому времени можно отнести это первенство. Нет никаких данных, говорящих об особом положении Сидона во II тысячелетии до н. э., и все попытки обосновать название «сидонцы» как обозначение финикийцев восходят, по существу, к попытке объяснить соответствующие места в гомеровских поэмах (Baurain, 1986, 14—16). Из письма тирского царя Абимилки к фараону Эхнатону (EA, 149) в XIV в. до н. э. можно узнать об упорной борьбе тирийцев с сидонянами и о захвате сидонским царем Зимридой материкового Ушу, что поставило Тир в сложнейшее положение, лишив его и пресной воды, и доступа к лесным богатствам Ливана (Katzenstein, 1973, 63). Иногда полагают, что именно к этому времени надо отнести возвышение Сидона (Дьяконов и др., 250). Но из тех же писем ясно, что нападение Сидона было все же от-

бито. Даже если из союза с Амурру Сидон и смог извлечь какие-либо выгоды, то они не были столь велики, чтобы оправдать название всего народа по имени одного этого города, в том числе и той его части, которая находилась вне Сидонского царства. Едва ли можно отнести возвышение Сидона и к XII—XI вв. до н. э. (Mazar, 1986, 58). Правда, существует традиция, датирующая началом XII в. до н. э. основание Тира сидонянами (Iust. XVIII, 3,5; Ios. Ant. Iud. VIII, 3,1). Но само это основание связывается с разрушением Сидона аскалонитами и бегством сидонцев из разрушенного города. Эти обстоятельства трудно рассматривать как обоснование главенствующей роли Сидона во всей Финикии. Единственным временем, когда Сидон действительно играл первенствующую роль в Финикии, была эпоха Ахеменидов (Harden, 1980, 50—51), но это не может служить обоснованием появления «сидонян» у Гомера.

Обратимся вновь к Библии. В «Таблице народов» упоминается Ханаан (Кенаан) уже как сын Хама (Gen. X, 6). И первенцем Ханаана назван Сидон (Gen. X, 15). Далее (15—17) перечисляются другие дети Ханаана: хетт, йевусит, аморей, гиргашит, хиввит, аркит, синнит, арвадит, цемарит, хаматянин. Все эти названия даны в так называемом коллективном единственном числе, обозначая целые этнические или политические единицы (Sznycer, 1996, 21). В число хамитов библейский автор включает народы, которые рассматривались им как враждебные. В других библейских текстах снова появляются эти народы как предназначенные Богом к изгнанию их израильтянами (Deut. VII, 1; Jes. III, 10; XXIV, 11; Ne IX, 8). Но обращает на себя внимание, что из одиннадцати народов (самого Ханаана и его десяти детей) в этих

текстах перечисляются только шесть (и седьмым к ним присоединяются перуззиты). Сидоняне, арекиты, синниты, арвадиты, цемариты явно выступают под общим наименованием «ханаанеи». Что касается остальных народов, то одни из них хорошо известны, как амореи, другие, наоборот, остаются таинственными, как перуззиты. Мы практически ничего не знаем о гиргашитах как о народе, но популярность личного имени, связанного с этим этнонимом, а в западносемитском мире от Угарита до Карфагена, свидетельствует о достаточно прочных воспоминаниях о существовании этой этнической группы (Sznycer, 1996, 19—23). То, что чужой этноним мог стать личным именем, известно. Так, в Карфагене мы встречаем такие имена, как Мицри (Египет) или Шарданат (Сардинянка) (Циркин, 1987, 132). Едва ли следует думать, что все перечисленные народы в действительности были родственными. Автор «Таблицы народов» не был специалистом в этнологии и языкознании. Перед нами блок доизраильского населения «Обетованной земли» в тех границах, которые были отмечены в Num. XXXIV, 2—12, т. е., как уже говорилось, Ханаана II тысячелетия до н. э.

С другой стороны, мы находим в Библии ряд мест, позволяющих рассматривать сидонян не только как жителей самого города Сидона. Так, упоминаются сидонские божества (Jud. X, 6; I Reg. XI, 33), которые поставлены в один ряд с божествами целых народов: арамейскими, моавитскими, аммонитскими и филистимскими. И снова сидонцы оказываются в ряду перечислений тех же народов, но уже без связи с божествами (Jud. X, 11—12; I Reg. XI, 1). Исайя (XXIII, 2; 4) в пророчестве о Тире говорит о сидонских купцах и о Сидоне как о морской крепости. В Книге Судей (XVIII, 27—29) рассказывается о судьбе

города Лаиса, который был захвачен и сожжен евреями из племени Дана, а затем отстроен под именем Дан. В качестве причины легкости захвата Лаиса Библия называет его отдаленность от Сидона. Но нет сведений, что город Сидон в это время был столь враждебен израильтянам, и, вероятнее всего, здесь под Сидоном понимается страна, населенная сидонцами. В Библии Сидон многократно упоминается и как значительный город. Но в данном случае интересно более широкое толкование этого топонима.

Возвращаясь к «Таблице народов», мы находим среди сынов Ханаана, наряду с Сидоном, жителей Иркаты, Сийанну, Арвада, Цумура и Хамата. Ирката, Арвад и Цумур располагались в Северной Финикии и многократно упоминаются во II тысячелетии до н. э. Сийанну располагался севернее, долгое время принадлежал Угариту и был отделен от него во второй половине XIV в. до н. э. хеттским царем Мурсилисом II (Helck, 1962, 519). Хамат находился в средней долине Оронта и был довольно значительным торговым и политическим центром, царством, игравшим значительную роль в начале I тысячелетия до н. э. (Klengel, 1979, 179, 181). Изымая из территории «детей Ханаана» и эти топонимы, считавшиеся библейским автором ханаанскими, мы получим всю Финикию, начиная с Библа и южнее. Библ и Тир неоднократно упоминаются в Библии. С Тиром еврейские цари Давид и Соломон поддерживали не просто союзнические, но и дружеские отношения. Позже эти отношения изменились, и во времена израильского царя Ахава, женатого на тирской царевне Иезавели, все тирское уже представлялось глубоко враждебным. Та же враждебность ощущается в речениях некоторых пророков, как, например, Исаяи и Иезекиила. Но в любом случае Тир для древних евреев имел

большое значение. И странно, что этот город не упомянут в «Таблице народов».

Говоря о женитьбе Ахава, I Книга царей (XVI, 31) называет его тестя Итобаала царем сидонян. А Менандр Эфесский, используя финикийские источники, включает этого Итобаала в число тирских царей (у Ios. Contra Ap. I, 18). Наместник тирского царя Хирама II в кипрском Карфагене называет себя рабом царя сидонян (KA1, 31). Еще раньше Соломон, обращаясь к тирскому царю Хираму, просил, чтобы его рабы вместе с рабами иерусалимского царя нарубили кедры для храма, потому что нет более умелых лесорубов, чем сидоняне (I Reg. V, 6). И в течение долгого времени в своих отношениях с внешним миром тирский царь выступал как царь Сидона (Katzenstein, 1973, 131—132; Harden, 1980, 49; Kestemont, 1983, 57), а подданные тирского царя (рабы Хирама) именуются сидонянами.

Какое-то единство Тира и Сидона обозначилось уже давно. В угаритской поэме о Карату (KTU, I, 14; IV, 34—39) говорится об Асирату тирийцев, богине сидонцев. Сама поэма была записана в XIV в. до н. э., но составлена была много раньше (Katzenstein, 1973, 19), скорее всего, во второй половине III тысячелетия до н. э. (Шифман, 1993, 12). Уже тогда Сидон и Тир рассматривались угаритянами (может быть, точнее их предками) вместе, они обладали одним святилищем богини, которая им покровительствовала. Наконец, надо отметить, что и сидоняне, и тирийцы говорили на одном диалекте финикийского языка, отличающегося от тех, на которых говорили жители более северных Библа и Арвада (Segert, 1976, 27—29; Moscati, 1994, 29—30).

Все это ведет к выводу, что Сидон довольно часто означает не конкретный город или государство

(город-государство), а всю Южную Финикию, в том числе Тир и его царство (ср.: Vunpens, 1979, 296—299). И жители этой части Финикии именуются сидонянами. Юстин (XVIII, 3, 2—5), рассказывая об основании Сидона, говорит, что так город был назван из-за обилия рыбы, и современные исследователи полагают, что такое объяснение вполне возможно (Шифман, 1981, 104). Но более правдоподобным представляется, что имя «Сидон» связано с богом Цидом (Шифман, 1981, 104). У Малалы (Chron. III, 69) сохранилось предание, хотя и искаженное (Ribichini, 1982, 174), восходящее к финикийским источникам, согласно которому Сид (Цид) был сыном Египта, который во времена Авраама основал Сидон. И здесь речь могла идти не столько о самом городе, сколько о стране в целом.

Если рассматривать Сидон как Южную Финикию, а сидонцев как ее жителей, то легче понять то различие между сидонцами и финикийцами, которое, как мы видели, засвидетельствовано в поэмах Гомера. В греческих текстах II тысячелетия до н. э. финикийцы упоминаются, а упоминаний о сидонянах пока не найдено. Но греки в то время явно были знакомы не только с Библом, но с Сидоном и Тиром, что, в частности, доказывают лингвистические данные (Шифман, 1963, 13—14). Вероятно, греки различали жителей Северной Финикии, которую они называли Финикией, и Южной, именуемой Сидоном. Порой считают, что первоначально греки именовали финикийцами все народы сиро-палестинского региона (Леванта) без особого их различения. Позже (самое раннее — в трудах Гекатея) это название стали относить именно к финикийцам (Mazza, 1995, 79). Думается, что дело обстояло наоборот. С микенских времен греки называли финикийцами только жителей Се-

верной Финикии (приблизительно район Библа) и лишь вследствие более основательного знакомства с ними после создания своих поселений на восточном берегу Средиземного моря поняли этническое единство всей Финикии и распространили это название на всю страну, оставив термин «сидоняне» для поэзии (порой и историки использовали его для обозначения финикийцев вообще).

Итак, можно говорить, что сами финикийцы считали себя ханаанеями. Часть их египтяне называли *fenkhu*, откуда и греки заимствовали название «финикийцы», уже много позже создав их эпонима Финика (Феникса). Первоначально греки применяли это название только к северной части Финикии. Южная ее часть, как думается, именовалась Сидоном, как ее называли и греки, и азиатские соседи финикийцев.

Глава 2

НАЧАЛО ИСТОРИИ

Территория будущей Финикии была заселена людьми давно. «Неолитическая революция», приведшая к появлению оседлого земледелия и гончарного ремесла (Childe, 1959, 71—107), имела в своем ареале западную часть «Плодородного полумесяца», но сомнительно, входила ли туда с самого начала приморская полоса между Ливаном и морем. Видимо, лишь на более поздней стадии неолита, около 6000 г. до н. э., здесь происходят важные изменения, приведшие, в частности, к появлению протогородских поселений, одним из которых был Библ (Бернхардт, 1982, 15—16; Дьяконов и др., 202; Muller-Karpe, 1968, 79—85, 428—429; Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 26). Вероятнее всего, это были не финикийские и не семитские поселения. С появлением финикийцев, по-видимому, около 3000 г. до н. э., это население было вытеснено в горные районы Ливана, где еще долго сохраняло традиции медного века (Scyrig, 1953, 37—49).

С тем, что финикийцы не были автохтонами, современные исследователи в принципе согласны (Bissfeldt, 1941, 353; Harden, 1980, 19). В связи с этим

встает вопрос, имеющий два аспекта: происхождение народа (этногенез) и происхождение цивилизации. Подобное мы наблюдаем и при изучении этрусков. После споров об их происхождении, идущих уже более 200 лет, М. Паллоттино выдвинул идею рассматривать этрусскую проблему под другим углом зрения: не происхождение народа (что невозможно решить при нынешнем уровне знаний), а формирование этрусской цивилизации на италийской почве, независимо от того, откуда появились либо вообще пришли в Италию предки этрусков (Pallottino, 1963, 111—117). В работе, посвященной доримской Италии, тот же ученый пишет, что изучение начала истории древней Италии не ограничивается проблемой происхождения ее народов, а содержит исследование таких аспектов, как социальная и политическая организация, формы поселения, производство и обеспечение жизни, религия, менталитет, вкусы, культурные и другие традиции (Pallottino, 1987, 41). Однако состояние изучения финикийцев и этрусков различно. В отличие от этрусской проблемы — известны язык финикийцев, его место среди других языков (хотя еще ведутся споры о тех или иных деталях), предания об их прародине в кратком изложении греко-римских авторов. Даже если происхождение финикийцев некоторые исследователи считают псевдотемой (Mazza, 1995, 79—80), игнорировать проблему этногенеза финикийцев едва ли следует.

Геродот дважды (I, 1; VII, 89) говорит о происхождении финикийцев, выводя их из района Эритрейского моря, откуда они и пришли к берегам Средиземного моря, причем второй раз он ссылается непосредственно на самих финикийцев: «как говорят они сами» (ὡς αὐτοὶ λεγούσι). Известно, что Геродот побывал в Тире, где разговаривал с местными жреца-

ми, и те рассказывали ему о древности города и храма (Нер. II, 44), так что в воспроизведении им местной традиции нет ничего удивительного. В первом случае историк ссылается на персов. Персы, под властью которых в то время находилась Финикия, вполне могли знать финикийские предания, а сам Геродот в своем повествовании о персах использовал довольно надежные источники (Дандамаев, Луконин, 1980, 26—27). Юстин (XVIII, 3, 2—4) также пишет о прибытии на побережье Средиземного моря финикийцев, покинувших из-за землетрясения свою прежнюю родину. Известно, что Юстин (точнее — Помпей Трог, произведение которого Юстин сокращал) при рассказе о различных народах старался, где только возможно, использовать местную традицию (Циркин, 1987, 199—200), так что неудивительно, если и в рассказе о переселении финикийцев к берегам Средиземного моря историк использовал финикийские источники.

Интересное сообщение содержится у Плиния (IV, 120), который, говоря об острове Эрифии (Erytheia) в Испании, где тирийцами был основан Гадес, ссылается на упоминание названий этого острова греческими авторами и туземцами. Далее он отмечает, что название «Эрифия» дано тирийцами, поскольку предки тирийцев происходили из района Эритрейского моря. Заметка Плиния ясно распадается на две части: сначала он ссылается на древних авторов, передавая различные названия острова, а затем уже упоминает о том, что Эрифией остров называли тирийцы. Если учесть, что Плиний сам некоторое время находился в Испании, будучи прокуратором провинции Тарраконская Испания (Sallmann, 1979, 929), становится ясно, что эти сведения он получил непосредственно от живших там тирийцев.

Солин (XXIII, 12) передает практически ту же тирскую традицию, говоря, что тирийцы, прибывшие с Красного моря, называют остров Эритрией, а пунийцы, т. е. карфагеняне, — Гадиром. Известно, однако, что Гадиром назывался сам город, а не остров. По-видимому, Солин, писавший уже в III в. н. э., объединил сведения, относящиеся к разным объектам и восходящие в конечном счете к тирийцам (возможно, испанским, т. е. гадитанам) и карфагенянам. Привлекает приводимое Солином название Erythrea, которое еще больше напоминает об Эритрейском море и свидетельствует о конечном источнике.

Тщательно анализируя эти сведения, И.Ш. Шифман пришел к выводу о надежности этой традиции, которая содержит два варианта — тирский и сидонский. Они отличаются некоторыми деталями, но дают общую картину — прибытие финикийцев к берегам Средиземного моря (Шифман, 1981, 103—106). Знания Геродота о водах, омывающих Аравию, были не особенно точны, так что под Эритрейским морем он явно подразумевал не совсем четко определенное водное пространство вокруг Аравийского полуострова (Шифман, 1981, 104—105; Berger, 1907, 592—595). Создавая свою западную колонию, финикийцы как бы заключали свою вселенную между двумя Эритиями — морем на юго-востоке и островом на западе.

Страбон (XVI, 3, 4) уточняет, что прародиной финикийцев были острова в Персидском заливе, современный Бахрейн. При этом он ссылается на вид местных святилищ, похожих на финикийские, и, главное, на мнение самих жителей этих островов. При описании Персидского залива Страбон, как он сам говорит (XVI, 3, 2), использовал данные Эратосфена, которые, в свою очередь, восходят к сообщениям Андросфена, плававшего в Персидском заливе по поручению

Александра Македонского (Duchesne-Guillemin, 1979, 654—655). Бахрейн и частично противоположащий берег Аравии был издавна связан с Месопотамией, будучи одним из важнейших центров доставки меди в Двуречье и важным пунктом на пути из Месопотамии в Индию (Alster, 39—52). Шумеры, называя Бахрейн Дильмуном (а аккадцы — Тильмуном), даже располагали там свой рай и свою прародину. Как уже говорилось, возможно, что именно там находилась страна Под, куда бежал Каин. В этом сказании могли отразиться воспоминания о пребывании предков финикийцев (точнее — всех ханаанеев) в районе Бахрейна, хотя, скорее, на соседнем берегу Персидского залива, чем на самих островах. Предание о прежнем пребывании ушедших затем ханаанеев могло сохраниться и у жителей Бахрейна. Так что возможно, что берег Эритрейского моря мог в действительности быть южным берегом Персидского залива.

Исследователи отмечают значительные черты сходства между ханаанейскими и южноаравийскими языками (Шифман, 1981, 105). Отделение северо-западных семитских диалектов, оформившихся несколько позднее в ряд родственных языков, включая ханаанейский и аморейский, от юго-западных (в том числе арабских) лингвисты датируют приблизительно концом IV или, может быть, рубежом IV—III тысячелетий до н. э. (Милитарев, 1984, 6). И это более или менее совпадает с данными о появлении финикийцев на побережье Средиземного моря. Археологические данные показывают, что поселение в Библе, из которого развился позднейший город, возникает после некоторого периода времени полного запустения около 3000 г. до н. э., но не позднее 2700 г. (Muller-Karpe, 1968, 429 и Tab. 2). Геродот (II, 44) говорит, что жрецы тирского храма Мелькарта

относят основание храма и самого города ко времени за 2300 лет до них, а это датирует основание Тира приблизительно XXVIII в. до н. э. Археологический зондаж, проведенный в Тире, выявил самый древний слой в этом месте, относящийся почти к тому же времени или немного раньше, что не может быть случайностью (Bikai, 1978, 72; Gras, Ruillard, Teixidor, 1989, 46; Vaurain, Bonnet, 1992, 59). В течение всей истории Тира с ним был связан находившийся на материке город Ушу, основанный, по-видимому, еще раньше: недаром греки и римляне именовали его Палетиром, т. е. Старым Тиром (Strabo XVI, 2, 24; Curt. Ruf. IV, 2, 4). Приблизительно тогда же возник и Берит (Sader, 1997, 400). Итак, все данные свидетельствуют о начале финикийской истории на восточном побережье Средиземного моря в самом начале III тысячелетия до н. э.

С появлением финикийцев на средиземноморском побережье здесь начинается история городской цивилизации. Два довольно крупных города — Тир и Арвад — финикийцы основали на небольших островках около материка. Это давало им значительные преимущества в случае нападения (недаром Тир был взят армией Александра Македонского только в 332 г. до н. э.). Но в то же время остро стояли и другие проблемы, особенно снабжение питьевой водой, что было обусловлено географическим положением. Когда соперник тирского царя Абимилки царь Сидона захватил Ушу и материковые земли напротив Тира, Абимилки жаловался, что в городе нет воды для питья (EA 149, 49—52). И позже ассирийский царь, желая принудить тирийцев к сдаче, не давал им возможности пользоваться водой с материка (Jos. Ant. Iud. IX, 14, 2). Правда, постройка особых цистерн для сбора воды на самом острове несколько сократила

зависимость города от материка (Katzenstein, 1973, 15), но полностью ее не устранила. Что касается Арвада, то уже в римское время Страбон (XVI, 2, 13) говорил, что часть необходимой воды город получал с материка.

Большинство финикийских городов было создано на самом материке. Таков был Библ (Гебал, Губла). Город был расположен на хорошо защищенном холме около самого моря, где имелись две бухты, пригодные для гаваней, вокруг располагалась довольно плодородная долина, а позади города на небольшом расстоянии были горы, покрытые густым лесом (Drawer, Bottero, 1971, 343; Muller-Karpe, 1974, 844; Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 30). Неудивительно, что этот холм был заселен со времени раннего неолита. Но ко времени появления финикийцев население по каким-то причинам это место покинуло, так что пришельцам не пришлось изгонять отсюда прежних жителей (Muller-Karpe, 1968, 429). Почти сразу после поселения новые жители окружили его стеной. А несколько позже у источника в центре воздвигли два храма своим важнейшим божествам, Владычице Библа — Баалат-Гебал и, видимо, Решефу (Muller-Karpe, 1974, 844). С этого времени можно говорить о подлинном городе. Мощная стена, укрепленная двумя башнями, охраняющими два входа в город — со стороны суши и со стороны моря, окружала город. От центра, где возле источника располагались два храма, лучами шли улицы, застроенные домами на каменном фундаменте, причем некоторые из них были довольно значительными. Внутри некоторых домов имелись относительно большие помещения, потолки которых поддерживались специальными деревянными колоннами на каменной базе — по семь с каждой про-

дольной стороны и одна в центре помещения. В центре улиц были созданы специальные дренажные канавы, позволяющие содержать город в относительной чистоте (Drawer, Bottero, 1971, 344; Muller-Karpe, 1974, 844). Все это свидетельствует о сравнительном благосостоянии Библа раннего времени.

Такое благосостояние не случайно. Уже очень рано Библ становится важнейшим центром контактов с Египтом. Если до появления в этом месте финикийцев основные внешние контакты поселения осуществлялись с Месопотамией (Parro, Chehab, Moscati, 1975, 29—30), то главным партнером финикийского города становится Египет, для которого Библ был основным поставщиком столь ценимого в долине Нила леса. Самым ранним египетским предметом, найденным в Библе, стала каменная ваза с именем последнего царя II династии Хасехемуи (начало XXVIII в. до н. э.). С тех пор имена египетских фараонов встречаются в Библе почти непрерывной чередой до Пиопи II, последнего крупного фараона Древнего царства (Montet, 1928, 272; Helck, 1962, 21—22; Drawer, Bottero, 1971, 345—347; Muller-Karpe, 1974, 58; Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 34—35; Wein, Opificius, 1963, 12). В значительной степени это были посвящения, сделанные египетскими владыками в святилище главной богини города Баалат-Гебал, которую уже в III тысячелетии до н. э. египтяне отождествляли со своей Хатхор. Это свидетельствует не только об экономических, но и о культурных контактах Египта и Библа. Для путешествий в Библ, и прежде всего для вывоза оттуда леса, египтяне строили специальные морские суда, и позже название «библский корабль» распространилось на все подобные корабли независимо от цели их плавания (Drawer, Bottero, 1971, 348). Значение библской торговли для Египта было столь

значительным, что, когда она прервалась, Ипувер среди других тяжелейших бедствий, обрушившихся на Египет, жалуясь, говорит: «Не едут больше люди на север в Библ сегодня. Что нам делать для получения кедров нашим мумиям?» (Хрестоматия, 1980, 44, перевод В. В. Струве).

Торговые связи между Библом и Египтом были довольно интенсивны. Из Библа в долину Нила уходили дерево, особенно кедр и кипарис, смола, возможно, также медь и лазурит (Helck, 28—39; Drawer, Bottero, 345—351). Металлы и лазурит библинты получали от восточных соседей и перепродавали египтянам. От египтян получали папирус, керамические и каменные сосуды, благовония, ювелирные изделия, произведения искусства. Часть полученных вещей отправлялась дальше на восток. Как далеко на восток простирались торговые связи Библа, спорно. Египетские изделия, находимые в Эбле, приходили туда явно через Библ (Scandone-Mattiae, 1982, 128), хотя прямых указаний на связи Эблы с Библом пока не обнаружено (Дьяконов и др., 216). Поэтому вполне возможно, что библинты торговали только непосредственно с восточными соседями в долине Оронта, а уже оттуда египетские товары шли дальше. Через тех же посредников в долине Оронта Библ мог получать лазурит и другие продукты, привозимые из отдаленных восточных стран. Но как бы то ни было, в III тысячелетии до н. э. Библ превращается в значительный торговый центр Восточного Средиземноморья.

Упадок Египта в конце Древнего царства и во время I переходного периода привел к разрыву связей между Египтом и Библом. В Библи исчезли всякие следы контактов с долиной Нила. Видимо, это обстоятельство заставило библинтов переориентировать свои связи, направив их на восток. Теперь мож-

но с уверенностью говорить о контактах Библа непосредственно с Месопотамией. Библ упоминается в шумерских документах III династии Ура (Flammini, 1998, 44; Klengel, 1978, 9—10). Дело, по-видимому, не ограничивается торговыми связями. Цари III династии Ура, следуя примеру царей Аккада, развернули активную экспансию, стремясь подчинить себе Сирию и средиземноморское побережье, что им в значительной степени удалось. Библский правитель Ибдати носил шумерский титул «энси», и это, видимо, свидетельствует о политическом подчинении Библа царям Ура, по крайней мере Амар-Суэну (третья четверть XXI в. до н. э.) (Sollberg, 1959—60, 120—122; Klengel, 1969, 430).

Конец мощному урскому государству положили амореи. Первоначально они жили, видимо, в центре Внутренней Сирии. К концу III тысячелетия до н. э. климат становится более засушливым, так что жить в полупустынных районах Сирии стало труднее, и окружающая среда уже не могла прокормить возрастающее население. Амореи начали занимать земледельческие районы Сирии и Месопотамии. Урские цари не сумели с ними справиться. Сирия и сиро-финикийское побережье Средиземного моря также становятся ареной аморейских вторжений. В поселениях этого региона отмечены следы разрушений и пожаров, а во многих случаях появление нового населения. Не избежал аморейского вторжения и Библ.

Раскопки в Библе показывают, что раннегородская эпоха истории этого города заканчивается его страшным разрушением. Пожарный слой покрывает практически всю территорию поселения (Muller-Karpe, 1974, 118—120, 844; Wein, Opificius, 1963, 14—15; Posener, Bottero, Kenion, 1971, 587—594; Dunand, 1982, 196). И не связать это разрушение с аморей-

ским вторжением невозможно. Но такое удобное место не могло долго пустовать. Очень скоро здесь возникает новый город (среднегородская ступень). В первое время новый город был, по-видимому, беднее, чем предыдущий. Дома становятся более скромными, однокомнатными. Вероятно, на какое-то время исчезает и городская стена (Muller-Karpe, 1974, 120, 844). Но в целом, в отличие от многих других мест Сирии и Палестины, в том числе Угарита, в Библие прослеживается ясная преемственность между культурами предыдущей эпохи (раннего бронзового века, или раннегородской ступени) и более поздней (средний бронзовый век, или среднегородская ступень). Особенно важно восстановление храмов. Хотя они и приняли несколько иной вид, воссозданы они были на прежнем месте, посвящены прежним божествам и выдают ясные следы культового континуитета (Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 47—49; Muller-Karpe, 1974, 844—845; Dunand, 1982, 196—197). Финикийцы не переносили свои храмы, так что восстановление их на прежнем месте доказывает продолжение существования прежнего города. С другой стороны, библские жилища, происходящие от палаток аморейских кочевников, располагаются только на периферии города (Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 37). В то же время имена библских царей II тысячелетия до н. э., которые нам известны, — аморейского вида. Из этого вытекает, что, вероятнее всего, амореи, поселившиеся в сравнительно небольшом количестве в Библи, были сравнительно быстро финикизированы, но дали городу династию, которая долгое время сохраняла аморейские имена. Финикийцы-ханаанеи и амореи были довольно близкими родственниками, их языки принадлежали к одной группе семитских языков, они относились к единой

аморейско-ханаанской культурной общности. И это, естественно, облегчило ассимиляцию финикийцами амореев, захвативших Библ.

Довольно скоро город не только восстанавливается, но и возвращает себе в еще большем масштабе значение важнейшего центра связи Египта с Передней Азией. К тому времени центр тяжести месопотамской внешней торговли переносится из района Персидского залива в Северную Сирию и к средиземноморскому побережью (Klengel, 1978, 15). И Библ, издавна игравший роль узла связей между Египтом и Передней Азией, оказывается одним из самых главных центров египетско-месопотамских контактов. Восточные связи Библа простираются через всю Северную Сирию и доходят до Евфрата. Важнейшим контрагентом Библа на Евфрате становится Мари (Kupper, 1973, 21; Finet, 1985, 28—30). В западном направлении Библ, видимо, устанавливает связи с Кипром, являвшимся важнейшим поставщиком меди для всего восточносредиземноморского региона, и, безусловно, не только восстанавливаются, но и расширяются его контакты с Египтом.

Египет к этому времени вышел из полосы упадка и в период Среднего царства (XII—XIII династии) вновь достигает прежнего блеска. Естественно, что одной из первых задач фараонов явилось восстановление связей с сиро-палестинским побережьем и прежде всего с Библом. В Библе найдено большое количество египетских изделий и местных, созданных по египетским образцам. Многие предметы поражают своим богатством, как например, золотая пектораль царя Абишему и золотая корона его же сына, позолоченные кинжалы и серповидный царский скипетр и многое другое (Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 39—47). Библские правители и арис-

тократы подпадают под влияние богатейшей египетской культуры. Они используют иероглифическое письмо для своих надписей, одеваются по египетской моде, отмечают египетские праздники. Царь Библа принимает египетский титул «хатийя», который носят высшие египетские чиновники, преимущественно главы областей (Flammini, 1998, 49—59). Последнее обстоятельство наводит на мысль о политических связях Библа с Египтом в период Среднего царства.

Египетские «тексты проклятий» времени XII династии упоминают несколько местностей северной части Финикии: Иркату, Библ, Улаццу. Следующая группа таких текстов, относящаяся уже к началу XIII династии, прибавляет к ним южнофиникийские города Тир и Акко (Helck, 1962, 49—62). При этом называются правители Иркаты — Илумиквати и ...му-хр..., Акко — Тархамму и Тира, чье имя неизвестно, так как сохранилось только окончание ... р-у. Что же касается Библа и Улаццы, то названы только «люди», т. е. граждане этих городов. С другой стороны, известна целая династия библских правителей, современных XII и XIII династиям: Абишему I, его сын Ипшемуаби, Абишему II, Якинэль, Интенэль, его сын Илимияни (Helck, 1962, 63—66; Kitchen, 1967, 53; Flammini, 59)¹. Видимо, египтяне не рассматривали их как полновластных государей (ср.: Montet, 1928, 278). В то же время библские правители помещали свои имена в картуши (Klengel, 1969, 431—432; Posener, Bottero, Kenyon, 1971, 545), на что, разумеется, ни один, даже самый высокопоставленный египетский чиновник не решался. Вероятно, библ-

¹ Точную последовательность библских правителей этого времени установить трудно, возможно, что она была несколько другая, чем указана здесь.

ские цари в своих отношениях с Египтом считали себя наместниками фараона, подчеркивая это свое положение принятием египетского титула, причем не исключено, что они даже получали знаки своей власти от царя Верхнего и Нижнего Египта (ср.: Flammini, 1998, 56). Однако перед собственным населением они выступали как полновластные владыки и в глазах этого населения выглядели почти как равноправные фараонам, что отмечалось наличием картуша. Такое положение библских царей не было только данью почтения к египетской цивилизации и египетской мощи, но и отражало реальный контроль Египта над Библом, хотя формы его пока не известны. О существовании такого контроля свидетельствует и «Рассказ Синухе». Недаром рассказчик, бежавший из Египта, не решился остаться в Библе, а предпочел отправиться к полудиким кочевникам. После многих лет пребывания у них он решил вернуться в Египет и направил письмо фараону Сенусерту, прося его вызвать правителей Кедема, Хетнкешу, Фенху и Ретену, которые, по словам Синухе, неизменны в любви к фараону (Поэзия и проза Древнего Востока, 1973, 38—50). И хотя точная локализация всех этих территорий еще не установлена, можно говорить, что некоторые из них (по крайней мере, Кедем и Фенху) находились в районе Библа. Именно отсюда египтяне получали лес и продукты более отдаленных стран Востока. Так что контроль над местом их доставки в Египет был для них чрезвычайно важен.

В это время египетские фараоны еще не ставили перед собой задачу расширения своих владений на азиатские земли (за пределами Синая). Их целью было обеспечение беспрепятственной торговли ценными азиатскими товарами, в том числе ливанским

лесом (Helck, 1962, 63—64, 90). Торговые пути египтяне стремились обезопасить с помощью магии: этой цели и служили «тексты проклятий». Судя по этим текстам, южнофиникийские города Тир и Акко тоже включились в торговую систему Восточного Средиземноморья, но в отличие от Библа и Улаццы не попали под политический контроль фараонов. Надо отметить также, что эти города в поле зрения египтян попали лишь в начале правления XIII династии, когда мощь фараонов начала клониться к новому упадку.

Конец Среднему царству положили гиксосы. Проблема их происхождения и состава этноса или племенного союза до сих пор спорна. Значительная доля семитских элементов едва ли вызывает сомнения. Высказывалась мысль, что основу довольно пестрого гиксосского объединения составляли семитские племена, близкие арабам и финикийцам, т. е. ханаанеям (Перепелкин, 1988, 415). Значителен в этом объединении и хурритский элемент, поэтому высказано предположение, что само гиксосское завоевание Египта было частью хурритской экспансии (Helck, 1962, 92—104). Возможно, что основу гиксосской общности составляли семитские кочевники — шасу, обитавшие как на юге, так и на севере Палестины, и которых Библия называла амалектянами (Немировский, 1996, 11; Васильев, 1998, 13—16). Как бы ни решился этот вопрос, ясно, что гиксосы были иностранцами и, вероятно, поэтому были меньше подвержены египетскому презрению ко всему чужому, какое было свойственно коренным жителям страны. Исследователи отмечают, что во времена гиксосского владычества Египет был открыт внешним влияниям так широко, как никогда раньше (James, 1973, 302). Известно, что гиксосы избрали

своим главным покровителем бога Сетха (Сутеха), которого они отождествили с западносемитским богом бури. Сетх был старым египетским божеством, обладавшим амбивалентной природой, воплощая и благодетельные, и злые силы. Последнее в Египте постепенно стало превалировать (Коростовцев, 1976, 112—115), и избрание этого бога в качестве главного покровителя правящей династии могло быть в известной степени вызовом. В период Нового царства в Египте широко представлены божества западных семитов (Коростовцев, 1976, 115—117), и начало этому могли положить гиксосы. Одним из важнейших центров, через которые внешние влияния проникали в Египет, мог быть Библ, может быть, и другие города сиро-финикийского побережья.

С другой стороны, гиксосские правители приняли полную титулатуру египетских фараонов, явно стремясь представить себя продолжателями прежних традиций, и в русле этих традиций они пытались утвердить великодержавие Египта. В это время торговые связи Египта были довольно значительны, достигая, с одной стороны, Крита, а с другой — Месопотамии. Значительного размаха достигла держава гиксосского царя Хиана, находки с именем которого сделаны в Кноссе и в районе современного Багдада (Hayes, 1973, 60—61). Поэтому вполне возможно, что и в своих отношениях с городами побережья гиксосские фараоны продолжали прежнюю политику. Известные нам библские цари и в гиксосские времена продолжали называть себя египетским титулом «хатийя», так что, вероятнее всего, они продолжали признавать суверенитет египетского владыки.

После изгнания гиксосов фараоны Нового царства приступили к созданию мировой державы. Уже первый фараон XVIII династии Яхмос, преследуя

гиксосов, захватил палестинский город Шарухен (ANET, 233). А к 22 году его правления относится сообщение об использовании египтянами быков, приведенных из страны Фенху (ANET, 234). Правда, при этом неясно, являются ли эти быки частью добычи фараона в ходе войны или получены в виде дани (James, 1973, 295). Но в любом случае этот факт свидетельствует о той или иной форме власти египтян над районом Библа. Из преемников Яхмоса Тутмос I попытался утвердиться в Сирии, дойдя со своими войсками до Евфрата (ANET, 234), но его поход был обычным грабительским. Основы египетской мировой державы заложил Тутмос III в первой четверти XV в. до н. э. На 22 году своего правления, т. е. фактически почти сразу после установления его единовластия, Тутмос предпринял поход в Палестину и Сирию, подчинив после трудной борьбы один из важнейших центров на севере Палестины Мегиддо. При этом он взял в плен многих местных царьков и уничтожил «предателей» (ANET, 234—235). Упоминание последних свидетельствует о том, что фараон рассматривал азиатских правителей как своих подданных. После этого походы Тутмоса III совершались почти ежегодно. Во время пятой кампании он подчинил Ардату, расположенную на средиземноморском побережье севернее Библа, во время шестой кампании — находившийся недалеко Цумур, а в следующем году — соседнюю Улаццу (ANET, 239). В Улацце был оставлен египетский гарнизон (ANET, 240), а Ирката вообще была разрушена (ANET, 241), но позже восстановлена. Когда Тутмос III прибыл к берегам Евфрата и решил спуститься по этой реке, по его приказу в Библе были построены корабли, которые затем на колесницах перевезены через всю Сирию и спущены на воду (ANET, 240). То,

что в Библие беспрекословно выполнили приказ фараона, свидетельствует о подчинении его египетскому царю.

При рассмотрении кампаний Тутмоса III в Азии видно, что из финикийских городов объектом египетских нападений были те, что расположены в Северной Финикии. При этом все они, кроме Цумура, упоминаются уже в «текстах проклятий». Это совпадение не может быть случайным. Именно эта часть Финикии особенно привлекала египтян, стремившихся укрепиться в местах доставки на побережье и далее в Египет нужного им леса и в пунктах, откуда начинались дороги в глубь Сирии. В этом районе египтяне стремились укрепиться как можно прочнее.

Это не значит, что остальная Финикия не была в поле их зрения. В списке городов, подчиненных Египту при Аменхотепе III, упоминаются также Тир и Узу, т. е. Ушу (ANET, 243). В амарнской переписке, о которой речь пойдет позже, совершенно ясно подчиненными фараону являются Библи (EA, 68—96, 101—140), Цумур (EA, 98), Ирката (EA, 100), Берит (EA, 141—143), Сидон (EA, 144—145) и Тир (EA, 146—155). Из письма 85 видно, что Сидон оказался под египетской властью не позже, чем при Тутмосе IV, внуке Тутмоса III. Хотя этот фараон тоже побывал на берегах Евфрата, он едва ли совершал такие же блестящие военные походы, как его дед, предпочитая договариваться с врагами, в частности, с Митанни, мирно. Это было уже временем начавшегося отступления египтян из некоторых важных районов Сирии (Helck, 1962, 162), так что едва ли можно говорить о завоеваниях Тутмоса IV на побережье. Сидон находился под египетской властью еще в более раннее время. В письме 105 говорится об отпаде от Египта Арвада, из чего можно заключить, что Арвад находился под его властью.

Почему же, несмотря на подробное изложение военных подвигов Тутмоса III, о подчинении финикийских городов, кроме трех северных, ничего не говорится? Существует предположение, что среди тех правителей, которые были захвачены в Мегиддо и присягнули на верность фараону, были и финикийские цари (Katzenstein, 1973, 22). Это предположение очень соблазнительно. Библ, как уже говорилось, вероятно, вообще оставался под египетской властью со времени начала Среднего царства. Города Южной Финикии могли предпочесть мирно подчиниться Тутмосу III, когда увидели себя окруженными со всех сторон египетскими владениями.

Подчинив себе огромные территории Палестины и Сирии, включая средиземноморское побережье, Тутмос III не изменял существующие политические структуры. В городах сохранялись местные правители, но они были поставлены под строгий контроль египетских чиновников. Общий контроль осуществлял, вероятно, «Наблюдатель чужих стран» или «Наблюдатель Северных стран». Для более внимательного контроля завоеванные земли были разделены на «провинции». Северная часть Финикии до Библа, а позже до Тира, входила в «провинцию» Амурру, центром которой был Цумур, а южная — в «провинцию» Ханаан с центром в Газе. Главы этих провинций, назначаемые фараоном, носили аккадский титул «рабицу». В некоторых местах, как например, в Улацце, стояли небольшие египетские гарнизоны, обеспечивавшие порядок (Klengel, 1962, 258—261; Drower, 1973, 471—472; Kemp, 1978, 17). Города платили фараонам дань. Местные правители в случае необходимости обращались часто не столько к этим «рабицу», сколько к самому фараону. Это может говорить о том, что роль наместников со-

стояла не столько в непосредственном управлении «провинциями», сколько в наблюдении за ними, дабы не нарушались интересы центрального правительства. Города же считались подчиненными не наместникам, а самому царю Верхнего и Нижнего Египта.

Наши письменные источники преимущественно — египетские, а важнейшим центром связей Египта с сиро-финикийским побережьем, где очевидно египетское влияние, был Библ. Археологические источники тоже более всего связаны с Библом, так как именно этот финикийский город лучше всего раскопан, причем археологи дошли до самого материка. Поэтому создается впечатление, что история Финикии III—II вв. до н. э. сводится в основном к истории Библа и что этот город был в то время важнейшим на побережье, однако это не так. При знакомстве с более обширными источниками, становится ясным, что Библ был важным, но далеко не единственным центром Финикии. Уже в то время довольно значительными городами были Арвад, Берит (Бирута), Сидон, Тир. Три последних города часто называются вместе. Это видно и из амарнской переписки (напр., EA, 114, 13—14), и из угаритских документов (Bordreuil, Malbran-Labat, 1995, 445).

Царь Берита, его люди и корабли неоднократно упоминаются в амарнской переписке. Библский царь Рибадди, прося фараона отдать приказ правителям Тира, Сидона и Берита помочь ему, называет беритского правителя царем (EA, 92, 22), а сам этот правитель в своем письме к фараону предпочитает именовать себя «человеком Берита» (EA, 141, 4). Раскопки, весьма ограниченные в большом современном городе, показали, что во II тысячелетии до н. э. Берит был небольшим, но весьма процветающим и

хорошо укрепленным торговым городом (Sader, 1997, 401).

В одном из амарнских писем (EA, 89, 48—53) правитель Тира упрекается в том, что его дворец не похож на дворцы других финикийских правителей: он чрезвычайно богат и может сравниться лишь с дворцом царя Угарита. Последний, по-видимому, представлялся примером роскоши и богатства. Это указание свидетельствует о значительном благосостоянии Тира. Каков же был источник этого благосостояния? Сам Тир находился на сравнительно небольшом острове, точнее — на двух островках, которые позже были соединены в один (Jos. Contra Ap. I, 113). Плиний (V, 76) писал, что сам город имел размер всего в 22 стадия, что составляет около 4 км. Современные исследователи приписывают Тиру площадь приблизительно в 58 га (Katzenstein, 1973, 10). Трудно сказать, каковы были материковые владения Тира. В письме к фараону (EA, 149, 49—53) тирский царь Абимилки жалуется, что сидонский царь отнял у него удел, расположенный на материке Ушу. Из этого ясно, что до нападения сидонского царя Ушу и окружающая его территория находились под властью царя Тира. Обладание этим районом было жизненно важно для тирийцев. Владения Тира распространялись и на лежащие несколько дальше склоны хребта Ливан, откуда тирийцы получали дерево. По-видимому, это распространение не было особенно обширным, ибо и позже Тир нуждался в поставке сельскохозяйственных продуктов от своих соседей.

В этих условиях основой богатства Тира были ремесло и особенно торговля. И если Библ с самого начала был тесно связан с Египтом, то Тир, вероятно, развивал западные связи. На самом побережье он был больше связан не с непосредственными соседями

ми и родственниками, с которыми конфликтовал, а с более далеким Угаритом. Угаритского царя его тирский «коллега» называл своим братом (Lipinski, 1967, 282). Тир, по-видимому, был промежуточным портом на пути из Угарита в южном направлении. Угарит вел довольно активную торговлю в западном направлении, включая территории Эгейского бассейна (Гельцер, 1970, 2; Sasson, 1966, 126—138). Возможно, что тирийцы участвовали в этой торговле, хотя, как кажется, на правах младших партнеров: тирский царь в своих письмах в Угарит признавал свое более низкое положение в иерархии современных монархов (Bordreuil, Malbran-Labat, 1995, 445). Но и такое положение не мешало приходу в Тир огромных богатств, о чем свидетельствует зависть соседей к роскоши дворца в Тире. Не мешало это в будущем и еврейскому царю Соломону извлекать огромную выгоду из западной торговли Тира, в которой тирский монарх уже играл первенствующую роль.

В связи с этим обратимся к мифу о Кадме. Греки связывали с этим персонажем основание города Фив в Беотии. Многие писатели, начиная с Геродота (II, 49; IV, 147), подчеркивали его финикийское, а точнее, тирское происхождение. Особенно интересен рассказ Павсания (IX, 5, 1—16). Хотя этот автор жил во II в. н. э., но в рассказах о прошлом тех или иных мест он обычно пользовался местными источниками, обращаясь к наиболее осведомленным знатокам местных традиций. Повествуя об основании Фив, Павсаний рассказывает, как Кадм со своим финикийским войском прибыл в Беотию и основал там город Кадмею, а когда вокруг нее выросли позже Фивы, Кадмея превратилась в фиванский акрополь. Далее писатель говорит о нескольких поколе-

ниях фиванских царей. Исследование подобных генеалогий показало, что они содержат довольно значительную историческую информацию, хотя в такие генеалогии часто включались чисто мифические персонажи, особенно в начале списков (Молчанов, 1997, 73—76). И то, что сами фиванцы настаивали на своем происхождении от Кадма, говорит о существовании связей между Фивами и Тиром. Так как греческие писатели часто именовали финикийцев сидонянами, о тирском происхождении основателя Фив они знали. Современник Павсания Ахилл Татий (II, 2) прямо говорит, что миф о Кадме родился в Тире. Римский историк Курций Руф (IV, 4, 20) среди тирских колоний наряду с Карфагеном и Гадесом называет Фивы. Забегая вперед, надо отметить, что в греческом мифе о Меликертe, скорее всего, отразились финикийские сказания о главном покровителе Тира боге Мелькарте, который был внуком Кадма, и миф о нем опять же связан с Фивами, а также с Коринфом, одним из важнейших торговых и морских центров Греции (Apollocl. I, 9; III, 4, 1—3). В мифе рассказывалось, в частности, что Кадм должен был основать город там, где ляжет отдохнуть корова с белым кругом на боку (Apollocl. III, 4, 1). Корова является священным животным Астарты, бывшей в то же время и лунной богиней, на что может намекать белый круг на боку коровы. Гигин прямо говорит, что на боку (правда, не коровы, а быка) находился знак луны. Находка в фиванской Кадмее месопотамских цилиндрических печатей XIV—XIII вв. до н. э. подтверждает контакты Фив с Востоком в микенские времена (Hemmerdinger, 1966, 698; Колобова, 1970, 111—112; Bunnens, 1979, 19). Надпись на одной из печатей упоминает некоего Кидин (или Кидим) — Мардука, связанного с ва-

вилонским царем XIV в. до н. э. Бурна-Буриашем. Наличие этого имени привело к мысли, что имя Кадма происходит от имени этого персонажа, и, следовательно, Кадм был историческим лицом (Hemmerdinger, 1966, 698—703). Это едва ли так. Рассказ о Кадме, дошедший до нас в сочинениях античных писателей, явно мифический. Но этот миф, очень вероятно, отражает воспоминания о восточных связях Фив и содержит какие-то следы финикийского мифа, заимствованного греками еще в микенские времена. Учитывая укоренившуюся традицию связи Фив с Тиром, можно считать, что эти контакты осуществлялись через Тир. Связи Греции микенского времени с Финикией отразились в греческом языке и литературе (Гринцер, 1971, 1 жную Испанию и Северную Африку (Cintas, 1970, 271—274, 307—308; Blazquez, 1975, 23—26; Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 202; Garcia Alfonso, 1998, 64). Конечно, доказать, что все найденные в этих местах предметы привезены именно тирийцами, невозможно. Но, принимая во внимание более позднее пребывание жителей Тира на западных берегах Средиземного моря, можно предполагать, что у них были контакты с этими отдаленными землями.

Одним из товаров, которые тирийцы могли предложить своим партнерам, был пурпур и окрашенные им ткани. Миф приписывает открытие пурпура тирскому городскому богу Мелькарту (Poll. Onom. I, 45—47), что заставляет отнести начало использования пурпурной краски к довольно раннему времени. Во всяком случае, во II тысячелетии до н. э. производство пурпура уже активно развивалось (A History of Technology, 1956, 247).

Не менее значительным центром был давний соперник Тира Сидон. Он был основан финикийца-

ми на месте уже существовавшего поселения, восходящего к IV тысячелетию до н. э., и сравнительно скоро стал играть важную роль в этом регионе. Во II тысячелетии до н. э. Сидон поддерживал активные торговые связи с Угаритом и Месопотамией, где его главным партнером являлся Эмар (Baurain, Bonnet, 75—76; Lipinski, 1995, 124—125). Плиний (V, 76) приписывает сидонянам открытие стекла, но, хотя стекло было открыто в Египте, такое утверждение свидетельствует о роли Сидона как одного из центров стеклоделия. Раскопки дали толстые слои пурпураносных раковин (Baurain, Bonnet, 76), что с несомненностью свидетельствует о значительном производстве этой краски. В амарнских письмах Сидон выступает как один из самых значительных городов финикийского побережья. В более поздней литературе сохранились сведения об основании сидонянами и Тира (Iust. XVIII, 3, 2), и Арвада (Strabo XVI, 2, 13). В обоих преданиях это связано с действиями сидонских изгнанников, причем в первом случае традиция даже содержит дату — за год до Троянской войны, т. е. начало XII в. до н. э. В таком виде эта традиция недостоверна, ибо оба города существовали задолго до этой даты, но также несомненно, что в ней отразились какие-то исторические факты (об этом см. ниже). Эта традиция, возможно, подчеркивает претензии Сидона на ведущую роль в Финикии, которые, может быть, подкреплялись и тем, что вся южная часть Финикии тоже носила название «Сидон», и жители города Сидона могли рассматривать это как своего рода превосходство над другими финикийскими городами.

Самый северный финикийский город Арвад, как и Тир, находился на небольшом островке окружен-

тью менее полутора километров (Strabo XVI, 2, 13). Уже одно это во многом определило морское предназначение города. В амарнской переписке упоминаются арвадские корабли (ЕА, 105, 17—21), а также «люди Арвада» (ЕА, 149, 59). Но в целом в египетских источниках этот город почти не упоминается (Helck, 1962, 310). Характерно, что в амарнской переписке нет писем из Арвада (как и из более северного, но уже не финикийского Угарита). Едва ли это означает, что Арвад был полностью независим от Египта. Расположенный слишком далеко от последнего, он был более зависим от ситуации на противоположащем материке и мог позволить себе не просить помощи у фараона, а быть связанным с господствующим на материке царем Амурру (см. ниже). В то же время известен факт о поставке в Египет для храма Тота раба из Арвада, причем речь шла не о жертве пиратства, а о товаре совершенно официальной работорговли. Этот человек мог быть гражданином Арвада, так как известно не только его имя, но и имена его отца и матери (Helck, 1962, 364—365). Не исключено, что речь идет о вдове дани, которую Арвад должен был платить Египту. Точная дата папируса с упоминанием этого раба неизвестна, но полагают, что он относится к правлению фараона Сети II (Helck, 1962, 365), т. е. уже ко второй половине XIII в. до н. э. Конечно, возможно, что подчинение Арвада произошло в результате походов Сети I или Рамсеса II, о которых речь пойдет позже, но эти походы едва ли вели к расширению сферы египетского господства, по-видимому, лишь к неполному восстановлению прежней сферы влияния. Поэтому можно полагать, что зависимость Арвада от Египта возникла в ходе походов Тутмоса III.

Если Арвад был самым северным крупным городом Финикии, то самым южным был Акко. Археоло-

гические раскопки показали, что сначала в этом районе ведущим был другой центр — Кабри, но около 1600 г. до н. э. на первый план выдвигается Акко, обладавший хорошим портом, который позволял ему непосредственно связываться и с Египтом (Kem-pinski, 1997, 329). В районе Акко было найдено значительное количество микенской керамики (Stub-bings, 1951, 78—82). Вероятно, этот город являлся центром, связывающим заморские страны с северной частью Палестины.

Кроме этих городов, в Финикии существовали и другие, более мелкие. Такими были Ирката, в которой имелся собственный царь (ЕА, 75, 25), Ардата, Улацца и Цумур. Последний являлся «царским городом»: в нем стоял египетский гарнизон (ЕА, 76, 35—36) и находился египетский глава «провинции» Амурру (Helck, 1962, p. 258, 313—314). Поэтому своего царя в этом городе не было, а внутреннее самоуправление осуществляли «великие» (ЕА, 157, 11—12), т. е. городской совет, состоявший из городской знати. Остальная территория Финикии была разделена между местными царствами, признававшими верховную власть египетского фараона. Библский царь Рибадди в каждом своем письме к фараону пишет, что власть тому дала главная библская богиня Баалат-Гебал. В надписях следующего тысячелетия эта богиня будет считаться уже источником власти самого царя Библа. Видимо, и до подчинения Египту библский царь считал, что его облекла царственностью главная богиня города. Теперь же она отдает власть египетскому владыке, а это автоматически ставит местного правителя в подчиненное положение, что и подчеркивает библский царь в своих письмах.

Глава каждого такого царства в глазах фараона был лишь «правителем» города (напр., ЕА, 89, 41). В

своих письмах фараону они себя униженно называли его слугами, но сами себя и в обращении в письмах именовали царями. Так, царь Библа говорит о царях Берита, Сидона и Тира (ЕА, 92, 32—34). Под властью такого царя находился не только город, давший название царству, но окрестные территории и другие города. Рибадди называет их «мои города» (ЕА, 69, 15—20). Одни из этих городов находились в горах, другие — на морском берегу (ЕА, 74, 19—20). Видимо, так обстояло дело и у других финикийских царей. Уже говорилось, что Тиру принадлежал Ушу. Страбон (XVI, 2, 12) говорит о части материкового побережья, принадлежащей Арваду. Это данные уже позднего, эллинистическо-римского времени, но, судя по описанию географа, в Арваде на самом острове не было даже хорошей якорной стоянки, так что порт этого города располагался на материке в городе Карне. Едва ли географические условия за прошедшие тысячу лет изменились столь радикально. Поэтому можно думать, что и во II тысячелетии до н. э. Арвад имел какую-то часть земель на материке, хотя конкретные размеры и границы его материковой территории могли меняться. Учитывая значение леса как экспортного товара Финикии, можно полагать, что каждый царь стремился обеспечить себе владение какой-то частью склонов хребта Ливан, поросших лесом. Явно именно там располагались горные города библского царя.

Арвад, может быть, занимал несколько особое положение, по крайней мере во времена Аменхотепа III и его сына Эхнатона. Как уже говорилось, в амарнской переписке нет писем из Арвада или в Арвад. Но все же сам город упоминается неоднократно. Однако нигде не говорится о царе Арвада, но всегда упоминаются только «люди Арвада», т. е. граждане.

Особенно важно в этом отношении письмо тирского царя Абимилки, где говорится о союзе между царем Амурру Азиру, царем Сидона Зимридой и «людьми Арвада» (EA, 149—60). Последние выступают стороной, равноправной царям. Означает ли это, что Арвад был не царством, а городской республикой? Это вполне возможно, даже если какие-либо современные этому периоду аналогии отсутствуют. Позже, уже в I тысячелетии до н. э., в Арваде несомненно были цари. Так что, может быть, в какой-то период во время бурных событий XIV в. до н. э. здесь некоторое время существовал республиканский строй.

Степень автономии финикийских царств была, видимо, довольно значительна. Египетские власти не вмешивались в их внутренние дела. По-видимому, и их взаимоотношения тоже находились вне жесткого контроля египетского суверена и его наместников, но крайней мере, пока они не угрожали непосредственным интересам египетского правительства. Последнее, разумеется, сурово каралось: недаром финикийские цари в своих письмах фараону и его наместникам своих врагов представляли прежде всего как мятежников против египетского владыки.

Египетская власть в Финикии, установленная Тутмосом III, оставалась достаточно прочной и при его непосредственных преемниках. Однако уже при правнучке великого завоевателя Аменхотепе III и особенно при его сыне Эхнатоне (Аменхотепе IV) она вступила в полосу кризиса.

ГЛАВА 3

КРИЗИС ЕГИПЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В 1887—1888 гг. во время раскопок египетского холма Тель-Эль-Амарна, под которым скрывалась столица Эхнатона город Ахетатон, было найдено большое количество глиняных табличек преимущественно на аккадском языке (со значительными ханаанейскими вкраплениями), который тогда был языком международных сообщений. Позже при раскопках количество табличек увеличилось. Эти таблички оказались письмами, которые были направлены в канцелярию фараона (и частично из нее) как равноправными иностранными, так и подчиненными царьками и городами. Эти письма известны под названием амарнской переписки, и они хорошо воспроизводят обстановку, сложившуюся в Передней Азии в последние годы правления Аменхотепа III, в годы Эхнатона и в первое время после его смерти. Из этих писем ясно, что египетское господство в Палестине и Сирии (включая сиро-финикийское побережье) начало переживать острый кризис.

Долгие и тяжелые войны, ареной которых являлось Восточное Средиземноморье, дань, которую приходилось выплачивать Египту и основная тяжесть

которой ложилась, естественно, на население, — все это ухудшало положение «низов». Многие жители бежали из городов и их окрестностей в горы, поросшие зарослями, где их трудно было обнаружить. Так возникла своеобразная полиэтническая общность — хапиру. Хапиру образовывали свои общины, порой поступали на службу к тем или иным царям, были вольными людьми, особенно ненавидевшими египетскую власть и ее прислужников. Как отдельная общность, воспринимаемая в качестве определенной этнической единицы, хапиру появляются уже во времена Аменхотепа II, сына Тутмоса III, который среди приведенных им из Сирии пленных упоминает и 3600 хапиру (ANET, 247).

Во времена Аменхотепа III во главе хапиру встал некий Абдиаширта, который создал собственное государство Амурру, и базой его стала северная часть Ливана. Абдиаширта клялся фараону в своей верности, уверяя, что сохраняет страну Амурру для него (EA, 60, 6—9), видимо, поэтому он и был утвержден фараоном в качестве главы Амурру (EA, 101, 30—31), но довольно скоро начал захват городов средиземноморского побережья. В своем стремлении укрепиться на этом побережье Абдиаширта пытался использовать противоречия между городами. Общее подчинение египетской власти не уменьшило ожесточенного соперничества городов и их правителей. По-видимому, уже Абдиаширта сумел привлечь на свою сторону Арвад. После смерти Абдиаширты этот город сохранил имущество покойного, которое передал его сыновьям (EA, 105, 19—20). Это, конечно, было возможно только в том случае, если обе силы — глава Амурру и город Арвад — находились в дружеских отношениях. Там, где Абдиаширта не мог привлечь на свою сторону правительство города, он

использовал социальную демагогию, призывая население восстать и убить своих правителей. Так, по словам библского царя Рибадди, Абдиаширта призвал жителей Аммии: «Убейте своего правителя, и тогда будете, как мы, и будете иметь покой!» (ЕА, 74, 25—27). Призыв Абдиаширты пал на подготовленную почву. «Низы» города, угнетаемые собственными властями и египетским господством, с удовольствием последовали этому призыву и убили своего господина (ЕА, 75, 33—34).

Важной целью Абдиаширты стал Цумур, бывший, как уже говорилось, непосредственным владением фараона в этом районе. И даже захватив этот город, Абдиаширта оправдывался тем, что он якобы освободил его от занявших его врагов (ЕА, 62, 9—38). После захвата Цумура Абдиаширта овладел и другими городами этого района. В результате владения Абдиаширты не только вышли к морю, но и включили в себя плодородную долину и один из наиболее удобных проходов от побережья во Внутреннюю Сирию.

Но на этом Абдиаширта не успокоился. Его целью стал Библ, основной пункт связи Передней Азии с Египтом (ЕА, 68, 10—14). Библский царь Рибадди пытался сопротивляться, но неудачно. Абдиаширта сумел поднять против него ряд городов, которые перешли на сторону Амурру (ЕА, 69, 16—27), так что под властью Рибадди остались только сам Библ и город Бируна, или Батруна (ЕА, 81, 8—10). Но и в последнем Рибадди не смог удержаться. Абдиаширта возбудил жителей Бируны против царя, и они присоединились к хапиру (ЕА, 89, 11—14). Библский царь попытался найти поддержку в Тире. Его расчет строился на том, что тирский царь был женат на его сестре. (Иногда предполагают, что Рибадди пошел на за-

ключение этого брака именно в это время, дабы обеспечить свой тыл от нападений Абдиаширты, но это едва ли вероятно, так как есть упоминание о детях тирской царицы, следовательно, брак существовал относительно давно.) Но попытка тирского царя выступить против Абдиаширты стоила ему не только трона, но и жизни, ибо тирийцы восстали и убили самого царя, его жену и детей (ЕА, 89, 17—21). Практически Библ был окружен врагами со всех сторон. Рибадди неоднократно посылал фараону и его наместнику отчаянный крик о помощи (напр., ЕА, 71; 74; 75 и др.). Он ждал египетских войск, но фараон решил справиться с азиатскими делами руками самих азиатов и приказал царям Берита, Сидона и Тира помочь Рибадди (ЕА, 92, 32—36). Однако эти цари фактически отказались подчиниться приказу (ЕА, 92, 39—40). Не ясно, был ли этот приказ отдан до переворота в Тире или после него. В любом случае, ясно, что практически вся Финикия, кроме самого города Библа, оказалась либо под властью Абдиаширты, либо в союзе с ним.

Чтобы обеспечить свой тыл, Абдиаширта пошел на союз с царями Митанни и Вавилона (ЕА, 76, 14—16). Рибадди в своем письме к фараону обвиняет Абдиаширту в том, что эти цари захватили египетские владения. Если это не преувеличение отчаявшегося библского царя, то можно сделать вывод, что Абдиаширта не только заключил союз с царями Митанни и Вавилона, но и признал их верховную власть. Возможно, именно это обстоятельство возмутило Египет, и то ли еще Аменхотеп III в свои последние годы, то ли уже Эхнатон в начале своего царствования направляют на побережье значительные силы, что решительно изменило положение. Египтяне отбили у Абдиаширты Цумур и другие города вблизи него.

Это, по-видимому, заставило и финикийские города, находившиеся в союзе с Абдиаширтой, вновь подчиниться Египту. При таких обстоятельствах и сам Абдиаширта сходит со сцены. К власти в Амурру пришли его сыновья (обо всех этих событиях см.: Дьяконов и др., 1988, 245—248; Knudtson, 1907—1908, *passim*; Weber, 1908, 1128—1203; Helck, 1962, 174—178; Katzenstein, 1973, 28—32; Klengel, 1969, 247—258; Klengel, 1992, 160—161; Goetze, 1975, 10—11; Aldred, 1975, 83—84).

Скоро среди сыновей Абдиаширты выделился самый энергичный — Азиру. В начале его правления территория Амурру была, вероятно, сведена к тем размерам, какие она имела до начала завоеваний Абдиаширты. И Азиру поставил своей задачей восстановить прежнее могущество Амурру. К этому времени ситуация в Восточном Средиземноморье изменилась. Хетты перешли в наступление на Сирию и нанесли тяжелый удар митаннийцам. Митаннийское господство в Сирии было сломлено, и большинство местных царей предпочло подчиниться хеттскому царю Суппилулиумасу I. Хеттские владения распространились до Ливана, в результате чего под власть хеттского царя перешла и часть египетских владений (Дьяконов и др., 1988, 144—148). На средиземноморском побережье власть Суппилулиумаса I признал царь Угарита (Goetze, 1975, 15). Важно то, что сфера хеттского господства теперь стала непосредственно граничить с Амурру, и его правитель должен был учитывать это обстоятельство в своей политике. Враждебность хеттов по отношению к Египту позволяла ему использовать эти противоречия в свою пользу. Другое обстоятельство заключалось в том, что фараон Эхнатон, увлеченный своей религиозной реформой, мало обращал внимания на дела в

Азии (Перепелкин, 1988, 515), и это резко расширяло возможности экспансии Амурру на финикийском побережье.

Азиру пошел по пути отца. Целью его экспансии в первую очередь стали те же города побережья, которые привлекали и внимание Абдиширты. И он также развернул социальную демагогию, в результате чего произошли восстания в Иркате, Аммии, Ардате, жители которых убили своих царей и городскую верхушку (*gaba* — «великих») и присоединились к Азиру (ЕА, 140, 10—14). Азиру овладел и некоторыми другими городами и развернул наступление на Цумур. Арвад, который уже до этого был, видимо, союзником Амурру, теперь стал активно помогать Азиру. Его флот осадил Цумур с моря, в то время как армия Амурру осаждала город с суши (ЕА, 105, 11—13). Понимая, что Азиру, как и его отец, не ограничится этим районом побережья, а начнет затем наступать к югу с целью сокрушить главный оплот египетского влияния — Библ, Рибадди послал часть своего флота на помощь осажденному Цумуру, но его корабли были перехвачены арвадскими судами. Неудачна была и вторая попытка библского царя помочь осажденному Цумуру. На этот раз посланная им помощь была перехвачена кораблями Тира, Берита и Сидона (ЕА, 114, 10—13). Цари этих городов, видя превосходство сил Амурру и, возможно, имея перед собой пример царей Иркаты, Аммии и Ардаты, предпочли присоединиться к Азиру (ЕА, 103, 17; 106, 18—20; 114, 14). Так что практически только один Библ остался верен фараону. Враждебные фараону силы после осады овладели Цумуром. Вероятно, город был взят после упорных боев, во время которых он был в значительной степени разрушен: недаром Эхнатон требовал от взявшего этот город Азиру восстановить его

(ЕА, 160, 26—28). Видимо, в ходе боев погиб и египетский наместник, чьей резиденцией был Цумур (ЕА, 106, 22; 132, 45—46). Азиру фактически восстановил все владения своего отца.

Рибадди не ошибся: Азиру действительно не ограничился захватом Цумура и его окрестностей, а начал движение на юг. И, как во времена Абдиаширты, основной целью правителя Амурру стал Библ. Бороться с Азиру собственными силами библский царь не мог, а все отчаянные призывы к фараону были тщетны. Очень скоро Рибадди потерял все свои владения, и в его руках остался только сам город Библ (ЕА, 126, 37—38). Потеря этих владений привела к тому, что невозможно стало обрабатывать поля, и люди хушшу, о которых пойдет речь дальше, стали покидать царя. Имущество граждан, находившееся, вероятно, вне стен города, перешло в руки Азиру и его людей (ЕА, 138, 36—38), что вызвало всеобщее недовольство. В самом Библе возникла сильная группировка, прежде всего «люди Библа» (*amelut^{al}gubla*), требовавшая от Рибадди заключить союз с Азиру, и к которой примкнули члены семьи самого царя, включая его жену (ЕА, 136, 8—13). Рибадди пытался силой подавить недовольство, что ему не удалось (ЕА, 138, 39—43). Неудачной осталась и еще одна попытка получить военную помощь от фараона, чем и воспользовался младший брат Рибадди. Он произвел переворот, в результате которого Рибадди был свергнут и бежал из Библа (ЕА, 137, 16—17) в Берит, где нашел временный приют у царя Хамунири.

Оказавшись в Берите, Рибадди не смирился с поражением. Он попытался заключить союз с беритским царем (ЕА, 138, 53) и получить все же помощь от фараона, соблазняя его богатствами Библа (ЕА, 137, 59—82; 138, 133—134). Рибадди отправил в Еги-

пет сына с отчаянной просьбой прислать воинов, а не дождавшись его, послал туда же специального вестника. Но все было напрасно. Если Эхнатон и пытался как-то вмешаться в дела Сирии (ср.: ЕА, 162, 1—18), то это было, скорее, дипломатическое вмешательство, но никак не военное. Между тем в самом Библие положение было довольно сложным. Сам Рибадди утверждал, что большинство населения Библиа поддерживает его и в случае прихода египетских войск возвратит ему трон (ЕА, 137, 46—51). В какой-то степени это утверждение подтверждается письмами, посланными неким Илирабихом и гражданами Библиа фараону (ЕА, 139; 140), в которых отправители, как и Рибадди, умоляют фараона прислать войска для спасения города от Азиру. Неизвестно, присоединился ли Библи после переворота к Амурру, но ясно, что опорой египетской власти на побережье он быть перестал. Что же касается Рибадди, то его надежды на союз с беритским царем Хамунири не оправдались. Хамунири не решился противопоставить себя Азиру, и свергнутый библиский царь был вынужден перебраться из Берита в Сидон, откуда он пытался уехать в Египет, но вскоре погиб, возможно, в результате народного выступления, спровоцированного Азиру (ЕА, 162, 9—19).

По-видимому, после этих событий Азиру принял титул царя. Еще в своих последних письмах Рибадди говорил о сыновьях Абдиаширты. В более же поздних речь идет уже только об одном Азиру, который теперь явно рассматривался как единственный правитель Амурру. Потомки именно Азиру, а не его отца, считали основателем царской династии (Klengel, 1992, 165). Самого Азиру фараон называет так же, как и царей подчиненных городов — «человек Амурру» (ЕА, 162, 1; ср. ЕА, 141, 4: царь Берита Хамунири — «чело-

век Бэрига»). Это, по-видимому, свидетельствует о признании фараоном царского титула Азиру или его равного положения с другими подчиненными царями. Хотя Азиру довольно агрессивно действовал на территории, подконтрольной фараону, рвать с египетскими властями не хотел. В своих письмах фараону он представляет себя верным слугой египетского царя и начинает их (ЕА, 156—157, 159—161) со стандартных формул унижения перед властителем. Даже явную агрессию — захват Цумура, непосредственно подчиненного египетским властям, — Азиру пытается оправдать недоброжелательством «великих», возглавлявших город (ЕА, 157, 10—11).

Одновременно Азиру старался поддерживать хорошие отношения и с хеттским царем, выступавшим в то время главным врагом Египта в Азии и вытеснявшим египтян из их азиатских владений. Дело дошло до признания царем Амурру хеттского царя своим верховным господином (ANET, 529—530), так что теперь у Азиру оказалось сразу два господина, враждебных друг другу, между которыми он умело лавировал (Liverani, 1983, 93—121).

По-видимому, под непосредственной властью Азиру оказалась вся северная часть Финикии вплоть до Библа, кроме Арвада. Под его контролем находились важнейшие пути, связывающие побережье с Внутренней Сирией, а также плодородная долина Аккар. Это делало Амурру доминирующей силой региона. Столицей своего государства он сделал, вероятно, Цумур, до этого являвшийся центром египетской провинции Амурру (Stieglitz, 1991, 45—48). К югу от собственных владений Азиру в союз с ним вступил царь Сидона Зимридда. Между Амурру, Сидоном и Арвадом был заключен союз, направленный в первую очередь против Тира (ЕА, 149, 57—61). Воз-

можно, что к этому союзу присоединился и царь Бери́та (ср.: ЕА, 155, 67—68). А это означало, что практически вся Финикия, кроме Тира, в той или иной форме подчинилась царю Амурру.

После свержения Рибадди, вероятно, Тир остался единственным финикийским городом, верным фараону. Неизвестно, что произошло в нем после переворота, приведшего к власти узурпатора. Абимилки, письма которого к фараону сохранились в амарнской переписке, был, по-видимому, членом прежней династии, вернувшейся на трон. В очень сложной обстановке, сложившейся на сиро-финикийском побережье, Эхнатон сделал, видимо, ставку на Тир, надеясь с помощью его царя укрепить там свою шатающуюся власть. Между Тиром и египетским двором сложились какие-то отношения, не похожие на отношения с другими городами. Так, фараон назначил Абимилки рабицу, чем раньше был наделен глава египетской «провинции», и поручил ему сообщать о всех делах в Ханаане и его окрестностях, что тирский царь с удовольствием и делал (ЕА, 148 и другие письма). Возможно, такое положение Тира не устраивало Азиру, но, не решаясь на этот раз по каким-то причинам открыто выступить против оплота египетской власти на побережье, он решил действовать руками своего союзника сидонского царя.

Сидон и Тир явно были соперниками, и теперь сидонский царь решил воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы нанести своему конкуренту решительный удар. Не имея египетской военной поддержки, Тир потерпел поражение. Правда, сам Тир сидоняне захватить не смогли, но они завладели материковым городом Ушу, что лишило Тир пресной воды, леса, игравшего важную роль в повседневной жизни тирийцев и в их экспорте, и даже земли для

погребения, ибо малые размеры островков не позволяли тирийцам иметь на них некрополь. Все сохранившиеся письма Абимилки фараону — это отчаянная просьба о помощи, дабы вернуть Ушу Тиру (ЕА, 146—155). Отчаявшись иными способами добиться помощи от египетского правительства, Абимилки пошел на необычный шаг: он объявил свой город владением старшей дочери Эхнатона Меритатон и себя ее слугою (ЕА, 155; Albright, 1975, 102), надеясь, что это заставит фараона оказать ему помощь (ЕА, 155, 59—61). Вероятно, это было в последние годы правления Эхнатона, когда при египетском дворе усилилось влияние Меритатон, а ее муж Сменхкара был официально объявлен соправителем фараона (Кацнельсон, 1976, 14—15). Помогло ли это Абимилки, сказать трудно. Эхнатон якобы собирался послать армию и флот, чтобы восстановить или укрепить шатающуюся власть, и местные цари выражали, по крайней мере, на словах, свою готовность принять войска фараона. Об этом сообщали в своих письмах цари Берита и даже Сидона, который на деле уже предпочитал союз с Амурру (ЕА, 142, 25—30; 144, 18—21). Сидонский царь даже надеялся с египетской помощью вернуть себе потерянные в результате действий хапиру некоторые владения (ЕА, 144, 26—32). Но никаких следов военной помощи египтян не обнаружено.

Вместо военного похода Эхнатон предпринял дипломатические действия. Обеспокоенный действиями Азиру, который на словах выражал всяческое почтение, а на деле все меньше считался с фараоном и совершал все более самовольные действия, Эхнатон стал требовать его прибытия в Египет (ЕА, 162). Видимо, такое прибытие считалось знаком покорности. Азиру, опасаясь не только за свою власть, но и

жизнь, в то же время не желая полностью рвать с Египтом, всячески отговаривался от этой поездки, ссылаясь на грозящую в таком случае войну с хеттами и другими соседями (ЕА, 162; 165, 16—22). Эхнатон, видимо, не хотел вступать в открытую конфронтацию с Азиру и пошел ему навстречу, разрешив отложить поездку на год (ЕА, 162, 46—47). Но и через год Азиру так и не прибыл к фараоновскому двору, и Эхнатон почти ультимативно потребовал приезда его или сына в Ахетатон (ЕА, 162, 48). Такое настойчивое стремление фараона добиться прибытия царя Амурру вызвало интриги при дворе последнего, и определенную роль в них играл сын Азиру. Именно его усилия привели в конечном итоге к поездке Азиру в Египет. Враги принца распространили слух, что тот за золото продал своего отца (ЕА, 169, 18—23): видимо, египетское золото действительно сыграло свою роль в решении этого вопроса. Сколько продолжалось пребывание Азиру в Египте, неизвестно, но ясно, что достаточно долго, и этим воспользовались его враги (ЕА, 169, 29—33). По-видимому, Азиру сумел убедить фараона, что сумеет удержать египетские владения, поэтому и был отпущен. И Амурру, и города побережья, находившиеся вне непосредственных владений Азиру, действительно официально оставались под египетским контролем, но реально власть фараона была там довольно слаба (об этих событиях см.: Дьяконов и др., 1988, 248—250; Knudtzon, 1907—1908, *passim*; Weber, 1908, 1203—1276; Helck, 1962, 178—183; Katzenstein, 1973, 32—44; Klengel, 1969, 264—286; Klengel, 1992, 107—110, 161—165; Goetze, 1975, 12—15; Aldred, 1975, 84).

В Египте после смерти Эхнатона наступил довольно смутный период. Трудно сказать, правил ли Сменхкара самостоятельно или он умер соправите-

лем Эхнатона еще до смерти последнего. Второй зять покойного Эхнатона юный Тутанхамон, окончательно ликвидировавший религиозную реформу своего тестя, самостоятельно практически править не мог. За его спиной стояли царедворцы Эйя и Хоремхеб. Последний был видным и способным полководцем и решил восстановить египетскую власть в Азии. Он совершил поход, не давший реальных результатов, но в Египет было приведено большое количество пленных. Позже Хоремхеб стал фараоном и повторил поход, который был действительно победоносным. Египетские войска вторглись даже в Малую Азию и заставили хеттского царя Мурсилиса II заключить с Хоремхебом договор. В списке городов и стран, побежденных Хоремхебом, финикийские города и царство Амурру отсутствуют. Вероятно, они и так формально считались подчиненными. Цари Амурру после некоторых колебаний оставались верными хеттскому царю, и даже когда некоторые сирийские правители восстали против хеттов, они не присоединились к ним (ANET, 203). Внук Азиру Дуппи-Тешуб возобновил договор с хеттским царем, подтверждая свое подчинение (ANET, 203—205). Позже фараон Сети I включил Тир в число завоеванных им городов (ANET, 243). Возможно, это означает, что до этого Тир был независимым (Katzenstein, 1973, 46—47). Но неизвестно, когда и каким образом он освободился от египетской власти. Именно период после смерти Эхнатона стал временем наиболее активных связей восточносредиземноморского побережья с Эгеидой (Katzenstein, 1975, 47; Stubbings, 1951, 75—82). По-видимому, египтяне уже не имели сил реально господствовать над этим регионом, а хетты, удовлетворившись признанием своего господства царями Амурру, не пытались распростра-

нить свою власть на города побережья к югу от границ Амурру. Во всяком случае, среди тех воинов, которые сражались под хеттскими знаменами в битве при Кадеше, финикийцев не было (хотя были угаритяне) (Helck, 1962, 205—206).

Положение изменилось, когда на египетском троне оказались воинственные фараоны XIX династии. Сети I, пришедший к власти после короткого правления своего отца Рамсеса I, предпринял большой поход. Его целью было, вероятнее всего, не вытеснение хеттов из захваченных ими районов Сирии, а восстановление египетской власти в Финикии и Палестине (Helck, 1962, 200). Этой цели поход достиг. Среди городов, завоеванных Сети I, упоминаются самый южный финикийский город Акко, а также Тир, Ушу и Улацца (ANET, 242—243). Ушу при этом был, по-видимому, окончательно присоединен к Тиру (Katzenstein, 1973, 49). Улацца, расположенная между Библом и Цумуром, была, видимо, самым северным пунктом, какого достигла армия Сети I. Ни Библ, ни Сидон, ни другие крупные города к югу от Улаццы (кроме Тира) в списке покоренных городов финикийского побережья не упоминаются, в то время как города южнее Улаццы явно подчинялись Египту. Возможно, что они и до походов Сети I признавали власть фараона.

Сын Сети Рамсес II поставил своей целью восстановить египетскую власть в Сирии в прежних размерах, т. е. вытеснить хеттов из этой страны. Театр военных действий располагался вне побережья, но оказывал на него решительное влияние. Многолетние военные действия завершились договором, который привел к разделу Сирии и Финикии между двумя державами. Большая часть финикийских городов осталась в сфере египетского влияния и даже господства

(Helck, 1962, 230—231). Папирус Анастаси I, написанный в конце XIII в. до н. э., называет Цумур городом Сесси, т. е. Рамсеса II (ANET, 477). Это свидетельствует о новом присоединении Цумура к Египту (Helck, 1962, 328), причем, как и раньше, когда он был центром египетской «провинции», этот город был подчинен не местному царьку, а непосредственно фараону. Вероятно, в отличие от своего отца Рамсес распространил свои завоевания и на Амурру. С захватом Цумура египтяне, по-видимому, отрезали Амурру от моря. В этом папирусе Амурру не упоминается. Видимо, египетские власти уже не рассматривали это государство как часть своей державы.

Цумур в это время являлся важным дорожным узлом, от которого шли пути в разных направлениях как в египетскую, так и в хеттскую зону. Один из этих путей шел вдоль моря на юг. Папирус перечисляет прибрежные, т. е. финикийские, города: Библ, Берит, Сидон, Сарепту, Ушу, Тир, «Лестницу Тира» (т. е. перевал недалеко от города), Акко (ANET, 477). Характерно, что в этом списке, при всей его относительной подробности, нет ни Улаццы, ни Иркаты, ни других северофиникийских городов, игравших значительную роль в предшествующее время. По-видимому, в ходе бурных событий, связанных с возвышением Амурру, эти города если и не исчезли, то потеряли значительную долю своего прежнего значения.

Но время египетского, как и хеттского, преобладания в Передней Азии неумолимо шло к концу.

ГЛАВА 4

ЭТНИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И СУДЬБА ФИНИКИИ

Около 1200 г. до н. э. вся восточная часть Средиземноморья претерпела значительные изменения. Экономика бронзового века уже не обеспечивала нужды населения, даже развитые страны пришли в упадок. Этот период совпал к тому же с вторжением в Переднюю Азию «народов моря» и «народов степи». В поисках лучшей жизни они обрушились на страны восточного Средиземноморья, что привело к заметным политическим и этническим изменениям.

Впервые с ними столкнулся фараон Мернептах, сын Рамсеса II, когда они вместе с ливийцами пытались прорваться в долину Нила, но были с трудом отбиты египетской армией. Приблизительно через тридцать лет, когда в Египте царствовал уже Рамсес III, второй фараон XX династии, на пятом году его правления «народы моря» снова напали на Египет, но фараону опять удалось отбить этот натиск. Однако эти нападения, вероятно, грабительские, были лишь прелюдией к последнему и самому мощному, относяще-

муся к восьмому году правления Рамсеса III. Нападавшие происходили, вероятнее всего, с островов Эгейского моря, но двигались не только по морю, но и по суше. Судя по изображению на египетском рельефе, вместе с воинами-мужчинами двигались женщины и дети (Holbl, 1983, 132), так что на этот раз речь шла не о грабительском походе, а о переселении целых народов, первоначально, по-видимому, связанных с Балканским полуостровом и островами Эгейского бассейна (Гиндин, Цымбурский, 1996, 146—147). Египет не был первым объектом их нападений. В рассказе о победе Рамсеса III над «народами моря» говорится, что ко времени нападения на Египет перед их оружием не устояла ни одна страна: они разрушили Хатти, Коде, Кархемыш, Арцаву, Алашию и разбили свой лагерь в Амурру (ANET, 262). Это указывает ареал действий «народов моря»: Кипр, Малая Азия, Северо-Восточная Сирия, царство Амурру в непосредственной близости от Финикии. Рамсес III сумел организовать защиту Египта со стороны Палестины и отразить нападение, после чего коалиция этих народов распалась (ANET, 262—263). Но власть Египта в Азии была утрачена (Helck, 1962, 240—252).

Нашествия «народов моря» были составной частью общего мощного движения народов, изменившего этническую и политическую карту всего восточносредиземноморского региона. На Балканском полуострове погибли государства Микенской Греции, и история Греции пошла по совершенно иному пути, хотя многие традиции предшествующего времени сохранились (Фролов, 1988, 57—61). Частью этих событий была, вероятно, знаменитая Троянская война, завершившаяся разрушением Трои. Народы, вторгшиеся в Малую Азию, около 1200 г.

до н. э. ликвидировали Хеттское царство и другие, зависимые от него государства (Goetze, 1975, 266; Гиндин, Цымбурский, 1996, 132—184). В центральной части Малой Азии, где, собственно, находилась Хеттская держава, почти не осталось следов ее существования. Поселившиеся на ее территории фригийцы ни по языку, ни по культуре, ни по традициям не имели с хеттами ничего общего (Дьяконов, 1980, 357—377; Akurgal, 1983, 75—76). Хеттские традиции в большей степени удержались на востоке и юго-востоке Малой Азии и частично в Северной Сирии, где ранее зависимые территории превратились в самостоятельные так называемые неохеттские государства, официально продолжавшие связывать себя с прежней великой державой (Hawkins, 1982, 372—373). Но ни о каком хеттском господстве в Сирии, естественно, не могло быть и речи.

На своем пути в Египет «народы моря» уничтожили царство Амурру. Уже на пятом году правления Рамсеса III царь Амурру, по словам египетского источника, «стал пеплом», имя его исчезло, а народ Амурру был захвачен и рассеян. В рассказе о событиях восьмого года, как уже говорилось, упоминается, что пришельцы разбили свой лагерь в Амурру. После этих событий царство Амурру перестало существовать, а название «Амурру» стало прилагаться к обширным районам Сирии или вообще территориям к западу от Месопотамии (Singer, 1991, 74; Klengel, 1992, 184). Сохранилось и название «Хатти», но оно тоже стало обозначать не прежнюю великую Хеттскую державу, а либо сравнительно небольшие «неохеттские» царства, либо Сирию (иногда вместе с Палестиной) вообще.

Севернее Амурру исчез город Угарит. Вероятно, укрепление «народов моря» на Кипре принесло с со-

бой угрозу морским путям, что наносило серьезный ущерб такому важному центру морской торговли, как Угарит. Вероятнее всего, город погиб в результате землетрясения незадолго до 1180 г. до н. э. или несколько раньше (Шифман, 1987, 10; Lehman, 1983, 88—91; Klengel, 1992, 183), после чего уже не возродился. Несколько южнее Угарита в месте, ныне называемом Рас Ибн Хани, был разрушен летний дворец угаритских царей, а на его месте вскоре возникло небольшое поселение какой-то группы «народов моря» (Lehman, 1983, 92; Klengel, 1992, 183). Видимо, воспользовавшись природной катастрофой, пришельцы высадились на территории Угаритского царства и окончательно покончили с ним. Больше этот район уже не возродился в качестве самостоятельной политической единицы.

Северные районы Финикии, по-видимому, тоже пострадали от вторжений «народов моря». Раскопки в Сукасе, Цумуре и Иркате показали, что эти города подверглись сильным разрушениям (Barnett, 1975, 375; Klengel, 1992, 183—184). И хотя продолжали существовать, той значительной роли, какую они играли в предшествующее время, не вернули.

Что касается более южных районов, то там картина была совершенно иной. Судя по скудным археологическим данным и намекам египетских источников, «народы моря» обошли основную территорию Финикии или там не задерживались (Vaux, 1969, 488, 498; Rollig, 1982, 16; Muller-Karpe, 1989, 19; Stieglitz, 1990, 9—11; Negbi, 1992, 601—603). Может быть, одной группой «народов моря» был разрушен Сидон, но это произошло несколько позже и в других обстоятельствах, к чему мы вернемся немного позже. Можно говорить, что в основной части Финикии не произошло катастрофических изменений.

Там местное население продолжало жить прежней жизнью.

Как уже говорилось, коалиция «народов моря» после неудачного вторжения в Египет распалась. Два народа, входивших в нее, обосновались на побережье Палестины. Это были филистимляне (пелешет), по имени которых страна получила свое название, и чекеры. Эти народы вышли, вероятно, с Балканского полуострова и принесли с собой ряд черт позднемикенской культуры (Гиндин, Цымбурский, 1996, 146—148). В Палестине филистимляне поселились в пяти городах, в том числе в Аскалоне и Газе, а чекеры — севернее их — в Доре. Произошло это сравнительно скоро после поражения от египтян. Уже на двенадцатом году своего правления Рамсес III имел дело с чекерами, поселившимися на прибрежной равнине Палестины (Holbl, 1983, 138). Филистимляне, обосновавшиеся в Аскалоне, напали на Сидон и изгнали его жителей (Iust. XVIII, 3, 5). Упоминание царя аскалонитов ясно говорит о том, что это событие произошло уже после неудачи нападения на Египет и обоснования в Палестине (Vaux, 1969, 487).

Помпей Трог, произведение которого сократил Юстин, связывает изгнание сидонцев с основанием ими Тира. Античный историк дает и дату этого события — за год до Троянской катастрофы. Когда бы реально ни была разрушена гомеровская Троя, в эллинистической историографии утвердилась дата Троянской войны — 1194—1184 гг. до н. э. Следовательно, Трог относит падение Сидона и основание Тира приблизительно к 1195 г. до н. э. Иосиф Флавий (Ant. Iud. VIII, 3, 1) отмечает, что иерусалимский храм был построен Соломоном через 240 лет после основания Тира. По библейским данным (I Reg. VI, 1), этот храм был завершён на одиннадцатом году правле-

ния Соломона, что указывает на дату основания Тира — 1194 г. до н. э. Такое совпадение сведений двух совершенно независимых источников не может быть случайностью. Свои сведения о еврейской истории Иосиф Флавий черпал преимущественно из Библии, хотя и вносил порой некоторые дополнительные штрихи, так что его источником можно смело считать еврейскую традицию. А судя по многочисленным библейским данным, древние евреи были относительно тесно связаны с финикийцами, особенно тирийцами. Что касается Помпея Трога, то этот историк старался там, где это было возможно, использовать в первую очередь местную традицию. Чтобы не выходить за пределы Передней Азии, можно говорить об изложении этим автором истории иудеев (XXXVI, 2—3), которая довольно явно восходит в конечном итоге к библейским данным. Именно местная традиция лежала в основе рассказа Трога об основании Карфагена (Шифман, 1963, 39—41). Именно в начало этого рассказа вставлено указание на основание Тира сидонскими беглецами. Страбон (XVI, 2, 13) также считает, что Арвад основали сидонские изгнанники, не сообщая о времени его основания. Свои источники географ не называет, отмечая обобщенно — «как говорят». Сходство с сообщением об основании Тира может свидетельствовать об отнесении этого события к тому же времени. Наконец, надо отметить, что раскопки показали, что именно в начале XII в. до н. э. филистимляне заново основали Аскалон, который до этого, несомненно, существовал, но был, вероятно, разрушен филистимлянами (Encyclopedia, 1975, 108, 125). Все это не позволяет отбросить столь настойчивую традицию, хотя, как мы уже видели, и Тир, и Арвад, несомненно, существовали задолго до конца II тысячелетия до н. э.

Полагают, что традиция Трога — Юстина отражает сидонскую традицию (Шифман, 1981, 104). В какой-то степени это подтверждается утверждением в том же рассказе (XVIII, 3, 4), что Сидон был древнейшим городом Финикии, а также легендой одной из сидонских монет, где город был назван «матерью Карфагена, Гиппона, Кития и Тира» (Honigman, 1923, 2217). Все это свидетельствует о претензии сидонян на основание не только Тира, но и ряда его колоний. И все же только этим ограничиться едва ли возможно.

Рассказ Трога, к сожалению, сохранился только в чрезвычайно сжатом пересказе Юстина, но и в таком виде он дает интересные детали. Историк не говорит о разрушении города, он лишь пишет о поражении сидонян (*exruptati*). То, что в рассказе упоминается о поражении и фактическом изгнании сидонян, позволяет говорить, что в сидонское предание могли быть внесены сведения и из других источников. Во всяком случае, факт поражения не только не скрывается, но даже подчеркивается. Возможно, что и в рассказе об основании Арвада говорилось о том же поражении. Эта деталь явно не способствовала славе Сидона. Может быть, в этом предании соединены сведения, пришедшие от самих сидонян, с данными других традиций, в том числе тирийской и арвадской. Упоминание Иосифом даты основания Тира, почти совпадающей с датой Трога — Юстина, укрепляет это предположение и приводит к мысли, что в основе этих рассказов лежит действительный факт. В Карфагене, основанном тирийцами, существовала категория «сидонских мужей» (один раз упоминается «сидонская дочь»), которые занимали в нем более низкое положение, чем граждане. В свете высказанного ранее предположения, что название «Сидон» первоначально

начально обозначало не только город, но и всю Южную Финикию, можно считать, что в Тирском государстве так могли называть финикийское, не гражданское население. Именно это население могло выступать с претензиями на то, что оно было подлинным основателем города. Аналогию может представлять вариант греческого предания об основании Массалии, согласно которому этот город был основан фокейцами, бежавшими от персов, хотя в действительности он был создан их соотечественниками приблизительно на полвека раньше. Возникновение этого варианта объясняется стремлением утвердиться в качестве равноправных членов массалиотской гражданской общины (Циркин, 1990, 11.—21).

Далее говорится, что сидоняне прибыли на кораблях. Следовательно, царь аскалонитов, победивший их, не мог им воспрепятствовать на море. Можно думать, что его армия обрушилась на Сидон с суши. В таком случае она могла пройти либо через территорию Тира, либо обходным путем через Палестину и проходы Ливана, что наводит на мысль о существовании города Тира в это время. Ряд исследователей полагают, что город был разрушен « народами моря » и восстановлен сидонянами (Eissfeldt, 1941, 360; Eissfeldt, 1948, 1964; Katzenstein, 1973, 59—62). Однако у нас нет никаких указаний на такое событие. Рассказ тирских жрецов об основании города и храма приблизительно в XXVIII в. до н. э. (Her. II, 44) свидетельствует о непрерывности местной городской и храмовой традиции. Поэтому думается, что речь может идти не о новом основании Тира (и Арвада) сидонянами, а о прибытии волны переселенцев из Сидона и появлении (может быть, много позже) претензий на подлинное основание ими городов.

Приблизительно в это же время изнутри азиатского материка идет наступление «народов степи». Среди них значительное место занимают арамеи.

Арамеи были еще одной волной семитских народов, вторгнувшихся в плодородные земли Сирии и соседних стран. Первоначально они кочевали в Сирийской степи, но постепенно стали проникать и в плодородные области. Впервые одно из арамейских племен (ахламу) упоминается в XIV в. до н. э. Во второй половине следующего века арамеи уже стали значительной силой в Северной Месопотамии и Сирии. Крушение Хеттской державы (см. ниже) дало возможность арамейским племенам вторгнуться в те районы Сирии, которые ранее находились под хеттским контролем. Арамеи занимали плодородные долины рек и оазисы, и уже к XI в. до н. э. население Сирии стало преимущественно арамейским (Аветисян, 1984, 37—39; Albright, 1975, 532; Rachtel, 1983, 80). Среди семитских народов, населявших Сирию во II тысячелетии до н. э., арамеи были ближе к амореям, что облегчило растворение вторых среди первых (Albright, 1975, 530, 532). Ханаанеи же были дальше от арамеев. Поэтому их ассимиляция новым населением была более трудной.

Мы не знаем, как складывались взаимоотношения ханаанейского населения юго-западной части Внутренней Сирии с арамеями. Эта территория включалась в Ханаан в библейской Книге Чисел (XXXIV, 2—12). Эта книга, как и все Пятикнижие, возникла в какой-то период времени до 20-х годов VII в. до н. э. В повествовательных частях Пятикнижия рассказывалось о событиях, реальных и мифических, которые предшествовали вторжению евреев в Палестину и явно основывались на исторических и мифологических преданиях, ходивших задолго до их

письменной фиксации. Разумеется, с течением времени эти предания изменялись. Но характерно, что границы Ханаана, очерченные в Книге Чисел, не соответствуют его границам, существовавшим не только в VII, но и в конце XI в. до н. э. Когда царь Давид подчинял Дамаск и другие районы Сирии, там уже жили арамеи (II Sam. 8, 5—6; 10, 6—19), так что Ханааном эти территории уже не были. Вероятнее всего, причисление юго-запада Внутренней Сирии к Ханаану действительно относилось ко времени, предшествующему еврейскому проникновению в Палестину, т. е. приблизительно XII в. до н. э. Между XII и концом XI в. до н. э. ханаанеи либо были оттуда вытеснены, либо ассимилированы арамеями. Вероятнее, что значительная часть ханаанеев отступила перед новыми племенами и отошла туда, где жили их родственники, т. е. на финикийское побережье. Ливанские горы оказались для арамеев непреодолимым препятствием, и занять побережье они не смогли или не захотели. Но вытесненное ими ханаанейское население Внутренней Сирии, по-видимому, увеличило численность населения побережья.

Другим народом, обрушившимся на ханаанеев, были евреи. Они стали проникать в Палестину, вероятно, уже на рубеже XIV—XIII вв. до н. э. (Malamat, 1981, 68—69), но это еще были обычные грабительские набеги кочевников. В известной «стеле Израиля» фараона Мернептаха, сына Рамсеса II, впервые в небиблейском источнике встречается наименование Израиля. Этот народ (или группа племен) выступает как кочевники, вторгавшиеся в находившуюся под египетской властью Палестину (Helck, 1962, 240). Крушение египетской власти открыло евреям путь к завоеванию этой страны. Ханаанеи оказывали пришельцам упорное сопротивление, и завоевание

Палестины и оседание там еврейских племен растянулось на несколько столетий. Последние ханаанские города, включая Иерусалим, были захвачены только царем Давидом на рубеже XI—X вв. до н. э. (Tadmor, 1981, 122).

Естественно, что в ходе завоевания отношения между ханаанеями и евреями были глубоко враждебными, что нашло яркое отражение в Библии. В библейских книгах неоднократно говорится о разрушениях ханаанских городов и уничтожении их жителей. Уже первый ханаанский город, встреченный завоевателями, — Иерихон — был уничтожен вместе со всеми жителями (Jes. VI, 20). Иисусу Навину приписывается утверждение, что он уничтожил все местное население от Иордана до моря (Jes. XXIII, 4). Разумеется, это утверждение нельзя ни в малейшей степени считать достоверным, но его включение в библейский текст свидетельствует о неприкрытой враждебности и жестокости, сопровождающей эти события. Интересно упоминание о захвате и разрушении Иерусалима иудеями (в то время одно из двенадцати племен Израиля) за много времени до окончательного захвата этого города царем Давидом (Jud. I, 8). Это был явно грабительский набег, что приводило к разрушениям и гибели множества людей. Эти сведения подтверждаются и археологическими данными, свидетельствующими о полном разрушении таких крупных городов, как например, Хазор в Галилее (Bloch-Smith, Nakhai, 1999, 81). Характерно, что наибольшее количество сведений об уничтожении городов и чуть ли не поголовном избиении горожан содержится в Книге Иисуса Навина и в начале Книги Судей. Позже положение несколько меняется. Оседая на захваченных землях, евреи стремились уже не изгонять прежнее население, а подчинять его себе,

превращая в своих данников (Jud. I, 28—33). Но позже были случаи жестокого уничтожения городов, как например, Лаиса вместе со всеми жителями и постройка на его месте города Дана (Jud. XVIII, 27—29). Поэтому совершенно естественно предположить, что ханаанеи, терпя поражения и спасая свою жизнь, уходили туда, где могли найти приют — к своим соплеменникам. Особенно значительным такой уход должен был происходить в начале еврейского поселения в Палестине, когда действия врагов были особенно жестокими.

Собственно финикийцы, т. е. ханаанейские жители побережья, столкнулись с евреями во второй половине XII в. до н. э. (Katzenstein, 1973, 65). Если верить Книге Судей (I, 31), жители Акко и нескольких более мелких поселений этого района платили дань израильскому племени Асиру. Как складывались отношения между финикийцами и евреями в тот период, неясно. Естественно, можно априорно считать, что эти отношения были не слишком дружественными. И дело, пожалуй, не в чувстве этнической солидарности с вытесняемыми и уничтожаемыми ханаанеями (о существовании такого чувства у нас нет никаких данных), а в обычном противопоставлении городской и земледельческой цивилизации, с одной стороны, и агрессивными полукочевниками-скотоводами, с другой. Связи между этими двумя цивилизациями в первое время были чрезвычайно ограничены. Граница распространения финикийской керамики в Галилее определяет и границу Тирского царства (Bloch-Smith, Nakhai, 1999, 78). Но постепенно, по мере оседания евреев и их социально-экономической эволюции, эти отношения должны были меняться. Интересно в этом отношении одно место из «Песни Деборы» (Jud. V, 17). Как известно, эта

«Песня» — самая древняя часть Библии. Ее датировка спорная. Раньше ее датировали серединой XIII в. до н. э., что встречается еще и теперь (Велльгаузен, 1909, 412; Шифман, 1987, 9). Однако более тщательный анализ исторической обстановки и сопоставление некоторых сведений, содержащихся в этой «Песне» и в сопутствующем рассказе о сражении, победу в котором Дебора воспела, с данными археологии, показывают, что отнести составление этого произведения надо к более позднему времени, к последней четверти XII в. до н. э. (Katzenstein, 1973, 66) или даже к XI в. до н. э. (Malamat, 1981, 89). И Дебора (если считать ее действительно автором победной песни, в чем нет оснований сомневаться) утверждает, что Дану нечего бояться с его кораблями, и Асир на берегу моря у своих пристаней живет спокойно (Jud. V, 17). Следовательно, те израильские племена, которые имели выход к морю и обладали пристанями и кораблями, могли пользоваться относительным покоем. Такой покой мог быть обеспечен только в случае достаточно хороших отношений с приморскими городами, в том числе с финикийскими.

Итоги всех этих событий следующие.

Во-первых, резко сократилась территория, населенная ханаанеями. Теперь она ограничивается собственно Финикией, т. е. полосой земли между Ливаном и Средиземным морем, южная граница которой проходит несколько южнее Акко, а северная — севернее Арвада в районе Сукаса, лежащего в развалинах.

Во-вторых, эта территория, хотя, по-видимому, и пострадала, в целом избежала не только этнической, но и политической катастрофы. Основные города Финикии продолжали существовать. Обычно говорят о разрушении Сидона филистимлянами из Аскалона, но в кратком сообщении Юстина собственно о

разрушении ничего не говорится. Если оно и произошло (что вполне возможно, ибо иначе зачем было по крайней мере части сидонян покидать свой город), то вскоре Сидон был восстановлен и позже останется одним из важнейших городов Финикии. В этих городах сохранялась старая экономическая, политическая и культурная жизнь, хотя развивалась она уже в новых условиях.

В-третьих, вскоре после отражения нападения «народов моря» Египет вступил в полосу глубокого упадка. Страна практически распалась на две части — северную, столицей которой был Танис в Дельте, и южную, в которой правили жрецы Амона в Фивах. Ни о каком политическом влиянии вне собственно долины Нила не могло быть и речи. В результате финикийские города стали полностью независимыми, хотя уважение к культуре и традициям Египта еще осталось.

В-четвертых, упадок коснулся не только Египта. В упадок пришла Ассирия, одно время претендовавшая на значительную политическую роль в Передней Азии. Касситская Вавилония и Элам терзали друг друга взаимными нападениями и не могли претендовать на господство во всем регионе. Еще важнее оказалась гибель великого Хеттского царства и микенских государств Греции. В условиях крушения или упадка ранее крупных держав начался подъем более мелких государств, как новых, возникающих преимущественно на племенной основе (арамеи в Сирии и евреи в Палестине), так и старых городов-государств Финикии. Политическая карта Передней Азии усложнилась. И финикийские города заняли на ней видное место.

В-пятых, гибель микенских государств надолго выбила греков из международной морской торгов-

ли. Можно спорить, существовала ли микенская талассократия (т. е. господство микенцев на море), но то, что микенская морская торговля была чрезвычайно активна, в этом нет сомнений. Теперь у финикийских морских торговцев исчезли весьма влиятельные греческие конкуренты. Не менее важное значение имело уничтожение Угарита. После крушения этого очень важного торгового центра главными представителями Востока в средиземноморской торговле становятся финикийцы (а если быть точнее, тирийцы).

Все это стало основой для расцвета Финикии в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

ГЛАВА 5

ФИНИКИЯ В КОНЦЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

Крушение египетской мощи окончательно освободило финикийские города от подчинения Египту. Еще сравнительно недавно любой финикийский правитель униженно именовал себя слугой фараона и умолял его о помощи, приблизительно около 1066 г. до н. э. (Коростовцев, 1960, 35) библский царь Чекер-Баал гордо говорит египетскому посланцу Ун-Амуну: «Разве я твой раб? Разве я также раб посланного тебя?» (Ун-Амун, 2, 12—13). Это освобождение происходило достаточно давно. Тот же Чекер-Баал утверждает, что уже при его отце отношения с Египтом строились на основе равноправия (Ун-Амун, 2, 12). Более того, библский царь говорит о посланцах фараона, которые семнадцать лет держались в заключении в Библие и там умерли (Ун-Амун, 2, 51—52). Совершенно неизвестны причины этого заключения, но сам его факт ясно свидетельствует о полном пренебрежении библского правителя к египетскому фараону и его представителям. Этого фараона именуют Хаэмуасом. Хаэмуас — одно из имен либо Рамсеса IX, либо Рамсеса XI (Коростовцев, 1960, 57). Может быть, речь идет о

Рамсесе XI, хотя египетская власть в Сирии и Палестине, вероятно, уже не существовала после Рамсеса VI (Helck, 1962, 249; Cerny, 1975, 615), но Рамсес IX был еще относительно сильным государем. Он успешно воевал с ливийцами, поддерживал отношения с палестинским городом Гезером (Перепелкин, 1988, 561; Helck, 1962, 249), и Египет при нем еще сохранял свое единство. При Рамсесе XI положение радикально изменилось. Юг полностью отпал, а его фактический правитель Херихор, может быть, еще при жизни самого Рамсеса, принял царский титул. То, что Рамсес XI правил (точнее, номинально царствовал) не менее 27 лет, т. е. много дольше, чем его предшественники (Перепелкин, 1988, 570), в условиях резкого упадка центральной власти можно объяснить только незначительностью этой фигуры. С таким безвластным фараоном уже можно было не считаться, но это не означает, что связи между Египтом и Финикией были прерваны. Они оставались достаточно оживленными. Библи поддерживал тесные торговые контакты (состоял в «товариществе») с правителем Северного Египта Несубанебдедом. В египетском тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библи» (1, 59) употреблено семитское слово «хубур», это дает возможность думать, что такая форма объединения сил и средств для совместных предприятий (преимущественно, видимо, торговых) была финикийским изобретением. Можно предположить, что, не имея сил для самостоятельных подобных предприятий, финикийские правители и отдельные крупные предприниматели составляли такие «товарищества» с иностранцами. То, что партнером библиского царя выступает танисский правитель, говорит о равенстве обоих партнеров и о том, что в данном случае это «товарищество» было межгосударственным. Последнее, однако, было не единственной

формой такого объединения. Далее (1, 59-2, 2) упоминается о существовании такого же «хубура» между сидонскими кораблями и неким Уректером. Контекст не оставляет сомнения в том, что последний, как и Несубанебдед, обитал в Египте, скорее всего в том же Танисе. Кем был этот Уректер, в повествовании о злоключениях Ун-Амуна не уточняется. Ясно, что он был не египтянином, вероятнее всего, купцом или даже главой целого торгового дома (Helck, 1962, 372, 462). Когда библский царь говорит о пятидесяти сидонских кораблях, находившихся в «товариществе» с Уректером, он умалчивает об их статусе. Так что совершенно не исключено, что эти суда принадлежали не сидонскому царю, а сидонским купцам.

В тексте «Путешествия Ун-Амуна» только мельком упоминается Тир (1, 28). Это не означает, что Тир в то время, т. е. в первой половине XI в. до н. э., был незначительным городом. Само упоминание Тира свидетельствует о его значении как промежуточной стоянки на пути из Египта в Библи. Но еще важнее другое. Содержанием «Путешествия Ун-Амуна в Библи» был рассказ о поездке египетского посланца за лесом именно в Библи. Следовательно, Библи еще оставался главным пунктом связи между Египтом и финикийским побережьем, как это было и в течение предыдущего тысячелетия. Тир же в этом отношении интересовал египтян гораздо меньше. Уже отмечалось, что направлением его интересов было, скорее, западное. И здесь возникает вопрос, насколько эти интересы могли быть удовлетворены в конкретной обстановке XII—XI вв. до н. э.

В годы и десятилетия, предшествующие гибели государств Микенской Греции, флот этих государств являлся значительной силой. Разрушение Микен и ряда других городов Эллады нанесло греческому

флоту и их морской торговле сильнейший удар. Греция надолго перестала играть активную роль в мореплавании и торговле. Сохранившиеся греческие города, как например, Афины, оказываются в изоляции от внешнего мира (Ленцман, 1963, 202—208). Уже говорилось, что гибель Угарита принесла выгоду финикийцам, особенно тирийцам, освободившимся от угаритской конкуренции, но в результате на побережье к югу от Финикии появились новые народы — филистимляне и чекеры.

Центрами поселившихся в Палестине филистимлян были пять городов, образовавших союз — Пятиградье. Три из них — Газа, Аскалон и Ашдод — находились на побережье, но гавани их были довольно посредственными (Vaux, 1969, 491). Библейские рассказы о борьбе израильтян с филистимлянами рисуют последних народом, заинтересованным, скорее, в земле, чем в море. Конечно, это может быть абберрацией, вызванной характером источника: филистимляне были соперниками евреев в борьбе за господство над территорией Палестины, а не над морем, поэтому морские интересы филистимлян авторов Библии не интересовали. С другой стороны, исследование показывает, что именно филистимляне ввели на Ближнем Востоке тот вид кораблей, который позже будет заимствован финикийцами и станет одним из составных частей финикийского флота — так называемых коней (Raban, Stieglitz, 1991, 36). Поэтому полностью отвергать филистимлян как кораблестроителей едва ли стоит. В то же время едва ли надо полагать, что до нанесения филистимлянам жестокого удара Давидом в X в. до н. э. Тир не мог быть процветающим морским центром (ср.: Mazar, 1986, 75). Нам просто об этом ничего не известно. Косвенные данные говорят, что напали ас-

калониты на Сидон по суше, а не по морю. Ун-Амун о филистимлянах вообще не упоминает. В тексте его рассказа в данном месте нет никакой лакуны, и из него ясно, что первую остановку египетский посланец сделал в чекерском Доре (1, 8—9).

Кроме города Дора, Ун-Амун называет и одиннадцать чекерских кораблей, которые прибыли в гавань Библа, чтобы уничтожить отправляемые оттуда в Египет корабли с лесом (2, 62—64, 72). Отсюда порой делается вывод, что речь идет якобы о чекерских пиратах, которые вместе с филистимскими господствовали на море у восточного побережья Средиземного моря и препятствовали мореплаванию (например, Aubet, 1994, 36). В начале своего пути Ун-Амун посетил Дор, не встретив никакого препятствия. Более того, дорский правитель поставил ему хлеб, вино и мясо (1, 9—10), что явно облегчило дальнейшее путешествие. Когда же один из членов команды Ун-Амуна обокрал его, правитель Дора предпринял меры для отыскания вора и совершенно логично и законно отказался возместить убыток, ибо виновником был не его подданный (1, 10—26). После прибытия чекеров в Библ они обосновывали свое требование уничтожить корабли Ун-Амуна тем, что на них отправляются в Египет их враги (2, 72). Видимо, за более чем год, который Ун-Амун провел в Библе (2, 65—67), возникла какая-то враждебность между чекерами и египтянами, поэтому последние стали восприниматься как враги¹. Но даже если чекеры действительно являлись пиратами, то они все равно не могли полностью закрыть все иноземное судоходство по Средиземному морю. Приведенные

---

¹ То, что речь идет именно о судах с врагами, доказано филологическим комментарием М. А. Коростовцева, сделанным им с учетом предшествующих работ (Коростовцев, 1960, 84).

выше сведения о кораблях Библа и Сидона, находившихся в «товариществе» с египтянами, свидетельствуют о сравнительно интенсивном мореплавании между финикийским побережьем и Египтом. По-видимому, чекеры обладали значительной морской силой, ибо едва ли их флот ограничивался теми одиннадцатью кораблями, которые прибыли в Библ за Ун-Амуном, но даже при такой ситуации они не смогли помешать Ун-Амуну добраться до Кипра (2, 74—75).

Доказательством существования активного мореплавания и в это сложное время является находка следов кораблекрушения у мыса Гелидония на южном берегу Малой Азии. Корабль, затонувший около 1200 г. до н. э., перевозил груз различных медных и бронзовых предметов, в том числе четыре крупных медных слитка в форме бычьей шкуры, которые раньше считали своеобразной формой денег. Сейчас установлено, что все эти предметы, включая слитки, предназначались для дальнейшей переплавки. Большинство этих вещей происходило с Кипра, а слитки даже имели знаки кипро-минойского письма, но сам корабль кипрским не был. Вещи, найденные в кабине экипажа, недвусмысленно указывают на сиро-финикийское происхождение судна и его команды. Учитывая, что Внутренняя Сирия в это время была практически отрезана от моря, можно смело говорить о финикийском корабле и его экипаже (Bass, 1966, 140—142; Rachet, 1983, 367—368). Финикийские торговцы взяли, по-видимому, груз на Кипре и направились с ним в Эгейский бассейн или даже дальше. Были ли они тирийцами, сказать на основании находки невозможно. Но, учитывая западное направление именно тирских торговых кораблей, где Кипр был необходимым промежуточным

пунктом, это можно предполагать с большой долей вероятности.

Таким образом, нет никаких сомнений для предположения о сохранении Тиром своих интересов в мореплавании и морской торговле в западном направлении.

На рубеже XII—XI вв. до н. э. неожиданно для финикийцев возникла новая опасность. После некоторого времени упадка снова подняла голову Ассирия, и ее царь Тиглат-Паласар I (1115—1077 гг. до н. э.) предпринял ряд то ли грабительских, то ли завоевательных походов (Дьяконов и др., 1988, 105—109). Во время одного из них ассирийский царь завоевал страну Амурру (данное царство уже не существовало, так, вероятно, называлась западная часть Сирии, прилегающая к Ливану) и, перейдя через Ливан, вторгся в Финикию. Библ, Арвад и Сидон заплатили ему дань. При этом о боях с финикийцами ассирийский царь не сообщает: по-видимому, цари этих городов, испуганные ассирийским нашествием, предпочли «добровольной» выплатой дани откупиться от нашествия. Тиглат-Паласар вступил в Арвад и по морю (видимо, на арвадском корабле) дошел до Цумура, по пути убив дельфина или нарвала (ANET, 275). Характерно, что Тир в сообщении о победах Тиглат-Паласара I не упоминается. Едва ли это надо интерпретировать как отсутствие самостоятельности этого города (ср.: Mazar, 1986, 66). Вероятнее, что по каким-то причинам ассирийский царь не двинулся на юг дальше Сидона.

В рассказе о подвигах ассирийского царя говорится о его морском путешествии из Арвада в Цумур. Следовательно, Цумур тоже входил в территорию, подчиненную Тиглат-Паласару I. В то же время не говорится о дани этого города. Видимо, Цумур, играв-

ший большую роль в предшествующее время, в конце XII в. до н. э. уже прежнего значения не имел и, возможно, даже не был самостоятельным. Страбон (XVI, 2, 12) говорит, что область этого города разделили между собой жители Арвада. Связь Цумура с Арвадом вытекает и из рассказа о победах Тиглат-Паласара I. Можно думать, что в период бурных событий, связанных с отступлением Египта и гибелью царства Амурру, Цумур был захвачен Арвадом и включен в его владения (ср.: Helck, 1962, 314).

Однако это ассирийское вторжение осталось единственным эпизодом (Branden, 1975, 149). Сам Тиглат-Паласар I даже не пытался закрепиться на заевфратских землях, а вскоре после его смерти Ассирия вновь вступила в полосу глубокого упадка (Дьяконов и др., 1988, 109—110). Так что это нашествие не оставило глубокого следа в финикийской истории, и финикийские города после него оставались независимыми.

ГЛАВА 6

ПЕРВЫЙ ЭТАП ФИНИКИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

События, происходившие вокруг Финикии, оказали на нее значительное влияние. Очень важным стало вытеснение ханаанеев из Внутренней Сирии и Палестины. Уже говорилось, что многие из них переселялись на побережье, где еще оставались независимыми ханаанские, т. е. финикийские, города. Если говорить о Палестине, то, как уже отмечалось, наиболее жестоким было отношение к ханаанеям в первое время еврейского завоевания страны. В Библии имеются указания на столкновения евреев и непосредственно с финикийцами, которых они в отличие от родственных им ханаанеев именуют сидонянами (Mazar, 1996, 66—67). Так, намек на такие столкновения содержится в Книге Судей (X, 12), где сидоняне перечисляются вместе с другими врагами Израиля. В Книге Иисуса Навина (XI, 8) говорится о преследовании врагов вплоть до Сидона Великого. Этот город упоминает ассирийский царь Синахерриб среди городов царя Лули (Элулая) (ANET, 287). Следовательно, речь идет о собственно Финикии. Едва ли отношения между ханаанеями и вторгнувши-

мися в Сирию арамеями были более «мягкими», особенно на начальном этапе арамейского завоевания Сирии. В результате, как уже говорилось, в Финикии, по-видимому, сконцентрировалось довольно значительное население, что, в свою очередь, не могло не создать в стране демографическое напряжение. Может быть, как некоторый ответ на такую ситуацию (Wagner, 1991, 411—416) стало распространение жертвоприношения mlk (молк).

Единственным радикальным средством «снятия» демографического напряжения было переселение части «излишнего» населения. Юстин (XVIII, 4, 2) упоминает о решении тирийцев (реально тирского правительства) основать Утику в Африке из-за обилия в Тире жителей и необходимости высылки молодежи, т. е. наиболее активных и беспокойных элементов населения. О попытке уменьшить количество населения как об одной из причин финикийской колонизации говорит Саллюстий (Iug. 19, 1). Однако сделать это в непосредственной близости от самой Финикии было невозможно. Палестина являлась ареной ожесточенной борьбы различных народов, а в Сирии все более укреплялись арамеи. Не закончившиеся еще перемещения народов к северу от Финикии не давали возможности обосноваться и в этом регионе. Оставался один путь — на запад, через море. А в этом направлении, как говорилось выше, действовал именно Тир, поэтому он и стал, по существу, единственной метрополией финикийских колонистов.

Непосредственным толчком к началу колонизации мог стать страх перед ассирийцами, что не надо переоценивать, но и не следует этим пренебрегать. Именно в конце XII в. до н. э., как мы уже видели, Тиглат-Паласар I совершил свой поход в Финикию. Тир не стал данником ассирийского царя, и связь этого

феномена с первым этапом колонизации может быть не случайной.

Сама проблема существования этого этапа очень спорна. Большинство специалистов решительно отвергают его наличие и считают, что финикийская колонизация не началась ранее IX в. до н. э., соглашаясь в лучшем случае видеть в сведениях о финикийском присутствии за морем указания на предколонизацию (Muhly, 1985, 179—180; Moscati, 1989, 43 и др.). Но есть ученые, стоящие на традиционной точке зрения и принимающие «высокую хронологию» финикийской колонизации (Шифман, 1963, 6—37; Katzenstein, 1973, 75; Negbi, 1985, 222; Stieglitz, 1990, 11; Huss, 1990, 5). Такая спорность самого вопроса заставляет сначала рассмотреть имеющиеся сведения об этом этапе финикийской колонизации.

Фукидид (I, 8) упоминает вместе финикийцев и карийцев в качестве пиратов, обосновавшихся на островах Эгейского моря. Но несколько дальше историк говорит уже только о карийцах, в том числе об их изгнании с этих островов критским царем Миносом. О карийском пребывании на островах, подчинении Миносу и их последующем изгнании говорит и критская легенда, сохранный Геродотом (I, 171), и воспоминания о карийском господстве на море, которые дошли до раннехристианской хронографии (Kammenhuber, 1979, 119; ср.: Thomson, 1960, 130—137). Можно спорить о существовании или интерпретации исторической основы в этих сказаниях, но ясно, что сообщение об изгнании с островов относится только к карийцам, но не к финикийцам. Из сообщения Фукидида не вытекает и одновременность их пребывания на островах, а только констатация самого факта о пребывании тех и других до прихода туда эллинов.

Геродот (II, 44; VI, 47) и Павсаний (II, 25, 12) говорят об основании финикийцами храма Геракла, т. е. Мелькарта (Berchem, 1967, 88—107; Berquist, 1973, 35; Gras, Rouillard, Teixidor, 1989, 49—50), на Фасосе и о разработке ими золотых рудников между Энирой и Кинирой. Эти названия, по крайней мере последнее, считаются семитскими (Salviat, 1962, 108—109, п. 7; Berchem, 1967, 10, п. 2). Предполагается, что финикийцы добрались до Фасоса через Кос, Эритры и Лемнос (Berchem, 1967, 107—108). Это предположение подтверждается характером и направлением торговых связей доэллинистического Фасоса, особенно с Лемносом, который был, по Гомеру (II. XXIII, 745), местом финикийского торжества (Graham, 1978, 90—91). Путь к Фасосу проходил через Родос, где, по Диодору (V, 58, 2), существовали финикийские поселения, основание которых он приписывает Кадму. Родосские историки называют главой финикийцев на этом острове Фаланта (Ath. VIII, 360). Судя по рассказу Афиней, финикийцы заняли город Ялис на севере острова, где до этого времени существовало микенское поселение (Meyer, 1979, 1304).

На юге Эгеиды финикийцы, по словам Стефана Византийского (σ. Μηλος), создали на острове Мелосе одноименный город. Геродот (IV, 147; I, 105) приписывает финикийцам обоснование на острове Фере и постройку святилища на острове Кифере. Павсаний (III, 23, 1) утверждает, что киферское святилище Афродиты было самым древним в Греции и что богиня там представлена вооруженной. Это мало соответствует эллинской богине любви, но зато именно вооруженной представлена финикийская Астарта, с которой обычно отождествляется греческая Афродита на монетах финикийского города Секси в Испании (García y Bellido, 1967, 13). Еще Ф. К. Мо-

верс отмечал, что Родос, Фера, Мелос и Кифера лежат на пути к западу (Movers, 1850, 256).

Фукидид (VI, 2, 6) говорит, что до прибытия греков на Сицилию на ее мысах и ближайших островах обосновались финикийцы. Лингвисты считают семитскими такие сицилийские топонимы, как Тапс, Пахин, Тамариций, Макара, Мазарес (Шифман, 1963, 27—29; Philipp, 1932, 2092; Ziegler, 1923, 2489; Ziegler, 1934, 1281; Berard, 1953, 69—70, 73). Все они расположены на восточном и южном берегах Сицилии, а не на западном, где позже сконцентрировались финикийцы. На самой Сицилии, как будто найдены некоторые следы финикийского присутствия в восточной и южной частях острова (Tusa, 1982, 97).

После Сицилии финикийцы достигли Испанию и Африку. С этим Страбон (I, 2, 3; III, 2, 14), Диодор (V, 20, 35) и Веллей Патеркул (I, 2, 3—4) связывают основание там финикийских поселений. Испания и противоположный берег Африки были самыми западными регионами финикийской колонизации. Главным центром здесь был Гадес, который, по Страбону (III, 5, 5), был основан после двух неудачных попыток. Возможно, это объясняется сопротивлением местного населения, на что намекает и само название колонии — Гадир, т. е. «укрепление», «защищенное, огороженное место». Может быть, в промежутке между двумя попытками основания Гадеса финикийцы обосновались в Ликсе на африканском берегу (Шифман, 1963, 23—25; Schulten, 1950, 34—35). Во всяком случае, Плиний (XIX, 53) говорит, что ликститское святилище Мелькарта (Плиний его называет Геркулесом) было старше гадитанского. По Патеркулу, через несколько лет после Гадеса финикийцы основали Утику в центре североафриканского побережья.

Итак, намечаются два пути финикийской колониальной экспансии: один — от Родоса вдоль западного побережья Малой Азии до Фасоса; другой — от того же Родоса вдоль южного края Эгейского архипелага до Сицилии, Африки и Испании. Один путь упирался в золотоносный Фасос, другой — в богатую серебром Испанию. Когда же возникли эти пути?

Геродот (IV, 147), опираясь на местное предание, сообщает, что финикийцы прибыли на Феру за восемь поколений до лаконцев. Продолжительность поколения у Геродота колеблется от 30 до 40 лет, но в целом три поколения составляют сто лет (Лурье, 1947, 112; Haw, Wells, 1954, 439; Ball, 1979, 281). Следовательно, финикийцы прибыли на Феру приблизительно на 240 или 320 лет ранее лаконцев. Последние же, как кажется, переселились на Феру в самом начале VIII в. до н. э. (Jeffrey, 1976, 185). Поэтому прибытие финикийцев на Феру надо отнести к первой половине XI или концу XII в. до н. э. С. Маринатос приписывает лаконское завоевание Феры ко времени не ранее 700 г. до н. э., но и он датирует прибытие туда финикийцев концом микенской или началом протогеометрической эпохи (Marinatos, 1973, 200).

Фукидид (VI, 112) вкладывает в уста мелосцев утверждение, что их община существует уже семьсот лет. Известно, что Фукидид сам сочинял речи в своем произведении, но так, как они могли бы быть произнесены в действительности (Соболевский, 1955, 96—97). Поэтому и в данном случае можно думать, что историк довольно верно передал смысл речи мелосцев. Поскольку эта речь была произнесена в 416 г. до н. э., то основание своей общины жители Мелоса относили к 1116 г. до н. э. Разумеется, само число 700 — круглое, и его нельзя принимать буквально. К тому же это число часто употреблялось просто в значении «мно-

го». И все же отбрасывать его полностью нельзя. Не уточняя дату основания мелосского поселения, можно просто отнести это событие к концу XII в. до н. э. И Геродот (VIII, 48), и Фукидид (V, 84, 2), и Ксенофонт (Hell. II, 2, 2, 3) утверждают, что Мелос был спартанской колонией. Спартанцы едва ли могли вывести на этот остров колонию в конце XII в. до н. э. Так что столь высокая дата могла относиться только к первому созданию общины. Учитывая приведенное выше сообщение Стефана Византийского, эта первоначальная община была финикийской.

Датировку финикийских опорных пунктов к западу от Эгеиды дают Мела (III, 46) и Веллей Патеркул (I, 2, 3). Мела утверждает, что гадитанский храм существует со времени Троянской войны. По словам Патеркула, Гадес был основан на восьмидесятом году после падения Трои тирским флотом, который тогда был сильнейшим в мире. В соответствии с традиционной хронологией это дает 1105 г. до н. э. Оба автора связывают время основания Гадеса и его храма с Троянской войной, что может вызывать некоторые сомнения. К этому мы вернемся позже, а пока надо отметить, что эти даты подтверждаются другими источниками, дающими сведения, даты которых не зависят от времени Троянской войны.

Патеркул (I, 2, 4) отмечает, что Утика была основана немного позже Гадеса. В то же время Плиний (XVI, 216) пишет, что храм в Утике, построенный вместе с городом, существует 1178 лет. «Естественная история» была завершена Плинием в 77 г. н. э. Но ясно, что весь этот труд не мог быть написан, а тем более материал для него собран в течение короткого времени. Поэтому отсчитывать время надо не с 77 г., а с более раннего. Но в любом случае слова римского энциклопедиста указывают на конец XII в.

до н. э. Псевдо-Аристотель (de mir. ausc. 134), цитируя какие-то «Финикийские истории», говорит, что Утика была построена за 287 лет до Карфагена. В зависимости от того, какую точную дату основания Карфагена мы примем (а их существуют три), мы получаем основание Утики в 1112, 1110 или 1104 г. до н. э., что соответствует датам Патеркула и Плиния.

Таким образом, все дошедшие до нас хронологические указания, в том числе не зависящие друг от друга и не связанные с мифологией, дают близкие даты, укладывающиеся в последнюю четверть XII и, может быть, первую четверть XI в. до н. э.

Все известия об этом первом этапе финикийской колонизации можно разделить на две группы. Первая включает сведения, связанные с храмами и оракулами. К сообщениям относительно храмов Фасоса, Киферы, Ликса и Утики надо прибавить рассказ Страбона (III, 5, 5) об основании Гадеса в соответствии с оракулом Геракла — Мелькарта. Храмы владели обширными сведениями о происхождении и истории святилищ. Можно в связи с этим вспомнить довольно точную датировку тирскими жрецами основания их храма и города, что подтверждается и археологическими данными. Все это позволяет отнести с большим доверием к храмовой традиции.

Мела, говоря о Гадесе, датирует основание не города, а именно храма. Он родился в Тингентере недалеко от Гадеса. В это время гадитанский храм был очень известен и посещался многими римлянами, так что связанные с ним рассказы вполне могли дойти до будущего географа еще в детстве. Правда, нельзя исключить, что эти первые испанские впечатления могли быть позже дополнены информацией и из других источников.

Одним из источников III книги Страбона считается Посейдоний (Bunnens, 1979, 193). Кроме того, сам Страбон именно в рассказе о Гадесе упоминает Артемидора. Оба эти автора, как подчеркивает Страбон (например, III, 1, 4—5), сами бывали в Испании, в том числе в Гадесе и его районе. При описании гадитанского Гераклеяона Страбон (III, 5, 7) цитирует Полибия. Ясно, что из произведений этих писателей Страбон черпал свои сведения об основании Гадеса. Подробности об оракуле бога, повелевшего основать город, и о трехкратных попытках сделать это явно восходят к рассказам самих гадитан, а настойчивая связь с оракулом Мелькарта позволяет считать этих гадитан жрецами храма этого бога.

Плиний, говоря о храме Утики, упоминает наличие в нем балок из нумидийского кедра, сохранявшихся со времени постройки храма, одновременно с основанием города. В западносемитских религиях остатки первоначального строения играют большую роль. Достаточно вспомнить роль Стены Плача в современном иудаизме. И в гадитанском храме деревянные балки не сменялись со времени его создания (Sil. It. III, 17—20). Поэтому нет сомнения в том, что рассказ Плиния в конечном итоге восходит к традиции храма в Утике. Говоря об основании храма в Ликсе, Плиний использует выражение «*ut ferunt*». Он не уточняет, кто «*ferunt*». Но то, что речь в данном случае идет именно о храме, а не о городе, позволяет считать источником плиниевского знания жрецов этого храма.

Вторая группа источников о первом этапе финикийской колонизации — сообщения, в которых храм или не упоминается, или упоминается как нечто всем известное. О храме молчат мелосцы. Ради торговли, как говорит Фукидид (VI, 2, 6), финикийцы

обосновались на Сицилии и окрестных островках. Диодор (V, 20, 1—2) пишет, что финикийцы, надеясь приобрести большие богатства, направились к Океану и основали на границе Европы Гадес, где находится знаменитый храм Геракла. Веллей Патеркул, говоря об основании Гадеса и Утики, умалчивает о храме, но зато упоминает тирский флот, при этом он датирует основание города примерно на восемьдесят лет позже, чем Мела постройку храма. Псевдо-Аристотель тоже говорит о городе, а не храме. Цитируя какие-то «Финикийские истории», он определяет время основания Утики, исходя из времени основания Карфагена. Следовательно, можно считать, что эти «истории» были произведением карфагенских авторов; возможно, что речь шла об одной из «Пунических историй», упоминаемых Сервием (ad Aen. I, 343; 378). Известно, что в Карфагене существовала обширная литература, хранившаяся в библиотеках, которые после разрушения города были переданы нумидийским царям (Plin. XVIII, 22). От одного из этих царей Саллюстий узнал о ранней истории Африки и истории финикийской колонизации, включенной в мифическую предысторию.

Довольно трудно установить источники Веллея Патеркула. Одним из них был, возможно, Непот (Albrecht, 1992, 843; ср.: p. 383). С другой стороны, Непот несомненно был знаком с произведениями Сосила и Силена, спутников Ганнибала (Nep. Hann. 13). У этих авторов Патеркул и мог почерпнуть финикийскую традицию. Последнее предположение подтверждается следующим соображением. Страбон (XVI, 2, 22) говорит, что поэты больше трубят о Сидоне, а Гомер и вовсе молчит о Тире, в то время как колонии, выведенные финикийцами в Ливию и Иберию и по ту сторону Столпов, больше прославляют

Тир. Колония по ту сторону Столпов — это, несомненно, Гадес. Трудно сказать, какие города подразумеваются под колониями в Иберии и Ливии, но среди них вполне могла быть Утика (как и Карфаген). Прославление Тира и его морской мощи ясно чувствуется в словах Патеркула.

Сам Страбон несколько раз упоминает самые древние финикийские плавания на Дальний Запад и основание там городов несколько позднее Троянской войны. В этих случаях он ничего не говорит ни о храмах, ни об оракулах, что позволяет думать об использовании им варианта традиции, отличного от того, какой был использован в рассказе об основании Гадеса. Поскольку во всех этих случаях речь идет об основании городов, эту традицию можно назвать «городской».

«Городская» традиция в значительной степени противостоит «храмовой», и они даже могут давать разные даты. Например, «храмовая» традиция приписывает основание храма в Гадесе времени падения Трои, т. е. в соответствии с традиционными датами (1184 г. до н. э.), в то время как «городская» говорит о восьмидесятом годе после падения Трои. Означает ли это, что храм действительно возник на несколько десятилетий раньше города? В принципе в этом не было бы ничего невозможного. Храмы могли быть базами и опорными пунктами международной торговли, они давали гарантию божественного покровительства и тем самым обеспечивали хоть какую-то безопасность прибывшим торговцам (Bunnens, 1979, 282—285; Gras, Rouillard, Teixidor, 1989, 108—109; Culican, 1991, 488). Например, на Фасосе не было города, а разработкой рудников занимался, видимо, сам храм. Однако Страбон (III, 5, 5) говорит об одновременности основания города Гадеса и храма

в нем. Такое же впечатление производят и слова Диодора (V, 20, 1). На это можно возразить, что финикийцы явно неоднократно путешествовали в Испанию, и возможно, что все многократные экспедиции Страбон свел к трем. Поэтому вполне возможно, что и создание города и храма относится к результатам разных экспедиций. Но большие сомнения вызывает датировка Мелы.

Дата, сообщенная Мелой, противостоит всем остальным дошедшим до нас. Мела, основываясь, вероятно, на «храмовой» традиции, приписывает создание гадитанского храма приблизительно ко времени, когда в истории Тира произошли важные события, приведшие к возникновению предания об основании самого города. И трудно себе представить, что сразу же после этих событий или даже в ходе их тирийцы смогли предпринять далекую экспедицию, приведшую к основанию храма. Поэтому, не признавая достоверность самой датировки, надо только отметить, что сами жрецы гадитанского храма настаивали на своей древности в противоположность «городской» традиции.

Некоторые имеющиеся в нашем распоряжении датировки смущают своей «привязкой» к Троянской войне и в целом определенной эллинизацией всей истории. Отсюда довольно серьезные сомнения в самой достоверности традиции и мысль о том, что у ее истока стояли, может быть, александрийские эрудиты, которые, зная о роли, играемой финикийцами у Гомера, искусственно связали мифы о Троянской войне и о Гераклидах с путешествиями финикийцев (Bunnens, 1979, 316—317; Moscati, 1989, 13). Но уже Страбон отличал Гомера, молчащего о Тире, от тирийских колонистов, воспевающих Тир. Иногда он (I, 2, 35) называет финикийских колонистов на Запа-

де «сидонянами», но делает это только в связи с сообщениями других авторов. Когда же Страбон, как и Саллюстий (Iug. 78,1), тоже называющий колонистов «сидонянами», говорит о метрополии, то упоминает именно Тир.

Мифы о Геракле и Гераклидах нельзя приписать финикийцам. Скорее наоборот: будучи типично греческим героем, Геракл заимствовал некоторые восточные черты (Potscher, 1979, 1051). Видимо, именно к восточному источнику восходит рассказ Диодора (IV, 17—18) о десятом подвиге Геракла. По словам Диодора, во время своего похода на Запад Геракл стоял во главе не только армии, но и флота. Параллельное же предание, довольно древнее и восходящее, по крайней мере, к Стесихору, делает его типично «сухопутным» героем: ведь даже чтобы переправиться через пролив в Испанию, герой должен был заимствовать золотой кубок у бога солнца Гелиоса (Чистякова, 1980, 41—43). Но в целом Геракл остается персонажем эллинской мифологии.

Естественно, что отрицать определенную эллинизацию финикийской традиции невозможно. В эпоху эллинизма, стремясь включить свою историю в общий исторический процесс, многие «варварские» историки создавали свои труды на греческом языке. Этим объясняется появление трудов Бероса и Манефона, а также создание Септуагинты (Шифман, 1987, 14). Евреи, несмотря на господствующую тенденцию отделиться от язычников, настаивали на своем родстве со спартанцами (I Mac. 12, 6—7, 21). Со своей стороны, и греки интересовались историями туземных народов и государств и использовали их традиции в своих построениях. В римскую эпоху Филон Библиский использует труд финикийца Санхунйатона. Он стремился по мере возможности

сблизить финикийские и греческие божества, хотя и в значительной степени трансформировал свои данные в эвгемеритском духе. Тирские хронисты Менандр и Дий не только сами носили греческие имена, но и писали свои хроники на греческом языке. Менандр даже отмечал прибытие в Финикию Менелая после падения Трои (Clem. Alex. Strom. I, 140, 8).

Включение в общий исторический процесс, наиболее существенной частью которого была история Эллады и Рима, привело к принятию греческой историографической схемы, где важнейшей вехой являлась Троянская война. Поэтому неудивительно использование этой вехи и восточными писателями эпохи эллинизма.

На Западе эллинизация местных традиций произошла, по-видимому, еще раньше. В Карфагене эллинизация культуры имела место уже в начале IV в. до н. э. (Циркин, 1987, 164—165, 228—236, 247). В этом же направлении могли действовать и гадитанские жрецы. Хотя в гадитанском храме и существовало определенное недоверие к иностранцам, все же полностью изолироваться от контактов с ними храм не мог. Это видно из слов Эвктемона (Av. Or. Mag. 358—363) о том, что иноземцы должны были покидать святилище как можно скорее. Уже говорилось, что еще большее неприятие иностранцев не помешало иудеям считать себя братьями спартанцев. Поэтому и связь событий своей истории с событиями истории эллинской, особенно таким важным как Троянская война, могла быть установлена западными финикийцами, и эту «привязку» античные авторы могли заимствовать у них. Еще важнее то, что даты, не связанные с этой войной, как сведения Псевдо-Аристотеля и Плиния, относятся фактически к тому же времени.

Таким образом, нет оснований сомневаться в историчности традиции, которая приписывает первый этап финикийской колонизации концу XII — началу XI в. до н. э. (ср.: Delcor, 1995, 340), но это не означает, что ей не предшествовал этап предколонизации. Уже говорилось о следах финикийского присутствия в Эгеиде и более далеких странах, относящихся к XIV—XII вв. до н. э. Интересен в этом отношении рассказ Диодора (V, 35, 4—5), который повествует о финикийских плаваниях в Испанию ради приобретения серебра, которое затем продавалось в Грецию, Азию и другие страны, что приносило огромные доходы. Этот автор под Азией явно подразумевает римскую провинцию Азии, т. е. западную часть Малой Азии. Диодор приводит анекдот, где говорится, что для погружения большего количества серебра финикийцы обрубали якоря своих кораблей и заменили их серебряными. Тот же анекдот рассказывает и Псевдо-Аристотель (*de mir. ausc.* 135). И только после этих плаваний, которые финикийцев весьма обогатили, они приступили к созданию колоний, это подтверждает существование предколонизации (Moscato, 1983, 1—7; Wagner, 1983, 9—14, 18—22). Правда, относится эта предколонизация ко времени, предшествующему основанию Гадеса и других колоний в последней четверти XII в. до н. э. Как уже говорилось, важнейшей причиной колониальной экспансии финикийцев на этом этапе являлось стремление «снять» демографическое напряжение. Однако это было использовано финикийцами, и прежде всего тирийцами, для приобретения значительных экономических выгод. Фукидид (VI, 2, 6), Диодор (V, 20, 1; 35, 3) и Псевдо-Аристотель (*de mir. ausc.* 135) подчеркивают торговый характер деятельности финикийцев. Важнейшей целью их торговли

были драгоценные металлы. Недаром конечными пунктами путей колонизации являлись Фасос с его золотом и Южная Испания с ее серебром. Плиний (VII, 197) и Страбон (XIV, 5, 28) приписывают разработку или даже открытие Пангейских золотых рудников во Фракии тирийцу Кадму. Может быть, финикийцы перебрались и на фракийское побережье? В таком случае возникает вопрос: а не было ли хотя бы доли истины в старом утверждении Ф.К. Моверса о финикийцах во фракийской Абдере, одноименной с финикийской колонией в Испании (Movers, 1850, 284)? Если Ликс был действительно основан между двумя неудачными попытками основать Гадес, то его задачей явно было занять плацдарм на пути к испанскому серебру. Вероятно, промежуточные пункты имели своей целью обеспечить эти пути. Но и сами они, по-видимому, играли определенную роль в торговле, поставляя в метрополию серебро и золото, хотя и в меньшей степени, чем Испания и Фасос, а также пурпурные раковины и хлеб (Meltzer, 1879, 86—89, 448—450; Nuxly, 1972, 36—37). В обмен финикийцы продавали масло, различные безделушки и *αθυρματα* (Diod. V, 35), т. е., вероятно, разукрашенные ткани, амулеты, изделия из слоновой кости и тому подобные вещи (Parrot, Chehab, Moscati, 1975, p. 147; Blazquez, 1975, 44—45). Перед нами типичная колониальная торговля, какую вели много позже карфагеняне на берегах Африки (Her. IV, 196). Подобная торговля не требует сравнимого уровня социально-экономического развития партнеров и может сводиться к «немому обмену», что и делали карфагеняне.

В некоторых случаях финикийцы могли и сами эксплуатировать рудники. Так было на Фасосе. Геродот (VI, 47), упоминая об этом, использует слово *κτισαντες* (причастие от глагола *κτιζω*), которое он

всегда употребляет, говоря об основании города или о первом поселении на данной территории (например, I, 16; II, 99; IV, 144). Поэтому и в данном случае можно считать, что для Геродота финикийцы были основателями фасосских рудников.

Финикийцы основывали и простые опорные пункты для ведения торговли или обеспечения ее безопасности. Важную роль играли храмы, некоторые из которых, как например, храм на Фасосе, сами могли выступать как организаторы производства. Но в это время создавались и настоящие колонии с постоянным населением. Фукидид (VI, 2, 6), говоря о поселении финикийцев на Сицилии и окружающих островках, использует глагол $\omicron\kappa\epsilon\omega$ (в виде имперфекта $\omega\kappa\omicron\upsilon\nu$), что свидетельствует о создании не временных портов торговли, а о колониях с постоянным населением. В еще большей степени эта связь видна в случае с Гадесом и Утикой. Последняя, как уже говорилось, была выведена ради уменьшения количества населения и высылки молодежи. Эта мера была бы бессмысленной, если бы речь шла о временной фактории, жители которой должны были вернуться на родину. Гадес в условиях враждебного окружения, о чем, как говорилось выше, свидетельствуют предыдущие неудачные попытки обосноваться на испанском берегу, мог существовать только как прочный пункт с постоянным населением.

Итак, выделяется четко обозначенный во времени и пространстве первый этап финикийской колонизации. Отсутствие в настоящее время археологических раскопок не может быть доказательством его несуществования. Во-первых, корпус археологических источников — «открытый», и вполне возможны новые находки. Еще сравнительно недавно начало финикийской колонизации в Испании относили к

VI в. до н. э., а сейчас на основании именно археологических исследований можно с уверенностью говорить, по крайней мере, о VIII в. (Martin Ruis, 1995, 17—23). Во-вторых, сам характер финикийского экспорта был в то время таков, что оставлял довольно мало археологических следов.

В XI в. до н. э. финикийская колонизация прекратилась. На Востоке произошли важные изменения. После Тиглат-Паласара I ассирийские цари уже не совершали походов за Евфрат, и Ассирия вскоре вновь вступила в полосу упадка. Должно было пройти несколько веков, прежде чем финикийцы снова ощутили ассирийскую угрозу. Произошли изменения и самих границ Финикии. Взаимоотношения ханаанеев и завоевывавших их евреев и арамеев стали более «цивилизованными», что, видимо, привело к прекращению эмиграции первых на финикийское побережье. Устанавливаются даже связи между финикийцами и евреями, обосновавшимися в северной части Палестины — в Галилее (Kochavi, 1985, 57—58; Mazar, 1985, 62—64). Более открытыми к контактам со своими семитскими соседями стали филистимляне, которые сами все более семитизировались, принимая западносемитскую культуру, включая религию и ономастику (Kempinski, 1987, 20—24). В их городах появляются явные следы мирного сосуществования между филистимлянами и финикийцами. Чекеры ослабли и не могли более угрожать финикийцам. Раскопки показали, что в их поселениях, в том числе в их столице Доре, выявляется ясный слой разрушения, а в более верхнем слое появляются уже финикийцы. Это свидетельствует о завоевании Дора финикийцами (Stern, 1990, 30—32). Так что демографическое напряжение само по себе резко уменьшилось, и финикийцы получили

возможность «снимать» его остатки вблизи самой Финикии.

Были достигнуты и экономические цели колонизации — установлены торговые пути, по которым шло на Восток прежде всего золото и серебро. Торговля этими товарами значительно обогатила Тир. Именно этот город, выведший все финикийские колонии в Средиземноморье, стал главным пунктом связи Ближнего Востока с дальним западом Средиземноморья. Тир, образно говоря, превращается в «Лондон древности» (Chehab, 1970, 35).

ГЛАВА 7

ФИНИКИЯ В НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Установление связей с Дальним Западом обогатило Тир. Город на какое-то время становится важнейшим торговым центром Средиземноморья. Однако изменения передвижения греческих племен после крушения микенских государств стали нешуточной угрозой для тирских позиций в Эгейском бассейне. Об этом свидетельствует рассказ Афинейя (VIII, 360) о событиях на Родосе. Греки, возглавляемые Ификлом, высадившись на Родосе, приступили к изгнанию оттуда финикийцев. Последние укрепились в Ахее и, имея свободный доступ к воде, упорно сопротивлялись осадившим их грекам. И лишь с помощью хитрости и подкупа греки заставили финикийского предводителя Фаланта согласиться на договор, гарантировавший финикийцам свободный уход с острова.

Этот рассказ примечателен во многих отношениях. Сам Афинейя ссылается на родосского историка Эргия, написавшего историю своей родины. Поэтому можно думать, что этот рассказ, несомненно восходящий к местным источникам, представлял одну из начальных глав этой истории. Разумеется, едва

ли можно его воспринимать как полностью исторический: имена, там встречающиеся, относятся скорее к мифологической сфере. Но в самом рассказе нет ничего сверхъестественного. Примечательно название «Ахея». Этот топоним вызывает споры. По мнению многих исследователей, Ахея — акрополь Ялиса (Meuer, 1979, 1304). Другие решительно возражают, считая ее отдельным городом (Колобова, 1951, 66—68). Доводы сторонников последней точки зрения кажутся вполне убедительными, поскольку в одной из схолий к одам Пиндара (Schol. Pind. Ol. VII, 34) прямо говорится, что Ахея была четвертым городом Родоса. Автор этой заметки — Дидим — грамматик I в. до н. э., известный своей ученостью и обилием трудов. С другой стороны, само расположение Ахеи на вершине горы Филерм, у подножия которой располагался Ялис, свидетельствует о тесной связи между этими городами. Поэтому представляется верным компромиссное объяснение, что первоначально Ахея и Ялис были разными городами, но позже слились (Колобова, 1951, 68). Если это так, то рассказ об осаде Ахеи греками должен относиться ко времени до появления родосского Трехградья, когда город был разделен между Ялисом, Линдом и Камиром. А уже в «Илиаде» (II, 655—656) Родос предстает именно в виде Трехградья. Никаких воспоминаний о других городах острова в поэме нет. Так что можно полагать, что существование Ахеи как отдельного города и, вероятно, поселения финикийцев на месте прежнего микенского относится к достаточно древним временам, а изгнание финикийцев надо связать с дорийским завоеванием Родоса, что нас ведет приблизительно к рубежу XI—X вв. до н. э.

Вытеснение финикийцев с Родоса не стало препятствием для развития финикийской торговли как с

Грецией, так и с более западными странами. И все же утрата столь важного стратегического пункта могла прервать прежде всего путь к золотым рудникам Фасоса, что, вероятно, потребовало от тирийцев искать альтернативный источник золота, каким стал Офир.

Точное местоположение Офира неизвестно. Но, вероятнее всего, он располагался где-то в районе выхода из Красного моря в Индийский океан, скорее на аравийском, чем на африканском берегу (Wissmann, 1970, 969—976; Elat., 1979, 533). Чтобы достичь Офира, было необходимо установить тесные связи с Израильским царством. При царе Давиде и его сыне Соломоне это царство стало региональной мини-великой державой. Давид окончательно сокрушил филистимлян, и хотя филистимское Пятиградье продолжало существовать, его значение резко упало. Под властью Давида оказались и значительные территории Заиорданья и Сирии, Южная Палестина (Негев) с выходом в Красное море. Очень важным было то, что израильский царь теперь контролировал важнейшие торговые пути этого региона (Tadmor, 1981, 123). Это в первую очередь заставило тирского царя пойти на союз с Давидом. Другим импульсом к такому шагу была постоянная нужда в поставке продовольствия в Тир. Нельзя сказать, что в Тирском царстве совсем не существовало земледелия. Курций Руф (IV, 4, 20) упоминает тирских земледельцев (*cultores*). И все же собственного продовольствия Тиру явно не хватало. К тому же рост города как торгового центра явно вел к увеличению доли собственно городского населения. Недаром примерно в это время тирский царь Хирам предпринял работы не только по благоустройству города, но и по расширению его территории. И Хирам обращается к Давиду с предложением заключения союза.

К этому времени Давид захватил Иерусалим и сделал его своей столицей и важнейшим религиозным центром. Для укрепления положения Давида не только среди соплеменников, но и среди соседних царей необходима была постройка дворца. И тирский царь, которому принадлежала часть Ливанских гор с их лесными богатствами, поставлял в Иерусалим не только кедровые деревья, но также и плотников и каменщиков для строительства дворца (II Sam. 5, 11; I Chron. 14, 1). Этот акт ни в коей мере не означал признания тирским царем верховенства Давида (Katzenstein, 1973, 95), так же, как просьба Соломона нарубить ему деревьев и прислать их для строительства храма не означала признания верховенства тирского царя. Это был обычный дар одного царя другому в ожидание ответного дара или поступка (ср.: Bunnens, 1978, 7). Таким ответным поступком мог быть факт заключения договора, либо иная форма предоставления тирским купцам возможности использовать Израильское царство для своей торговли, или же поставки продовольствия в Тир. Своей цели Хирам явно добился, хотя конкретные детали события нам неизвестны. Во всяком случае, при восхождении на престол сына Давида Соломона Хирам отправил к нему послов со ссылкой на дружбу, связывавшую его с Давидом (I Reg. 5, 1).

В правление царя Соломона отношения между Тиром и Израилем еще более укрепились. Хирам оказал большую помощь Соломону в строительстве храма Йахве в Иерусалиме, прислав ему не только материалы, но и работников, включая медника, а также, по-видимому, архитектора Хирама, своего тезку (I Reg. 5—6; 7, 13—40). Это была далеко не бескорыстная помощь соседу. В ответ Соломон поставлял в Тир ежегодно двадцать тысяч мер пшеницы и двадцать

мер оливкового масла (I Reg. 5, 11), а Иосиф Флавий (Ant. Iud. VIII, 5, 3) прибавляет к этому еще и вино, им, однако, дары Соломона не ограничились. В качестве платы за поставленное дерево и, видимо, искусных работников израильский царь передал Хираму двадцать городов Галилеи (I Reg. 9, 11). Правда, далее говорится, что Хирам, осмотрев эти города, отказался от них. То же повторяет Иосиф Флавий (Ant. Iud. VII, 5, 3), а в соответствующем пассаже II Книги хроник (8, 2) даже утверждается, что Хирам дал Соломону галилейские города. Последнее утверждение явно надо считать поздней фальсификацией. Утверждение же I Книги царей и явно взятое оттуда утверждение Иосифа Флавия требует некоторого внимания. Дело в том, что раскопки в этом районе показали наличие именно тирской крепости, связанной с районом города Акко, который в то время находился под тирской властью (Lipinski, 1985, 93; Gal, 1990, 93—97). Те же раскопки показали, что эта крепость и город были разрушены в середине VIII в. до н. э., вероятно, в результате похода Салманасара III (Gal, 1990, 97). Во второй половине VII в. до н. э. иудейский царь Иосия захватил часть Северной Палестины и провел религиозную реформу, утвердившую в иудейском обществе монотеизм (Шифман, 1987, 94—95; Tadmor, 1978, 186—189). Может быть, именно тогда и возникло предание об отказе Хирама от галилейских городов.

Союз с Соломоном открыл тирским судам путь к Офиру, откуда тирийцы привозили золото, красное дерево и драгоценные камни (I Reg. 10, 11). Израильский царь тоже использовал Эцион-Гебер как порт для достижения Офира. Но его флот явно играл второстепенную роль в этих экспедициях. Однако посмотрим внимательнее на библейский рассказ (I Reg.

9, 26—27), где автор говорит, что Соломон построил в Эцион-Гебере свой флот. Но далее идет речь уже только о флоте Хирама, который и доставил Соломону богатства Офира, а упоминания об участии подданных Соломона в этой экспедиции нет. Правда, об этом говорится во II Книге хроник (8.18), но в этой более поздней книге вообще отмечается стремление всячески возвеличить царя Соломона и приписать ему как можно больше великих деяний.

Соломон предпочел непосредственно участвовать в средиземноморской торговле Тира. В этом случае прямо говорится об участии израильского флота в тирской экспедиции на запад (I Reg. 10, 22). В этой сфере торговли Тира его царь едва ли был заинтересован в сотрудничестве с израильским владыкой, к чему стремился именно последний. Очень возможно, что согласие Соломона на использование тирскими кораблями Эцион-Гебера было обусловлено решением Хирама допустить корабль иерусалимского царя к торговле с далеким и баснословно (так, по крайней мере, считали на Востоке) богатым Таршишем, т. е. с Южной Испанией. Сотрудничество двух царей было оформлено как «хубур», т. е. торговое товарищество, подобное тому, какое во времена Ун-Амуна существовало между Библом и правителем Нижнего Египта, между Сидоном и находившимся в Египте Уректером (Elat, 1979, 539). Как распределялась прибыль от заморской торговли, мы не знаем. Но Соломону эта торговля приносила огромную выгоду. Описывая с восторгом несметные богатства царя Соломона и отмечая, что все сосуды и во дворце, и в храме были из золота, ибо «серебро во дни Соломона считалось ни за что», библейский автор считает причиной такого изобилия «таршишский корабль вместе с кораблем Хирамовым» (I Reg. 10, 22). В Биб-

лии говорится, что такой корабль приходил раз в три года. Едва ли это может означать, что само плавание длилось столь долго. Это значит лишь то, что израильский корабль включался в тирскую торговую эскадру один раз за три года, хотя трудно себе представить, что сами тирийцы ограничивались лишь такими, по существу, спорадическими, плаваниями. Вероятно, такое ограничение было условием заключения соглашения о «товариществе». Но даже при таком ограничении числа экспедиций на крайний запад Средиземноморья участие в этой торговле, несомненно, было чрезвычайно выгодно. Древние евреи не были морским народом. Сведения о море вообще и о Средиземном море в частности в Ветхом Завете довольно смутные, даже о его восточном побережье известно лишь то, что там много песка, и об островах библейские авторы узнали довольно поздно (Schwarzenbach, 1954, 1—2). Поэтому сотрудничество с тирийцами было для них единственной возможностью подключиться к приобретению заморских богатств.

Если Соломону заморская торговля приносила столь значительные богатства, то можно только вообразить, сколь выгодна была она для тирского царя. С далекого Запада тирские корабли привозили золото, серебро, слоновую кость, диких зверей, в том числе обезьян и птиц (I Reg. 10, 22). Это были товары, предназначенные в первую очередь для украшения дворцов и храмов и для увеселения восточных владык. Значительное количество, если не большинство, полученных ценностей тирийцы продавали другим народам и государствам. В частности, важная торговая дорога соединяла Тир с Дамаском, а отсюда тирийцы проникали южнее, в Заиорданье (Homes-Fredericq, 1987, 89, 96).

Притекающие в Тир богатства Хирам активно использовал. Прежде всего эти богатства дали возможность Хираму провести большие работы по благоустройству самого города. Как уже говорилось, население города, видимо, увеличилось, и возникла необходимость в расширении его территории. Хирам при помощи насыпей увеличил площадь Тира в его восточной, т. е. обращенной к материковой части острова, а также соединил с основным островом другой островок, так что город теперь располагался на одном острове. Одной из главных задач любого финикийского царя было строительство и в случае необходимости перестройка и украшение храмов. Естественно, что этим не пренебрегал и Хирам. По его приказу были разрушены некоторые старые, по-видимому, уже обветшавшие святилища и построены новые, посвященные тирскому городскому богу Мелькарту и особо почитавшейся всеми финикийцами Астарте. Для украшения храмов были широко использованы ливанские кедры. Царь посвятил золотую колонну в храм бога, которого грекоязычный автор называет Зевсом (Jos. Contra Ap. I, 17—18; Ant. Iud. VIII, 5, 3). Филон Библиский (fr. I, 5) отождествляет с Зевсом финикийского бога Баал-Шамима (Владыку Небес). Этот бог весьма почитался в различных финикийских городах, в том числе в Тире. Много позже в договоре между тирским царем Баалом и ассирийским царем Асархаддоном Баал-Шамим назван первым из трех верховных богов-гарантов этого договора (ANET, 534). Можно быть уверенным, что и в рассказе о Хираме речь идет о храме именно этого бога.

Идеологическому аспекту власти Хирам уделял большое внимание. Ему приписывается введение праздника «пробуждения», т. е. воскресения Мелькарта, и постройка его храма (Jos. Contra Ap. I, 18; Ant.

lud. VIII, 5, 3). Это не означает, как иногда полагают, что сам культ Мелькарта был введен в Тире только при Хираме (Moscatti, 1988, 253—256; Mesnil du Buisson, 1973, 44). Хирам, как только что было сказано, построил и храм Астарты, а эта богиня была очень древней, и, по Филону (fr. II, 24), именно в Тире она нашла упавшую с неба звезду, и именно Тир был ее «святым островом».

Что касается Мелькарта, то это был городской бог Тира, Владыка Тира — Баал-Цор, как он назван в одной надписи (KAI, 47), и, как и другие «владыки», олицетворял все ценное и желанное городом (Leslie, 1936, 24). Ему тирийцы приписывали открытие пурпура (Poll. Onom. I, 45) и вина (Ach. Tat. II, 2). В изображениях на воротах его храма в Гадесе он предстает сражающимся с темными порождениями хитонических сил, выступая воплощением светлого начала (Циркин, 1976, 66—70). Несомненно, что в таком значительном морском центре, как Тир, Мелькарт должен был иметь и морской характер, что отражается в рассказе Нонна об основании Тира (Dionys. XI, 443—534). Там говорится, что основатели города по поручению Геракла (т. е. Мелькарта) переправились на Амбросийские скалы, взяв за образец для постройки судна рыбку навтил (кораблик), показанную им богом.

В связи с этим встает вопрос о тождестве Мелькарта с Меликертом, одним из второстепенных божеств Эллады. Греки рассказывали, что он был сыном смертной женщины Ино, которая бросилась в море с младенцем на руках, и оба превратились в морские божества: Ино — в Левкотею, а Меликерт — в Палемона (Apolloclod. III, 4, 3; Ov. Met. IV, 512—541). Вопрос этот спорен, и на нем надо остановиться немного подробнее. В греческом мифе Ино считалась дочерью фини-

кийца Кадма (Od. V, 333—334). С другой стороны, Ино связана с богиней Илифией, и, возможно, оба имени относятся к одному божеству (Astur, 1967, 209—211). По Страбону (V, 2, 8), в этрусском городе Пиргах имелось очень древнее святилище Илифии. Раскопки там дали фрагменты греческой керамики с выцарапанным на них именем Ино, а позже — золотые таблички, в которых отождествляются финикийская Астарта и этруская Уни (Maiuri, 1964, 49—117). Таким образом, можно считать, что, по крайней мере на Западе, Ино — Левкотея — Илифия идентифицировалась с Уни — Астартой. В то же время существовал финикийский миф о рождении Мелькарта Астартой (Циркин, 1977, 74—75). В результате получается, что Мелькерт и Меликерт были рождены одной и той же богиней с разными именами: Илифией — Ино — Левкотеей — Уни — Астартой. Идентификация с Илифией свидетельствует, что этрусков, а, по-видимому, и финикийцев, интересовал один аспект богини — материнский, в первую очередь, как матери Мелькарта. Уже говорилось, что Меликерт, став морским богом, принял имя Палемона. Но Палемон — один из эпитетов Геракла (Hesych. v. Παλαίμων). Существовал также миф о рождении Палемона от Геракла и вдовы Антея (FHG, Pherecid. Fr. 33; Apollod. I, 80). Следовательно, этот бог включается в цикл мифов о Геракле, хотя, вероятно, первоначально он не был с ним связан. А Мелькерт, как известно, отождествляется именно с Гераклом, и это отождествление довольно древнее (Lipinski, 1995, 226—227; Шифман, 1999, 263—264). С Меликертом связан дельфин, который, по мифу, подхватил падающего в море ребенка. Статуя Меликерта верхом на дельфине находилась в храме на Истме (Paus. II, 1, 8). Дельфин перенес Меликерта—Палемона на Истм, и в месте его находки Сизифом был установлен алтарь

этого божества и устроены Истмийские игры (Paus. I, 44, 8; II, 1, 3). Меликерт на дельфине представлен и на коринфских монетах (Stoll, 1894—1897, 2634). Этот же морской зверь представлен и на ранних монетах Тира вместе с Мелькартом (Baramki, 1968, 25; Moscati, 1972, 460—461; Harden, 1980, 157, plate 10 d-e). Дельфин появляется и в чеканке Гадеса (Vives, 1924, 8). Поэтому можно полагать, несмотря на возражения скептиков (Lipinski, 1995, 227), что греческая сага о Меликерте воспроизводит, видимо, в измененном виде финикийский рассказ о смерти и возрождении Мелькарта в морских волнах, что несомненно отражает морской характер Владыки Тира.

Но встает вопрос о времени заимствования греками финикийского сказания. Отождествление Мелькарта с Гераклом возникло не позже VI в. до н. э., и после этого Мелькерт ни с каким персонажем греческой мифологии не отождествлялся (Dussaud, 1946—1948, 216—222). Гомер (Od. V, 333—335) упоминает богиню Левкотею, которая ранее была смертной женщиной Ино. Можно говорить, что в гомеровскую эпоху был уже известен весь миф, включая рассказ о прыжке Ино в море с Меликертом на руках. Меликерт был связан с Беотией и Коринфом. В Беотии правил его отец Амафант, и эта область была родиной Ино, дочери Кадма (Apollocl. I, 9, 1; III, 4, 1—3). Характерно, что греческая мифология связывает Кадма именно с Тиром. В Фивах, как об этом уже говорилось, были найдены цилиндрические печати, что свидетельствует о связях этого города с Востоком и, очень вероятно, о роли Тира. На Истме вынес Меликерта дельфин, и там были устроены Истмийские игры, которыми руководили коринфяне. Другим «господином» этих игр был Посейдон (Reinmuth, 1979, 1474—1475). Это естественно, ибо Посейдон был од-

ним из великих олимпийских божеств. Труднее понять роль Меликерта. Маловероятно, что столь знаменитые игры были посвящены такому второстепенному богу, как Меликерт — Палемон. Поэтому надо принять, что в какое-то время Меликерт играл гораздо большую роль, чем в I тысячелетии до н. э. Возможно, что, когда Посейдон стал морским богом, каковым он не был в микенскую эпоху (Бартонек, 1991, 200), он соединился с Меликертом как «господин» этих игр. А если Ино действительно была связана с Илифией или даже являлась ее ипостасью, то надо вспомнить, что Илифия включалась в микенский пантеон (Бартонек, 1991, 206). В свое время говорилось, что контакты Тира с греческим миром возникли уже в микенскую эпоху. И все это позволяет думать, что заимствование сказания о Мелькарте, превращенном в Меликерта, тоже надо отнести к этой эпохе. Следовательно, культ Мелькарта существовал в Тире задолго до царствования Хирама.

По уже приводимым словам Геродота (II, 44), храм Мелькарта существовал в Тире со времени основания самого города, причем греческий историк ссылается на слова жрецов этого храма, который он видел собственными глазами. В то же время известно, что Хирам заново построил святилища Мелькарта и Астарты. Иосиф Флавий, приведя сообщение об этом Менандра Эфесского, в одном месте (*Contra Ap. I, 18*) говорит, что тот использовал туземные источники, а в другом (*Ant. Iud. VIII, 5, 3*) — что Менандр перевел тирские хроники на греческий язык. Поэтому нет оснований сомневаться в словах этого автора. Противоречие между сообщениями Геродота и Менандра может, как кажется, разрешить сам Геродот, который говорит, что кроме того храма, о древности которого ему рассказали его жрецы, в Тире существ-

вовал храм Геракла, т. е. Мелькарта Фасосского. Представляется, что речь идет об ипостаси Мелькарта, почитаемого на этом острове. То, что финикийские божества могли иметь несколько ипостасей, подтверждает пример Астарты, чьей сицилийской ипостасью была Астарта Эрицинская (Le Glay, 1966, 354; Moscati, 1968, 91—94). Поэтому возможно, что храм, построенный Хирамом, мог быть храмом этой ипостаси. Это вполне соответствует исторической обстановке, когда были прерваны связи с золотоносным Фасосом, и в этих условиях постройка храма Мелькарта Фасосского должна была помочь восстановлению отношений. Интересно еще одно предположение: сообщение Мелькарта надо понимать так, что Хирам построил совместное святилище Мелькарта и Астарты (Garbini, 1980, 75, num. 5). Если принять это предположение, то ясно, что речь идет не о том храме, который упоминает Геродот.

Труднее решить проблему праздника воскресения Мелькарта. Смерть и воскресение бога принадлежат к глубокому слою его мифологии и отражают во многом (хотя и не только) аграрную природу Мелькарта, явно предшествующую морской. И все же это не основание для отрицания древности культа самого бога. Существует разница между культом и праздником. Вполне возможно, что сама по себе вера в бога и его воскресение была довольно древней, но сам праздник был установлен только Хирамом. Известную аналогию представляет религиозная политика афинского тирана Писистрата в VI в. до н. э. Он первым стал праздновать Великие Дионисии и Великие Панафиней и перестроил храм Афины (Колобова, 1961, 54—57, 62), но сами Афина и Дионис почитались греками еще в микенскую эпоху (Бартошек, 1991, 201, 205). Имя Мелькарт означает «Царь го-

рода», и под «городом» подразумевался именно Тир. В одной из надписей (KAI, 47) он назван Баал-Цор — Владыка Тира. Будучи главным покровителем города, Мелькарт был тесно связан с царской властью и самой фигурой царя (Lopez Castro, 1995, 29). Перестройка храма и введение праздника воскресения бога возвеличивали самого Хирама и еще больше укрепляли его власть.

Власть Хирама распространялась не только на сам город Тир и его ближайшие окрестности. Если израильский царь просил его послать своих рабов вместе с собственными нарубить ливанских кедров (I Reg. 5, 6), следовательно, под властью тирского царя находилась какая-то часть этих гор. Это же совершенно ясно вытекает и из сообщений Дия и Менандра, чьи данные взяты непосредственно из тирских документов и хроник. Те же сведения приводит Иосиф Флавий (Ios. Contra Ap. I, 17—18; Ant. Iud. VIII, 5, 3), где говорится, что Хирам сам направился на Ливан и приказал нарубить кедров для тирских храмов. Под властью Хирама явно находились финикийские города южнее Тира и даже некоторые северопалестинские, как Акко, Ахзив, Дор (Aubet, 1994, 68—69). В Ахзиве именно в X в. до н. э. отмечены изменения в некрополе (Prausnitz, 1982, 32); которые могут свидетельствовать о переменах в политическом статусе города. Названные города оказались дополнительными портами Тира на средиземноморском побережье, вероятно, позволив ему еще более интенсифицировать торговую активность. Возможно, именно Дор был тем портом, из которого отправлялись совместные тирско-израильские экспедиции в далекое Западное Средиземноморье, и раскопки показывают, что это было временем расцвета города (Stern, 1990, 16). К этой части Тирского царства примыкали

те галилейские города, которые Хирам якобы получил от Соломона. К северу от Тира его царю подчинилась Сарефта (Aubet, 1994, 66). Так что можно говорить, что под властью тирского царя находилась довольно значительная территория на азиатском материке. Власть царя распространялась и на колонии за морем.

Сохранилось известие о карательной экспедиции, предпринятой Хирамом против одной из колоний, отказавшейся платить ему дань (Jos. Contra Ap. I, 18; Ant. Iud. VIII, 5, 3). В тексте Иосифа Флавия название этой колонии испорчено, оно дано как *Ἰτυκαίος* (или */τυκαίος*). Одни исследователи считают, что речь идет об Утике в Африке, другие, исправляя *τυκαίος* на *Κίταιος*, полагают, что здесь говорится о Китии на Кипре (Katzenstein, 1973, 84—85). Сторонники второй точки зрения ссылаются на то, что Утика находилась слишком далеко от Кипра, и Хирам, отправившись на подчинение непокорной колонии в начале своего правления, не мог уйти от Тира надолго, ибо это было опасно (Katzenstein, 1973, 85). Думается, что эти доводы едва ли обоснованы. Мы ничего не знаем о какой-либо угрозе Хираму, которая не пустила бы его отправиться в карательную экспедицию. Значение африканской колонии, откуда, как и из Таршиша, приходили важные товары, было столь велико, что пренебречь мятежом в колонии тирский царь не мог. О финикийской колонизации Кипра речь пойдет позже, а пока отметим, что, судя по последним данным, в X в. до н. э. в Китии финикийской колонии еще не существовало. С другой стороны, уже давно палеографические доводы заставили ученых принять написание мятежного города как указание на Утику (Gutschmid, 1893, 479). Итак, под властью Хирама оказалась значительная держава, в кото-

рую входили и территории азиатского материка, и колонии, разбросанные по берегам Средиземного моря. Влияние Тира и особенно тирской торговли выходило далеко за пределы этой державы, как об этом будет сказано ниже.

Сыну и наследнику Хирама Баалезору уже пришлось столкнуться со значительными трудностями. Во второй половине X в. до н. э. на Ближнем Востоке происходят значительные политические и экономические изменения. В Египте к власти пришел ливийский предводитель Шешонк, ставший основателем XXII династии, с которой начинается новый период египетской истории — Позднее царство. Шешонк поставил своей целью возродить прежнее величие Египта и восстановить египетскую власть в Азии. Новый фараон дал приют бежавшим в Египет вождям неудавшихся восстаний против Соломона, надеясь использовать их в будущем. Такой момент настал, когда после смерти Соломона северные племена Израиля восстали против его сына Ровоама. Вернувшийся из Египта Иеровоам возглавил восстание, результатом которого стало разделение древнееврейского царства на северное, сохранившее название Израиль, и южное, называющееся Иудеей. Распад этого царства дал возможность Шешонку вторгнуться в Палестину, где он захватил Иерусалим и ограбил царский дворец и храм Йахве (I Reg. 14, 25—26). Ровоам был вынужден уплатить египетскому владыке довольно значительную дань. Не меньше, а может быть, и больше, пострадал Израиль. В Мегиддо фараон поставил свою победную стелу (ANET, 264). Были разрушены многие укрепленные израильские города, и часть страны фараон подчинил своему влиянию (Тадмор, 1981, 145). Следующей целью Шешонка была Финикия.

Как и в далекие времена могущества Египта, базой египетской экспансии стал Библ. Там обнаружены победная стела Шешонка, подобная найденной в Мегиддо (ANET, 264), и статуи самого Шешонка и его сына Осоркона, на которых оставили свои надписи библские цари Абибаал и его сын Элибаал (Katzenstein, 1973, 122; Scandone, 1984, 159). Последнее обстоятельство может свидетельствовать о признании библскими царями верховной власти фараона. Никаких других следов подчинения Финикии Египту не обнаружено, хотя сам Шешонк хвалился полным подчинением стран «фенху» и данью из страны Хару, т. е. Сирии (ANET, 263; Katzenstein, 1973, 121). Видимо, подчинением Библа египетские успехи и ограничились. Библ недолго оставался под властью Египта. После Осоркона никаких следов египетского подчинения в Библи нет. Попытка восстановления египетской власти в Азии, в том числе в Финикии, оказалась лишь эпизодом. Торговые отношения между этими странами не только продолжали существовать, но и расширялись. В Финикии даже на севере страны, в Арваде, найдены, хотя и немногочисленные, египетские изделия, преимущественно скарабеи и каменные сосуды, иногда с именами фараонов (Scandone, 1984, 154—160). О политическом подчинении Египту не могло быть и речи.

Распад единого еврейского царства лишил Тир важного политического союзника и торгового партнера. Хотя на иудейском троне осталась династия Давидидов, с основателями которой тирский царь поддерживал прекрасные отношения, сама Иудея мало привлекала тирийцев, так как она была относительно отсталой страной со сравнительно слабо развитой торговлей. Большее значение имело стратегическое положение Иудеи. Однако после распада еди-

ного царства иерусалимские цари надолго потеряли и контроль за Южной Палестиной, и доступ к Красному морю, ибо эдомитяне, подчиненные в свое время Давидом, вновь стали независимыми (Tadmor, 1981, 136). Только через несколько десятилетий, ближе к середине IX в. до н. э., иудейский царь Иосафат снова овладел Эцион-Гебером и попытался оттуда добраться до Офира (I Reg. 22, 47—49; II Chron. 20, 35—36). Характерно, однако, что, не имея ни собственных кораблей, ни опытных моряков, иудейский царь обратился за помощью не к Тиру, как это сделал в свое время Соломон, а к Израилю (II Chron. 36). По данным I Книги Царей (22, 49), инициатива такой помощи вообще исходила от израильского царя, но его иудейский «коллега» отверг предложение. Как бы то ни было, в финикийцах вообще и тирийцах в частности иудеи теперь заинтересованы не были. Это заставило финикийских купцов искать обходной путь. После распада еврейского царства снова усилились филистимляне, и финикийцы, которые и ранее поддерживали с ними достаточно хорошие отношения, стали использовать филистимскую Газу как стартовый пункт на пути к Акабскому заливу в обход южных границ Иудеи, о чем свидетельствуют надписи финикийских торговцев вдоль этого пути (Dalavault, Lemaire, 1979, 28—29, № 52—55). Более тесные связи финикийцы, особенно тирийцы, сохранили с северным царством — Израилем, в котором были более развиты ремесло и торговля (Elat, 1979, 541—545).

Еще одним важным элементом изменений в политической обстановке переднеазиатского региона явилось образование в Сирии ряда арамейских государств, важнейшим из которых стал Дамаск (Klengel, 1992, 206—212). Очень скоро этот город превратил-

ся в значительный торговый центр, который стал для финикийцев важным узлом торговых связей как с Аравией, так и с Северной Сирией (Homes-Fredericque, 1987, 89—96; Lemaire, 1987, 53—54).

Все эти события привели к изменению геополитической ситуации в Передней Азии, с чем финикийские цари, особенно тирские, и их подданные должны были считаться.

Не менее значительными были и экономические изменения. Хотя обычно начало железного века помещают около 1200 г. до н. э., в конце II тысячелетия до н. э. процесс замещения бронзы железом шел еще очень медленно. Только в X в. до н. э. в Восточном Средиземноморье доля железа стала составлять 69% среди орудий, 54% среди оружия и 64% среди украшений (Geiss, 1987, 399). В некоторых странах эта доля была еще выше. Так, в балканской Греции из железа в X в. до н. э. изготовлялось уже 100% орудий и 64% оружия; в Сирии эти доли были соответственно 86% и 60% (Geiss, 1987, 395, 398). Хотя археологические находки вполне могут изменить конкретные цифры, в целом приведенные данные показывают, что именно в X в. до н. э. восточносредиземноморский регион и Передняя Азия полностью вступили в железный век. Это радикально изменило структуру производства и потребовало изменения структуры торговли. Последнее в первую очередь касалось именно финикийцев.

Свидетельством тирской торговли является интересный памятник: пророчество Иезекиила о Тире (Ez. 27). В поэтический текст пророчества вставлен прозаический отрывок (27, 12—24), где монотонность географических перечислений контрастирует со страстной поэтической речью пророка (Bunnens, 1979, 90). Возникает первый вопрос: при-

надлежит ли этот отрывок самому Иезекиилу или же он позже вставлен в пророчество? Соответственно, надо ли рассматривать 27 главу как единое целое и делать выводы о размере тирской вселенной на основании всей главы независимо от нахождения тех или иных топонимов либо этнонимов в поэтическом или прозаическом тексте или разбирать оба текста отдельно? В науке имеются сторонники и той, и другой точки зрения (например, Diakonoff, 1992, 168—193; Garbini, 1980, 65—69). Поэтому посмотрим на содержание прозаического текста, сравнивая его с поэтическим.

В обоих текстах явно не совпадает содержание. Отрывок 27, 4—11 говорит об использовании тирийцами ресурсов разных народов и городов для своего города, который сравнивается с кораблем, о чужеземцах, служащих в армии Тира, о ремонте тирских кораблей в Библие. Прозаический текст (27, 12—24) полностью посвящен тирской торговле. В нем почти постоянно используются слова с корнями *shr* и *gkl*, отсутствующие в поэтическом тексте (Garbini, 1980, 67—68). Не совпадают и топонимы в обоих отрывках. Можно было бы отметить только одно исключение: прозаический отрывок начинается с упоминания Таршиша (27, 12), а первый стих возобновившегося поэтического текста (27, 25) говорит о таршишских кораблях. Но так как выражение «таршишский корабль» к тому времени явно стало *terminus technicus*, то и это исключение надо отбросить.

Пророчества Иезекиила были произнесены в 593—571 гг. до н. э. (Шифман, 1987, 42). Однако в прозаическом перечислении торговых партнеров Тира отмечены такие, которые в то время уже не существовали. Так, там упоминаются Дамаск (27, 18) и Израиль, точнее — земля Израиля (27, 17), между тем,

как эти государства исчезли с политической карты Ближнего Востока в 30—20 гг. VIII в. до н. э. (Hawkins, 1982, 424, 427). Дамаск как город еще продолжал существовать, но после ассирийского завоевания уже не играл ни политической, ни экономической роли (Klengel, 1985, 54). Уже около тридцати лет лежал в развалинах и полностью обезлюдел Ассур (Hrouda, 1971, 278), тоже названный среди контрагентов Тира (27, 23). После распада Фригийского царства едва ли мог быть активным торговым партнером Тира Мешех (27, 13).

Наличие таких анахронизмов привлекает внимание исследователей, и делаются попытки их объяснить (Bunnens, 1979, 88—90). Можно предположить, что пророк, дабы подчеркнуть размах тирской торговли и тем самым по контрасту глубину падения Тира, намеренно допустил анахронизмы, надеясь на память слушателей. Однако нагромождение таких анахронизмов слишком большое, чтобы оправдать подобное намерение. Один из них, Ассур, был хорошо знаком слушателям Иезекиила, и они прекрасно знали, что его больше не существует, тем более что пророчество было обращено не к жителям Палестины, а к тем иудеям, которые уже были уведены в плен и находились в Месопотамии (1, 1—3). На них, увиденных в плен вавилонянами, большее впечатление могли бы произвести упоминания самого Вавилона или других городов Ново-Вавилонского царства, чем уже не существующей древней столицы уничтоженной Ассирии. При этом упоминается именно Ассур, а, например, не Ниневия, которую считали великим городом, каким он и предстает в пророчестве Ионы (1, 2; 3, 2) (как бы ни датировать эту книгу). С другой стороны, ни для иудеев, оставшихся на родине, ни для тех, кто был переселен в землю халдей-

скую на реку Ховар (1, 1—3), практически ничего не значил Мешех, ибо связи Иудеи едва ли простирались столь далеко на север.

Группа топонимов, помещенных в начале прозаического списка (27, 12—15), привлекает внимание тем, что здесь упомянуты Таршиш, Иаван, дом Тогармы и Дедан. Если отождествить Дедан и Доданим (Tsirkin, 1991, 123), то все эти топонимы упомянуты в начале «Таблицы народов» среди потомков Иафета (Gen. 10, 2—3). Однако оба списка совпадают не абсолютно. Список пророчества Иезекиила более краток: в нем отсутствуют Элисса и Киттим, упомянутые в поэтическом тексте (27, 6—7), Гомер с сыновьями Ашкеназ и Рифат, а также Магог, Мадай и Тирас. Гомер, как давно признано, обозначает киммерийцев, Ашкеназ — скифов, Мадай — мидийцев. Ко времени Иезекиила киммерийцы, по-видимому, уже сошли с исторической арены, но скифы и мидийцы были весьма действенны. О скифах (Ашкеназ) выразительно говорит Иеремия (51, 27) приблизительно в это же время. Полагают, что о них же идет речь в других местах пророчества Иеремии (5, 15—18; 6, 22—23), где говорится об ужасном северном народе, грозящем сразиться с дочерью Сиона и уничтожить дом Израиля (Хазанов, 1975, 222). Что же касается Мидии, то именно конец VII — начало VI в. до н. э. было временем расцвета этого царства (Дьяконов, 1961, 55—57).

Неупоминаемый в прозаическом отрывке Магог неоднократно встречается в других местах пророчества Иезекиила (38, 2; 39, 6). Упоминание связанного с Магогом Гога снова встречается у пророка, но уже без Магога (39, 1). Существует очень обоснованное предположение, что в имени Гог отразилось воспоминание о лидийском царе Гиге (Гугу), оставшемся в

народной памяти как ужасное бедствие (Дьяконов, 1981, 48). Что бы конкретно ни означал Магог, ясно, во-первых, что он связан с севером и, во-вторых, что Иезекиил знает это имя, в то время как в прозаическом отрывке из его же пророчества оно не встречается там, где его можно было бы ожидать.

Все эти упоминания имен, которых не должно было быть в тексте времени Иезекиила, и упоминания достаточно известных, в соединении со стилистическими особенностями отрывка говорят о том, что прозаический отрывок 27 главы не принадлежит к ее оригинальному тексту, в чем надо согласиться с рядом исследователей (Garbini, 1980, 65—69; Lemaire, 1987, 54; Vaurain, Bonnet, 1992, 54). Проведем мысленную операцию и изыдем из текста главы стихи 12—24. Такая операция не нарушает цельности текста. Рассказав о Тире-корабле, о народах, служащих ему, автор затем говорит о таршишских кораблях, которые были тирскими караванами, о гребцах, которые завели корабль-Тир в открытое море, и как результат всего этого — о кораблекрушении Тира и затем уже о скорби по этому поводу. Так что особой надобности в тщательном перечислении торговых партнеров Тира в этой главе нет, и без них действие развивается вполне логично.

Возникает, однако, вопрос, как могла быть такая значительная интерполяция внесена в священный и неприкосновенный текст пророчества, произносимого от имени Бога (Diakonoff, 1992, 169). Пророки были прежде всего ораторами (Mellor, 1972, 50). Так, часть пророчества Иеремии записал Варух (Jer. 36, 4). Но такая немедленная и непосредственная запись слов пророка в данном случае объясняется особыми обстоятельствами, в которых находился Иеремия: он был в заключении, поэтому не мог сам выступить с

пророчеством и поручил это сделать Варуху (Jer. 36, 5—7). Упомянутые в пророчествах Исаяи (8, 1) и Иезекиила (2, 9—3, 2) свитки имеют чисто символический смысл: в них записаны не сами пророчества, а ключевые слова проповеди, в одном случае — «спешит грабеж, ускоряет добыча», в другом — «плач и стон, и горе». Они в значительной степени выражают смысл проповеди, но не являются непосредственно пророчествами. Иудейская традиция приписывает запись пророчества Иезекиила, как и ряда других ветхозаветных книг, Большой Синагоге, действовавшей во времена Ездры, т. е. приблизительно в середине V в. до н. э. (Anderson, 1970, 16). Существовал ли к этому времени окончательный письменный текст пророчества Иезекиила или же оно все это время бытовало в устной форме, точно неизвестно. Во всяком случае ясно, что пророчества не оставались неизменными со времени их произнесения (Anderson, 1970, 147; Mellor, 1972, 62). Различные варианты текстов Иеремии и Аввакума в Септуагинте и еврейском каноне, причем еврейский текст подтвержден кумранскими находками, показывают, что не только в середине IV, но и в III в. до н. э. окончательного, признанного неприкосновенным текста буквально всех пророчеств еще не было. Поэтому вполне можно полагать, что в книгу Иезекиила до ее окончательной записи Большой Синагогой могли вноситься те или иные изменения. Можно предполагать, что кто-либо из слушателей или учеников пророка (необязательно непосредственных, но его школы), удивленный отсутствием в пророчестве о Тире, известном прежде всего как один из крупнейших торговых центров Ближнего Востока, перечня торговых партнеров этого города, внес в текст пророчества недостающие сведения (ср.: Mellor, 1972a, 114—115; Pons, 1987,

465). Не обладая поэтическим и ораторским даром Иезекиила, этот человек прозой изложил недостающий, по его мнению, материал. Определенное единство, в том числе лингвистическое (Garbini, 1980, 67—68), этого отрывка говорит, что речь идет не о компиляции разных текстов, а об использовании какого-то цельного источника.

Чтобы определить конечное происхождение этого источника, надо в первую очередь обратить внимание на группировку топонимов и этнонимов. Они объединены в четыре группы. Первую составляют Таршиш, Иаван, Тубал, дом Тогармы и Дедан (27, 12—15). Если, как уже говорилось, отождествить Дедан и Доданим, то все они, помещенные во главе списка, упоминаются в «Таблице народов» среди потомков Иафета (Gen. 10. 2—4), которые занимали северную, западную и северо-восточную периферию библейского мира с центром в Малой Азии.

Вторую группу составляют Арам, Иудея и земля Израиля, Дамаск, Дан и Иаван из Узала (27, 16—19). Не кажется необходимым обязательно видеть в слове «Арам» ошибку переписчика и изменять его на «Эдом» (Diakonoff, 1992, 190). Конечно, под Арамом в Библии понимается вся Сирия, включая Дамаск. Однако в данном случае возможно выделение Дамаска из всей страны из-за важности его для тирской торговли. Трудно локализовать Дан и Иаван из Узала. Ясно, что определение *m'wzl* уточняет, что речь идет не о привычных слушателю или читателю Дане и Иаване. Может быть, это киликийские Доданим и греки, обосновавшиеся либо в Киликии (и тогда можно вспомнить о загадочных гипахейцах Геродота VII, 91, живших в этой области), либо в устье Оронта или Аль-Мине. Не исключено, что эти слова вообще надо понимать не как названия, а как обозначения вин-

ных пифосов из Изалы, расположенной в Северной Месопотамии вблизи сирийской границы, путь к которой тоже мог идти через Дамаск (Diakonoff, 1992, 188, n. t). Как бы то ни было, все эти топонимы располагаются в сравнительной близости от Финикии, у ее северных, восточных и южных границ.

Третья группа — Дедан, Аравия, Кедар, Саба и Раема (27, 20—22). Все они относятся к Аравии. И четвертая группа — Харран, Кане, Эден, Ассур и Килмад, к которым присоединяются купцы Сабы (27, 23—24). Те топонимы, которые можно локализовать бесспорно, относятся к Северной Месопотамии. Видимо, здесь располагался и Кане, если учесть, что Исайя (10, 9) сравнивает ее с Кархемышем, как Дамаск — с Самарией (Diakonoff, 1992, 191). Что касается Эдена ('dn), то едва ли его надо помещать в Аравии, видя в нем Аден. Это, вероятнее, арамейское княжество (или, скорее, еще племенное объединение) на Евфрате. Непонятна роль сабейских купцов в этом регионе, тем более что практически повторяется предыдущий стих, упоминающий купцов из Сабы и Раемы. Может быть, речь идет о каких-то южноаравийских купцах, с которыми финикийцы встречались не только на их родине, но и в Ассирии.

Сравнивая этот список со списком «Таблицы народов» (Gen., 10), можно видеть принципиальную разницу между ними. В последней только немногочисленные потомки Иафета выделяются по географическому принципу. Остальные народы и государства группируются по принципу чисто политическому: те, которые были дружественны Иудее или по крайней мере которых иудеи хотели представить как дружественных, включаются в число потомков Сима, недружественные — потомков Хама. Этим и объясняется кажущаяся хаотичность нагроможде-

ния топонимов. В данном же случае политические пристрастия автора не играют никакой роли в группировке топонимов. Вся она подчинена практической цели: объединить территории по удобству их торговых связей с Тиром и товарам этих территорий. Автор создавал как бы некий вид торгового itineraria. Иудея, как уже упоминалось, не играла значительной роли в ближневосточной торговле. Тем более это было не актуально для изгнанников, к которым обращался Иезекиил. Но зато известными торговцами были финикийцы.

Другая особенность рассматриваемого текста относится к Аравии. В 20—22 стихах перечисляются различные территории этой страны. Но среди них отсутствует Офир, который упомянут в «Таблице народов» среди потомков Сима (Gen. 10, 29). В Тель-Касиле был найден остракон VIII в. до н. э. с надписью «золото Офира» (Harden, 1980, 150; Lemaire, 1987, 53). Этот остракон — иудейский или филистимский. В связи же с финикийцами, в том числе тирийцами, топоним «Офир» более не встречается. Уже говорилось, что иудейский царь Иосафат неудачно пытался возобновить плавания в Офир, но никакого участия в этой попытке финикийцы не принимали. Поэтому можно предположить, что в палестинской среде (еврейской и, может быть, филистимской), для которой связи со странами далекого юга были лишь воспоминаниями, название «Офир» еще жило, даже если речь шла не о происхождении, а о качестве золота (Lemaire, 1987, 53), в то время как для финикийцев, установивших прямые контакты с Южной Аравией (Bron, 1988, 25), оно заместилось более дробной и реальной номенклатурой. То, что Саба и Раема заменили в списке в пророчестве Иезекиила Офир I Книги Царей, говорит и сходство това-

ров, которые оттуда поступали — золото и драгоценные камни.

И наконец, третья особенность отрывка состоит в том, что Иудея и земля Израиля названы в общем ряду торговых партнеров Тира, никак из числа других не выделяясь. Это было бы чрезвычайно странно для еврейского (иудейского или израильского) автора. Все эти особенности говорят о том, что рассматриваемый прозаический текст финикийского, а скорее всего, тирского происхождения.

Пророчество Иезекиила в целом соответствует взглядам и настроениям иудеев, оказавшихся в вавилонском плену (Pons, 1987, 465). Возвращение из плена сопровождалось резкой ортодоксальной реакцией и закрытием общины от внешнего мира. В этих условиях иудеи, вернувшись в Палестину, едва ли осмелились бы внести финикийский текст в уже ставшее священным пророчество. Скорее всего, заимствование произошло в Месопотамии, где сравнительно недалеко от иудейских изгнанников жили тирские (Mazar, 1986, 81).

Возникает, однако, вопрос: почему в прозаическом тексте не упомянуты ни Египет, ни Кипр (киттим) (Bunnens, 1979, 90). Полагать, что тирийцы не были знакомы с этими странами, нелепо. Не следует забывать, что главным контрагентом египтян в Финикии был Библ. Тирийцы же установили торговые отношения со страной Нила много позже, вероятно, уже после того, как установление арабского контроля над дорогой от Газы к Акабскому заливу затруднило тирскую торговлю с Южной Аравией, и тирийцы стали искать путь к Красному морю через Египет; во всяком случае, пока наиболее ранние следы тирско-египетских связей относятся к концу VII в. до н. э. (Lemaire, 1987, 56—59). Что же касается Кипра (об этом подроб-

все речь пойдет ниже), то финикийские города этого острова непосредственно зависели от тирского царя, так что отношения между Тиром и Кипром строились на иных основах, нежели торговые.

Если перед нами финикийский текст, то к какому времени он относится? *Terminus ante quem* является 732 г. до н. э., год падения Дамаска, или 733—720 гг. до н. э., когда ассирийский царь Саргон II захватил Самарию и подавил восстание Дамаска. *Terminus post quem* — смерть Соломона и распад еврейского царства на Иудею и Израиль, т. е. 928 г. до н. э. (Kutsch, 1979, 372; Tadmor, 1981, 134, 166—173; Klengel, 1992, 224—225). Обычно полагают, что этот прозаический отрывок отражает торговую ситуацию первой половины VIII в. до н. э. и, следовательно, к этому времени и относится (Garbini, 1980, 69; Baurain, Bonnet, 1992, 54; Lemaire, 1987, 54; Bernardini, 1993, 44). Однако думается, этот текст можно «удревнить» по крайней мере на столетие, если не больше.

Среди торговых партнеров Тира в Ассирии упоминаются Ассур и Харран (27, 23), но нет ни Ниневии, ни Калаха, которые названы в «Таблице народов» (Gen., 10, 11). Между тем Калах был очень важным центром Ассирии. Он строился Ашурнасирапалом II сразу же как царская резиденция, и оттуда этот царь начал свой первый поход в 878 г. до н. э. В строительстве этого города принимали участие многие мастера из разных стран, в том числе финикийцы, рукам которых, вероятно, принадлежат украшения из слоновой кости в царском дворце. И после Ашурнасирапала II Калах продолжал играть важную роль в жизни Ассирии, оставаясь ее фактической столицей до постройки Саргоном II Дур-Шаррукина (Frankfort, 1969, 73, 191; Hrouda, 1971, 220; Grayson, 1982, 253—258). Значительную роль играла и Ниневия, в

которой, в частности, засвидетельствовано присутствие финикийских торговцев (Lipinski, 1975, 1—6). Поэтому странно отсутствие в рассматриваемом отрывке этих городов. Конечно, можно предполагать, что под Ассуром подразумевается не город, а государство. Но упоминание Харрана, очень древнего города Ассирии, одного из ее священных городов (Оппенхаймер, 1980, 120, 357), наряду с Ассуром заставляет сомневаться в этом предположении. Поэтому представляется более реальным, что текст был составлен до постройки Калаха, т. е. самое позднее в начале IX в. до н. э.

Такая хронология может объяснить и упоминание Эдена, если под этим названием подразумевается Бит-Адини. Когда текст был составлен, это объединение, как и другие арамейские государства и племенные объединения и неохеттские княжества Верхнего Евфрата и Северной Сирии, еще существовало, чего уже не было в первой половине VIII в. до н. э. (Grayson, 1982, 260; Hawkins, 1982, 332). Может быть, воспоминание о сравнительно недавнем разделении еврейского царства отразилось в объединении в мысли автора Иудеи и земли Израиля (yhwdh w'rs ysr'l); автор мог еще не привыкнуть, что Израиль — независимое государство, а не часть царства Давидидов, чьим государством оставалась Иудея. В таком случае составление текста можно «подтянуть» еще ближе, к 928 г. до н. э. И все это ведет к мысли, что прозаический отрывок из пророчества Иезекиила отражает торговые связи Тира и структуру его торговли в конце IX в. до н. э.

Среди контрагентов Тира первое место занимает Таршиш. Само слово «таршиш» неоднократно встречается в Библии, обозначая и камень, и тип корабля, и даже собственное имя, но также (как в данном случае) название страны (Tyloch, 1978, 48). Точная лока-

лизация этой страны до сих пор вызывает споры (Bunnens, 1979, 339—347). Поэтому, прежде чем говорить о роли Таршиша в тирской торговле, надо установить его местонахождение.

Исайя (23, 6) призывает обитателей острова, т. е. жителей Тира, под угрозой гибели переселяться в Таршиш. Массовой исход из Тира возможен только через Средиземное море. В рассказе о приключениях Ионы говорится, что Бог потребовал от него направиться в Ниневию и проповедовать там, но Иона пошел в Яффу и сел там на корабль, отправлявшийся в Таршиш (Jon., 1, 1—3). Оба эпизода ясно указывают на средиземноморскую локализацию Таршиша. Принимая эту локализацию, некоторые ученые помещают Таршиш в Киликии, отождествляя его с Тарсом (Lorimer, 1950, 66; C. Charles-Picard, 1970, 93—95; Римшнейдер, 1977, 24—25). Уже в древности такое отождествление принял Иосиф Флавий (Ant. Iud. I, 6, 1), однако это едва ли возможно. На финикийских монетах персидского времени имя Тарса передано как *trz*, а в аккадских надписях его именуют *Tarzi* (Шифман, 1963, 17; Galling, 1972, 7), в то время как Таршиш — *trss*. В Книге Ионы Бог предстает как повелитель всего мира, и не только людей, но и животных (Eissfeldt, 1956, 444—445). Так что избежать повиноваться ему можно только, убегая на край света, каковым сравнительно близкая Киликия конечно же не была.

Это же соображение заставляет отвергнуть локализацию Таршиша в Сардинии (Albright, 1961, 361). К тому же Нора — сардинский город, где найдена древнейшая финикийская надпись Запада, в первой строке которой также упоминается Таршиш (KAI, 46), в античной традиции связывается с Тартессом в Испании (Paus. X, 17, 5; Solin IV, 1). В псалме LXXII, со-

ставленном приблизительно в середине VII в. до н. э., крайними оконечностями вселенной названы Таршиш и Шеба и Сава (Ps. LXXII, 8—11). Два последних топонима располагаются на юге Аравии. Это был восточный конец известной вселенной. Западный конец представляет Таршиш. Ассирийский царь Асархаддон гордо заявлял, что к его ногам преклонились цари середины моря — от страны Иа-да-на-на, страны Иа-ман до страны Тар-си-си (Bunnens, 1979, 341). Иа-да-на-на — это Кипр (Bunnens, 1979, 54). Перед нами — претензия ассирийского царя на господство над всем Средиземным морем, и на его западном конце, противоположном восточному с Кипром, находится Таршиш (Dhorm, 1932, 36, 46). Все это заставляет присоединиться к тем исследователям, которые помещают Таршиш в Испании, где греки располагали государство Тартесс (Tyloch, 1978, 50).

В Испании мы встречаем топонимы и этнонимы с тем же корнем. Слово *Tarshion* использовал Полибий (III, 24, 2; 4) в греческом переводе второго римско-карфагенского договора, причем *Tarshion* неразрывно связан с испанским городом Мастией. Описывая действия, предпринятые Ганнибалом перед походом в Италию, Полибий (III, 33, 9) среди испанцев, переведенных карфагенским полководцем в Африку, называет *Θερσιται*. Позже в Южной Испании жили племена турдетанов и турдулов (Strabo III, 1, 6), являвшихся потомками тартессиев (Perez Rojas, 1969, 370, п. 7). Артемидор передает вариант названия племени, еще более близкий слову «Тартесс» — *Τουρτυτανοι* (Steph. Byz. v. *Τουρδητανια*). Во II в. до н. э., где-то на юге Испании находился город Турта (FHA III, p. 189). Видимо, существовало местное имя, которое греки передали как Тартесс, а финикийцы — как Таршиш, адаптируя каждый чужой топоним (или эт-

поним) к особенностям своего языка. Позже, с исчезновением Тартессийской державы, попавшей под власть Карфагена, значение этого названия на Востоке было забыто (по крайней мере, евреями), что и послужило основанием для его непонимания. Отсюда и утверждение более поздней II Книги Хроник (20, 36—37), что иудейский царь Иосафат соби­рался из красноморского Эцион-Гебера плыть в Таршиш, в то время как более ранняя I Книга Царей (22, 48) называет целью этого предполагаемого плава­ния Офир. Отсюда же и замена слова «Таршиш» в различных переводах Библии словами «Карфаген», «море», «Африка».

Итак, можно смело говорить, что Таршиш, упо­мянутый во главе списка тирских торговых партне­ров, — это Южная Испания, с которой финикийцы были знакомы, как уже говорилось, с XII в. до н. э.

Выше говорилось, что финикийцы доставляли отсюда в первую очередь серебро. И во времена Со­ломона и Хирама товарами, приходившими с Запада на Восток, были золото, серебро, слоновая кость, ди­ковинные звери и птицы. Но уже на рубеже X—IX вв. до н. э. состав грузов, доставляемых оттуда, резко из­менился. Осталось серебро, которым славилась Юж­ная Испания. Но нет уже золота, которое вместе с драгоценными камнями теперь приходило преиму­щественно из Сабы и Раемы (Ез. 27, 22), и полностью исчезли предметы увеселения восточных владык. Вместо этого появляются металлы — железо, свинец и олово (Ез. 27, 12), т. е. продукты, необходимые для непосредственного производства. Победа железно­го века привела и к изменению структуры импорта из Таршиша. И, возможно, главными потребителями этого импорта стали уже не дворы царей и вельмож, а ремесленные мастерские.

После Таршиша в списке тирских торговых партнеров назван Иаван. Никто не сомневался, что так в западносемитском мире называли греков (Bunnens, 1979, 88). Было высказано мнение, что в данном случае под Иаваном подразумевалась не вся Эллада, а только ее острова (Galling, 1972, 7). Находки на Родосе, Эвбее, Крите показывают, что по крайней мере в X в. до н. э. финикийцы активно торговали с этими островами, а на юге Крита найдены ясные следы отправления финикийского культа, что может свидетельствовать о некоем виде поселения финикийцев в этом месте (Negbi, 1992, 606—609; Boardman, 1982, 775—776).

Вместе с Иаван называются также Тубал и Мешех (Ez. 27, 13). Обычно считается, что Мешех — это Фригия, а Тубал — одно из неохеттских государств восточной части Малой Азии (Barnett, 1975a, 421). То, что под Мешехом в Библии понимаются мушки, обитавшие после падения Хеттской державы в Малой Азии, нет никакого сомнения. Однако под названием «мушки» известны две этнические группы: западные мушки, известные грекам как фригийцы и создавшие позже мощную державу, одно время удерживавшую гегемонию в Малой Азии, и восточные, с которыми ассирийцы столкнулись уже в XII в. до н. э. и которые обитали в верхнем течении Евфрата и несколько северо-западнее его (Дьяконов, 1980, 260—363). Следует уточнить, какой из этих двух народов подразумевается в рассматриваемом отрывке. Учитывая, что Мешех назван сразу после Тубала, а с ним на востоке граничила Фригийская держава, частью которой, видимо, были восточные мушки, то вероятнее, что именно о них и шла речь (Barnett, 1975, 421—422). В XII—X вв. до н. э. коалиция различных малоазийских народов и государств, в число кото-

рых входили фригийцы, восточные мушки и Тубал, заняла все малоазийское плато (Barnett, 1975, 422). Могучее Фригийское царство было создано, видимо, на рубеже X—IX вв. до н. э., а до этого ведущим государством Малой Азии был Тубал (Табал). Он сохранял свои позиции и после поражения от ассирийцев в IX в. до н. э., и после того, как фригийский царь Мита (Мидас) стал утверждать свою власть на этом полуострове (Маккуин, 1983, 53—58).

Товарами Иавана, Мешеха и Тубала названы рабы и медные сосуды. В «Одиссее» финикийские купцы представлены в первую очередь работоторговцами, использовавшими грязные приемы для приобретения «товара». Так поступили финикийцы, прибывшие на остров Сирос, где, обольстив рабыню, с ее помощью похитили, а затем продали на Итаку маленького Эвмея (XV, 414—484). Восточные мушки около 883 г. до н. э. признали верховную власть ассирийского царя Тукульги-Нинурты II и заплатили ему дань медными сосудами, скотом и вином (Barnett, 1975a, 422).

К востоку от этих стран находился «Дом Тогармы». Этот топоним как «страна Тегарама» упоминается уже хеттским царем Суппилулиумасом в XIV в. до н. э. (ANET, 318), и вообще этот район играл значительную роль в завоевательной политике хеттских царей (Дьяконов и др., 1988, 70, 144, 150). После крушения Хеттской державы эти территории заняли, вероятно, протоармяне, и здесь возникает протоармянское государство (Дьяконов, 1981, 50).

Следом за «домом Тогармы» автор называет Дедан. Многие ученые предполагают, что писец, переписывавший текст, спутал буквы «реш» и «далет», так что читать надо «Родан» и понимать под этим названием родосцев (Дьяконов, 1981, 61; Dhorm, 1932, 48—49; Katzenstein, 1973, 158; Bunnens, 1979, 335).

В таком случае можно было бы говорить о различии финикийцами греков-ионийцев (Иаван) и греков-дорийцев, с которыми тирийцы познакомились первоначально на Родосе, откуда в результате войны были выгнаны финикийцы. Уже говорилось, что финикийцы торговали с дорийским Критом и имели на его южном берегу какое-то поселение. И все же приводимые объяснения кажутся достаточно надуманными. Такими ли резкими были различия между дорийцами и ионийцами, что тирские купцы могли принять их за разные народы, довольно далеко отделив их друг от друга и поместив между ними Мешех, Тубал и «дом Тогармы», довольно сомнительно, так же, как столь ли большую роль для тирийцев играли дорийские острова Эгеиды по сравнению, например, с Эвбеей, чье торговое значение в X—IX вв. до н. э. стало устанавливаться (Snodgrass, 1981, 19). Ошибку же переписчика надо предполагать тогда, когда нет других объяснений. А другое объяснение, несомненно, существует. Известно, что в восточной части Киликии существовала страна (или народ) Доданим, где правил «дом Мопса» и где было довольно сильным финикийское влияние.

Выделение Дамаска из общего комплекса государств Сирии вполне понятно. В последний период царствования Соломона некий Резон с отрядом удальцов захватил Дамаск и создал там независимое государство (I Reg. 11, 23—25). После распада единого еврейского царства роль Дамаска резко выросла. Дамасский оазис был важным экономическим центром. Здесь пересеклись торговые пути, идущие с севера в Палестину и Заиорданье и из Месопотамии к средиземноморскому побережью. Сам оазис, орошаемый рекой Баркад и многочисленными ручьями, был довольно плодороден. В частности, здесь выра-

нцивали превосходный виноград и занимались разведением крупного рогатого скота. Вино и шерсть являлись, как кажется, главными экспортными продуктами Дамаска. Позже, во время войн с ассирийцами, последние при вторжении сюда в первую очередь вырубали сады и виноградники (ANET, 280). Разбив войска дамасского царя, ассирийцы наложили на Дамаск огромную дань в 20 талантов золота и 2300 талантов серебра (ANET, 281—282), не говоря о железе, льняных одеждах и изделиях из слоновой кости, что несравнимо с данью, выплачиваемой другими сирийскими государствами, что также свидетельствует о его богатстве. Уже в X в. до н. э. Дамаск становится важным политическим центром всей Южной Сирии (Klengel, 1992, 206), и Тир довольно скоро устанавливает с ним достаточно тесные отношения, которые в значительной степени компенсировали урон, полученный в результате распада еврейского государства (Katzenstein, 1973, 123—124). Именно вино и шерсть стали главными товарами, приходившими в Тир из Дамаска (Ez. 27, 18). Тирийцы оказывали определенное влияние на Дамаск. Свидетельством этому является стела дамасского царя Бар-Хадада с изображением тирского городского бога Мелькарта и посвящением ему (KAI, 201), датированная концом IX в. до н. э. (Lipinski, 1995, 229—230).

Не рассматривая другие топонимы, названные в анализируемом тексте, и подводя общий итог, надо сказать, что текст этот дает яркую картину тирской торговли. Тир выступает здесь как центр не только морской, но и обширной сухопутной торговли. Его связи простираются от Южной Испании до Северной Месопотамии и от Малой Азии и Армянского нагорья до юга Аравии. В то же время удивляет отсутствие в этом тексте таких ожидаемых партнеров Тира,

как филистимские города палестинского побережья Аммон и Моав в Заиордании, с которыми финикийцы (и тирийцы в частности) были несомненно связаны. Предполагают, что в тексте имеются лакуны или что заиорданские государства не названы, так как они были в то время не самостоятельными царствами, а вассалами Израиля (Katzenstein, 1973, 160). Последнее утверждение едва ли верно по отношению к тому времени, когда этот текст был составлен, т. е. сравнительно скоро после распада древнееврейского царства, так как и Иудея, и Израиль были в то время довольно слабы. Лакуны же вполне возможны, ибо за два с лишним века, которые прошли между составлением текста и его вставкой в пророчество Иезекиила кое-что в нем могло быть потеряно. Но возможно и другое объяснение. Текст перечисляет не только страны и народы, с которыми торговал Тир, но и товары, которые оттуда приходили в Тир. Ни разу не упоминаются экспортные товары Тира, но речь идет только о его импорте. Поэтому вполне возможно, что ни Филистия, ни Моав, ни Аммон, ни некоторые другие страны не упоминаются потому, что они выступали для тирийцев лишь как транзитные территории.

Данные археологии подтверждают и уточняют сведения об обширных торговых связях Тира. Это, в первую очередь, находки в некрополе Рашидие несколько южнее Тира. Здесь, в частности, найдены неоспоримые свидетельства контактов этого города с Эгейским бассейном. Они позволяют говорить, что торговля с Грецией осуществлялась через Киклады, а важнейшими греческими контрагентами финикийских торговцев были Эвбея и Аттика (Doumet, Kawakabani, 1995, 391). В это время финикийцы, по видимому, уже полностью потеряли свои опорные

пункты в Эгейском бассейне. Как уже говорилось, во время своей колонизации в XII—XI вв. до н. э. финикийцы обосновались на Родосе, Мелосе, Фере и Кифере в южной части Эгеиды и на Фасосе в северной части. С Фасоса они были вытеснены, вероятнее всего, в IX в. до н. э. в результате так называемого второго великого переселения фракийских племен (Данов, 1968, 156, 176). Поселившиеся на острове фракийцы восприняли финикийский культ Мелькарта и передали его грекам, когда те основали на этом острове свою колонию, отождествив Мелькарта со своим Гераклом (Verchem, 1967, 108; Graham, 1978, 91—92). Виновниками же вытеснения финикийцев из их поселений в Южной Эгеиде были греки.

Итак, финикийцы были вытеснены не только с Родоса, но позднее и с Феры. По Геродоту (IV, 148), их вытеснили лакедемонские колонисты, прибывшие на этот остров, а также часть минийцев, видимо, доридийского (но, вероятнее всего, все же греческого) населения (Geisau, 1979, 1345). Рассказывая о событиях, связанных с переселением на Феру, историк ссылается как на лакедемонян, так и на ферейцев (Her. IV, 150). Позже он, опять же ссылаясь на ферейцев, повествует об основании ими колонии Кирены в Африке (IV, 150—153). Сопоставление рассказа Геродота с подлинным эпиграфическим памятником — «Стелой основателей» показывает сходство описания событий и подтверждает рассказ Геродота (Яйленко, 1982, 67—72), который подчеркивает, что эллинский предводитель Фера не собирался изгонять финикийцев, а наоборот, собирался жить с ними в дружбе. Однако никаких следов совместного греко-финикийского проживания на острове не обнаружено. По-видимому, нечто похожее произошло и на Мелосе. Греческие авторы (Her. VIII, 48; Thuc. V,

84; Xen. Hell. II, 2, 3), упоминая мелосцев, каждый раз подчеркивают их лакедемонское происхождение. В то же время сами мелосцы, если верить Фукидиду (VI, 112), основание своей общины возводили к последней четверти XII в. до н. э., т. е. к обоснованию на острове финикийцев. Наличие этой преемственности позволяет предполагать отсутствие разрыва между финикийским и греческим поселением и сравнительно мирное взаимодействие эллинов и тирийцев. И все же, как и на Фере, финикийское население Мелоса исчезло. Киферой сначала овладели аргосцы (Her. I, 82), а позже спартанцы (Thuc. IV, 53). На Кифере осталось больше финикийских следов. До сравнительно более позднего времени сохранился храм, в котором почиталась финикийская Астарта, хотя греки уже считали ее своей Афродитой; может быть, следом финикийского присутствия было и название гавани — Финикунт (Φοινίκους) (Xen. Hell. IV, 8, 7). Но о финикийском поселении на Кифере или хотя бы остатках населения говорить не приходится. И спартанцы (лакедемоняне), и аргосцы были дорийцами. Некоторые исследователи полагают, что существовали две модели греческой колонизации — дорийская и ионийская, причем первая была в большей степени насильственная (Демографическая ситуация, 1981, 77; ср.: Фролов, 1988, 214). Если принять эту точку зрения, то вытеснение финикийцев объясняется самим характером дорийских колонистов, независимо от наличия (как это было на Родосе) или отсутствия сопротивления финикийцев и даже от первоначального желания самих дорийских переселенцев или их предводителей. При этом надо сделать важную оговорку: речь идет не о взаимоотношениях между дорийскими городами и финикийцами (те и другие оказались заинтересованы в партнерст-

ве, что и произойдет позже), а об отношениях между дорийскими колонистами и жившими там до них финикийцами. Некоторым исключением кажется присутствие финикийцев на дорийском Крите, о чем уже говорилось. Однако и в этом случае финикийское поселение, если оно действительно существовало, позже практически бесследно исчезло.

Более заинтересованными в связях с финикийцами оказались ионийцы. Недаром слово «Иаван» стало обозначать для финикийцев, а через их посредство и для других народов Ближнего Востока, греков вообще. С потерей Фасоса финикийцы, по видимому, были уже менее заинтересованы в контактах с северной частью Эгейского бассейна. Их интересы переместились южнее, и главным партнером стал остров Эвбея, что было неслучайно, ибо именно на этом острове после хаоса переселений и разрушений быстрее шло восстановление политической и экономической жизни. Так, уже в XI в. до н. э. после недолгого перерыва возобновилась жизнь в Лефканди (современное название), и вскоре это поселение устанавливает контакты с Ближним Востоком, которые еще более усилились в X—IX вв. до н. э. (Themelis, 1983, 153; Vaurain, Bonnet, 1992, 121). Несколько позже важнейшими центрами Эвбеи становятся Эретрия и Халкида. Об их значении для Греции говорит тот факт, что когда в конце VIII в. до н. э. между ними вспыхнула война за обладание плодородной Лелантской равниной, то в ней приняли участие на той или другой стороне многие другие греческие государства (Колобова, 1956, 27). Но до этой войны оба города были союзниками и партнерами. Такими, видимо, они выступают и в отношениях с финикийцами. Находки финикийских и вообще восточных изделий на Эвбее и греческих (эвбейских и кикладских) на

сиро-финикийском побережье показывают усиление контактов между финикийцами и эвбейцами. Эвбея становится одним из «терминалов» важного торгового пути, связывающего Восток с Грецией (Doumet, Kawkabani, 1995, 391). И если сначала на этом пути господствовали финикийцы, то сравнительно скоро и эллины приняли активное участие в восточно-западной торговле. Даже на крайнем Западе, в Испании, археологи находят греческие изделия, и прежде всего керамику. Сейчас можно думать, что по крайней мере часть этих изделий доставили сами греки, особенно эвбейцы, которые вместе с финикийцами пользовались одним и тем же торговым путем (Sabrera, 1995, 228). Когда развернулась Великая греческая колонизация, важной вехой на пути на запад становится эвбейская колония на острове Питекуссе, там вместе с греками жили и активно действовали финикийские купцы и ремесленники (Moscato, 1989, 57—59). Эвбейцы пытались обосноваться и на восточном побережье Средиземного моря. Сюда греки I тысячелетия до н. э. шли по следам минойских и микенских торговцев и, может быть, поселенцев предшествующего тысячелетия. Важнейшим пунктом стало устье Оронта, где греки обосновались в Аль-Мине. Полагают, что это был город Посидей, который, по словам Геродота (I, 91), основал Амфилох на границе Киликии и Сирии (Вулли, 1986, 152). Правда, судя по археологическим раскопкам, это поселение перестало существовать в 314 г. до н. э. (Вулли, 1986, 159), а существование Посидея еще в I в. до н. э. или даже на рубеже эр засвидетельствовал Страбон (XVI, 2, 8; 12). Расположен страбоновский Посидей южнее устья Оронта, так что, видимо, вопрос о греческом названии этого места надо оставить открытым. Раскопки показали, что греки обосновались

здесь в начале VIII в. до н. э., вероятно, приблизительно в то же время, как и на Питекуссе, и что это были эвбейцы (Яйленко, 1990, 138—145; Jeffrey, 1976, 63; Jones, 1987, 691; Baurain, Bonnet, 1992, 126—127). На восточносредиземноморском побережье существовали и другие греческие поселения. Не рассматривая их подробно, надо отметить лишь, что ни Аль-Мина, ни другие поселения не были колониями в полном смысле этого слова. Их население было смешанным, а сами греки обладали там лишь особым кварталом, где находились их склады и торговые конторы (Вулли, 1986, 150), ибо главным назначением всех этих пунктов была торговля с Востоком (Mosse, 1980, 8—9). Значительную часть населения составляли финикийцы. Таким образом, можно говорить о сосуществовании финикийцев и греков-ионийцев как на торговых путях, так и в тех или иных поселениях.

Раскопки в Рашидие, о которых уже говорилось, показывают и связи с Урарту (Doumet, Kawkabani, 1995, 383, 387). Между тем в тексте финикийского «путеводителя», включенного в пророчестве Иезекиила, Урарту не упоминается. Никаких намеков на Урарту нет и в «Таблице народов» (Gen. X, 1—32), в которой в виде родословий потомков Ноя дается, по существу, описание всего известного тогда мира. Исследование этого пассажа показывает, что «Таблица народов» была составлена в VII в. до н. э. и в конечном итоге источником сведений библейского автора были финикийцы (Tsirkin, 1991, 117—134). Конечно, это вполне можно объяснить тем, что в середине VII в. до н. э. Урарту уже не играло столь большой роли, как это было в предыдущем столетии. Тем более что в повествовании о потопе, предшествующем «Таблице народов», упомянуты горы Урарту (Gen. VIII, 4). Однако происхождение географических на-

званий этого повествования еще не ясно. Само сказание о потопе явно восходит к месопотамской мифологической традиции, и не исключено, что и упоминание Урарту было воспринято автором Пятикнижия оттуда же. Поэтому, не делая окончательных выводов, можно предположить, что финикийские, в частности, тирские купцы, до самого Урарту не добирались, а местом их встречи с урартскими торговцами был район устья Оронта или Северная Сирия вообще, которая играла значительную роль как для финикийцев, так и для урартов (Барамидзе, 1959, 299—303).

Такой размах торговли чрезвычайно обогащал Тир. Недаром Исайя (23, 8) говорит, что тирские купцы были князьями и торговцами — «знаменитостью земли». В следующем стихе причиной Божьего гнева против Тира пророк называет стремление посрамить надменность всякой славы, дабы унижить все знаменитости земли. Позже о богатстве Тира, его товарах, стенах и башнях, каменных домах и тенистых деревьях говорил Иезекиил (26, 4—12; 27, 4—5). Предрекаемое Иезекиилом падение Тира приведет, по утверждению пророка, к всеобщему плачу и смятению на море и островах (26, 16—18).

Однако это богатство и блеск скрывали острые противоречия внутри тирского общества. Тирские земледельцы, т. е. жители материковых владений Тира, выступили с оружием в руках, требуя новых земель за пределами государства (Curt. Ruf. IV, 4, 20). О внутренней борьбе в Тире говорит Саллюстий (Iug. 19,1), упоминая о «жаждущих власти», которые возбуждали плебс и других людей, жадных до переворотов. Этими «жаждущими власти» явно были аристократы, потерпевшие поражение во внутренней борьбе, вроде царевны Элиссы, о которой речь пой-

дет позже. В другом месте (Iug. 78, 1) Саллюстий говорит о «гражданских раздорах» в Тире. Показателем политической нестабильности была чехарда на тирском троне.

Внук Хирама Абдастрат был убит около 910 г. до н. э. (Katzenstein, 1973, 127) в результате заговора, организованного сыновьями его кормилицы (Ios. Contra Ap. I, 18), и старший из них захватил власть. Иногда полагают, что его звали Метастарт или Метуастрат и он явился основателем новой династии, правившей Тиром двадцать два года (Eissfeldt, 1948, 1885; Katzenstein, 1973, 127—128). Но уже давно было замечено, что греческий текст Иосифа Флавия не дает оснований для такого вывода. Историк не сообщает имя узурпатора, а лишь говорит, что это — старший из сыновей кормилицы. Учитывая, что он заимствовал сведения из сочинений Менандра Эфесского, который, в свою очередь, использовал тирские источники, можно говорить, что имя Метастарт (или Метуастрат) было вычеркнуто из тирских хроник, и следующие цари — Астарт (может быть, правильнее Абдастарт II), Астарим и Фелет не имеют к нему никакого отношения (Тураев, 1903, 102). Иосиф Флавий говорит о коварстве, с каким заговорщики убили законного царя, и даже не упоминает о старшем из них как о царе, лишь отмечая, что он захватил власть, а сменивший его Астарт уже «царствовал». Говоря об Астарте, историк называет имя его нецарствовавшего отца — Леастарт, что было бы необычно, если бы речь шла об основателе новой династии. Упоминая позже о захвате трона Итобаалом, Иосиф его отца не называет. Видимо, Леастарт, хотя и не царствовал (да неизвестно, жил ли он после переворота), но считался законным царем, и приход к власти Астарта рассматривался как восстановление

законного порядка. Если же принять предположение, что полное имя нового царя Абдастарт, то его можно было считать внуком убитого Абдастарта I, ибо подобное название человека по умершему к тому времени деду было вполне в духе финикийской и вообще западносемитской традиции. Таким образом, можно говорить, что после девятилетнего перерыва законной истории Тира потомки Хирама вернулись на трон.

Может быть, воспоминания о правлении сыновей кормилицы отразились в странной истории, рассказанной Юстином (XVIII, 3, 6—14), согласно которой многочисленные рабы захватили власть в Тире, убили почти всех господ и женились на их женах, произведя уже свободное потомство, и лишь позже, поняв, насколько свободные люди умнее рабов, сделали царем некоего Стратона, спасенного своим рабом. Правда, Юстин в начале своего повествования говорит о многочисленных победоносных войнах тирийцев с персами, что как будто относит эту историю к персидскому времени, т. е. к VI—IV вв. до н. э. Но как мы увидим дальше, никаких победоносных войн тирийцы с персами не вели. Возможно, что источник Помпея Трога, сочинение которого вкратце изложил Юстин, объединил под названием «персы» всех восточных соседей Тира, включая ассирийцев, с которыми тирийцы действительно воевали, но далеко не успешно. Греко-римские авторы обычно называли Стратоном финикийца, в чьем имени присутствовал элемент с упоминанием богини Астарты. Но именно таково было имя царя, пришедшего к власти после сыновей кормилицы, — Астарт или, скорее, Абдастарт. Из текста Юстина (XVIII, 3, 18—19) вытекает, что Александр Македонский после захвата Тира распял взятых в плен его жителей,

считая их потомками рабов и пощадив только потомков Стратона, которым вернул власть. Действительно, Александр часть пленных распял (Curt. Ruf. IV, 4, 17), а на тирском троне был оставлен прежний царь Азимилк. Но ни один историк, рассказывавший о захвате Александром Тира, не говорит о мотивах распятия. Трог обычно использовал источник, который восходил к местным преданиям. Думается, что в данном случае речь может идти о народном рассказе, в котором смутные воспоминания о заговоре слуг и последующем возвращении прежней династии на трон смешались с такими же смутными воспоминаниями о персидском господстве, жестокостях Александра и возвращении власти прежнему царю.

Возвращение к власти потомков Хирама не принесло полного успокоения. Сын Астарта (Абдастарт II) Астарим был убит собственным братом Фелетом, а того, в свою очередь, сверг и убил Итобаал. Итобаал был жрецом Астарты (Jos. Contra Ap. I, 18), а высшее жречество в финикийских городах было связано с царским родом (Katzenstein, 1973, 129—130). Это событие отражает еще один аспект внутренней борьбы в финикийских городах — между царем и высшим жречеством. Юстин (XVIII, 4, 5) отмечает, что в Тире жрец Мелькарта был вторым человеком после царя. И при определенных условиях столкновение между этими лицами становилось неизбежным. Подобное столкновение произошло при правнучке Итобаала Пигмалионе, которое на этот раз закончилось победой царя и убийством жреца (Iust. XVIII, 4, 5). Еще позже в Сидоне власть сумел захватить жрец Астарты Эшмуназор, передав эту власть и жреческий сан сыну Табниту (KAI, 14), но внук, оставаясь царем, жрецом уже не был (KAI, 15). Возможно, что и Итобаал снял с себя жреческий сан,

ибо в текстах, где он упоминается, говорится о нем только как о царе.

С приходом к власти Итобаала начинается новый расцвет Тира (Katzenstein, 1973, 129—166; Klengel, 1992, 204; Aubet, 1994, 50). Итобаал был заинтересован в создании новых городов, куда могли бы отправляться его реальные и потенциальные противники, включая сторонников прежней династии. Вероятнее всего, с этой целью были основаны Ботрис в самой Финикии и Ауза в Африке (Jos. Ant. Iud. VIII, 13, 2). Менандр, на которого ссылается Иосиф Флавий, сразу же перед упоминанием основания этих городов говорит о жестокой годичной засухе и последующих страшных грозах, поразивших территорию Тирского государства. Это позволяет предположить, что вывод новых колоний был связан также и с экологическими бедствиями. И если так, то основание этих городов не должно было на много отстоять по времени. Практически одновременность создания обоих городов говорит о том, что и заморское, и азиатское направление политики были для тирского царя одинаково важны.

Ливанские горы, частично принадлежавшие Тиру, представляли труднопреодолимый барьер для успешной связи, что не останавливало тирскую торговлю, и находившийся за этим барьером Дамаск в конце X или в начале VIII в. до н. э. был уже одним из важнейших торговых партнеров Тира. Но задачей Итобаала был, вероятно, поиск и укрепление более легких торговых путей. Этого можно было достигнуть, продвигаясь, с одной стороны, на север до устья Оронта или до прохода от моря внутрь Сирии в районе Арвада, а с другой — обходя Ливан с юга (Aubet, 1994, 82). Итобаал использовал оба пути. Важной вехой в этом стало основание Ботриса, города,

который был расположен к северу от Библа на довольно плодородной территории (Тир постоянно нуждался в продовольствии). Ботрис (Батруна), по видимому, упоминается еще в письмах библского царя Рибадди египетскому фараону (Weber, 1908, 78), и принадлежал он в то время Библу (ЕА, 79, 24; 90, 14), хотя позже попал под власть Абдиаширты (ЕА, 87, 20). Какова была дальнейшая судьба Ботриса, неизвестно. Может быть, он не выдержал бурь конца II тысячелетия до н. э., и Итобаал восстановил его (Katzenstein, 1973, 133).

Возможно, что Итобаал продвинулся и далее к северу. Мы уже видели, что Аль-Мина в устье Оронта была городом со смешанным населением, в котором были представлены и финикийцы. Нельзя утверждать, что это были именно тирийцы, как и невозможно говорить, что обоснование тирийцев здесь произошло именно во времена Итобаала. Но общее северное направление политики Итобаала несомненно. Геродот (IV, 38) говорит, что Финикия начинается от Мириандского залива, т. е. на самой границе Малой Азии. Существование здесь финикийского города отмечает Ксенофонт (Anab. I, 4, 6). Обладание этим городом открывало доступ к Киликии и Северной Сирии, а через последнюю и к Верхней Месопотамии (Aubet, 1994, 52—53). Не позже VIII в. до н. э. в районе этого залива существовал город с финикийским названием Пар-Хамон (Открытие /гор/ Амана), но, вероятно, это был не Мирианд, а другой город (Gras, Rouillard, Teixidor, 1989, 82). В киликийском Тарсе отмечается почитание Геракла и Нергала; каждый из этих богов является, по существу, грецизированной или ассиризированной версией тирского Мелькарта (Lebrun, 1987, 28—32; Lipinski, 1995, 45, 242—243). В IX—VIII вв. до н. э. финикийский

язык становится вторым официальным языком некоторых неохеттских государств Киликии и Северной Сирии (Lebrun, 1987, 24—25; Vaugain, Bonnet, 1992, 131—133). Где-то в этом районе ассирийский царь принял дань (может быть, подарки) от Тира и Сидона, а еще позже Тир и Библ названы вместе с киликийским царством Куэ. Так что вполне можно полагать, что финикийцами, обосновавшимися у границ Малой Азии, были именно тирийцы (Kestemont, 1983, 63—66) или, по крайней мере, тирийцы составляли существенную часть финикийского населения этого района, который становится важным центром финикийской торговли с Северной Сирией. Именно отсюда открывался путь и в Малую Азию, и на Армянское нагорье, и в Месопотамию (Kestemont, 1985, 135—147).

Активной была политика Итобаала и в юго-восточном направлении. Здесь у Тира давно был хороший плацдарм в виде города Акко, откуда открывался путь в Филистию, Израиль и Иудею. Однако политические события, происходившие после распада единого еврейского царства, препятствовали укреплению тирских позиций. Но в 882 г. до н. э. положение изменилось. Приход в Израиле к власти полководца Амврия (Омри) открывал для тирского царя большие возможности. Между Тиром и Израилем был заключен союз, скрепленный браком между дочерью Итобаала Иезавелью и сыном Амврия Ахавом (Tadmor, 1981, 149). И когда Ахав стал царем, Иезавель начала играть огромную роль при израильском дворе. Политический союз отразился и в религиозной сфере распространением финикийских культов и особенно культа тирского «владыки» (1 Reg. 16, 31—33). Этот культ стал чуть ли не официальным в Израиле. Как когда-то Соломону, так теперь Амврию и

Ахаву тирский царь оказал помощь в строительстве, в том числе в новой израильской столице Самарии и в стратегически важном городе Мегиддо (Harden, 1980, 49; Mitchell, 1982, 469—471). Израиль времени Амврия и Ахава являлся одним из сильнейших государств сиро-палестинского региона, и союз с ним укреплял положение Тира на южном направлении. Израиль стал в это время одним из важнейших торговых партнеров и политических союзников Тира. Союз этот был взаимовыгодным. В свое время выбор Амврием места для постройки Самарии во многом, видимо, объяснялся удобством торговли именно с финикийским побережьем (Mitchell, 1982, 467). Союз Тира и Израиля был дополнен союзом с Иудеей, царицей которой стала Гофолия (Аталиа), вероятно, дочь Амврия (II Reg. 8, 26), хотя в другом месте (II Reg. 8, 18) ее же считают дочерью Ахава и, следовательно, внучкой Итобаала (как отмечают исследователи, хронологические соображения делают первое утверждение более вероятным; Mitchell, 1982, 488). Это еще более укрепило положение Тира у его южных и юго-восточных границ.

Вероятно, важнейшей задачей внешней политики Итобаала было укрепление на важнейших торговых путях. Цели активизации заморской торговли была подчинена и строительная деятельность этого царя. Именно для облегчения заморской торговли Итобаал предпринял строительство нового порта. Старый естественный порт был ориентирован к северу, к Сидону. Новый, созданный искусственно, был более укрыт от действий стихии и открывал пуги к Кипру и Египту, т. е. прежде всего в западном направлении, куда направился очередной поток тирской колонизации (Katzenstein, 1973, 153; Aubet, 1994, 39).

В правление Итобаала Финикии вновь стали угрожать ассирийцы. Новый подъем Ассирии связан с царем Ашшурнасирапалом II. В 876 или 882 г. до н. э. (Grayson, 1982, 256) ассирийский царь предпринял поход на запад. По-видимому, не встречая сопротивления (Якобсон, 1989, 29), он дошел до Средиземного моря и омыл свое оружие в его волнах. Финикийские города заплатили ему дань (ANET, 276). Ашшурнасирапал перечисляет эти города, начиная с Тира. Перечисление явно идет с юга на север и завершается Арвадом. О последнем говорится, что он находится в море, т. е. на острове, и этим он явно отличается от остальных городов, заплативших дань. Тир тоже находился на острове, но ассирийский царь эту деталь не упоминает. Вероятно, ассирийская армия не достигла Тира, но его царь, не решаясь противоречить ассирийскому владыке, видимо, предпочел сам заплатить громадную и разнообразную дань: золото, серебро, олово, медь, медные сосуды, многокрасочные льняные одежды, различные породы обезьян, слоновую кость и многое другое. Некоторые предметы и животные, как например, обезьяны, в Финикии не встречались, их явно доставили торговцы из далеких заморских стран. Впрочем, вполне возможно, что речь шла не о дани, а о подарках, какие обычно делали друг другу цари, но которые ассирийский владыка интерпретировал как дань побежденных. Может быть, собственно, дань заплатил только Арвад, в котором Ашшурнасирапал, кажется, сам побывал.

Перечисление городов дает представление и о политической географии Финикии. В качестве независимых равноправных городов названы Тир, Сидон, Библ, Махаллата, Майза, Кайза, Амурру и Арвад. Амурру, скорее всего, древний Цумур (Stieglitz, 1991,

45—48), сохранивший это второе название с того времени, когда он был столицей царства Амурру. О Махаллате, Майзе и Кайзе практически ничего неизвестно, ибо эти названия встречаются, как кажется, только в этой надписи (Katzenstein, 1973, 140, п. 60). Ясно, что они располагаются между Библом и Цумуром. Во II тысячелетии до н. э. в этих местах находились такие города-государства, как Ирката или Улацца, а также Берит. Позже воины Иркаты приняли участие в битве с ассирийским царем Салмансаром III (ANET, 279). Возможно, что Махаллата, Майза и Кайза — это ассирийские названия сравнительно небольших финикийских городов-государств, причем позже по каким-то причинам эти названия вышли из употребления. Не исключено, что под одним из них скрывается Берит. Как бы то ни было, важно то, что Сидон и Библ названы здесь как самостоятельные государства, так что ни о каком подчинении их Тиру, как иногда предполагают (Katzenstein, 1973, 131—134; Klengel, 1992, 205), по крайней мере во время этого похода, нет речи.

Походы Ашшурнасирапала принесли Ассирии огромные богатства, которые царь использовал для строительства новой столицы — Калаха (Кальху). По случаю ее освящения им был устроен грандиозный пир. На него были приглашены почти полсотни тысяч мужчин и женщин как из самой Ассирии, так и из соседних стран, в том числе из тех, которые ассирийский царь считал своими данниками. Среди них были также жители Сидона и Тира (ANET, 560). Заметим, что Сидон и Тир снова названы отдельно.

С этого времени в течение многих лет ассирийский фактор стал определяющим во внешнеполитической истории всей Передней Азии, включая Финикию.

Сын и преемник Ашшурнасирапала Салманасар III возобновил ассирийские походы на запад. Уже в первый год своего правления новый ассирийский царь двинулся в поход по следам своего отца (Grayson, 1982, 260). Он пересек Оронт и горы и вышел к Средиземному морю севернее Финикии (ANET, 276—278). Финикийские города в этом походе затронуты не были, но над ними нависла угроза. Походы Салманасара были направлены, во-первых, в Северную Сирию, юго-восточную часть Малой Азии и на средиземноморское побережье у северных границ Финикии и, во-вторых, в Южную Сирию, где важнейшим центром был Дамаск. Это определило состав антиассирийской коалиции, возглавленной дамаскским царем Бар-Хададом и хаматским царем Ирхулени. Выдвижение этих царей было обусловлено не только значимостью Дамаска и Хамата, но и тем, что именно эти богатые государства в первую очередь становились жертвами ассирийской агрессии. К коалиции примкнул израильский царь Ахав, чьи владения непосредственно примыкали к Дамаскскому царству, так что после Дамаска Израиль вполне мог стать следующей целью ассирийского похода, но его союзники — Тир и Иудея — предпочли остаться в стороне. Из финикийских городов в коалиции приняли участие Арвад и Ирката (ANET, 279). Спорно участие в ней Библа. В тексте ассирийских анналов упоминается KUR gu-a-a. Ряд исследователей дополняют gu-<bal>a-a и считают это упоминанием Библа (Tadmor, 1981, 151; Grayson, 1982, 261; Hawkins, 1982, 393; Klengel, 1992, 198). Другие продолжают отвергать такое дополнение и полагают, что речь идет о Куэ, расположенном на юго-востоке Малой Азии, в Киликии (Katzenstein, 1973, 168). Окончательно вопрос, видимо, решить сложно, но большинство ученых склоня-

ются все же к новому чтению, т. е. к упоминанию Библи. Тир и Сидон никакого участия в этом не принимали, считая, видимо, возможным «отсидеться» за спинами союзников. В битве при Каркаре в 853 г. до н. э. союзники остановили победоносные до того времени походы Салманасара.

Однако ассирийская угроза не исчезла. И вскоре Салманасар возобновил походы против Сирии. И на этот раз одной из целей были Тир и Сидон. В Тире в это время правил сын Итобаала Баалезор II. Ему пришлось столкнуться с изменениями в политической позиции у своей юго-восточной границы.

Блеск Израиля во времена Амврия и Ахава был достигнут во многом за счет усиления угнетения собственного населения. Ухудшение своего положения рядовые израильтяне связывали с деятельностью чужеземной царицы и поклонением чужим богам, к тому же страну поразила сильная засуха. Все это вызвало огромное недовольство в стране, выразителем которого стал пророк Илия, объединивший вокруг себя значительную группу «пророческих сыновей». Илия и его ученики вступили в открытое противостояние с Ахавом и Иезавелью, что сделало Илию чрезвычайно популярным в народе. По-видимому, он был убит, как до этого были убиты по приказу царицы некоторые пророки. Народ не мог с этим смириться, распространив сказание о чудесном спасении Илии. Это убийство (если оно имело место) мало помогло царю и его жене, ибо ученик Илии Елисей (Элиша) стал не менее яростным их противником. Принимая поклонение финикийским богам, Ахав не отказался от почитания собственного бога, свидетельством чему являются имена его детей, в которых присутствует элемент, связанный с именем Йахве (Mitchell, 1982, 472), но

это не остановило растущей ненависти израильского населения к царю-отступнику и его чужеземной жене. Самому Ахаву удалось справиться с растущим недовольством, но его сын Иорам оказался более слабым правителем и потерпел ряд военных поражений. Под знаменем борьбы с чужеземными куклами и восстановления древнего благочестия в 842 г. до н. э. поднял мятеж военачальник Ииуй (Иеху). Иорам, его мать и все его братья были убиты, а жрецы и пророки тирского бога уничтожены (I Reg. 17 — II Reg. 10). Союз между Тиром и Израилем был разорван. На некоторое время финикийское влияние еще сохранилось в Иудее, где власть после смерти своего сына Охозии захватила Гофолия. В Иерусалиме или около него был даже построен храм Баала (вероятно, Мелькарта) (II Reg. 11, 1—3; 18). Но связи Тира с Иудеей были гораздо слабее, чем с Израилем, и сохранение финикийского влияния в более слабом государстве не компенсировало потери израильского союзника. В Иудее на седьмой год правления Гофолии вспыхнуло восстание, результатом которого было убийство царицы и уничтожение финикийского храма вместе с его жрецом (II Reg. 11, 4—18). Несколько раньше этих событий произошел государственный переворот в Дамаске, где был убит царь Бар-Хадад, и на престол вступил его убийца Хазаэл (II Reg. 8, 7—15). Хотя политика нового царя в целом шла в русле прежнего, все это привело к полному развалу старой коалиции, чем немедленно воспользовался Салманасар III, чьи походы стали теперь гораздо более эффективны. Не решаясь, по-видимому, вступить в открытое противоборство с могучим ассирийским царем, Тир и Сидон предпочли откупиться от него выплатой дани (ANET, 281).

После смерти Салманасара ассирийский натиск на запад ослаб, но и царь Адад-Нирари III (810—783 гг. до н. э.) еще упоминает дань, полученную им от Тира и Сидона (ANET, 281).

В этот период Тир, несомненно, является одним из самых значительных городов не только Финикии, но и всей Передней Азии. В самой Финикии он был, вероятно, самым значительным центром. В связи с этим встает вопрос о политической роли Тира в Финикии. Была высказана мысль, что при Итобаале Тир подчинил себе Сидон, и образовалось единое Тиро-Сидонское царство, которое во внешнем мире выступало как Сидон, но столицей которого был Тир (Katzenstein, 1973, 130—135; Bunnens, 1979, 293—298; Harden, 1980, 49). Однако, как уже говорилось, что и Ашшурнасирапал II, и Салманасар III называют оба города отдельно, что заставляет говорить об их взаимной самостоятельности. С другой стороны, известно, что тирский царь мог вполне официально носить титул «царя сидонцев» (KA1 31), а какая-то группа населения Карфагена, основанного тирийцами, называлась «сидонскими мужами», причем в состав гражданского коллектива эти люди не входили (Циркин, 1987, 97—98). Скудость источников позволяет лишь выдвинуть те или иные гипотезы, позволяющие, если не найти, то хотя бы наметить выход из этого запутанного положения. Одна из них заключается в предположении о существовании южнофиникийской конфедерации, центром которой был Тир, а членами — Сидон и Библ, причем эти города являлись автономными царствами, признающими высший суверенитет Тира (Kestemont, 1983, 57—59). Но возможно и другое объяснение. Если принять, как говорилось в первой главе, что слово «Сидон» обозначало не только город, но и всю Южную Финикию,

включая Тир, то можно предположить, что тирский царь порой выступал и считался другими государями царем сидонцев, потому что он властвовал над значительной частью Южной Финикии, а население царства, не входившее в гражданский коллектив столицы, именовалось по названию страны сидонцами («сидонскими мужами», «сидонскими дочерьми»). В какой-то степени это оправдывалось положением Тира как наиболее богатого и значительного города этой части Финикии.

В Северной Финикии подобную роль, вероятно, играл Арвад (Kestemont, 1983, 57). Расположенный, как и Тир, на острове, он поневоле должен был стать значительным морским центром. Много позже Страбон (XVI, 2, 14) подчеркивал предприимчивость арвадцев в морском деле. И когда в Арваде стали чеканить монеты, одним из символов города становится корабль, причем именно военный корабль, а не торговый (Rey-Coquais, 1974, 143—144). На материке, приблизительно напротив Арвада, заканчиваются Ливанские горы, а новая горная цепь начинается несколько севернее. Через это понижение и по расположенной южнее реке Элевтер сравнительно удобно проникать в долину Оронта, а через нее во внутренние районы Сирии. Это обеспечило Арваду выгодную роль в торговых связях. По Страбону (XVI, 2, 16), именно арвадцы особенно активно использовали реки для транспортировки своих грузов. Греческий географ не уточняет эпоху такого использования рек, особенно арвадцами, но современные исследователи полагают, что источник его сведений, вероятнее всего, относится к доэллинистической эпохе (Rey-Coquais, 1974, 76). Активными торговыми партнерами арвадцев были греки. Если верно, что сидонянами эллины называли южных финикийцев

и противопоставляли их финикийцам, то последними были, вероятнее всего, именно арвадцы. В таком случае в гомеровских финикийцах, которые приобрели в Элладе столь дурную славу, надо видеть купцов Арвада, которые не брезговали и пиратством. В связи с этим вспомним, что именно военные суда изображаются на арвадских монетах, но это не помешало Арваду благосклонно принять греческих торговцев. Греческая торговая фактория Сукас была основана, по-видимому, в материковых владениях Арвада (Reu-Coquais, 1974, 76—77), где греки явно хотели закрепиться для дальнейшего проникновения внутрь Сирии.

Легкость связи с внутренними районами, обеспечившая торговую роль Арвада, делала его более уязвимым для нападений. Уже Тиглат-Паласар I брал дань у арвадцев. Как уже говорилось, город был, по-видимому, захвачен Ашшурнасирапалом II. Ассирийская угроза заставила Арвад вступить в антиассирийскую коалицию, возглавляемую Дамаском и Хаматом, и участвовать в битве при Каркаре. В этой битве арвадцы выставили 200 воинов во главе со своим царем Матинбаалом (ANET, 279). Эта цифра незначительная, если сравнить, например, с десятью тысячами пехотинцев из Хамата и Израиля и двадцатью тысячами пехотинцев из Дамаска, не считая колесниц и всадников из этих государств. Даже далекий арабский царь Гиндибу прислал тысячу воинов на верблюдах. Это говорит о незначительности сухопутных сил Арвада: видимо, в то время его владения за пределами собственного острова были незначительны. Возможно, однако, и другое объяснение такого малого количества арвадских воинов, как об этом будет говориться позже. Затем, как кажется, положение Арвада меняется. Из перечней подчиненных ассирий-

цам государств исчезают названные Ашшурнасирапалом Амурру, Махаллата, Майза и Кайза, а также участвовавшие в битве при Каркаре Сийанну и Уснату. Зато в ассирийских анналах постоянно упоминается Арвад. Видимо, эти территории были в той или иной степени подчинены Арвадом (Rey-Coquais, 1974, 98). Время этих событий неизвестно. Но надо заметить, что уже вскоре после битвы при Каркаре политика арвадского царя Матинбаала радикально меняется. Видимо, царь понял, что силы Ассирии еще достаточно велики и ее поражение может быть лишь эпизодом. И, вероятно, вскоре после этого сражения он не только заключает мир с Салманасаром, но и устанавливает с ним относительно дружественные отношения. Последний воздает почести арвадскому божеству, а Арвад предоставляет ему возможность отдохнуть на море после неудачной битвы. При этом Арвад не упоминается в списке ассирийских данников (Katzenstein, 1973, 179—180). Может быть, именно тогда с помощью Салманасара III арвадцы и укрепили свое положение на материке. Во всяком случае это произошло явно до походов Тиглат-Паласара III, ибо тот уже отнял у Арвада его материковые владения (см. ниже).

Походы Ашшурнасирапала II и Салманасара III были, по существу, грабительскими, а получение дани — эпизодическими событиями. Положение изменилось, когда после времени упадка и внутренних волнений в 745 г. до н. э. на ассирийском троне оказался Тиглат-Паласар III. Он перешел от эффектных, но эпизодических грабительских походов к политике территориальной аннексии и прочному подчинению тех или иных государств, что очень скоро почувствовали на себе финикийцы.

ГЛАВА 8

ФИНИКИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ АССИРИИ

Походы Тиглат-Паласара III положили начало Ассирийской империи. Уже вскоре после своего вступления на престол новый царь обратил внимание на запад. Около 740 г. до н. э. или даже несколько раньше тирский царь Итобаал II и библский царь Шипитбаал заплатили ему дань (Katzenstein, 1973, 204—205). В страхе перед нападением энергичного ассирийского царя здесь возникла коалиция, возглавляемая Азрийау. По поводу личности этого Азрийау идут споры. Одни считают его иудейским царем Азарией (Tadmor, 1981, 166—167), другие — человеком из Хамата (но не хаматским царем) (Grayson, 1991, 75). Из финикийских государств в этой коалиции принял, по-видимому, участие Арвад. В 738 г. до н. э. коалиция была разгромлена, и на ее участников обрушились репрессии. Если арвадский царь думал, что он сможет повторить маневр 853 г., то он ошибся. Тиглат-Паласар отнял у него и присоединил непосредственно к своему государству Цумур, Сийану, Усну, Рашпуну и другие территории по побережью Средиземного моря до горы Цафон (ANET, 282—283). Речь, вероятнее всего, идет о мате-

риковых владениях Арвада. Ассирийцы не имели достаточно военного флота, чтобы захватить островной город, и Арвад сохранил свою независимость (скорее — автономию), но из его материковых владений была создана провинция Ассирийского государства, и арвадский царь стал данником ассирийского государя (Weippert, 1982, 396; Grayson, 1991, 78). Не участвовавшие в разгромленной коалиции Тир, где на троне сидел уже новый царь Хирам II, и Библ поспешили вновь заплатить ассирийцам дань (ANET, 283).

Дань, которую теперь платили подчиненные государства, была не разовым мероприятием, как раньше, а регулярным институтом, и невыплата дани рассматривалась как измена (ср.: II Reg. 17, 4), что, естественно, вызывало недовольство. В 733 г. до н. э. поднял восстание против Ассирии дамаскский царь Резон, и на этот раз Тир его поддержал, как и некоторые другие государства этого региона. Однако Тиглат-Паласар вновь оказался сильнее. Дамаскское царство было ликвидировано, а тирский царь Хирам II, переправившись на материк, поцеловал ноги ассирийского царя в знак покорности и согласился на выплату дани (Katzenstein, 1973, 213—214). Но вполне возможно, что Тиглат-Паласар все же не доверял раз изменившему Хираму. Около 730 г. до н. э. на тирском троне находился уже Маттан II (Cogan, 1973, 98; Tadmor, 1994, 267), который заплатил Тиглат-Паласару огромную для того времени сумму — 150 талантов золота (ANET, 282). Возможно, что в 731—729 гг. до н. э. Тир вновь пытался сбросить ассирийское господство (Klengel, 1992, 225), но опять же неудачно. Однако и после этого город сохранил свою автономию. С одной стороны, ассирийцы не имели возможности взять островной город, а с другой — явно

были заинтересованы в его морской торговле, поэтому предпочли сохранить ему призрачную независимость (Weippert, 1982, 199).

Все эти события означали начало новой эпохи в истории Финикии. Ее значительная часть была непосредственно включена в Ассирийское государство и подчинена всевластию ассирийских чиновников. Центром ассирийской власти в Финикии, как некогда и египетского господства, стал Цумур. Сюда в качестве своего полновластного представителя Тиглат-Паласар направил своего сына и наследника Салманасара. В другой части, как и раньше, сидели местные цари, но они подчинялись ассирийскому суверену и платили ему дань, для получения которой в города посылались специальные ассирийские чиновники (ANET, 286). Общий надзор над местными царями осуществлял наместник соседней ассирийской провинции. Так, Курди-Ашшур-Лумур сообщал Тиглат-Паласару о положении в Тире, что там все идет хорошо, что все подчиняются ассирийскому царю и местные жители спокойно занимаются торговлей, в том числе ливанским лесом (Kestemont, 1983, 74—76). В этом же письме ассирийский чиновник говорит о своем контроле и над частной торговлей, запрещая финикийцам продавать лес египтянам и филистимлянам без особого разрешения. Конечно, такое запрещение было связано с тем, что ассирийцы в то время считали Египет и филистимские города своими врагами (Katzenstein, 1973, 237, п. 85), но все же сам этот акт свидетельствует о достаточно жестком контроле ассирийских властей над зависимым царством. Государство с собственным царем ассирийский чиновник называет «своей страной», т. е. не делает различия между частью собственно ассирийской территории, которой он

управляет, и, казалось бы, автономным царством. Такой жесткий контроль не мог не вызывать ответной реакции. Богатство Тира, его правящей верхушки и даже значительной части населения во многом основывалось на торговле, и запрещение свободной торговли подрывало их жизненные интересы. Неудивительно, что Тир не раз пытался сбросить ассирийское господство, и когда Тиглат-Паласар умер, тирийцы попытались воспользоваться этой возможностью.

После смерти Тиглат-Паласара в 727 г. до н. э. царем стал его сын Салманасар V, при котором тирийцы восстали (Jos. Ant. IX, 14, 2). Рассказывая об этих событиях, Иосиф Флавий ссылается на тирскую хронику и на рассказ Менандра, эту хронику использовавшего. Хотя подтверждений этому рассказу в ассирийских документах нет, едва ли его надо подвергать сомнению (ср.: Иосиф говорит о пятилетней осаде Тира ассирийцами). Правление Салманасара V продолжалось пять лет, следовательно, можно говорить, что война с Тиром заняла все правление этого царя, что не мешало ему воевать и в других местах, в том числе в Израиле. Видимо, сама смерть могущественного ассирийского владыки возбудила надежды тирийцев и побудила их к выступлению, в чем они были не одиноки. Вероятно, то же обстоятельство руководило Израилем, территория которого в результате действий Тиглат-Паласара была сведена почти к району Самарии (Tadmor, 1981, 169). Израильский царь Осия наладил отношения с Египтом (II Reg. 17, 4), вероятно, и тирский царь пытался заручиться поддержкой Египта. Однако последний в это время едва ли мог оказать активную поддержку своим новым союзникам. Результатом стала осада и Самарии, и Тира.

Возможно, что в восстании против Ассирии приняли участие и другие финикийские города. Недаром Иосиф Флавий говорит о войне ассирийского царя со всей Финикией. Едва ли, впрочем, это были территории, составившие ассирийскую провинцию. Видимо, речь идет о городах, сохранивших автономию, ибо сразу же после этого говорится о мире с ними, а с собственными владениями мир не заключают. Можно полагать, что финикийцы скоро поняли, что изменение на ассирийском троне не принесет им облегчения, и поспешили пойти на мировую с новым владыкой. Тир же продолжал сопротивление, явно надеясь на свое островное положение. Поскольку собственных военных кораблей у Салманасара не было, он потребовал их у финикийцев. Финикийцы (речь, вероятно, идет об Арваде и Библе) направили ему 60 кораблей, но тирийцы разбили их, и тогда ассирийцы приступили к осаде города. При этом на их сторону перешли Сидон, старый соперник Тира, а также Акко, Ушу и другие материковые тирские города. Вероятнее всего, это было вызвано страхом перед ассирийским возмездием, но возможно, что жесткий контроль над экономической жизнью меньше задевал жителей материковых городов, чем собственно тирийцев, и они не имели столь сильных оснований для антиассирийского выступления.

Все же захватить Тир ассирийцы не смогли, но использовали свою власть на материке, отрезав островной город от источников воды. Тирийцы вырыли колодцы на самом острове и продолжали сопротивляться. Иосиф умалчивает о дальнейших событиях, и мы не знаем, чем закончилась пятилетняя осада Тира. Но поскольку Тир и в дальнейшем подчинялся ассирийцам, то ясно, что Элулай вновь

признал верховную власть ассирийского царя. С другой стороны, еще в начале правления Синаххериба, т. е. в самом конце VIII в. до н. э., тирскими владениями был ряд материковых городов, в том числе упомянутые Иосифом Акко и Ушу. Поэтому можно думать, что речь шла о восстановлении положения, существовавшего до восстания: Тир признавал верховную власть Ассирии, но сохранял все свои прежние владения. Как было оформлено это соглашение и кто был ассирийским царем, с которым договаривался Элулай, неизвестно (Салманасар V или уже Саргон II).

Салманасар был убит заговорщиками во время осады Самарии, и на престол вступил Саргон. Иногда полагают, что он был младшим братом убитого царя (Садаев, 1979, 101—102), но, поскольку он вопреки обычаю ни разу не упоминает о своем отце (Якобсон, 1989, 34), вероятнее, что он вообще не имел отношения к дому Тиглат-Паласара. Перемена на троне вновь пробудила надежды подчиненных. Вспыхнуло мощное восстание, в котором, возможно, решающую роль играл правитель Газы Ганнон, вступивший в союз с Египтом. На этот раз Египет пытался оказать действенную помощь союзникам, но египтяне были разбиты при Рафии (ANET, 285). Среди участников восстания были Дамаск и Арвад, а также уже аннексированный Ассирией Цумур. Восставшие встретились с ассирийскими войсками около Каркара, где в предшествующем веке была сдержана на какое-то время ассирийская экспансия. Но на этот раз ассирийцы одержали решительную победу. Дамаск был разрушен и надолго сошел с исторической сцены (Klengel, 1985, 54). Власть Ассирии была полностью восстановлена и расширена. Островной Арвад сохранился как царство, но явно вновь был должен

признать верховную власть ассирийского царя. Тир среди участников этого выступления не упоминается. Может быть, это было следствием мирного соглашения, заключенного Элулаем. От участия в восстании удержались также Библ и Сидон. Так что для Финикии исходом этого восстания было восстановление (но не радикальное изменение) прежнего положения.

После подавления этого восстания Финикия уже не доставляла особых хлопот Саргону. Тем не менее полностью вне своего внимания он ее не оставлял. Источники сообщают о подчинении Саргоном Тира. Поскольку это сообщение объединено с сообщением о подчинении Куэ в Киликии и кампаниями против каких-то островных греков и малоазийских царств, включая Фригию, то вполне вероятно, что речь идет не о самом Тире, а о тирийцах в районе Мириандского залива (Kestemont, 1983, 65—66). Эта акция, несомненно, наносила определенный ущерб Тиру, что можно сказать и о другом предприятии Саргона, который переправился на Кипр и подчинил себе какую-то часть острова (ANET, 284). Как будет сказано позже, финикийские города Кипра подчинялись тирскому царю, так что беспрецедентный морской поход Саргона не был по отношению к Тиру недружеским актом. У ассирийцев не было собственного флота, и корабли для этого, по-видимому, предоставили финикийцы, как это было и при попытке Салманасара захватить Тир. Вероятнее всего, это были арвадцы, ибо Арвад находился почти напротив Кипра, и оттуда легче всего было достичь острова. Видимо, для арвадцев это стало средством нанести ущерб своим старым соперникам, но и в этом случае Элулай предпочел не ссориться с могущественным ассирийским царем.

Очередная смена правления в Ассирии снова привела к политической нестабильности. Подчиненные цари отказались платить дань. Занятый делами в Месопотамии, где от Ассирии отпал Вавилон, новый ассирийский царь Синаххериб был вынужден на какое-то время отказаться от подчинения западных земель. Однако все понимали, что ассирийская угроза не миновала. Вероятнее всего, именно к этому времени относится пророчество Исаяи (23) о Тире, в котором пророк, в частности, предрекает полное разрушение города (Katzenstein, 1973, 239). Вообще библейские пророки часто пророчат гибель Тира. При чтении их страстных речей создается впечатление, что самый главный грех Тира, за который он и будет разрушен, — его богатство. Богатый город, обладающий разветвленными торговыми связями, господствующий, как будет сказано ниже, над многочисленными колониями, владеющий сильным флотом и гордый своей островной неуязвимостью, Тир в это время был явно ведущим городом Финикии. Готовясь к неизбежной схватке с Синаххерибом, тирский царь Элулай укреплял материковые города, располагал там свои гарнизоны, в изобилии снабжая их пищей и водой (ANET, 287).

В 701 г. до н. э. Синаххериб решил наконец покончить с непокорными вассалами. Его главный удар был направлен против Тира. Усилия Элулая оказались тщетными, и ассирийцы захватили материковые города Тирского государства. Среди них были Великий Сидон и Малый Сидон. Первый из них дважды упоминается в библейский Книге Иисуса Навина (11, 8; 19, 28). В обоих случаях он называется вместе с галилейскими топонимами, как Мером (точнее — Воды Меромские), Рехоб, Кана; некоторые из них располагались недалеко от Тира, но все —

южнее реки Литани. Видимо, где-то в этом районе находились и оба Сидона, а сопровождающие их определения отличали эти города от «просто» Сидона. Поэтому едва ли в этом сообщении надо видеть доказательство тезиса об отделении Сидона от Тира и расчленении единого Тиро-Сидонского царства. Элулай не решился далее сопротивляться и бежал на Кипр. Там он, однако, был пойман и привезен к царю. На тирский трон Синаххериб посадил Итобаала, который обязался ежегодно платить дань. После этого цари Сидона Итобаал (явно другой, чем одноименный новый тирский царь), Библа Урумилк и Арвада Абдэл, как и другие покоренные цари (кроме аскалонского царя Сидкии), преклонились к ногам победителя и преподнесли ему подарки, символизируя свое полное подчинение (ANET, 287—288). Часть финикийцев, в том числе тирийцев, была насильственно переселена в Месопотамию, где они помогали строить корабли. Для отвоевания Южной Месопотамии Синаххериб направил по водам Тигра и Евфрата суда, моряками на которых были финикийцы из Тира, Сидона и Кипра (Klengel, 1992, 227).

Начало царствования Асархаддона тоже было отмечено очередным восстанием в Финикии. На этот раз мятеж против своего суверена поднял сидонский царь Абдмилкат, по-видимому, преемник Итобаала. Другие финикийские города его не поддержали, но он нашел союзников в Киликии, где против Ассирии выступил царь Кунди и Сизу Сандуарри. Ответ Асархаддона был ужасающим. Сам он говорит о себе как о «завоевателе Сидона». Возможно, военные действия имели место, и то ли после поражения, то ли не оказав сопротивления, Абдмилкат бежал в море, но был захвачен и обезглавлен (как и Сандуарри). На мятежный город были обрушены страшные репрессии.

В Сидоне ассирийцы захватили огромную добычу: золото, серебро, драгоценные камни, слоновые шкуры и слоновую кость, эбеновое дерево и самшит, льняные одежды с многоцветной отделкой. В руки ассирийского владыки попала и личная казна сидонского царя. Но этим победитель не ограничился: из Сидона были выселены многие люди и уведен скот. Позже, после захвата Иерусалима, вавилонский царь Навуходоносор вывел из Иудеи аристократов, военных и ремесленников, оставив бедняков, виноградарей и земледельцев (II Reg. 24, 14—16; 25, 11—12). Видимо, и в Сидоне речь шла в первую очередь об аристократии и ремесленниках (Klengel, 1992, 228). После этого город был фактически полностью разрушен, и по приказу победоносного Асархаддона соседние цари явно за свой счет построили на его месте новый — Кар-Асархаддон (Порт Асархаддона), в который были переселены жители соседних гор и обитатели восточной части Ассирийской державы (ANET, 290—291). Позже Сидон был восстановлен как финикийский город, но надолго потерял свое значение. Сидонское царство было ликвидировано, его территория, в том числе сам город, была включена непосредственно в состав Ассирии и подчинена специальному чиновнику, образовав особую провинцию Ассирийского государства.

После уничтожения Сидона Асархаддон отдал ранее принадлежавшие ему города Маруб и Сарепту тирскому царю Баалу. Было ли это наградой за помощь против Сидона или средством вбить клин между Тиром и могущим возродиться Сидоном, точно неизвестно. Но думается, что первое предположение все же правильнее. Едва ли ассирийский царь мог всерьез думать, что Сидон сможет восстановиться: подобное не в характере ассирийских царей.

Абдмилькат пытался бежать за море (может быть, на Кипр или в Малую Азию), и поймать его там было возможно только с помощью флота. Очень вероятно, что этот флот был тирским. К тому же уничтожение богатого Сидона было на руку Тиру. Правда, за этот дар тирский царь должен был платить увеличенную дань (Pettinato, 1975, 147).

Тирский царь вел в это время сложную игру. Он покорно выплачивал дань ассирийскому суверену, как это делали и другие зависимые цари, включая царей Библа и Арвада (ANET, 291), но в то же время поддерживал отношения с Египтом, ставшим в то время главным врагом Ассирии. В Египте власть захватили эфиопские цари, создавшие XXV династию, которая пыталась возродить былую мощь страны. В первые годы правления фараона Тахарки в храм Амона-Ра поступили азиатские товары, которые были представлены как дань из страны Хор (Сирия и Палестина), хотя не исключено, что Тахарка действительно совершил какой-то поход на северо-восток, результаты которого были сильно преувеличены (James, 1991, 696). С Тахаркой Баал и завел какие-то отношения, видимо, надеясь на его поддержку. Может быть, это произошло после первого неудачного похода Асархаддона на Египет в 674 г. до н. э., который показал, что ассирийские силы не столь уже непобедимы и можно использовать противоречия между Египтом и Ассирией для освобождения от власти последней. Уверовав в полную возможность освобождения, Баал перестал платить дань ассирийскому царю. Возможно, что одновременно он попытался установить отношения и с Иудеей. Иудейский царь Манассия ревностно вводил финикийские культы, воздвигнув даже статую Астарты, может быть, и в иерусалимском храме (II Reg. 21, 3—9), причем

библейский автор подчеркивает, что делал он это по примеру израильского царя Ахава (когда существовал союз между Израилем и Тиром). Союз между Иудеей и Тиром также вполне вероятен, ибо само принятие культа могло быть знаком политического альянса (Katzenstein, 1973, 263—264). Все эти политические интриги не могли не вызвать подозрений и недовольства ассирийского царя. Библия сообщает, что Манассия был арестован и отослан в Месопотамию, где он раскаялся в своем вероотступничестве и был после этого возвращен на иерусалимский трон (II Chron. 33, 11—13). Едва ли ассирийского царя интересовали религиозные проблемы Иудеи. Отказ от финикийских культов был явным признаком изменения политической ориентации: Манассия становится верным вассалом Ассирии (Tadmor, 1981, 185).

Обеспечив себя с этой стороны и подготовив плац д'арм в Филистии, Асархаддон в 671 г. до н. э. вновь направился в поход на Египет. По пути он подошел к Тиру, но тирский царь не покорился ему. Тогда Асархаддон оставил часть своего войска осаждать Тир, а сам с основной частью армии продолжил египетский поход. Ассирийцы отрезали тирийцев от снабжения пищей и водой. Египтяне, которые терпели поражения от ассирийцев, помочь Тиру никак не могли, и Баал сдался. Он не только заплатил всю дань за то время, что не платил, но и отослал в Ассирию своих дочерей с богатым приданым (ANET, 291—292). Дочери, вероятно, служили залогом дальнейшей верности Баала (Klengel, 1992, 229) ассирийскому царю.

Мятеж Баала ничем не отличался от подобного мятежа сидонского царя Абдмилката, но результаты его для Тира были иные, чем ранее для Сидона. Тир играл слишком большую роль в ассирийской эконо-

мике, чтобы его было можно разрушить. Если, строя Порт Асархаддона на месте Сидона, ассирийский царь намеревался создать конкурирующий с Тиром центр заморской торговли, то он явно ошибся. Тир, обладающий разветвленной сетью заморских колоний (см. ниже), остался вне конкуренции. Поэтому город не только не был разрушен, но и остался под властью прежнего царя. Асархаддон отнял у Тира все материковые владения, и как Арвад при Тиглат-Паласаре III, так и Тир теперь был сведен к самому острову (ANET, 291). На остальной территории, ранее подчинявшейся тирскому царю, была образована ассирийская провинция Тир (Цури), и из более позднего времени известно имя одного из правителей этой провинции — некоего Бел-Шадуа (Forrer, 1920, 66—67; Katzenstein, 1973, 283; Na'aman, 1994, 7—8). Возможно, именно тогда или несколько позже был заключен договор между Асархаддоном и Баалом (ANET Suppl. 533—534; Porrola, Watanabe, 1988, 24—28). В этом договоре, в частности, разрешалось тирийцам торговать в Акко и Доре, которые ранее находились на территории Тирского царства. Следовательно, во время заключения договора они уже Тиру не принадлежали, и договор относится ко времени, когда территория царства сводилась преимущественно к самому острову (Pettinato, 1975, 159), хотя возможно, что некоторые города Асархаддон все же Баалу вернул. Акко и Дор, как только что было сказано, к этим возвращенным городам не относились. Вероятно, в состав ассирийской провинции был включен и Ушу; позже его жители восстали против ассирийского наместника (ANET, 300). Потеря этого города ставила Тир в полную зависимость от ассирийского правителя, ибо именно отсюда тирийцы в основном получали еду и воду.

Договор между Асархаддоном и Баалом далеко не был равноправным. Он являлся, по существу, диктатом ассирийского царя. Состоял он из политической и экономической частей, но, к сожалению, политическая часть дошла в очень плохом состоянии. Тем не менее из сохранившегося текста ясно, что Баал признал себя «рабом» ассирийского царя, т. е. полностью подчинился его власти. Конкретным выражением такого подчинения явилась посылка в Тир специального царского представителя, который осуществлял контроль за всей деятельностью Баала. Тирский царь должен был прислушиваться к мнению этого представителя, т. е. практически не мог предпринимать никаких самостоятельных действий. Даже письма ассирийского владыки он должен был читать только в присутствии этого представителя; видимо, ассирийский царь опасался, как бы его тирский вассал не искажил в свою пользу содержание послания суверена. Так что после этого договора самостоятельность Тира, и до этого весьма иллюзорная, стала совсем призрачной: тирский царь был, пожалуй, более бесправен, чем наместник ассирийской провинции.

Зато экономическая часть договора предоставляла тирийцам значительные привилегии. Правда, в случае кораблекрушения у берегов, подчиняющихся Ассирии, груз такого корабля попадал в руки ассирийского царя, но сами моряки свободно возвращались на родину. Еще важнее было то, что тирийцам предоставлялась возможность свободно торговать во всех городах на территории Ассирии, на побережье и в Ливанских горах, в вассальных царствах, как например, в Библе. Указание на конкретные торговые пути, которые предоставлялись тирийцам для свободной торговли, можно понимать двояко: и как

ограничение торговли только этими путями, и как привилегию торговать на этих путях без всяких ограничений. Исходя из общей обстановки, можно говорить, что вторая возможность более соответствует действительности, и Тир по этому договору сохранял свою торговую активность (Bunnens, 1979, 55—56; Kestemont, 1983, 77; Na'aman, 1994, 4—5; ср., однако, *Les Pheniciens*, 1997, 43).

После этих событий политический раздел Финикии можно считать законченным. Более или менее нетронутой была территория Библского царства. Арвад и Тир¹ оставались под управлением своих царей, но их территории были сведены почти полностью к самим островам, на которых они располагались. Остальная территория Финикии составила ассирийские провинции Цимирра (Цумур), «Страна моря» (бывшее Сидонское царство) и Тир «Страна Тира», включающая в себя бывшие материковые владения Тира (Fogger, 1920, 57—66).

Финикийцы, жившие на территории ассирийских провинций, как и все остальное население государства, отдавали властям десятую часть урожая, четвертую часть соломы в качестве фуража, часть приплода скота и, вероятно, они несли трудовую повинность (Заблоцка, 1989, 337; Якобсон, 1989, 42). Участвовали они и в войнах ассирийских царей, вероятнее всего, составляя часть армий Саргона II и Синаххериба, во всяком случае, во время военных действий в районе Средиземного моря (Reade, 1972, 107). Во главе каждой провинции стоял всесильный наместник, распоряжавшийся жизнью местного на-

¹ В свое время Э. Форрер предположил, что и сам Тир стал частью этой провинции (Fogger, 1920, 67), но из победных реляций ассирийских царей ясно, что в Тире сохранился собственный царь.

селения. Как известно, ассирийцы активно проводили политику депортаций, переселяя подчиненных и заселяя эти места новым населением. В Финикии эта практика была использована, как уже говорилось, в Сидоне после подавления там восстания. Позже эта же практика была применена в отношении южно-финикийских городов Ушу и Акко. В последнем это, по-видимому, привело к радикальной смене населения города. Но в остальной Финикии такой смены не наблюдается. Исследования этнического состава Ассирии показали, что в самой Ассирии западносемитское население представлено довольно слабо, да и то это были в основном арамеи, оказывавшие все большее влияние на ассирийское общество, а не финикийцы, хотя последние тоже встречались (Tadmor, 1982, 449—453, 459; Zadok, 1992, 77—78). Видимо, массовых депортаций из Финикии все же не было.

Что касается вассальных государств, то их цари приносили клятву верности ассирийскому царю, которого признавали своим господином, а себя — его слугами. В принципе отношения между ассирийским сувереном и вассальными царями оформлялись в виде договора, продиктованного ассирийским царем. Подчиненные цари уступали ассирийскому владыке значительную долю суверенитета в обмен на мир или политическую поддержку Ассирии (Porrola, Watanabe, 1988, XVI). Возможно, как и в Тире после договора Баала с Асархаддоном, общий и довольно жесткий надзор за деятельностью местных властей осуществлял ассирийский представитель. Судя по сохранившимся договорам между ассирийским царем и его вассалами, последние принимали на себя в первую очередь политические обязательства. Они не только не должны были уча-

ствовать в каких-либо мятежах и заговорах против суверена, но и доносить о малейшем намеке на такой заговор, даже если малейшая опасность для правящего царя или его наследника исходила из самого царского дворца и даже царского рода. Вассальные цари должны были использовать все свои силы и возможности, чтобы подавить любой мятеж и даже уничтожить всех его главарей и их потомков (ANET Suppl., 534—541; Porpola, Watanabe, 1988, 76—77). Из победных реляций ассирийских царей известно, что подчиненные цари должны были платить Ассирии дань. Ассирийский царь мог заставить их принять участие в военном походе или в строительстве, как было, например, с постройкой Кар-Асархаддона.

В принципе создание Ассирийской державы отвечало нуждам экономического развития Ближнего Востока. Образование единого государства, включавшего в себя наиболее развитые районы Передней Азии, а одно время и Египет, способствовало установлению более тесных связей между отдельными районами, активному развитию международной торговли (Оппенгейм, 1980, 93—94). Это имело большое значение и для Финикии, в экономике которой торговля играла очень большую роль. Сравнение списка стран и народов, включенного в прозаический текст пророчества Иезекиила, с территориями, вошедшими в состав Ассирийской державы, показывает довольно значительное совпадение (хотя и неполное). Финикийцы не могли это не использовать. В ассирийской столице Ниневии отмечена деятельность финикийских купцов (Lipinski, 1975, 2—6). Само сравнительно благосклонное отношение к Тиру, несмотря на многочисленные акты его нечестности, объясняется во многом признанием

его значения в торговле и приобщении заморских ресурсов к экономике державы. Существование огромного государства открывало пути для расширения деятельности и другим предприимчивым представителям финикийского мира. Редко, но все же встречаются люди, носящие финикийские имена, на постах чиновников и офицеров вплоть до высокого поста наместника провинции и эпонима столицы (Lipinski, 1983, 125—134; Lipinski, 1991, 151—153; Tadmor, 1982, 450—451).

В то же время сам процесс завоеваний, приведший к созданию державы, сопровождался разрушениями, убийствами, порабощениями. Малейшее сопротивление жестоко каралось, после подавления восстания весь город мог быть разрушен, а его жители в значительной степени депортированы, как это произошло с Сидоном. Да и в обычное время население не только ассирийских провинций, но и зависимых царств страдало от непосильной дани. Следует вспомнить только 150 талантов золота, полученных в виде дани Тира. Специальное упоминание такой дани говорит, скорее, о ее уникальном характере: обычно дань была явно меньше, но все же весьма велика, а малейшее уклонение от ее выплаты рассматривалось ассирийским царем как мятеж и вызывало соответствующие последствия. Чтобы сделать свою огромную по тем временам державу эффективно управляемой, ассирийские цари создали огромную и весьма разветвленную бюрократическую машину (Grayson, 1991, 199—206), содержание которой ложилось тяжелым бременем на население и в конце концов уже не оправдывалось экономической необходимостью. Все это вызывало недовольство и даже ненависть, и, когда предоставлялась возможность, подчиненные восставали.

Вскоре после восшествия на трон Ашшурбанапала, сына Асархаддона, восстал все тот же неутомимый царь Тира Баал. Он вместе с другими подчиненными царями, в том числе Библа и Арвада, был вынужден участвовать в походе против Египта, который новый царь предпринял вскоре после прихода к власти (ANET, 294). Хотя Ашшурбанапал гордо рассказывал о своих победах в Египте, его походы были не особенно удачны. И когда он отправился в свой третий поход на эту страну, Баал отказался следовать за ним. Ассирийцы снова приступили к осаде Тира, перерезали все торговые дороги города и лишили его продовольствия. Тир был вынужден снова сдаться. Баал в знак покорности отослал в Ниневию своих дочерей и племянниц, а также сына. Девушки остались при царском дворе, являясь фактически заложницами, а сына Ашшурбанапал вернул, рассчитывая, видимо, сделать из него свою опору.

Одновременно Ашшурбанапалу пришлось иметь дело с царем Арвада Йакинлу. Ашшурбанапал сообщает, что Арвад до этого не подчинялся царям из его рода. Это явное преувеличение, ибо он же упоминает о дарах (едва ли добровольных), которые арвадский царь принес ему при восшествии на престол, и участии вместе с другими подчиненными царями в первом походе против Египта. Как бы то ни было, Йакинлу был вынужден подчиниться и, как это сделал и Баал, отослать к царскому двору своих дочерей с богатым приданым. Но на этом несчастья арвадского царя не кончились. Вероятно, его собственные сыновья выступили против него и обратились к ассирийскому государю. Ашшурбанапал не сообщает о причинах своего вмешательства в арвадские дела. Известно только, что Йакинлу был убит, а на арвад-

ский трон Ашшурбанапал возвел его старшего сына Азибаала. Его братья были отвезены к царскому двору, где им были возданы всяческие почести, но где они и остались, то ли, чтобы служить заложниками, то ли, чтобы не допустить новых дворцовых интриг в Арваде (ANET, 296).

Во время очередного похода против арабских племен, который вопреки заверениям ассирийского царя развивался, по-видимому, не очень успешно, против ассирийцев восстали жители Акко и Ушу. Это единственное известное нам восстание финикийцев на территории ассирийской провинции. По-видимому, положение в качестве подданных ассирийского царя было еще хуже, чем положение ассирийских вассалов, и жители сравнительно недавно присоединенных к Ассирии финикийских городов желали вернуться к прежнему положению. Возможно, не обошлось без подстрекательства тирского царя (Katzenstein, 1973, 293—294). Жители Акко и Ушу отказались платить ежегодную подать и подчиняться ассирийским властям. Восстание было, по-видимому, довольно опасным, и сам Ашшурбанапал на обратном пути из Аравии со всей своей армией обрушился на непокорных. Многие были убиты, и тела их вывешены вокруг городов, многие выселены из Финикии (ANET, 300). Археологические раскопки показали, что Акко был разрушен (Lipinski, 1995, 278).

Между тем положение Ассирии становилось все сложнее. Многочисленные походы подорвали ее силы, а окрестные народы стали перенимать некоторые принципы организации ассирийской армии. Используя это, они начали контрнаступление на Ассирию. Одновременно от Ассирийской державы стали «отламываться» отдельные куски. Не была исклю-

чением и Финикия. Неизвестно, каким образом и когда Финикия вернула себе независимость. Но условия, в которых это произошло, приблизительно известны.

В начале царствования Ашшурбанапала Ассирия находилась в зените славы и могущества. Но в его же правление начался и распад державы. Правитель Саиса Псамметих объединил под своей властью Египет и освободил страну от ассирийского господства (James, 1991, 708—714). В Иудее после двухлетнего царствования был свергнут верный ассирийский вассал Амон (II Reg. 21, 23). На престоле оказался его сын Иосия, с именем которого связана и радикальная религиозная реформа, приведшая к торжеству иудейского монотеизма, и завоевательная политика, направленная на объединение под властью иерусалимского царя значительной части Палестины (Tadmor, 1981, 186—191). Если следовать буквально библейской Книге Хроник, значительная часть бывшего северного еврейского царства, т. е. Израиля, уже принадлежала иудейскому царю, когда в 622 г. до н. э. была найдена Книга Учения (II Chron. 34, 6—15). А это значит, что иудеи завладели частью ассирийских провинций, когда Ассирийское государство еще существовало. Возможно, что приблизительно в это же время от ассирийской власти освободилась и Сирия (Katzenstein, 1973, 296). И ассирийский царь ничего не мог сделать с непокорными. Последние годы правления Ашшурбанапала были временем смут и беспорядков в самой Ассирии (Oates, 1991, p. 167), которые еще больше усилились после его смерти в 627 г. до н. э. (Oates, 1965, 158), дойдя до настоящих гражданских войн, за чем и последовало падение Ассирии в 614—605 гг. до н. э.

В этих условиях финикийцы и освободились от ассирийской власти. Возможно, что именно тогда был восстановлен Сидон, вновь ставший независимым царством. Свои владения на материке восстановили Тир и Арвад. При этом граница между Тиром и Сидоном была установлена с учетом перехода Сарепты к Тиру: еще в IV в. до н. э. этот город считается тирским (Ps.-Scyl., 104).

На время, предшествующее ассирийскому завоеванию, и на период ассирийского господства приходится второй этап финикийской колонизации.

ГЛАВА 9

ВТОРОЙ ЭТАП ФИНИКИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

И второй этап финикийской колонизации коснулся только Тира (Moscatti, 1994, 75—81). Правда, иногда в качестве колонистов упоминаются и сидонцы. Так, Саллюстий (Iug. 78,1) говорит, что Лептис был основан сидонянами. Но в греко-римской литературе часто финикийцев называют сидонянами. И позже Саллюстия Овидий (Met. II, 837—845) называет Финикию Сидонской страной, а героиню этого повествования Европу и ее подруг — тирийками. Окончательную точку в возможных спорах ставит довольно поздняя (конца II в. н. э.) надпись, в которой лептиты своей метрополией называют Тир (Rey-Coquais, 1986, 597—602). Это выдвигание Тира в качестве единственной метрополии финикийских колоний не случайно.

Уже говорилось, что приблизительно с X в. до н. э. можно говорить об окончательной победе железного века. Рост экономики этого века требовал большого количества металлов, причем не только драгоценных, но и необходимых для непосредственного производства. Экономической основой об-

разования ближневосточных империй, в том числе первой из них, Ассирийской державы, было объединение под одной властью дополняющих друг друга хозяйственных регионов, включая источники сырья (Дьяконов и др., 1989, 9—18). Колонизация в значительной степени и «подключала» к экономике империй те источники сырья, которые находились вне досягаемости экспансионистских устремлений имперских владык (Frankenstein, 1979, 269—273). А со времени первого этапа колонизации именно Тир был главным пунктом связи Ближнего Востока с Дальним Западом. Как уже отмечалось, именно ролью Тира в этих восточно-западных контактах и объясняется сравнительно мягкая политика ассирийских царей по отношению к почти постоянно ненадежному Тиру. Но эта причина была лишь самой общей и далеко не единственной.

В IX в. до н. э. в Тире, как мы видели, обострилась социальная и политическая борьба. Саллюстий (Iug. 19, 1) выделяет две причины выселения из Тира: перенаселение и внутренняя борьба, когда часть знати, «возбудив плебс и других людей, жадных к новизне», отправилась основывать новые города. Выражение *res novae*, использованное римским историком, означает, однако, не просто новизну, а социальный и/или политический переворот. Упомянутые автором знать и плебс соответствуют финикийским терминам «могущественные» (*'drnm*) и «малые» (*s'rn*); и те и другие были частью гражданского коллектива (см. ниже). К «малым», по-видимому, принадлежали и тирские земледельцы, которые, по словам Курция Руфа (IV; 4, 20), с оружием в руках требовали новых земель за пределами государства. Курций Руф указывает, что непосредственной причиной выступлений земле-

дельцев стали частые землетрясения. Иосиф Флавий (Ant. Iud. VIII, 13, 2) именно в том месте, где говорится об основании первых тирских колоний, пишет о страшной засухе в Тире. Возможно, к этому времени уменьшается количество лесов, что тоже ухудшало экологическую ситуацию в Финикии (Rollig, 1982, 25; Wagner, 1991, 413—414). По-видимому, это ухудшение экологической ситуации также послужило толчком к выступлению плебса и началу колонизационной деятельности (Moscatti, 1992, 100; Aubet, 1994, 73—75). Указание же на *res novae* позволяет говорить, что только экологическими причинами дело не ограничилось. Видимо, в стремлении удовлетворить свои социальные и политические чаяния объединилась какая-то часть плебса и оппозиционные группы аристократов. Среди плебса явно были земледельцы (Wagner, Alvar, 1984, 61—102), но возможно также, что и какая-то часть горожан. И те и другие, не имея возможности добиться своих целей на родине, уезжали основывать новые города.

В качестве первой причины финикийской колонизации Саллюстий отмечает все же желание выселить излишки населения. Появление таких «излишков» в конце предыдущего тысячелетия объяснялось в первую очередь резким сокращением территории Финикии, населенной ханаанеями, и концентрацией по крайней мере части ханаанского населения, вытесненного из Сирии и Палестины. Эта причина в I тысячелетии до н. э. уже отсутствовала. Никакие радикальные демографические изменения в сиро-палестинском регионе в это время не отмечены. Можно лишь говорить о массовых депортациях, проводимых ассирийцами, но это не вело к резкому изменению демографической ситуации в Финикии вообще и в Тире в частности. Рост населения в Тире

прежде всего объясняется, видимо, естественными причинами. Территория же Тирского царства на материке была довольно ограничена. Вероятно, стремлением удовлетворить потребности в новых землях объясняется утверждение Тира в относительно плодородном районе около Акко и частично Нижней Галилеи (Aubet, 1994, 75—77). Но это было возможно, пока сохранялись хорошие отношения с единым еврейским царством, а после его раздела — с Израилем. Обострение этих отношений после прихода к власти Ииуя и утверждения в Израиле ортодоксальной реакции ставило на этом пути решения демографической проблемы серьезный барьер.

Такой значительный центр, как Тир, не мог не привлекать окрестное население. В поэтической части пророчества Иезекиила (27, 8—11), принадлежавшей, скорее всего, самому пророку, говорится о жителях Сидона, Арвада, Библа, служивших Тиру. Ими иногороднее население едва ли ограничивалось. В финикийских колониях отмечается наличие значительных арамейских и даже неохеттских элементов (Blazquez, 1983, 27—28; Blazquez, 1993, 41—52). Надо обратить внимание и на большое количество поселений, основанных Тиром. Как бы ни были малы первоначальные размеры таких поселений и численно невелики сами колониальные экспедиции, как бы ни велико было, наоборот, население самого Тира, включая его материковые владения, трудно представить, как хватало тирийцев на создание стольких колоний, не только на продолжение развития своего города, но и на поддержание этого развития на довольно высоком уровне. Как кажется, ответ на это недоумение содержится в истории греческой колонизации. В Элладе метрополии зачастую в действительности являлись своеобразными пере-

селенческими центрами, куда собирались люди не только из различных поселений своего полиса, но и из-за границы (Колобова, 1951, 160—161). Вероятнее всего, и Тир был подобен такому центру: его тесные связи с морем притягивали самых разных людей, по тем или иным причинам желавших начать новую жизнь за морем, а наличие в самом Тире оппозиционных групп аристократии давало возможность найти предводителей таких мероприятий.

В более поздний период тирской колонизации известную роль мог играть страх перед ассирийцами (Wagner, Alvar, 1989, 63—73). Но толчком к началу колонизации он, естественно, быть не мог. Такой толчок, по-видимому, был дан политическими событиями в Тире. Не случайно первые сведения о возобновлении финикийской колонизации относятся к правлению Итобаала I в Тире. Именно он, как уже говорилось, был создателем Ботриса в самой Финикии и Аузы в Африке. Этот царь, пришедший к власти в результате переворота, был заинтересован в основании новых городов, куда бы он мог отправить реальных или потенциальных противников, включая сторонников прежней династии. Вероятно, именно это и надо считать началом второго этапа финикийской колонизации.

Итак, причины возобновления финикийской колонизации были очень разнообразны: как экономические, так и социальные и политические. Начало же второго этапа относится к первой половине IX в. до н. э. Диодор (VII, 13) отмечает, что финикийцы обладали талассократией в течение 45 лет. Эта талассократия, по исчислению историка, седьмая после Троянской войны, что датирует ее второй половиной IX в. до н. э. Конечно, нельзя себе представлять, будто в это время финикийцы полностью господство-

вали на море. Речь, видимо, идет о ситуации морского преобладания финикийцев в Средиземноморье. Можно думать, что ритм финикийской колонизации с течением времени ускорялся, и во второй половине IX в. до н. э. финикийская колонизация стала заметным явлением в истории средиземноморского мира. Забегая вперед, отметим, что именно в это время был основан знаменитый Карфаген.

Нельзя представить себе финикийскую колонизацию как планомерное и последовательное освоение средиземноморского пространства. Финикийцы могли заходить далеко на запад, а затем возвращаться на восток. К тому же хронология колонизационной деятельности не всегда ясна. Поэтому есть смысл рассматривать районы колонизации не в хронологическом, а в географическом аспекте, продвигаясь с востока на запад. И первым районом финикийской колонизации оказывается в таком случае Кипр.

Связи сиро-финикийского побережья с Кипром уходят в далекую древность, что объясняется в первую очередь богатейшими залежами медной руды на острове. Во II тысячелетии до н. э. торговля кипрской медью играла огромную роль в Угарите (Heltzer, 1977, 203). Вторжения «народов моря» если и нарушили финикийско-кипрские связи, то ненадолго. Из Библа отплыл на Кипр (Алашию) Ун-Амун (2, 74—2, 75). Правда, автор этого рассказа говорит, что ветер прибил его к берегу Алашии, что как будто говорит об отсутствии регулярных контактов между Библом и Кипром. Но сама возможность плаваний из Финикии на Кипр несомненна. Находки керамики показывают существование устойчивых контактов между Кипром и Тиром уже в XI в. до н. э. (Reyes, 1994, 18). К рубежу тысячелетий могли относиться первые попытки финикийцев обосноваться на острове

(Dupon-Somer, 1974, 76—77; Teixidor, 1975, 123). Но о собственно колонизации можно говорить только с IX в. до н. э., вероятнее, с его первой половины (Michaelidou-Nicolaou, 1987, 332). Первым свидетельством этого является древнейшая финикийская надпись Кипра, датируемая некоторым временем после 900 г. до н. э. (Masson, Sznycer, 1972, 14, 20; Teixidor, 1975, 121). К сожалению, место находки этой надписи неизвестно. Первой же колонией финикийцев на Кипре был Китий в восточной части южного побережья.

Китий не был созданием финикийцев. Он существовал задолго до их прибытия. Уже в начале XIII в. до н. э. этот город являлся значительным центром медной металлургии. Позже он был покинут и вновь населен, разрушался при землетрясении и снова возрождался (Webb, p. 4—11). Это свидетельствует о значительной роли Кития, так что обоснование там финикийцев не было случайностью. К середине IX в. до н. э. финикийское поселение здесь уже существовало. Возможно, что его центром был храм Астарты, созданный финикийцами на месте более раннего, разрушенного около 1000 г. до н. э. (Karageorghis, 1982, 123). Столь значительная роль храма Астарты могла быть связана с тем, что основателем финикийского Кития был, возможно, Итобаал I, который, как об этом говорилось, до своего воцарения являлся жрецом Астарты (Karageorghis, 1982, 124; Les Phéniciens, 1997, 188). Если связь между жречеством Итобаала и ролью Астарты в Китии действительно существовала, то основание этого города относится ко времени царствования этого царя, т. е. к самому раннему периоду второго этапа колонизации, и, следовательно, Китий, как и Ботрис и Аузу, надо считать плодом деятельности Итобаала. Другим очень важ-

ным центром городской жизни был хорошо оборудованный порт, в районе которого имелись святилища Астарты и Мелькарта — главного бога Тира (Karageorghis, 1982, p. 123; Baurain, Bonnet, 1992, 111). Возможно, что именно в районе порта финикийцы первоначально обосновались, создав там нечто вроде торговой фактории, т. е. пристани с доками и складами, окруженной оборонительной стеной (ср.: Dupon-Somer, 1974, 78; Yon, 1987, 373). И не более чем за 20—30 лет финикийцы распространились на весь город, а около середины столетия смогли основать храм Астарты (Michaelidou-Nicolaou, 1987, 332). Как и другие города Кипра, Китий остался во многом космополитическим центром, в котором, кроме финикийцев, жили, вероятно, греки и потомки местных жителей (этеокиприоты), но доля финикийцев там, видимо, была большей, чем в других городах острова.

Китий был главной базой финикийцев на Кипре и основным портом связи Кипра с восточносредиземноморским побережьем. Поэтому достаточно рано слово «киттим» стало обозначать у евреев не только сам Китий и его жителей, но и весь Кипр, о чем довольно ясно свидетельствует Иосиф Флавий (Ant. Jud. I, 6, 1). Это название было широко распространено и принималось за обозначение киприотов даже в иудейском Араде, расположенном в далеком Негеве (Heltzer, 1988, 169—171). Позже для евреев это слово стало обозначать все западные острова, а затем и представителей Запада вообще, включая римлян (Амусин, 1971, 166). В библейской «Таблице народов» (Gen. 10, 2—4) Киттим назван внуком Иафета, сыном его четвертого сына Иавана. Эта «Таблица» была составлена в первой половине VII в. до н. э. (Tsirkin, 1991, 130—131) и частично (по крайней ме-

ре, в части, относящейся к потомкам Иафета) отражает финикийские знания о мире. Означает ли это, что и финикийцы называли весь Кипр Киттим? В египетских и хеттских текстах II тысячелетия до н. э. Кипр назывался «Алашия» (Helck, 1962, 289—290). То же название использовалось и в Угарите (Lipinski, 1977, 213—215). Хотя угаритяне не были финикийцами, и те и другие были довольно близки, составляя элементы ханаанско-аморейской культурной общности (или ханаанско-аморейского культурного круга). Исследования показывают наличие континуитета в рамках этой общности (Olmo Lete, 1996, *passim*). Поэтому вполне возможно, что и название «Алашия» продолжало существовать у финикийцев I тысячелетия до н. э. Наличие на Кипре финикийского бога Решефа с эпитетом «аласийский» ('lhyts) (Lipinski, 1995, 188) свидетельствует в пользу такой возможности.

В той же «Таблице народов» среди сыновей Иавана наряду с Киттим назван и Элиша. И уже давно была высказана мысль, что под этим названием также подразумевается Кипр (Dhorme, 1932, 44—45; Bunnens, 1979, 86). То, что в одном документе рядом указываются два названия одного острова, может вызвать сомнения и подтолкнуть к поискам страны, города или народа, обозначенного этим топонимом (Bunnens, 1979, 85—86; Tsirkin, 1991, 121). Наиболее близким к истине в таком случае представлялся бы Карфаген, названный так по имени своей основательницы Элиссы (Дьяконов, 1981, 49, прим. 73; Mazzarino, 1947, p. 117—118). Однако в финикийском пространстве до сих пор не обнаружено случаев, чтобы название происходило от имени небожественного основателя этого города. И хотя позже Элисса, возможно, была обожествлена в

Карфагене (Iust. XVIII, 6, 8), это произошло столь недавно, что едва ли имя основательницы укоренилось настолько, чтобы по нему на Востоке называли город. Думается, что нет оснований и для отождествления Элишы с Сицилией (Branden, 1977, 141—142). Неизвестно, как называли Сицилию финикийцы, поэтому всякие предположения между связью этого названия с библейским топонимом пока никак не обоснованы. Между греческим $\Sigma\kappa\epsilon\lambda\iota\alpha$ и латинским *Sicilia* или *Siculia* и еврейским 'Elisa(h) установить связь довольно трудно. Поэтому гораздо вероятнее, что автор «Таблицы народов» использовал, сам того не ведая, различные традиции. Поскольку древние евреи имели весьма смутные представления о море и тем более о заморских странах, то для создания общей картины мира библейский автор, видимо, использовал чужеземные сведения, в данном случае — финикийские. Уже к тому времени укоренившееся в еврейской среде название «Киттим», происходившее от названия города, было соединено с известным, вероятнее всего, от финикийцев, названием «Алашия — Элиша», причем автор воспринял их как имена разных субъектов географии и этнографии. Так что вполне можно считать, что финикийцы продолжали называть Кипр «Алашией» (или близким к этому слову названием), и важнейшей финикийской колонией на Кипре-Алашии был Китий.

Часто полагают, что Китий был, по существу, и единственной подлинной финикийской колонией на Кипре (Meyer, 1975, col. 406; Michaelidou-Nicolaou, 1987, 335). Однако на острове найдены финикийские надписи с упоминанием города Карфагена (CIS I, 5). Исследование показало, что речь идет не о знаменитом африканском городе, а о кипрском, который упоминается и в ассирийских надписях (Lipinski, 1983a,

209—218). Часто этот кипрский Карфаген отождествляют с Китием, считая его либо финикийским названием города, либо названием части Кития. Поскольку название «Китий» было довольно хорошо известно и в Финикии, и у ее соседей, то порой выстраивается сложная и весьма искусственная конструкция, согласно которой финикийцы называли Китий «Новым городом», но позже вернулись к местному названию «Китий», которое все это время существовало параллельно финикийскому (Bunnens, 1979, 41; Karageorghis, 1982, 123; Michaelidou-Nicolaou, 1987, 332—333; Yon, 1987, 366—367). Эта точка зрения практически опровергается тем, что около 400 г. до н. э. в одной из надписей Кития упоминается и этот город, и некий Абдубаст из Карфагена (Masson, Szyncer, 1972, 62; Teixidor, 1975, 125—126; Lipinski, 1983, 218—219). Карфаген (Картхадашт) означает «Новый город», что, естественно, подразумевает основание его колонистами. Но финикийцы не были основателями Кития, город существовал задолго до их обоснования там. Карфаген явно должен быть другим городом, так как надписи с его упоминанием найдены недалеко от современного Лимассола (этот город одно время греки и римляне называли Неаполем, т. е. тем же Новым городом), то вполне логично считать, что кипрский Карфаген располагался на месте Лимассола или вблизи него (Katzenstein, 1973, 207—208; Lipinski, 1983, 209—234). Поскольку надписи, о которых шла речь, относятся к середине VIII в. до н. э. (Lipinski, 1983, 209), то можно с уверенностью говорить о существовании города в это время. Насколько раньше он был в действительности основан, пока сказать невозможно.

Недалеко от современного Лимассола располагался древний Амурт. Иногда полагают, что имен-

но этот город именовался Карфагеном (Hermary, 1987, 379—381). Насколько можно судить по нынешнему состоянию археологических исследований, Аматаунт был основан местным населением (этеокиприотами) в XI в. до н. э. и оставался довольно скромным поселением до прибытия финикийцев, после чего город превратился в один из важнейших центров Кипра (Hermary, 1987, 376—379). Первые следы финикийского присутствия в этом городе относятся к концу IX в. до н. э. (Karageorghis, 1982, 127). Может быть, и обоснование финикийцев в Аматаунте относится к этому времени. Существование этеокипрского поселения говорит, скорее, в пользу невозможности наименования города Карфагеном. Не пытаясь ставить финальную точку в исследовании, можно предположить, что финикийцы основали по крайней мере три разных города — Китий, Карфаген и Аматаунт.

Святылище финикийского типа находилось в Пафосе (Старый Пафос, Палеопафос). Оно было посвящено Астарте (может быть, скорее, ее особой разновидности — Астарте Пафоса), которую греки очень рано отождествили со своей Афродитой (Les Pheniciens, 1997, 189; Lipinski, 1995, 140). С Афродитой Пафос связал уже Гомер (Od. VIII, 362—366). Греки и римляне даже считали, что рожденная из пены морской Афродита именно в этом месте вышла на сушу (Tac. Hist. II, 3). И священная проституция, практикуемая в этом святылище, и воздвигнутый вместо статуи богини бетил в виде закругленного внизу конического камня (Tac. Hist. II, 3), подобный другим бетилам Астарты (Lipinski, 1995, 76—77), убеждают в финикийском происхождении святылища. Существовало ли при этом здесь финикийское поселение, неизвестно. Вполне возможно, что, как

еще раньше на Фасосе, финикийское присутствие ограничивалось храмом, что не делало его менее значимым. Финикийское святилище было создано явно на месте более древнего этеокипрского (Baurain, Bonnet, 1992, 115). Гомер, описывая это место, говорит не о храме как таковом, а, скорее, об алтаре, стоящем в лесу. Возможно, что речь идет все же не о финикийском, а об этеокипрском святилище, и лишь позже финикийцы воздвигли здесь храм. История гомеровского текста довольно сложна, и нельзя утверждать, что описание кипрского святилища Афродиты современно созданию поэмы, извлечь из «Одиссеи» хронологическое указание на обоснование финикийцев в Пафосе нельзя. Но все же вполне возможно причислить Пафос к зоне финикийской колонизации.

Все эти города находились на южном побережье Кипра, куда легче всего было добраться из Тира (Karageorghis, 1982a, 523). В древности Кипр славился своим плодородием, производя вино, оливковое масло и хлеб (Strabo XIV, 6, 5). Несомненно, что снабжение этими продуктами было важно финикийцам, особенно тирийцам. Но остров привлекал их и другими богатствами: корабельным лесом и медью (Strabo, XIV, 6, 5; Amm. Marc. XIV, 8, 14). Эти богатства находились преимущественно внутри острова ближе к его северной половине. И хотя они несомненно приходили в Амагунт и особенно Китий, финикийцы явно стремились обосноваться поближе к ним. Об этом свидетельствует небольшое финикийское святилище Баал-Хаммона в Менико, недалеко от богатых медных рудников центральной части Кипра. Правда, оно сравнительно позднее, датируемое VI в. до н. э. (Karageorghis, 1982, 144—150; Les Phéniciens, 1997, 193), но его можно рассматривать как

указание на финикийское проникновение внутрь Кипра. Финикийское присутствие, хотя первоначально, возможно, и сравнительно небольшое, отмечается уже в IX в. до н. э. в Тамассе (Puesh, 1976, 20—21; Karageorghis, 1982, 127), который, по Страбону (XIV, 6, 5), был центром разработок меди на острове. Возможно, что финикийцы проникали и на север Кипра. Святилище финикийского типа и материалы (в частности, керамика и надписи), как ближневосточные, так и собственно финикийские, пришедшие сюда через последних, обнаружены в Айя Ирини на северо-западном побережье Кипра, в Лапете на его северном побережье и в Ларнаке тис Лапетос, расположенной несколько южнее (Masson, Sznycer, 1972, 94—100; Karageorghis, 1982, 60—61; Reyes, 1994, 138, 148). Однако отмечается, что финикийская керамика на северном побережье отличается от находимой на южном, особенно в Китии, и аналогична той, что встречается в Сарепте, из чего делается вывод, что на севере Кипра, в отличие от юга, действовали не тирийцы, а сидоняне (Reyes, 1994, 138). Археологическое исследование Финикии еще не столь значительно, чтобы можно было с уверенностью говорить о различных местных вариантах керамики и особенно о том, что такой-то вариант не встречается в том или ином городе самой Финикии. Сарепта находилась между Сидоном и Тиром и хотя долгое время подчинялась Сидону (а позже все же Тиру), нельзя утверждать, что ее керамика не имела общего с тирской. Все же различие между китийским материалом и материалом севера Кипра нельзя полностью отбрасывать. Можно предполагать, что связь с этим районом осуществлялась не через Китий и другие города Южного Кипра, а непосредственно из метрополии, может быть, из Арвада. Во всяком случае, в

финикийском языке Кипра отмечаются следы арвадского диалекта (Segert, 1976, 29).

Приведенные примеры проникновения финикийцев внутрь и на север Кипра показывают, что финикийцы не ограничивались прибрежной зоной на юге острова. Они довольно рано взаимодействуют как с этеокипрским, так и с греческим населением Кипра. Уже в VIII в. до н. э., если не раньше, финикийское присутствие и влияние ясно ощущается в таких нефиникийских городах, как Идалий и Саламин, причем в последнем в царских могилах обнаружены богатейшие памятники финикийского искусства и художественного ремесла, особенно великолепны изделия из резной слоновой кости (Karageorghis, 1969, 76—98; Karageorghis, 1982b, 60; Baurain, Bonnet, 1992, 111—112; Les Phéniciens, 1997, 190—192). В результате различных взаимодействий на Кипре возникла своеобразная культурная общность, в которой финикийский элемент был весьма значительным. В создании этой общности огромную роль сыграли взаимные контакты греков и финикийцев. Именно на Кипре, где финикийцы и греки часто жили рядом, вероятнее всего, впервые были отождествлены эллинские и финикийские божества, как Афродита-Астарты, Афина-Анат, Геракл-Мелькарт.

Финикийцы контактировали с греками и в самой Греции. Финикийская торговля с Элладой продолжала развиваться. Некоторые финикийцы могли поселяться в греческих городах и даже приобретать там гражданство, как предки Фалеса в ионийском Милете (Her. I, 170; Diog. Laërt. I, 22). Но проходивший в то время в Элладе сложный и важный процесс «архаической революции», приведшей к возникновению полиса (Андреев, 1976; Фролов, 1988), не давал возможности возобновить в Эгейском бассейне

колониальную экспансию. Не доступнее оказались и другие районы Восточного Средиземноморья (за исключением Кипра и восточносредиземноморского побережья к северу от самой Финикии). Там финикийцы могли в лучшем случае поселиться в особом квартале, каким был, например, «лагерь тирийцев» в Мемфисе (Her. II, 112). Хотя Геродот употребляет слово «лагерь» (στρατοπέδον), речь идет скорее всего не о военном лагере тирских наемников, а о торговом поселении, какие в то время были довольно часты на Ближнем Востоке (Bunnens, 1979, 279—280, 366; Chiesa, 1987, 127—130). И далее финикийцы устремляются на запад. Кипр играл в этом движении довольно значительную роль. Он, по-видимому, был важным промежуточным пунктом финикийской торговли с Западным Средиземноморьем уже около 1000 г. до н. э. (Karageorghis, Lo Schiavo, 1989, 22—24). Все больше выясняется и значение кипрских финикийцев в колонизации (Bunnens, 1979, 299—303; Baurain, 1988, 15—27).

По сравнению с первым этапом колонизации арена колонизационной деятельности финикийцев претерпела некоторые изменения, что видно на примере Сицилии. Обоснование финикийцев на этом острове оказало некоторое влияние на местное население, в том числе в его восточной части. В сицилийской культуре Панталика, в ее второй фазе, датируемой приблизительно 1000—850 гг. до н. э., ясно ощущаются следы финикийского влияния и торговли, как, например, в распространении особого рода фибул, происходивших с Ближнего Востока, по обширным пространствам Средиземноморья (Bernabo Brea, 1961, 153—156; Tusa, 1982, 97—98; Les Phéniciens, 1997, 232). Это свидетельствует о присутствии финикийцев в восточной части ост-

рова. Положение изменилось после начала греческой колонизации.

Фукидид (VI, 2, 6) говорит, что после прибытия большого количества греков финикийцы, которые ранее жили по всей Сицилии, оставили большую часть острова и переселились в район жительства элимов (т. е. на запад Сицилии), в города Мотию, Солунт и Панорм, полагаясь на свой союз с ними. Свои сведения Фукидид скорее всего заимствовал у Антиоха Сиракузского (История греческой литературы, 1955, 84; Compernelle, 1960, 459—500; Huss, 1990, 9), который, естественно, хорошо знал обстановку в Сицилии. Он написал историю греческих городов Сицилии от мифических времен до 424 г. до н. э. (Diod. XII, 71, 2) и, будучи логографом, видимо, особое внимание уделял основанию городов. Греческий историк ничего не говорит о насильственном вытеснении финикийцев, а использованный им глагол *ἔκλειπω* — оставлять (точнее, причастие *ἐκκλιποντες* — оставляющие) подразумевает добровольное или, по крайней мере, мирное оставление финикийцами большинства своих прежних мест обитания (Ильинская, 1987, 41; Tusa, 1982, 96; Les Phéniciens, 1997, 232). Однако надо иметь в виду, что, как и во многих других случаях, история колонизации Сицилии была написана колонизаторами, которые на такие мелочи, как вытеснение других людей, особого внимания не обращают; в связи с этим внимание исследователей привлекает пассаж Диодора (XIV, 88, 1), из которого видно, что местные сикулы помнили о своем насильственном вытеснении прибывшими элинами (Cordano, 1991, 63). При этом не следует забывать, что значительная часть греческих колонистов была дорийцами, и именно дорийцами из Коринфа были основаны Си-

ракузы — самый значительный греческий город острова. Но ясно, что мирного сосуществования дорийских и финикийских общин не наблюдалось. Несмотря на то, что часть колонистов были ионийцами (халкидянами), финикийцы, может быть, решили не рисковать, покинув большую часть (τα πλειον) острова. К тому же ионийцы в Сицилии, основавшие Наксос и Леонтины, не очень церемонились с местным населением: если сиракузяне поработили местных сикулов, превратив их в киллириев, то наксосцы и леонтинцы изгнали туземцев (Фролов, 1988, 172, 184; Cordano, 1991, 63). От сицилийских ионийцев финикийцы не могли ждать ничего хорошего, что не обязательно означает войну между греками и финикийцами, но подразумевает отсутствие сугубой добровольности.

Финикийцы сосредоточились в западной части Сицилии, населенной элимами. Если буквально следовать Фукидиду, к этому времени уже существовал союз между финикийцами и элимами (Ильинская, 1987, 41). Учитывая довольно долгое пребывание финикийцев в Сицилии и их заинтересованность в мирных отношениях с туземцами, занимавшими важное стратегическое положение на пути далее к западу к Испании, к северо-западу к Сардинии и к юго-западу к Африке, в этом нет ничего невероятного. Думается, что в условиях греческого натиска с востока без союзных или, во всяком случае, мирных отношений с элимами финикийцы вообще не могли бы обосноваться в этой части острова. Элимы были довольно развитым народом, у них уже существовало по крайней мере два города, а может быть, и больше. В этих городах довольно явно ощущается финикийское влияние, и все немногое, что известно об отношениях между элимами и сицилийскими

финикийцами, показывает, что эти отношения были мирными и, может быть, даже дружественными (Tusa, 1985, 324—337; Baurain, Bonnet, 181). Другой причиной обоснования на западе Сицилии Фукидид называет близость к Карфагену. Думается, что в данном случае сам Фукидид или Антиох допустили определенный анахронизм, ибо в конце VIII в. до н. э. Карфаген, хотя уже и существовал, едва ли был столь значительным центром, чтобы определить выбор места сицилийскими финикийцами, но удобная связь с другими финикийскими колониями, в том числе африканскими, конечно, могла играть некоторую роль (ср.: Berard, 1957, 249).

Фукидид говорит, что финикийцы стали жить в Мотии, Солунте и Панорме, поселившись вместе — *ξυνοικισαντες*. Это, однако, не означает, что до этого они не имели собственных поселений, а жили рассеянно среди туземцев, занимаясь там ремеслом и торговлей (Ильинская, 1987, 41, 48). Позже в Испании в условиях экономического и, может быть, политического кризиса финикийцы, жившие на средиземноморском побережье, покинули большинство своих прежних небольших поселений и сселились в три более значительных города — Малаку, Секси и Абде-ру. Если иметь в виду существование отмеченных ранее семитских топонимов на востоке и юге Сицилии, можно предположить, что там существовали именно финикийские поселения.

Фукидид говорит, что финикийцы поселились на западе Сицилии, когда на остров прибыло много греков (*πολλοι*). И ионийская, и дорийская колонизация Сицилии была во многом вызвана аграрным перенаселением (Фролов, 1988, 170—171, 181), так что уже сразу эллинов на острове должно было быть относительно много, и количество их сравнительно

быстро увеличивалось. Едва ли промежуток между первым появлением греков на восточном побережье Сицилии и отступлением финикийцев в ее западную часть был длительным.

Исследование хронологии греческой колонизации в Сицилии показывает, что первая греческая колония на этом острове — Наксос — основана в 724/3 г. до н. э., а в следующем году возникли Сиракузы, и далее колонии появляются в начале 20-х годов VIII в. до н. э. (Compernelle, 1960, 419, 429). Вероятнее всего, именно этим временем надо датировать основание финикийских городов на западе острова. Самые ранние раскопанные могилы Мотию датируются концом VIII или самым началом VII в. до н. э. (Tusa, 1976, 596; Tusa, 1982, 103; Les Phéniciens, 1997, 238). Основание же города, естественно, относится к несколько более раннему времени. Мотия была расположена на небольшом островке площадью около 45 га, менее чем в одном километре от западного побережья Сицилии. Возможно, что сначала финикийцы заселили не весь островок, так как в его северной части располагался некрополь, а финикийцы обычно устраивали его вне города. Только позже, когда в первой половине VI в. до н. э. город был окружен стеной, перерезавшей старый некрополь, был устроен новый, уже на противоположном берегу Сицилии, в Бирджи. На юге острова находился порт Мотию, действительно позволявший установить удобную связь с Северной Африкой. Месторасположение Мотию полностью соответствует описанию тех мест Сицилии, где финикийцы создавали свои колонии или фактории (Thuc. VI, 2, 6).

Этому описанию соответствовало и месторасположение Солунта. Долгое время точное место было неизвестно, ибо этот город был разрушен сиракуз-

ским тираном Дионисием и позже восстановлен на другом месте. Новый Солунт находился на высоком мысе, хорошо защищаемом и дававшим возможность установить контакты прежде всего с Сардинией, где тоже обосновались финикийцы. Старый Солунт, вероятнее всего, находился поблизости от своего преемника (Les Phéniciens, 1997, 240—242), и действительно он был недавно найден на высоком мысе, выделяющемся в море (De Vido, 1998), следовательно, соответствовал условиям для поселения сицилийских финикийцев.

Местоположение третьего города, упомянутого Фукидидом, этим условиям не отвечает. Он располагался в глубине небольшого залива, обладал плодородными окрестностями и имел, по словам Диодора (XXII, 10, 4), самую прекрасную гавань во всей Сицилии. Такое несколько необычное для других финикийских поселений Сицилии положение позволяет предположить, что Панорм был основан позже двух других городов (Berard, 1957, 250—251), но в любом случае его основание было не позже середины VII в. до н. э. или много раньше (G. Charles-Picard, 1980, 15; Tusa, 1982, 99). Залив, по обеим сторонам которого были расположены Панорм и Солунт, открывал путь и в Италию, и в Сардинию. Таким образом, все три финикийских города Западной Сицилии были удобно связаны с другими территориями, где разворачивалась финикийская колонизация.

Неизвестно, сопровождалась ли концентрация финикийцев на западе Сицилии притоком новых колонистов. Правда, в Мотии в середине VII в. до н. э. происходят значительные изменения: строятся святилища, возникает ремесленный квартал, может быть, несколько позже создается тофет (Aubert, 1994, 204—205), но связано ли все это с прибытием новых

иммигрантов или развитием самого города, в том числе естественным ростом населения, мы определенно не знаем.

Если в Сицилии можно говорить об изменении или, пожалуй, даже о сокращении сферы финикийской колонизации, то многие другие территории центра и запада Средиземноморья стали новыми районами колониальной экспансии финикийцев по сравнению с первым этапом. В первую очередь речь идет о небольших, но очень важных островах между Сицилией и Африкой. Обладание ими определяло господство в западносредиземноморских водах. Наиболее значительный из них — Мелита (совр. Мальта). Диодор (V, 12, 3—4) пишет, что это был богатый остров, имевший хороший порт и славившийся своими ремесленниками, особенно ткачами. На этом острове и находилась колония финикийцев, которые использовали его для ведения торговли вплоть до океана. Затем историк говорит о соседнем острове Гавлосе (нынешний Годзо), также имевшем хорошую гавань, на котором тоже была финикийская колония. Раскопки на Мелите показали, что местный вариант финикийской культуры имеет мало сходства как с сицилийским, так и с африканскими вариантами. Финикийцы, поселившиеся на этом острове, скорее поддерживали связи с греками из Восточной Сицилии, чем с соотечественниками из Западной (Bonanno, 1988, 425). Зато обнаружены ясные черты сходства финикийского материала Мелиты с находимым на крайнем западе финикийского мира — в Испании и западной части Северной Африки, с одной стороны, и Кипром, Финикией и Палестиной — с другой (Ciasca, 1978, 74—75; Ciasca, 1982, 141—148; Acquaro, 1987, 126—127; Aubet, 1994, 206). Это подтверждает слова

Диодора о роли Мелиты в торговле между востоком и крайним западом Средиземноморья. Мелита в первую очередь играла роль промежуточной базы в восточно-западных контактах (Bonnano, 1988, 421—422; Les Phéniciens, 1997, 256).

Однако пока самые древние следы финикийского присутствия находятся не на побережье, а во внутренней, наиболее высокой части острова: там самые ранние могилы датируются второй половиной VIII в. до н. э. (Aubert, 1994, 206; Said-Zamit, 1997, 165, 176), а для следующего века можно говорить уже о достаточно стабильном поселении финикийцев (Ciasca, 1982, 139—140). Второй район обоснования финикийцев на Мелите — окрестности залива Марсакслокк на юго-западном берегу острова. Там существовало знаменитое святилище Астарты, восходящее к VIII—VII вв. до н. э. (Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 197). Может быть, как в Китии, именно этот храм был центром объединения местных финикийцев. Как и храм в Китии, он не был создан финикийцами на пустом месте. Задолго до прибытия тирийцев здесь существовало значительное местное святилище, посвященное, по видимому, богине плодородия, которая была воспринята финикийцами как местная разновидность Астарты. Финикийцы обосновались здесь не позже конца VIII в. до н. э. (Moscati, 1992, 86). Их колонизацию на Мелите отличает одна очень важная черта: финикийцы селились в уже существующих туземных поселках или, по крайней мере, в зонах, сравнительно плотно населенных туземцами (Ciasca, 1982, 140—141, 149—150).

Другим новым районом финикийской колонизации явилась Сардиния. Стратегическое положение этого острова было очень важным. Он открывал путь к Средней Италии, Корсике и Галлии, с одной сторо-

ны, и к Испании через Балеарские острова — с другой. Сама Сардиния была богата серебром, свинцом, медью, железом (Guido, 1963, 151—155; Ridgway, 1980, 59—81), славилась и своим плодородием (Polyb. I, 79). Традиция отмечает древние связи этого острова с Африкой и Испанией (Кац, 1972, 93—108). По Павсанию (X, 17, 5), иберы под предводительством Норака основали на юге Сардинии город Нору. Солин (IV, 1) связывает Норака с Тартессом, расположенным в Испании. Видимо, в этом предании отразились древние связи Сардинии с Испанией, что подтверждено археологическими данными (Pallottino, 1952, 147).

Едва ли случайно, что именно в Норе была найдена самая древняя финикийская надпись Западного Средиземноморья (CIS I, 144). Хотя она была найдена еще в 1773 г., ее чтение и интерпретация до сих пор вызывают бурные споры (Pekham, 1972, 459; Bunnens, 1979, 30—41; Gibson, 1982; Negbi, 1992; Aubet, 1994, 183—185; Frenco, 1996, 8—11). Вероятнее всего, датируется она IX в. до н. э. (Bunnens, 1979, 40). По недавней интерпретации, речь в ней идет о неудачной экспедиции в Таршиш (т. е. Испанию) некоего Шабона, который там погиб, а его сын Милкйатон увел корабль в Сардинию и в благодарность за спасение, вероятно, и поставил эту надпись (Frenco, 1996, 9). Тщательный лингвистический анализ, проведенный исследователем, и оценка общей исторической обстановки, как и учет традиции о связи Норы с Испанией, делают эту интерпретацию наиболее достоверной, хотя и не снимают все вопросы, связанные с толкованием надписи. Приблизительно к тому же времени относятся несколько мелких фрагментов финикийских надписей из той же Норы и из Босы (Negbi, 1992, 610—611). Все эти надписи и их остатки относятся ко времени,

предшествующему собственно финикийской колонизации Сардинии. Возможно, в это время остров интересовал финикийцев не сам по себе, а как промежуточный пункт по пути в Испанию. Положение изменилось в VIII в. до н. э.

В первой половине VIII в. до н. э. район Тирренского моря привлекает внимание греков. Первую колонию здесь основали эвбейцы из Халкиды и Эретрии на острове Питекуссе (Strabo V, 4, 9). Точная дата создания этой самой древней греческой колонии на Западе неизвестна, но ее можно отнести ко второй четверти VIII в. до н. э. (Berard, 1957, 52; Dominguez Monedero, 1987, 34—35). И хотя уже в том же VIII в. до н. э. остров был покинут, и греки, перебравшись на материк, основали Киму (Кумы), в первой половине и середине столетия эта эвбейская колония играла в Тирренском море значительную роль. И уже в самых древних слоях этой колонии найдено значительное количество восточного материала, что позволяет говорить не только о контактах колонистов с финикийским миром, но и, видимо, о поселении финикийцев в самой колонии (Buchner, Ridgway, 1983, 9; Dominguez Monedero, 1987, 52—60; Moscati, 1989, 57—58; Botto, 1995, 46). Таким образом, можно говорить, что в отличие от происходившего в Сицилии здесь явно наблюдается самое тесное сотрудничество греков и финикийцев. Возможно, что греки и финикийцы вместе пытались обосноваться и в Средней Италии (Botto, 1994, 45—49). Однако, хотя сотрудничество с элинами доставляло финикийцам определенные выгоды, они стремились к занятию самостоятельной ниши в этом регионе, каковой стала Сардиния.

Может быть, можно говорить об установлении определенных зон влияния в Тирренском регионе. В

эллинскую зону входила его юго-восточная часть, включающая побережье Южной Италии. Северо-восточная стала зоной интересов этрусков, у которых в это время или несколько позже (но не позже начала VII в. до н. э.) происходило становление собственно этрусского общества (Pallottino, 1963, 128). Юго-западная часть региона с Сардинией вошла в финикийскую зону. Возможно, определенным знаком такого разграничения зон явилось основание греками Кимы. По Страбону (V, 4, 4), этот город был создан халкидянами и кимейцами (то ли из Эолиды, то ли с той же Эвбеи) и являлся самым древним (πρεσβυτατη) из всех италийских и сицилийских греческих колоний. Основание Кимы было, вероятнее всего, связано с прибытием нового притока колонистов из метрополии (Dominguez Monedero, 1987, 71), хотя несколько позже и жители Питекуссы были вынуждены покинуть свой остров и переселиться в Киму (Strabo V, 4, 9). Основание Кимы, несомненно, усилило эллинское влияние в регионе и могло способствовать разграничению сфер влияния. Точная дата создания этой колонии неизвестна, но, исходя из указания Страбона, ее надо считать предшествующей основанию Наксоса и других колоний в Сицилии, т. е. до 30-х годов VIII в. до н. э. (Berard, 1957, 51—52). Раскопки в Киме и окрестностях еще не дали возможность уточнить время основания греческого города, но догреческие могилы, обнаруженные в этом районе, приблизительно указывают на период до середины VIII в. до н. э. (Dominguez Monedero, 1987, 77). Поэтому можно думать, что греческая Кима возникла около этого времени. Если это так, то основание Кимы примерно совпадает с основанием Сульха в Сардинии, с чего начинается, собственно, финикийская колонизация на этом острове. Вполне

возможно, что такое совпадение не случайно и отражает предположенное выше разделение сфер влияния. Надо, однако, подчеркнуть, что границы между зонами не были четко определены и замкнуты, а были открыты для взаимодействий. В то же время «прозрачность» этих достаточно условных границ не мешала их тщательному соблюдению. Финикийцы так и не смогли обосноваться на Апеннинском полуострове, а греки прочно утвердись на Сардинии. Когда же этруски основали в Кампании свои колонии, особенно сравнительно близкие к Киме Капую и Нолу, это, по-видимому, положило конец их дружеским отношениям (Залесский, 1965, с. 100; ср.: Немировский, 1983, 150).

В настоящее время самой ранней финикийской колонией в Сардинии надо считать Сульх (Сульцис). Он был основан приблизительно в середине VIII в. до н. э. на юго-западном побережье Сардинии на небольшом островке у самого сардинского берега (Moscatti, 1989, 132; Moscati, 1992, 86; Bernardini, 1993, 37; Aubet, 1994, 208; *Les Pheniciens*, 1997, 266). Несколько позже, но до конца VIII в. до н. э. финикийцы основали Битию к юго-востоку от Сульха и Таррос на западном побережье Сардинии (Aubet, 1994, 212—213; *Les Pheniciens*, 1997, 271). Судя по нынешнему состоянию археологических исследований, к следующему веку относится создание колоний на южном побережье острова. Это Нора, которую финикийцы уже достаточно хорошо знали, и ряд небольших поселений в районе современного залива Кальяри, чьи финикийские названия пока не известны (Aubet, 1994, 212; *Les Pheniciens*, 1997, 264—265). Финикийские поселения Сардинии располагались или на небольших островках у самого берега, или на высоких мысах, выдающихся в море,

или недалеко от солончаковых болот (Les Phéniciens, 1997, 260). Они обладали хорошими портами, иногда двумя, все это соответствует описанной Фукидидом практике обоснования финикийцев в Сицилии.

На крайнем западе Средиземноморья происходит резкое расширение сферы финикийской колонизации в Испании. Еще в рамках первого этапа колонизации тирийцы основали Гадес у самого юго-западного побережья Пиренейского полуострова. В те времена разница в социальном, экономическом, политическом и культурном развитии финикийцев и местного населения Южной Испании была столь велика, что говорить о каком-либо финикийском влиянии на туземцев не приходится. Это, однако, не мешало финикийцам извлекать значительную прибыль из торговли с местным населением. Главным продуктом Испании, как выше говорилось, было серебро. Серебро Таршиша, т. е. Южной Испании, славилось на Востоке еще во времена царя Соломона (I Reg. 10, 22) и много позже, как можно заключить из древнееврейской надписи на черепке, вероятно, VII в. до н. э. (Bordreuil, Israel, Pardaë, 1996, 50—60), еще позже из инвективы Иеремии против идола, покрытого серебром Таршиша и золотом Уфаса (Jer., 10, 9). В начале IX в. до н. э. на юге Пиренейского полуострова происходят изменения, которые выделяют этот район из общего комплекса культур Испании (Martin Ruiz, 1995, 210—215). Вероятно, к концу этого века или в начале следующего здесь складывается Тартессийская держава, первое государственное образование в Европе вне Греции и Италии. И уже период создания этого образования потребовал от финикийцев усиления своего присутствия в Испании. Образование Тартессийской державы еще более

способствовало укреплению связей финикийцев с Южной Испанией.

Начало второго этапа финикийской колонизации в Испании относится, возможно, уже ко второй половине IX в. до н. э. (Aubert, 1994, 321—323; Torres Ortiz, 1998, 53—54, 57), т. е. ко времени финикийской талассократии, о которой уже говорилось. Но если эта датировка пока еще в значительной степени гипотетична, то появление первых финикийских поселений на южном побережье Пиренейского полуострова в первой половине VIII в. до н. э. несомненно (Maass-Lindemann, 1995, 245). Эти поселения располагаются на средиземноморском побережье, начиная приблизительно от района Геракловых Столпов и немного западнее их. Здесь возникает целая сеть финикийских поселений, которые в особенности концентрируются между современными реками Гвадалорсе и Гранде (Martin Ruiz, 1995, 60—98).

Археологические исследования последних тридцати лет постоянно дают сведения о новых финикийских поселениях и некрополях на средиземноморском побережье Испании. Это подтверждает слова Лвиена (Or. Mar. 439—440) о многочисленном финикийском населении этого региона и многих городах, которые здесь находились. Древние названия большинства из них мы пока не знаем, но сказать кое-что о них уже можно. Эти поселения лежали обычно на мысах или иногда на островках в устьях рек, впадающих в море, на невысоких, но хорошо защищенных холмах недалеко от этих устьев. Некрополь поселения обычно располагался на противоположном берегу реки. Места были выбраны с таким расчетом, чтобы оттуда можно было торговать с местным населением, поднимаясь по долинам (часто довольно узким) рек, и откуда хорошо было видно море. Располагались поселения довольно

плотно: известные ныне находятся друг от друга на расстоянии от 800 м до 4 км (Niemeyer, 1972, 5—44; Niemeyer, 1989, 22—23; Niemeyer, 1995, 67—88; Schubart, 1982, 207—223; Schubart, 1986, 71—99; Blazquez, 1983a, 299—324; Ruiz Mata, 1989, 84—87; Aubet, 1994, 262—278; Martin Ruiz, 1995, 47—98; Les Pheniciens, 1997, 283—297). Нахождение поселений на таком близком расстоянии нельзя объяснить нуждами каботажного плавания. Вероятнее, целью создания этих поселений было не обеспечение пути к уже существующему Гадесу, а эксплуатация местных ресурсов (Wagner, 1988, 424—428; Aubet, 1994, 266).

Все же первоначально эти поселения, вероятно, были лишь якорными стоянками, небольшими факториями, опираясь на которые финикийцы вступали в контакт с местным населением. Перелом произошел, видимо, около 700 г. до н. э., когда в некоторых поселениях, как например, в Тосканос, происходит некоторая перепланировка, создаются склады и сами поселения, которые, несмотря на свои скромные размеры, становятся подлинными городами с соответствующей урбанистикой, разнообразным хозяйством, в котором, судя по находкам мастерских, значительную роль играет ремесло, в том числе керамическое и металлообрабатывающее. Здесь впервые на испанской почве отмечено использование железа (Aubet, 1994, 269; Martin Ruiz, 1995, 221—228). Несомненно, здесь существовало земледелие и скотоводство, так что эти колонии были достаточно развиты и могли, вероятно, в случае необходимости самообеспечиваться (Bunnens, 1986, 190—191; Wagner, 1988, 428).

Не сумев, по-видимому, обосноваться к западу от Столпов (но сохраняя Гадес), финикийцы попытались создать плацдарм на западном побережье Пи-

ренейского полуострова, где ими было основано поселение Абуль (Aubet, 1994, 254). Время создания этого поселения неизвестно, но едва ли оно относится к первому этапу финикийской колонизации.

Финикийцы обосновываются также на северо-западе Африки, как на средиземноморском, так и на атлантическом ее побережье. Южнее Ликса, у залива, носящего красноречивое греческое название Эмпорик («Торговый»), они создали несколько торговых поселений (Strabo, XVII, 3,2). Самой южной точкой в районе, где появились финикийцы, пока можно считать остров Могадор у побережья современного Марокко; на этом острове обнаружены остатки несомненной финикийской фактории (Jodin, 1966, *passim*; Aubet, 1994, 258—260; *Les Phéniciens*, 1997, 214). Раскопки показали, что финикийцы обосновались на Могадоре не позже VII в. до н. э. (Jodin, 1966, *passim*; Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 153). Они появляются и на африканском материке. Здесь еще со времени первого этапа существовало если не подлинное финикийское поселение, то святилище в Ликсе. Уже в VII в. до н. э. можно говорить о подлинной колонии, расположенной на холме в устье реки с весьма плодородной долиной рядом с туземным поселением, и Ликс в это время становится важнейшим финикийским центром Северо-Западной Африки (Aubet, 1994, 256—258; *Les Phéniciens*, 1997, 214—215). В районе Тингиса первые следы финикийского присутствия относятся к еще более раннему времени — к VIII в. до н. э. (Huss, 1990, 12).

Центральная часть Северной Африки была объектом финикийского внимания уже в конце II тысячелетия до н. э., когда там была основана Утика. На втором этапе колонизации этот район становится зоной интенсивной финикийской экспансии. Уже

Итобаал, как говорилось выше, основал здесь город Аузу, точное место которого пока неизвестно (Huss, 1990, 13; Aubet, 1994, 147). Саллюстий (Iug. 19, 1) пишет об основании финикийцами Гиппона, Хадрумета, Лептиса и других городов, которых не называет. Солин (XXVII, 9) уточняет, что Хадрумет был колонией тирийцев. Плиний Старший (V, 76) говорит о Лептисе, что тот, как и Утика, Гадес и Карфаген, был основан тирийцами. Слова римского энциклопедиста подтверждает лептийская надпись, о которой говорилось в начале главы. Страбон (XVII, 3, 18) упоминает Неаполь, называемый Лептисом, и, естественно, возникает предположение, что, кроме Лептиса, город носил еще одно имя, которое греки воспринимали как Неаполь (Новый город), что может быть только переводом финикийского Картхадашт. Однако Плиний (V, 76), подробно перечисляя города африканского побережья, отличает Неаполь от Лептиса, помещая между ними Трафру и Абротон. Вероятно, Страбон или его источник все же ошибся, соединив вместе два города. Возможно, что Неаполь-Картхадашт тоже был основан финикийцами. В этом районе Африки было два Гиппона — Гиппон Акра (или Гиппон Диаррит) и Гиппон Царский (Solin. XXVII, 5). Однако в довольно подробном перипле Псевдо-Скилака IV в. до н. э. Гиппон Царский не упоминается (Ps.-Scyll. 111). Поэтому возможно, что в IV в. до н. э. этого города еще не существовало (Шифман, 1963, 37), и, следовательно, тирской колонией можно считать только Гиппон Акру. В этом же районе располагалась и Сабрата, тоже основанная тирийцами (Sil. It. III, 256). По Саллюстию, на африканском побережье существовали и другие финикийские города. Археологи находят следы многих из них, но часто нельзя установить, были ли они созданы фини-

кийцами из метрополии или уже карфагенянами (Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 151—153; Les Phéniciens, 1997, 202—203, 212—230).

В этом районе Африки был основан и Карфаген. О его основании существует много рассказов. Суммируя их и отделяя по возможности чисто легендарные подробности от вполне правдоподобных и явно исторических, можно говорить, что в ходе внутренней борьбы в Тире группировка, возглавляемая жрецом Мелькарта Ахербом или Закарбаалом, потерпела поражение, и сам он был убит. Жена убитого — сестра царя Пигмалиона (Пумийатона) Элисса — со своими сторонниками, которых римский автор называет «сенаторами» (Iust. XVIII, 5, 15), бежала из Тира на Кипр, а оттуда в Африку. На Кипре к ней присоединилась еще группа последователей, в том числе жрец божества, которого античные авторы называют либо Юпитером (Iust. XVIII, 5, 2), либо Юноной (Serv. Ad Aen. I, 143). В Африке беглецы и основали Новый город — Картхадашт (Carthago, Карфаген). Элисса стала царицей Карфагена. Позже, чтобы не стать женой местного царька Гиарба, она покончила с собой, явно не оставив наследников, так что на этом карфагенская монархия закончила свое существование, и Карфаген превратился в республику.

Видимо, некоторые спутники Элиссы известны. Один из них Битий, которого Сервий со ссылкой на Ливия (Ad Aen. I, 738) называет командиром пунического флота, а несколько дальше (I, 740) помещает среди «принцепсов» Нового города. То, что в Сардинии имелся финикийский город Бития, и то, что во время последней войны между Карфагеном и Римом один из нумидийских предводителей (а нумидийцы, как известно, испытывали сильное карфагенское влияние) тоже именовался Битием (App. Lib. 111, 114, 120), поз-

воляет с доверием отнестись к этому сообщению. Другим спутником Элиссы был, по-видимому, некий Мицри. Его потомок Баалей оставил надпись (CIS 3778), в которой перечислял 16 поколений своих предков, что позволяет отнести первого из них к последней четверти IX в. до н. э. (Cintas, 1970, 467—469). Был ли Мицри знатным человеком, неизвестно, но среди его потомков были люди, занимавшие в Карфагене высокие посты. Если верить Силию Италику (I, 72—74; IV, 745—748), знаменитая семья Баркидов, к которой принадлежал Ганнибал, возводила себя к тем, кто бежал вместе с царицей, и даже к ее родственникам. Сохранение имен основателей Карфагена неудивительно. В карфагенских аристократических родах сохранялись, по-видимому, предания и традиции, а принадлежность предков к спутникам Элиссы должна была особенно цениться потомками.

Таким образом, побежденная в междоусобной борьбе жреческо-аристократическая группировка была вынуждена бежать из Тира и, пристав к африканскому берегу, основала Карфаген (Шифман, 1963, 44; Aubet, 1994, 189—193).

Традиция передает две основные даты основания Карфагена — 814/13 или несколько позже и 825—823 гг. до н. э. В науке обычно принимается первая дата, восходящая к Тимею (Gsell, 1913, 398—401; Cintas, 1970, 239—240; Bunnens, 1979, 304; Aubet, 1994, 191; Les Phéniciens, 1997, 203). Однако эта дата не выдерживает сравнения с хронологией, опирающейся на данные ассирийских annales. Если бегство Элиссы произошло на седьмом году царствования в Тире Пигмалиона, как сообщает Менандр, использовавший данные тирской хроники (Jos. Contra Ap. I, 18), то это могло произойти не в 814, а только в 825 г. до н. э., ибо в противном

случае дед Пигмалиона Балеазор не мог бы платить дань Салманасару III в 841 г. до н. э., как об этом сообщают анналы ассирийского царя (Гельцер, 1962, 218). Согласно Помпею Трогу (Just. XVIII, 6, 9), использовавшему местную традицию (Шифман, 1963, 41), Карфаген был основан на 72 года раньше Рима. Традиция передала различные даты основания Рима — 753, 752 или 751 г. до н. э. (Бикерман, 1975, 72). Мы, к сожалению, не знаем, какую дату принимал Помпей Трог, но в любом случае он относил создание Карфагена к 825, 824 или 823 г. до н. э. Последняя дата совпадает с той, которую сообщали Солин (XXVII, 10) и Сервий (Ad Aen. I, 12). Возможно, что Элисса бежала из Тира в 825 г. до н. э., а прибыла в Африку в 823, и этот год стал годом основания Карфагена.

Сказанное не позволяет, однако, просто отбросить тимеевскую датировку. Тимей происходил из греческой Сицилии, находившейся в постоянных контактах с карфагенянами, и, несомненно, знал карфагенскую традицию. Вероятно, в карфагенской историографии существовало направление, относившее основание города к 814/13 г. до н. э. Вспомним, что и в Тире имелась традиция, принимающая довольно позднюю дату его основания, что было, возможно, как уже говорилось, связано с прибытием в Тир сидонских новопришельцев. Вероятно, и для Карфагена можно говорить о прибытии новой группы поселенцев приблизительно через 10 лет после возникновения города. Не исключены и другие варианты объяснения. Наиболее правдоподобным представляется мнение (устно высказанное И.Ш. Шифманом), что в 814 г. до н. э. или немногим позже могло произойти создание Карфагенской республики после самоубийства царицы.

Второй этап финикийской (точнее, тирской) колонизации завершается приблизительно в середине VII в. до н. э., и с середины этого столетия начинается автономное развитие колоний, что хорошо видно на керамическом материале (Bartolini, Moscati, 1995, 41—42, 44). Это не означает разрыв с метрополией ни в политическом, ни в экономическом плане, но свидетельствует об исчерпанности колониального потока.

Каков же был характер финикийской колонизации на ее втором этапе? В письменной традиции финикийцы выступают в первую очередь как торговцы. Диодор (V, 20, 1) прямо говорит, что финикийцы, плававшие ради торговли, создали ряд колоний в Африке и Европе. Само расположение этих колоний подтверждает слова сицилийского историка. Финикийские поселения, как правило, располагались либо на выдающихся мысах, либо на небольших островках, либо в устьях рек, имели удобные гавани (иногда даже две, как и в самом Тире). Эти особенности финикийского расселения подчеркивает для Сицилии Фукидид, но они отмечаются и во многих других местах (Gras, Rouillard, Teixidor, 1989, 58—61; Moscati, 1992, 103—105). Уже говорилось, что именно торговое значение тирских колоний, доставляющих западные товары на Восток, явилось причиной сравнительно мягкого обращения ассирийских царей с Тиром даже тогда, когда он проявлял явную нелояльность.

Однако ограничиться только этим нельзя. Говоря о причинах колонизации, приводились данные о стремлении властей уменьшить население метрополии и об участии в колонизации земледельцев, следовательно, аграрный аспект в финикийской колонизации явно присутствовал (Wagner, Alvar, 1989, 61—102). По-видимому, как и в греческой, характер

финикийской колонизации зависел во многом от условий, которые колонисты могли встретить в тех или иных местах. Так, если сначала Сардиния привлекала финикийцев только как трамплин в их торговле в Тирренском регионе, с одной стороны, и с Испанией — с другой, то довольно скоро финикийцы открыли сельскохозяйственное значение этого острова и стали проникать в глубь него, хотя сравнительно и на небольшое расстояние, о чем свидетельствуют финикийские поселения в земледельческом тылу Сульха, в частности, Монте Сираи, где финикийское поселение было создано в VII в. до н. э. (Aubet, 1994, 209—211; Les Phéniciens, 1997, 269—270). Возможно, хотя археологических доказательств пока нет, Таррос на западном побережье острова контролировал ближайшие плодородные долины (Aubet, 1994, 213). Итак, в колонизации Сардинии был достаточно ярко представлен не только торговый, но и аграрный аспект (Bernardini, 1993, 65—68).

Раскопки на средиземноморском побережье Испании дали значительное количество костей животных, что свидетельствует о развитии животноводства, включая разведение тягловых животных, используемых в земледелии. Прибрежная полоса, где финикийские поселения располагались, была очень плодородна и вполне могла использоваться в сельскохозяйственных целях (Soergel, 1968, 112—113; Schubart, Niemeyer, 1975, 172—173; Bunnens, 1986, 190—191; Aubet, 1994, 268—271). Так что и в Испании аграрный аспект колонизации был тоже представлен (Wagner, Alvar, 1989, 61—102), но, может быть, в меньшей степени, чем в Сардинии. Хотя Мелита играла, как уже говорилось, значительную роль как промежуточный пункт в восточно-запад-

ной торговле, можно говорить также и о занятии обосновавшихся там финикийских колонистов земледелием, животноводством и производством оливкового масла (Said-Zamit, 1997, 177). Недостаточное археологическое исследование других территорий не позволяет утверждать наличие их сельскохозяйственного использования, но и решительно отвергать его нельзя.

Исследование греческой колонизации показывает, что говорить о чисто аграрной или чисто торговой, либо торгово-ремесленной колонизации невозможно. Речь идет о преобладании того или другого аспекта (Циркин, 1989, 360). По-видимому, это характерно и для финикийской колонизации.

В связи с этим встает вопрос о существовании некоторых территорий финикийских поселений вне их самих и об их отношениях с окружающим населением. Уже говорилось о наличии сельскохозяйственной территории Сульха и, может быть, Тарроса в Сардинии. Находки испанских и других финикийских некрополей на некотором расстоянии от самих поселений (Moscato, 1992, 105) говорят о какой-то территории, принадлежащей им. Торговое значение Гадеса в Испании едва ли можно подвергнуть сомнению, но это не означает, что он не имел территории вне городских стен. Витрувий (X, 13, 1) и Афиней Полиоркет (9) упоминают какую-то крепость Гадеса на некотором расстоянии от самого города. Речь идет, как кажется, о начале V или самом конце VI в. до н. э., но надо иметь в виду, что тартессии всячески препятствовали финикийской экспансии в этом районе, а порой пытались захватить Гадес (Tsirkin, 1997, 245—251), так что едва ли гадитане могли расширить свои владения в период существования Тартессийской державы. С другой стороны, Карфаген,

как кажется, долго не имел земельной территории вне своих стен, а за городскую территорию должен был платить то ли дань местным царькам, то ли арендную плату местному населению, и только в VI в. до н. э. в результате войн карфагенского полководца Малха освободился от этой обязанности (Шифман, 1963, 85; Meltzer, 1879, 160; Gsell, 1913, 463; Huss, 1990, 36). В первой половине V в. до н. э. карфагеняне приобрели земельные владения в Африке (Шифман, 1963, 86; Gsell, 1913, 463; Hands, 1969, 85).

Таким образом, финикийские поселения оказывались в разной ситуации. На нынешнем уровне наших знаний можно, по-видимому, говорить, что сначала финикийцы создавали все же лишь фактории или сравнительно небольшие якорные стоянки. Видимо, так это было на Кипре и в Испании, т. е. на противоположных концах ареала финикийской колонизации. Но в одних случаях быстро, как в Китии, в других медленнее из этих факторий или стоянок развивались подлинные города, в том числе и весьма небольшие. Так, поселения на средиземноморском побережье Испании имели площадь в 12—15 га, а население — от одной до полутора тысяч человек (Niemeуer, 1989, 29), что не мешало им быть подлинными городами с разнообразной экономикой. В этих городах имелось и ремесло, как например, ремесленный квартал, возникший не позже VII в. до н. э., в Моти (Les Phéniciens, 1997, 236—238). Значительными ремесленными центрами были сардинские Таррос, Сульх и Бития (Moscati, 1989, 75—85). Уже говорилось о керамическом и металлообрабатывающем ремесле в финикийских поселениях в Испании. В VIII в. до н. э. начало развиваться собственное ремесло в Карфагене (Cintas, 1970, 324—368). И если не все, то боль-

шинство финикийских поселений были торговыми центрами. Таким образом, перед нами поселения с разнообразной экономикой, и к этому надо прибавить сравнительно правильную урбанистику (Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 195—198; Les Phéniciens, 1997, 321—348). Все это позволяет говорить о финикийских поселениях как о подлинных городах. Конечно, они были различны и по своему размеру, и по значению. Различен был удельный вес той или иной отрасли хозяйства в разных городах. Долгое время, возможно, продолжали существовать и якорные стоянки либо временные фактории. Но большинство поселений были подлинными колониями, так что определение рассматриваемого процесса как колонизации совершенно уместно и правильно.

Различно складывались и отношения финикийцев с местным населением. В Сицилии, как уже говорилось, существовал союз между финикийцами и элимами, на территории которых финикийские города существовали. Мотия долгое время не имела городской стены. В значительной степени это обстоятельство объясняется островным характером города. Но думается, что и дружеские отношения с элимами играли свою роль. Стена была построена только в первой половине или даже середине VI в. до н. э. (Ciasca, 1986, 222—223). Вероятнее, это связано не с элимской, а с греческой угрозой: незадолго до постройки стены в западную часть Сицилии пытались вторгнуться и обосноваться недалеко от Мотии книдяне и родосцы во главе с Пентатлом. И, хотя элимы из Эгесты в союзе с финикийцами разбили греческий отряд (Diod. V, 2; Paus. X, 11, 3—5), это событие показало финикийцам, что возможны повторения греческой экспансии, что и могло их по-

двигнуть на сооружение городской стены, опоясывающей весь остров.

В Сардинии финикийцы из Сульха на некотором расстоянии от города построили ряд укреплений, ставших границей их территории и обезопасивших от местного населения. Раскопки наиболее пока известного укрепления Монте Сираи показали, что оно воздвигнуто на месте местного поселения, которое то ли было разрушено финикийцами, то ли покинуто жителями (Aubet, 1994, 210). Вероятнее всего, мы имеем дело с военной экспансией финикийцев. Надо отметить, что и в греческой колонизации преобладание аграрного аспекта вело либо к занятию пустующих земель, либо к вытеснению, а то и порабощению местного населения.

В тылу финикийских колоний на средиземноморском побережье Испании располагались местные поселения, игравшие, вероятно, роль посредников между колонистами и туземным миром долины реки Бетис (Aubet, 1994, 278—281). В некоторых местах, где обосновались колонисты, тоже существовали туземные поселения (Aubet, 1884, 280; Martin Ruiz, 1995, 62—63, 84—85). Местная лепная керамика встречается и в некоторых других местах, в том числе в Тосканос (Martin Ruiz, 1995, 65, 73—74), но значит ли это, что там тоже были местные поселения или что она попала туда путем торговли, неизвестно. Хотя сельскохозяйственная территория у этих колоний имела, она все же не была значительной. Сама густота поселений не давала возможности обладать значительной сельскохозяйственной округой. Может быть, это обстоятельство заставило некоторых финикийцев переселиться за горы и обосноваться в тартессийской среде (Wagner, Alvar, 1989, 92—99).

Территория, о которой идет речь, составляла восточную часть Тартессийской державы. Непосредственно на свою территорию, к наиболее богатым серебряным рудникам и путям к ним, тартессии финикийцев не допускали. В этом районе имелась только одна финикийская колония — Гадес, созданная еще на первом этапе, и которую тартессии пытались ликвидировать. Однако в связях с финикийцами тартессийская знать и цари были заинтересованы. Видимо, этим объясняется создание в IX в. до н. э. местного поселения Кастильо де Донья Бланка на другой стороне Гадитанского залива, напротив Гадеса, которое в следующем веке достигло значительного развития (Ruiz Mata, Perez, 1995, 51—62). Вопреки мнению тех, кто участвовал в раскопках, это было, вероятнее всего, местное поселение, но с финикийским кварталом (Aubet, 1995, 9), подобным «лагерю тирийцев» в Мемфисе.

Еще более тесные отношения между колонистами и аборигенами существовали на Мелите. Там финикийцы селились непосредственно в туземной среде, превращая, в частности, старинные местные святилища в собственные храмы, как это было в Тас Силге на юге острова (Les Pheniciens, 1997, 254—258).

Итак, на IX—VII вв. до н. э. приходится второй этап финикийской колонизации. Сначала финикийцы обосновываются в Китии на Кипре, а затем и в других местах этого острова. По-видимому, одновременно с этим они основывают Аузу, прибавляя, таким образом, к Утике еще одну африканскую колонию. Тирский флот становится если не сильнейшим, то очень сильным на Средиземном море, что способствует возникновению традиции о финикийской талассократии во второй половине IX в. до н. э. В это время потерпевшая поражение во внутренней борь-

бе жреческо-аристократическая группировка основывает Карфаген. По-прежнему целью финикийцев является доставка металлов с Запада, особенно из Испании (Таршиша). Образование там Тартессийской державы потребовало появления новых пунктов связи с ней, но, вероятно, сопротивление тартессиев не позволило финикийцам обосноваться в центре державы, а только укрепиться на побережье ее восточной части. В Средиземном море финикийцы явно сотрудничали с греками, особенно с эвбейцами, осевшими на Питекуссе. Обоснование греков, как эвбейцев, так и дорийцев, в восточной части Сицилии и в Италии заставило финикийцев, с одной стороны, сконцентрироваться в восточной части Сицилии, а с другой — приступить к колонизации Сардинии, которая до того играла роль лишь промежуточного пункта в торговле с Испанией. Переселение относительно значительных масс финикийского населения, в том числе земледельцев, заставило финикийцев приступить к расширению территории колоний. Трудно сказать, каким был темп переселенческих потоков. Его скорее можно представить в виде отдельных импульсов, один из которых мог иметь место в середине VIII в. до н. э., когда приблизительно одновременно создаются некоторые поселения в Сардинии (например, Сульх) и в Испании (Тосканос и некоторые другие). То же подтверждает расширение территории Карфагена и Тосканос около 700 г. до н. э. или несколько позже. Разумеется, этими импульсами финикийская колонизация не исчерпывается. Более сильные или более слабые, они происходили, видимо, на протяжении трех веков.

По сравнению с первым этапом колонизации изменяется ее ареал; из ряда мест финикийцы были вытеснены, но зато в сферу их колониальной экс-

пансии включаются другие территории. Более сложным становится сам процесс колонизации, и теперь уже нельзя говорить только о торговом характере. Возникают различные модели взаимоотношений между колонистами и туземцами: от резкого противостояния до взаимного сосуществования даже в рамках одного поселения.

Все эти черты роднят финикийскую колонизацию с греческой. Вопреки распространенному в последнее время мнению, эти две колонизации типологически близки, что, разумеется, не исключает и различий между ними. Важнейшее различие, думается, коренится в разных отношениях между метрополией и колониями в греческом и финикийском мирах.

В ходе великой греческой колонизации переселенцы создавали независимые полисы, связанные с метрополией только духовными узами. Правда, Кипселиды, правившие в Коринфе в VII—VI вв. до н. э., пытались, опираясь на сеть коринфских колоний, создать мощную державу, но эта попытка в целом не удалась. Иное положение создалось в ходе финикийской колонизации.

Между Тиром и его колониями существовали духовные узы. Геродот (III, 19) говорит, что финикийцы Азии рассматривали карфагенян как своих детей и считали «нечестием» воевать против них. Карфагеняне же, в свою очередь, почитали тирийцев как своих родителей (Curt. Ruf. IV, 2, 10). Такие отношения могли быть оформлены специальным актом, судя по упоминанию Геродотом (III, 19) клятвы, на которую ссылались финикийцы, отказавшись выполнить приказ персидского царя выступить против Карфагена. По Диодору (XX, 14), карфагеняне платили десятину тирскому храму Мелькарта. По словам Курция Руфа (IV, 3, 32), жители Карфагена вообще пред-

почитали добычу из захваченных городов переправлять в Тир, а не украшать свой город. Такое утверждение, видимо, явное преувеличение, но оно отражает воспоминания о том почтении, какое питали колонисты к своей метрополии. Выражением такого глубокого уважения были и торжественные посольства, отправляемые в Тир. Арриан (IV, 2, 10) называет таких послов теорами, что подчеркивает сакральный характер их миссии. Но только духовными узами дело не ограничивалось.

Колонизация в значительной степени являлась продолжением дальней торговли (Niemeyer, 1990, 64), которая в основном находилась в руках царя. О кораблях царя Хирама (а не Тира или тирийцев) говорится в Библии (I Reg. 9, 27; 10, 11; 22), где в одном месте (I Reg. 9, 27) моряки даже названы рабами царя. Главным, может быть, и единственным торговцем своего города предстает тирский царь в пророчестве Иезекиила (28). Разумеется, частные лица тоже участвовали в торговле, которая приносила им огромные богатства. Недаром Исайя (23, 6) сравнивает тирских купцов с князьями и называет торговцев «знаменитостью земли». Но все же очень дальняя торговля с центром и западом Средиземноморья и далее с прилегающими районами Атлантики требовала сложной организации и таких больших расходов, что было не под силу отдельным частным лицам, ни даже целым фирмам (Aubert, 1994, 91). Поэтому колонизация тоже оказывалась под царским контролем, а порой проводилась и по его инициативе, как это было с выведением колоний в Ботрис, Аузу и, может быть, Китий. Саллюстий (Iug. 19, 1) говорит о двух причинах колонизации: стремление уменьшить население и удовлетворение жажды отдельных честолюбцев к господству. Решение об уменьшении на-

селения могла принять только государственная власть. Но и второй вид колоний не мог быть самостоятельным, даже если их основателями были оппозиционеры существующей власти. По словам того же Саллюстия (Iug. 78, 4), в Лептисе, основанном оппозиционерами, сохранялись «сидонские», т. е. финикийские, законы и обычаи. Ниже будет говориться о том, что в финикийских государствах, в том числе и в Тире, царская власть могла принадлежать только одному роду (хотя и разным его ответвлениям). Лишь в одном случае известно, что представительница этого рода — Элисса — стала основательницей Карфагена. Поэтому можно полагать, что эти города признавали верховную власть тирского царя.

Говоря об основании Гиппона, Хадрумета, Лептиса и других городов, Саллюстий (Iug. 19, 1) замечает, что, вскоре увеличившись, одни стали оплотом, другие — украшением для тех, кто их создал. Выражение римского историка *praesidium* надо сопоставить со словами Исайи (23, 11) о существовании его, т. е. Ханаана, твердынь (*z'gyh*) и с финикийским названием Гадеса — Гадир (укрепление, укрепленное или огороженное место). Перед нами целая сеть «твердынь», основанных тирийцами. Поскольку они были, по словам Саллюстия, оплотом для своих основателей (*originibus suis*), то ясно, что быть от них независимыми они не могли.

Во втором римско-карфагенском договоре, заключенном в середине IV в. до н. э., общинами, официально равноправными с Карфагеном, но в действительности ему подчиненными, названы Утика и тирийцы (Polyb. III, 24, 2—3). Нет смысла полагать, что в то время, когда персы господствовали над всей Финикией (см. ниже), тирийцы могли входить в Карфагенскую державу. С другой стороны, ни Гадес, ни

другие финикийские города Южной Испании, которые в то время явно находились под властью финикийцев, в договоре не упомянуты. Поэтому логично предположение, что в данном случае речь идет об испанских финикийцах (Blanco Freijeiro, 1967, 193). Общее название «тирийцы» не мешало тому, что граждане каждого города называли себя и особо: «горожане Гадеса», «горожане Секси». Общее же наименование, видимо, восходило к тем временам, когда южноиспанские города были такой же частью Тирского государства, как и жители материковых территорий этого государства в самой Финикии. Гораздо позднее в таких карфагенских официальных документах, как договор Ганнибала с македонским царем Филиппом V (Polyb. VII, 9), колонии Карфагена (в отличие от других элементов Карфагенской державы) совсем не упомянуты. Поэтому вполне возможно, что понятие «господа карфагеняне» в этом договоре охватывает граждан и самого Карфагена, и его колоний. Это могло быть общетирской (и метрополии, и Карфагена) практикой.

В пророчестве Исаяи (23, 1—14) Таршиш фактически стоит на одном уровне с Киттим-Кипром. О гибели Тира будет возведено таршишским кораблям из земли Киттийской; после гибели Тира надо будет переселяться в Таршиш, а при известии о повелении Господа разрушить Тир необходимо уйти в Киттим, хотя и там не будет переселенцам покоя. В то же время известно, что кипрские колонии Тира зависели от метрополии: правитель кипрского Карфагена называет себя слугой царя Хирама, а того — своим господином (KA1, 31). По-видимому, можно говорить, что и южноиспанские колонии Тира зависели от царя.

Как и на первом этапе финикийской колонизации, значительной была роль храма (Bunnens, 1979,

282—285; Culican, 1991, 488; Aubet, 1994, 140—142). Прежде всего это были храмы Мелькарта. Мелькарт — царь города, владыка Тира — Баал Цор (КАI, 47) — был главным покровителем Тира и тесно связан с царской властью (Baurain, Bonnet, 1992, 66—68; Lipinski, 1995, 226—243; Lopez Castro, 1995, 82—84). Именно он выступает и покровителем колонизации. Недаром сказание о его гибели в Испании связано с дальним походом (Sallust. Iug. 18, 2—3). В греческой части двуязычной надписи (КАI, 47) финикийскому Баал соответствует «архегет» — предводитель — такой эпитет подходит богу, покровителю дальних походов и основателю колоний. В греческой мифологии такую роль играл Аполлон, которого Фукидид (VI, 3) называет так в связи с основанием Наксоса в Сицилии, а Пиндар (Pyth. V, 60—61) — с основанием Кирены в Африке. У Элия Аристида (Or. 27, 5) имеется рассуждение о различии функций Аполлона как экзегета и как архегета: в первом случае он выступает как посылающий основывать новые города, а во втором — как непосредственный основатель, ойкист (Lombardo, 1972, 69—70). В свою очередь, это было предопределено связью между колонизацией и царями Тира. Культ Мелькарта играл важную роль в Испании, на Кипре, Сицилии, Сардинии, Мальте (Lipinski, 1995, 234—238). Конечно, только на основании существования культа Мелькарта и даже его выдвижения на первый план нельзя говорить о зависимости того или иного города от Тира, но в совокупности с другими данными это очень важно.

Таким образом, можно предполагать зависимость тирских колоний от метрополии (Bunnens, 1979, 285—286; Huss, 1990, 14) и, следовательно, от существовавшей Тирской колониальной державы. Косвенным доводом в пользу ее существования в

центре Средиземноморья является следующее соображение. Уже говорилось, что финикийцы считали нечестием воевать против своих колоний, а карфагеняне почитали тирийцев как своих родителей. Повидимому, это распространялось и на отношения внутри тирского колониального мира. Рассматривая тирские колонии как часть метрополии, карфагеняне воздерживались от включения их в свою орбиту. Но, когда (об этом будет сказано позже) Тирская держава распалась, карфагеняне сочли себя свободными и перешли к агрессии против своих соотечественников в Сицилии и Сардинии (Moscati, 1989, 32—39).

Наличие Тирской державы отвечало общим представлениям, существовавшим на Востоке, когда колонии рассматривались как составные части государства-метрополии. В таком случае господство над метрополией рассматривалось и как господство над ее колониями. Только так можно объяснить утверждение Асархаддона после подчинения Тира, что к его ногам преклонились все цари середины моря от страны Иа-ад-на-на, т. е. Кипра, до Тар-си-си, Таршиша (ANET, 290—291). Страбон (XV, 1, 6) со ссылкой на Мегасфена говорит о походах до Геракловых Столпов вавилонского царя Навуходоносора и египетского фараона Тахарки. Источником Мегасфена, приближенного царя Селевка Никатора, были какие-то восточные предания. Они оправдываются установлением власти Навуходоносора над Тиром (см. ниже) и претензиями, хотя и не реализовавшимися, Тахарки на господство в Передней Азии (Bunnens, 1979, 286).

Как конкретно осуществлялась власть царя в колониях, точно неизвестно. На Кипре в Карфагене засвидетельствован сокен, называвший себя рабом ца-

ря Хирама (КАI, 13). Этот сокен — явно лицо, которое от имени царя, слугой которого он является, осуществляет администрацию и суд в этом кипрском городе, что свидетельствует о довольно жестком контроле тирского царя над кипрской колонией.

В западных колониях Тира такой чиновник пока не засвидетельствован. Учитывая скудость эпиграфических находок, нельзя утверждать, что такового не было. Может быть, действительно наличие сокена и соответственно жесткого контроля над колониальным городом объясняется близостью Кипра к метрополии. Позже карфагенские колонии находились под контролем карфагенского представителя, называемого «тот, кто над общиной» (Шифман, 1963, 65, 97). По Аристотелю (Pol. II, 9, 1273b), карфагеняне посылали людей в города. Было доказано, что в данном случае речь идет о посылке не колонистов, а управляющих (Доватур, 1965, 32, 335, 363). Если карфагеняне заимствовали такую практику из метрополии, то можно думать, что и Тир отправлял в колонии своих представителей.

Карфаген занимал особое место среди тирских колоний не потому, как это часто считают, что он являлся единственной «колонией поселения» в отличие от остальных, бывших лишь якорными стоянками и опорными пунктами для торговли. Подобными «колониями поселения» были и многие другие финикийские поселения, в частности, города Сардинии, да и Карфаген долгое время не имел территории вне городских стен. Особенность положения Карфагена заключается в первую очередь в его отношениях с метрополией.

Приведенные выше данные говорят лишь о духовных, религиозных связях между Карфагеном и Тиром, но не о политических. Священные посольст-

ва отправлялись в Тир и тогда, когда этот город входил в состав эллинистических государств (Polyb. XXXI, 12), т. е. когда никакой политической власти над колониями он заведомо осуществлять не мог. Основательницей Карфагена и его царицей стала женщина царского рода Элисса. И одно это уже ставило Новый город в один ряд с метрополией. Характерно, что в отличие от многих других тирских колоний Карфаген меньше почитал Мелькарта. Сами карфагеняне больше уважали храм в метрополии и направляли туда священные посольства. Когда персидский царь Дарий на основании своего господства над Тиром приказал карфагенянам отказаться от человеческих жертв, погребения трупов, поедания собак и потребовал помощи в войне с греками, они, приняв для вида запреты, главное политическое требование царя решительно отвергли (Just. XVIII, 1, 10—13), но и запреты фактически не соблюдали. Преемник Дария Ксеркс отправил послов в Карфаген уже не с приказом помогать ему в планируемой войне с греками, а с предложением договоренности о совместном предприятии. Это предложение было принято, и был заключен договор между персами и карфагенянами (Diod. XIII, 1). Употребленные греческим историком слова κοινωπραγία и συνθήκαι свидетельствуют о равноправии сторон. Так что никаких претензий на политическую власть над собой карфагеняне не принимали. И сама политика агрессии против собственных соотечественников, о чем выше упоминалось, говорит об особом положении Карфагена среди финикийских колоний.

Остальные колонии были частью Тирской державы. Внутри этой державы отношения были непростыми. Сведения о недовольстве колоний метрополией весьма скудны. Уже говорилось о попытке Ути-

ки освободиться от дани тирскому царю и об ответной карательной экспедиции царя. В конце VIII в. до н. э. против Тира восстал и Китий, но это восстание было подавлено царем Элулаем (Jos. Ant. Iud. IX, 14, 2). Делались ли другие попытки, неизвестно.

Подавление восстания было последним успехом Элулая. Как уже говорилось, тирийцы, восстав против Ассирии, потерпели поражение, и Элулай бежал на Кипр, где и был убит. Ассирийский царь утверждает, что Элулай (Лули) нашел на Кипре бесчестную смерть перед ужасающим блеском оружия «моего господина Ассур» (ANET, 288). Это не означает, что ассирийцы, преследуя беглого тирского царя, непосредственно вторглись на Кипр. Иосиф Флавий (Ant. Iud. IX, 14, 2), рассказывая об этих событиях, упоминает о посольстве Синаххериба к киприотам. Поэтому гораздо вероятнее, что недавно усмиренные киприоты в результате подстрекательства ассирийского царя вновь выступили против Элулая и на этот раз одержали победу. Преемник Синаххериба Асархаддон уже брал дань непосредственно с городов Кипра, минуя Тир (ANET, 291). Правда, в списке данников Асархаддона отсутствует Китий, ибо упоминаемый там Карфаген, который часто считают тем же Китием, как уже говорилось, был другим городом. Трудно представить себе, что Синаххериб, с одной стороны, столь активно (хотя и не непосредственно) действовавший на Кипре, а с другой — отнявший у Тира все его материковые владения, оставил под властью тирского царя важнейший финикийский город Кипра. Добраться до западных колоний ассирийцы были не в состоянии, но Кипр вполне находился в сфере их досягаемости. Поэтому с большой долей вероятности можно было бы предполагать, что Тир лишился суверенитета над своими колониями на этом остро-

ве (ср.: Eissfeldt, 1948, col. 1888; Yon, 1987, 367—368). Однако более поздние события заставляют усомниться в этом предположении.

Геродот (II, 161) рассказывает, что фараон Априй сражался на море с тирским царем. О том же событии говорит Диодор (I, 68, 1), упоминая о победе фараона в морской битве над финикийцами — киприотами. Таким образом, видно, что финикийский (а судя по Геродоту, именно тирский) и киприотский флот выступали вместе под командованием тирского царя. Это может свидетельствовать о сохранении Тиром верховной власти над какой-то частью Кипра. Учитывая неупоминание Кития среди непосредственных данников ассирийского царя, можно полагать, что это был именно этот город.

Итак, можно говорить, что ко времени крушения Ассирии и восстановления своей независимости Тир продолжал быть сувереном морской и колониальной державы, раскинувшейся вплоть до Атлантического океана.

ГЛАВА 10

ФИНИКИЯ И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ВАВИЛОНОМ И ПЕРСИЕЙ

В ходе крушения Ассирии финикийские города-государства, восстановившие свою независимость, оказались в сложной политической ситуации. Претензии на ассирийское наследство в Передней Азии предъявило Ново-Вавилонское царство. Однако одновременно и египетские фараоны саисского периода ставили своей целью восстановить древнее господство Египта над этим регионом и предприняли для этого решительные шаги. Небольшие государства Передней Азии не имели сил вести самостоятельную политику и были поставлены перед выбором. В каждом из них явно существовали и проегипетская и провавилонская «партии». Это хорошо видно на примере Иудеи, где выразителем провавилонских настроений был пророк Иеремия, а проегипетских — его противник Анания (Тадмор, 1981, 195). По-видимому, подобные «партии» существовали и в других государствах, в том числе в финикийских.

Когда стало ясно, что окончательное падение Ассирии неминуемо, египтяне решили спасти ее остатки, дабы создать барьер для дальнейшего продвиже-

ния вавилонян на запад. Армия фараона Нехо двинулась в Месопотамию. Однако в 605 г. до н. э. она была наголову разбита около Кархемыша, после чего война в самой Месопотамии завершилась, и об Ассирии как о государстве больше уже не было речи. Берос, слова которого приводит Иосиф Флавий (*Ant. Jud.* X, 11, 1; *Contra Ap.* I, 19), говорит об отпадении не только Египта, но и Финикии (и Келесирии). Конечно, само понимание войны против Нехо как усмирения отпавшего наместника свидетельствует об официальной вавилонской точке зрения, согласно которой все западные владения Ассирии теперь по наследству законно перешли к Вавилону. Само объединение в одну группу врагов египтян, финикийцев и жителей Келесирии (т. е. территории между Ливаном и Антиливаном непосредственно в тылу Финикии) говорит о восприятии их вавилонянами как единого целого, что, видимо, объясняется подчинением фараону этих азиатских территорий. Это подтверждается и сообщением Бероса, в котором говорится, что после битвы при Кархемыше среди пленных оказались и финикийцы.

Окончив это сражение, Навуходоносор, командовавший вавилонской армией, был вынужден срочно вернуться в Вавилон, чтобы сесть на трон после смерти своего отца. Но в следующем году он вернулся с армией в Сирию и подчинил ее себе, может быть, даже не встретив сопротивления (Klengel, 1992, 231). Сам вавилонский царь утверждает, что подчинил всю страну Хатти, т. е. Сирию, в понятие которой включалась и Финикия. В известной степени это подтверждается надписью Навуходоносора, в которой он, в частности, говорит, что послал армию в Ливан и нарубил кедра с Ливанских гор для строительства храмов в Вавилоне. В этой же надписи говорит-

ся об изгнании с Ливана чужеземного враждебного царя, каким в тот момент явно был фараон (ANET, 307). И все же полностью Финикия едва ли была тогда подчинена. Иеремия (47, 1—7) в пророчестве, датируемом, вероятно, 604 г. до н. э., говорит о ближайшей угрозе Финикии и Филистии со стороны вражеского потока, приходящего с севера; естественно, что в тех условиях для иудея таким северным врагом мог быть только Навуходоносор, подчинивший Сирию (Lipinski, 1972, 239).

В арамейском письме этого времени, найденном в Египте (KAI, 266), азиатский вассал просил у фараона помощь против вавилонян. Отправителя этого письма одни исследователи считают филистимским царем (Tadmor, 1981, 192), другие — финикийским (Lipinski, 1972, 229). В первом случае это мог быть царь Газы или Ашдода, а во втором — Тира или Сидона. Если принять последнее предположение, то можно говорить о подчинении Южной Финикии Египту.

Однако, даже если в этом письме речь идет не о финикийском городе, связи между финикийцами и Египтом во времена Нехо были довольно значительны. При этом фараоне Египет впервые в своей истории начал осуществлять обширную морскую программу. Были проведены большие работы по строительству канала между Нилом и Красным морем и построено значительное количество боевых кораблей, из которых было создано два флота: на Средиземном море и на Красном (Her. II, 158—159). Существование египетского флота подтверждается находками памятников египтян, носивших титулы, связанные с морем и кораблями, как например, «наблюдатель за царскими кораблями» (James, 1991, 724). Спорно, были ли это суда греческого или финикийского типа, но в любом случае дерево для их

постройки было доставлено скорее всего с хребта Ливан, т. е. через Финикию (James, 1991, 721—722). В условиях жесткого противостояния с Вавилоном египетский фараон едва ли мог получить ливанский лес, если бы не владел по крайней мере частью Ливанских гор. По словам Геродота, флот был построен еще до завершения строительства канала. И именно с этим флотом Нехо двинулся в новый поход и одержал победу над вавилонянами у города Мигдола, после чего захватил Кадитис (Her. II, 159). Положение Мигдола спорно, но скорее всего это — Мигдал (а не Мегиддо на севере Палестины) на самой границе Египта (Lipinski, 1972, 235—238; Katzenstein, 1973, 303). Что касается Кадитиса, то все исследователи согласны, что речь идет о Газе. О взятии Газы египтянами упоминает Иеремия (47, 1). Вероятно, об этой же битве сообщает вавилонская хроника, говоря о жестокой битве с египтянами, после чего вавилонский царь со своей армией вернулся в Вавилон, и датируя ее четвертым годом правления Навуходоносора, т. е. 601 г. до н. э. (ANET, Suppl., 564).

Трудно сказать, был ли канал между Нилом и Красным морем достроен. Геродот (II, 158) говорит о прекращении строительства вследствие неблагоприятного предсказания. В другом месте (IV, 42) он вновь упоминает о прекращении строительства, ничего не говоря о его завершении. И после этого фараон послал финикийцев на кораблях в Красное море, чтобы оплыть всю Африку, приказав им вернуться через Средиземное море. Финикийцы, плывя вдоль африканского побережья в течение трех лет, действительно вернулись в Египет со стороны Средиземного моря (Her. IV, 42).

Это плавание финикийцев ставит ряд проблем. Долгое время в науке господствовало скептическое

отношение к этому рассказу Геродота (Томсон, 1953, 113—116). Однако это едва ли справедливо. Уже только одна деталь, сообщенная историком, что финикийцы во время своего путешествия видели солнце справа, т. е. на севере, что самому Геродоту кажется совершенно фантастическим, подтверждает пребывание мореплавателей в южном полушарии (Тураев, 1936, т. II, 99; Хенниг, 1961, 89—90; Gisinger, 1924, 530; Katzenstein, 1973, 313). Геродот, говоря о посылке фараоном финикийцев, использует глагол *αποπέμπω* (отсылать, отправлять). Этот глагол выражает не просьбу, а волевой акт. Так, тот же Геродот употребляет его, говоря об отсылке лидийским царем Крезом драгоценных чаш в Дельфы (I, 51). Маги советуют мидийскому царю Астиагу отослать (*αποπέμψαι*) мальчика Кира в Персию, и Астиаг отсылает (*αποπέμπει*) его (I, 120, 122). И уже в VII книге историк рассказывает о поимке персами греческих разведчиков, которым Ксеркс приказал показать все собранное персидское войско и затем их отослать (*αποπέμπειν*), дабы они своими рассказами устрашили греков (VII, 146). Во всех этих случаях речь идет о повелении, приказании вышестоящего лица что-либо сделать. Совершенно ясно, что и в данном случае можно говорить о поручении Нехо (а не о его просьбе или каком-либо другом виде договоренности). Видимо, это произошло, когда по крайней мере часть Финикии признавала власть фараона. Это могло быть до или, скорее, после битвы при Кархемыше. Геродот связывает с прекращением строительства канала два события: создание флота и его участие в походе в Сирию, т. е. против вавилонян, кульминацией которого явилась битва при Мигдоле, взятие Газы и посылка финикийцев в плавание вокруг Африки. Хотя рассказы об этих событиях находятся в разных

местах труда Геродота, можно установить связь между ними. Вскоре после этой битвы иудейский царь Иоаким, три года назад признавший власть Навуходоносора, объявил себя независимым (II Reg. 24, 1). Результатом был поход вавилонского царя, взятие Иерусалима, увод в плен значительной части иудеев, включая царя, и возведение на трон нового царя Седекии (Цидкии), который признал власть вавилонского владыки (II Reg. 24, 10—17). Возможно, что и финикийские цари последовали примеру Иоакима.

Библия, рассказывая о драматических событиях, приведших к падению Иерусалима, подчеркивает, что фараон не выходил более из своей земли, потому что все земли от Египта до Месопотамии находились уже во власти Навуходоносора (II Reg. 24, 7). Следовательно, между 601 и 598 г. до н. э., седьмым годом правления Навуходоносора, когда вавилоняне взяли столицу Иудеи (ANET, Suppl., 564), ситуация радикально изменилась. Это явно связано с реорганизацией вавилонской армии, предпринятой Навуходоносором после неудачного сражения с египтянами. И уже в 599 г. до н. э. вавилонский царь смог совершить новый поход в Сирию. Видимо, в результате этого похода он и сумел «запереть» Нехо в Египте. В таком случае признание финикийцами верховной власти фараона и, следовательно, подчинение его приказу оплыть вокруг Африки надо отнести к 601—599 гг. до н. э. Может быть, дату можно даже уточнить: 600 г. до н. э., когда Навуходоносор, занимаясь военной реформой, не совершал поход на запад. Геродот не уточняет, был ли еще Нехо жив в момент возвращения финикийской экспедиции. Трудно, конечно, думать за древнего автора, но можно предположить, что такая деталь, как нахождение в момент завершения плавания на троне другого царя,

едва ли ускользнула бы от изложения Геродота. Итак, предпочтительно датировать без всяких скидок это великое плавание финикийцев 600—598 гг. до н. э.

Хотя иудейский царь Седекия был посажен на трон Навуходоносором, он не оказался его верным вассалом. Приход в Египте к власти сына Нехо Псамметиха II, мечтавшего о военной славе, возбудил надежды проегипетской «партии». По инициативе иудейского царя в Иерусалиме были созваны послы Идумеи, Моава, Аммона, Тира и Сидона (Jer. 27, 3). Судя по словам Иеремии, на этом довольно необычном совещании обсуждался вопрос об отношениях с вавилонским царем (Tadmor, 1981, 196). Надо отметить здесь отсутствие послов филистимских городов, находившихся в то время под сильным египетским влиянием (Katzenstein, 1973, 315; Wiseman, 1991, 234). Поэтому можно полагать, что и отношения с Египтом также были предметом обсуждения. Вероятно, в Иерусалиме была сделана попытка создать какой-то союз переднеазиатских государств для взаимной защиты своей независимости от Вавилона и Египта. Тир и Сидон принимали в этой попытке активное участие. Не полагаясь на собственные военные силы, цари этих государств надеялись достичь своих целей с помощью дипломатии. Может быть, этим объясняется путешествие в Вавилон инициатора совещания Седекии (Jer. 51, 59) вскоре после самого совещания (Katzenstein, 1973, 315).

Однако все попытки небольших переднеазиатских государств отстоять свою независимость оказались тщетными и только вызвали подозрения могущественных владык Вавилона и Египта. Возможно, ответом на все эти маневры стал новый поход Навуходоносора на Иерусалим (Wiseman, 1991, 234). Псамметих II не мог оказать никакой помощи, так

как вел войну с Эфиопией, а вскоре после ее окончания умер (Нер. II, 161). Его сын Априй (Хофра) тоже не оказал Иудее значительной поддержки, то ли потому что только вступил на престол и еще недостаточно разобрался в обстановке, то ли считая, что не имеет достаточных сил, то ли решительно не доверяя иудейскому царю как главе коалиции независимых государств. Как бы то ни было, вавилоняне взяли Иерусалим и разрушили, полностью уничтожив Иудейское царство. После сообщения Иеремии о совещании в Иерусалиме нет никаких сведений о Моаве. Возможно, что вавилоняне ликвидировали и это государство. И теперь настала очередь Тира. Берос как будто связывает вместе походы Навуходоносора против Иудеи и Финикии (Katzenstein, 1973, 320). Видимо, вавилоняне рассматривали эти походы как части одной кампании, целью которой было уничтожение враждебного (или потенциально опасного) союза переднеазиатских государств.

Иосиф Флавий (Ant. Iud. X, 11, 1; Contra Ap. I, 20) упоминает о тринадцатилетней осаде Тира Навуходоносором в правление тирского царя Итобаала III. Современник этих событий Иезекиил злорадно пророчествует о ближайшем разрушении Тира Навуходоносором (Ez. 26). Но через пятнадцать лет тот же пророк говорит, что оплешивели головы воинов, осаждавших Тир, и стерты их плечи, а награды им нет никакой (Ez. 29, 17—18). Начало осады относится, вероятно, к 585, а завершение — к 573 г. до н. э. (Katzenstein, 1973, 330). Из утверждения Иезекиила об отсутствии награды за все труды по осаде Тира Навуходоносору и его воинам можно понимать, что город не капитулировал (Katzenstein, 1973, 331), следовательно, не подвергся грабежу и разрушению (вопреки всем прежним пророчествам того же

Иезекиила). Завершение осады Тира было для вавилонян очень важным событием, по поводу которого летом 573 г. до н. э. в Тир даже съехались важные персоны из храмовой и городской администрации нескольких значительных центров Месопотамии (Чехович, 1999, 47).

Это, однако, не означает, что Тир сохранил независимость. Он был вынужден признать верховную власть вавилонского местного царя, который, как и раньше в Иерусалиме, сменил местного царя. На тирский трон был посажен Баал II (Jos. Contra App. I, 21). Возможно, что Итобаал был уведен в плен в Вавилон. Вавилонский текст, составленный около 570 г. до н. э., свидетельствует о нахождении при вавилонском дворе среди прочих царей также царей Тира, Сидона и Арвада (ANET, 308).

В то же время, как и в первом пророчестве против Тира, Иезекиил (28, 20—24) предсказывал и опустошение Сидона. Вероятно, в это время Сидон, как и Тир, тоже был не зависим от Вавилона, и пророк предвидел грядущее нападение на него вавилонского царя. Надо иметь в виду, что Сидон, как и Тир, участвовал в совещании, собранном в Иерусалиме. Удары по Иерусалиму, Тир, Сидону уничтожили возникшую было коалицию. По́пытка переднеазитских государств сообща защитить свою независимость потерпела поражение.

К сожалению, об обстоятельствах подчинения Сидона, как и других финикийских городов, Вавилону — ничего неизвестно. Можно лишь говорить, что вавилонский царь предпочел не включать финикийские города непосредственно в территорию своего царства, а ограничился признанием ими своей верховной власти. Когда Навуходоносор посадил Седекию на иерусалимский трон, он взял с него клятву

верности: сохранить страну в целости, не задумывать никакого переворота и не вступать в дружеские отношения с Египтом (Jos. Ant. Iud. X, 7, 1). Видимо, это была стандартная клятва, так что можно думать, что и финикийские цари приносили ее. Характерно, что в этой клятве ничего не говорится о выплате дани. В упомянутой выше надписи Навуходоносора много говорится о поставке ливанских кедров в Вавилон для строительства храмов (ANET, 307), но создается впечатление, что они были нарублены самим вавилонским царем, а не поставлены в качестве дани финикийцами. Видимо, для Навуходоносора было важнее политическое утверждение, чем непосредственные экономические выгоды. И то, что вавилонскому царю, по словам Иезекиила, не было никакой награды после подчинения Тира, тоже свидетельствует о том, что ни денег, ни каких-либо других ценностей Вавилон от Тира не получил.

После подчинения Финикии какая-то часть финикийского населения была уведена в Месопотамию. Из Иудеи после первого взятия Иерусалима и превращения страны в вассальное государство Навуходоносор переселил в Месопотамию знать, воинов и ремесленников (II Reg., 24, 15—16). В вавилонских документах встречаются упоминания ремесленников, в том числе судостроителей, из Тира, Библа и Арвада (ANET, 308). Часть из них была уведена в плен еще до осады Тира, так как самый ранний из этих документов датируется тринадцатым годом правления Навуходоносора (Katzenstein, 1973, 313—314). Видимо, уже тогда Финикия признала власть Вавилона, но позже могла, как и Иудея, отпасть от него. Часть таких насильственных переселенцев получали пайки от царя и являлись царскими рабами (Дандамаев, 1974, 328). Однако далеко не все депортированные

обращались в рабство. Значительная их часть селилась вместе, возможно, на пустошах, образуя особые общины, сохранявшие и оберегавшие свою этническую индивидуальность, хорошо помнившие те города, из которых они были выселены; среди таких общин отмечается Бит-Цурайа около Ниппура, в которой жили тирские переселенцы (Дандамаев, 1974, 328—329; Eph'al, 1978, 81—83). Может быть, такие общины организовывали и переселенцы из других финикийских городов.

Как уже говорилось, Навуходоносор предпочел не включать финикийские города непосредственно в территорию своего царства. Это, конечно, объясняется экономическим значением Финикии, что не мешало вавилонскому царю осуществлять строгий надзор за подчиненными царями. В частности, в Тир был назначен некий Энлиль-шапик-зери, который в должности шандабакку, вероятно, контролировал не только политическую, но и экономическую жизнь города: в частности, он назван первым свидетелем в долговой расписке на огромную по тем временам сумму в 3 мины и 8 сиклей серебра (Unger, 1926, 314). Этот документ датируется 41-м годом правления Навуходоносора, т. е. последним годом его долгого царствования. А уже через три года тот же Энлиль-шапик-зери был таким же чиновником с тем же титулом шандабакку в месопотамском Ниппуре; такие шандабакку были в Ниппуре и раньше (Unger, 1926, 314—316). Таким образом, это был обычный высокий чиновник, следовательно, с точки зрения вавилонского правительства, его полномочия и в Тире, сохранившем свою автономию, и в крупном и почитаемом месопотамском городе ничем не отличались.

Укрепление вавилонян в Финикии не могло не встревожить их соперников египтян. Именно с этим,

вероятно, связан двойной поход фараона Априя. По Геродоту (II, 161) и Диодору (I, 68, 1), этот фараон с моря напал на Тир и Кипр и с суши на Сидон. Действия его были довольно удачны: тирско-кипрский флот был разгромлен, Сидон взят штурмом, а другие финикийские города устрашены примером очередного падения Сидона; фараон же вернулся в Египет с большой добычей. Едва ли надо сомневаться в историчности этих событий (ср.: James, 1991, 725). Сухопутный поход египетской армии был совершен в рамках все еще продолжающейся войны с Вавилоном, так что принадлежность вавилонскому царю Палестины или Сирии не была непреодолимым препятствием для прохода египетских войск. Флот, созданный Нехо, вероятно, не без помощи финикийцев показал свою эффективность.

Возникает вопрос о времени этого похода. Априй правил довольно долго, с 589 до 570 г. до н. э. (Lloyd, 1994, 281). Греческие историки говорят о разгроме тирского и кипрского флота египтянами. Едва ли это имело место тогда, когда Тир сражался с врагами Египта вавилонянами, или незадолго до этого. Уже говорилось, что поход против Тира и, может быть, Сидона был предпринят вскоре после окончательного разрушения. В этих условиях поход против тех же финикийских городов практически являлся помощью Вавилону. Иное положение сложилось после осады, когда оба финикийских города подчинились вавилонскому царю. И Геродот, и Диодор сразу же после рассказа об этом походе Априя говорят о неудачной экспедиции против Кирены, послужившей толчком к восстанию против фараона и его свержению. Поэтому думается, что военная экспедиция Априя против Финикии состоялась в последние годы его правления, после под-

чинения Тира и, видимо, Сидона Вавилону, т. е. в 573—570 гг. до н. э.

В результате этого похода египтяне ненадолго сумели снова взять Финикию под свой контроль. Навуходоносор воспользовался свержением Априя, чтобы под предлогом восстановления на троне законного царя вторгнуться в Египет, но вавилоняне были разгромлены (Wiseman, 1991, 236; Lloyd, 1994, 339—340). После всех этих событий можно говорить об окончательном разделе сфер господства Египта и Ново-Вавилонского царства. Финикия входила в сферу вавилонского господства.

Тирским царем, который сражался с египтянами, был Баал II, посаженный на трон Навуходоносором и ставший его верным вассалом. После его смерти Навуходоносор по каким-то причинам решил ликвидировать монархию в Тире. Во главе города встали «судьи», т. е. суффеты (Ios. Contra Ap. I, 21). Произошло это в 564 или 563 г. до н. э. (Тураев, 1903, 112; Katzenstein, 1973, 327, 337). Сам термин «суффет» (шофет) — довольно древний. Этим словом обозначался глава или представитель политической власти в отдельных районах государства в Эбле, Мари и Угарите (Safren, 1970, 1—2, 14; Sznycer, 1978, 570—571; Pettinato, 1980, 50—51). Известно, что так назывались военные и политические предводители израильского племенного союза до установления монархии, причем Библия неоднократно выразительно противопоставляет «судей» и царей. Финикийские колонии, где не было царей, возглавляли суффеты. Два суффета стояли во главе Карфагенской республики (Нер. Нап. VII, 4). Суффеты (неизвестно, в каком количестве) возглавляли правительство Гадеса (Liv. XXVIII, 37, 2). В финикийских городах, как об этом будет сказано позже, сосуществовали община и цар-

ская власть. Видимо, после ликвидации монархии общинные институты стали единственными, и глава общины стал и главой государства.

Возможно, речь шла не просто о ликвидации царской власти в Тире, а о включении Тира непосредственно в состав Вавилонского царства. Сохранение при этом общины с ее институтами совершенно неудивительно. В Вавилонии в то время существовали гражданские общины, обладавшие самоуправлением (Заблоцка, 1989, 357—358; Дандамаев, 1989, 8), и ликвидация полунезависимости Тира не означала ликвидацию тирской гражданской общины. В то же время ничего неизвестно о каком-либо событии, которое могло бы послужить поводом для этого. Более того, еще совсем недавно тирийцы доказали свою верность вавилонскому царю. Царь Баал II, сражавшийся с египтянами, умер, и Навуходоносор, может быть, не надеялся на лояльность его наследника. Но вполне возможно и другое предположение: этот шаг вавилонского царя был продиктован стремлением к большей централизации государства и ликвидацией в его рамках полунезависимых политических единиц. Если это так, то такая же участь должна была постигнуть и остальные финикийские города.

Суффеты правили Тиром далеко не равное время: Йакинбаал — два месяца, Хелбес — десять месяцев, Аббар — три месяца, Меттен и Герастарт — шесть лет. Такая неравномерность свидетельствует об отсутствии правильных выборов. По-видимому, вавилонские власти вмешивались в политическую ситуацию в Тире и смещали неудобных суффетов, заставляя проводить каждый раз новые выборы. Иосиф говорит, что эти «судьи» были *κατασταθησαν* (т. е. поставлены), а данный глагол может означать и

«избирать», и «назначать». Используя пассивную форму, Иосиф в то же время умалчивает о субъекте действия, и можно предполагать, что это были вавилонские власти. Однако весь контекст говорит скорее о действии самих тирийцев. Поэтому вероятнее, что вавилонское правительство предпочитало внешне уважать автономию тирской общины. Иосиф, взявший эти данные из финикийских источников, называет двух последних «судей» вместе; возможно, что, как и в Карфагене, при последних суффетах в Тире был установлен двойной суффетат.

Создание в Тире республики имело необратимые последствия для Тирской державы. Колонии, поддерживавшие связи с метрополией, экономически были уже независимы от нее (Bartolini, Moscati, 1995, 41—44). И царская власть оказывалась единственным связующим звеном, объединяющим различные общины в единое целое — Тирскую державу. С падением царской власти это звено исчезло, и Тирская держава распалась. Приблизительно 550 г. до н. э. датируется печать царя Сарепты (Bordreuil, 1991, 465—468). Это означает, что и Сарепта на какое-то время стала городом, не зависимым от Тира. Можно, по-видимому, говорить, что Тир потерял и азиатские владения. Правда, Псевдо-Скилак (104) называет Сарепту тирским городом. Это значит, что позже тирийцы восстановили свои владения на азиатском материке, но на Западе потери были безвозвратны. Виной этому, по-видимому, стали карфагеняне, которые воспользовались сложившимся положением и приступили к созданию собственной державы. Ее создание связывается с именем Малха, который, по словам Юстина (XVIII, 7, 1—2), совершил великие дела против афров, воевал в Сицилии и Сардинии. Походы Малха относятся к 60—50 гг. VI в.

до н. э. (Шифман, 1963, 70; Moscati, 1977, 29, 134; Moscati, 1989, 25, 38, 120; Acquaro, 1987, 44). Таким образом, деятельность Малха началась приблизительно в республиканский период истории Тира. С походами Малха связаны разрушения ряда финикийских центров и создание новых, уже карфагенских, а также подчинение финикийцев Центрального Средиземноморья Карфагену (Moscati, 1989, 34—37). Идеологическим обоснованием или предлогом карфагенских претензий на замену Тира своим городом в качестве главы финикийцев Запада могло быть «царское происхождение» Карфагена.

Республиканский период в истории Тира длился меньше десяти лет. После суфкетата Меттена и Герастарта царская власть в Тире была восстановлена. Вероятнее всего, сделал это вавилонский царь Набонид вскоре после своего вступления на престол (Katzenstein, 1973, 342). Набонид был не халдеем, как его предшественники, а арамеем и пришел к власти после упорной междоусобной войны. Полагают, что его целью было стремление создать мощное арамейское государство со столицей в Вавилоне, объединив в его рамках всех арамеев. Это привело его к конфликтам с влиятельными кругами вавилонского жречества (Дандамаев, 1985, 33—34). Естественно, что в этих условиях Набонид должен был искать более широкую поддержку. Видимо, с этой целью он и восстановил политическую автономию Тира, вернув туда царя. Если и другие финикийские города, как мы предположили, были в свое время этой автономии лишены, то им она была явно возвращена. В то же время каждого нового царя — Мербала (Магарбала) и Хирама III — тирийцы вызывали из Вавилона. Последний царь был братом своего предшественника. Все это говорит о том, что, хотя царская власть и

политическая автономия Тира были восстановлены, члены царской семьи, явно будучи заложниками, оставались в Вавилоне. Это делало «независимость» Тира еще более призрачной. Едва ли иначе обстояло дело в других финикийских городах.

Включение финикийских городов в состав Ново-Вавилонской державы, как и ранее в состав Ассирийской, в принципе отвечало экономическим интересам финикийцев, особенно торговых кругов. Если в прозаическом тексте Иезекиила, который восходит, вероятно, к концу IX или началу VIII в. до н. э., торговыми партнерами Тира названы города Северной Месопотамии, то в ново-вавилонский период важными партнерами тирийцев становятся такие южномесопотамские города, как Урук (Unger, 1926, 316). Возможно, существование на юге Месопотамии общин финикийских изгнанников облегчало ведение торговли с этим регионом. Характерно, что уже при Навуходоносоре глава царских торговцев при дворе царя носил финикийское имя Ханнуну, т. е. Ганнон (ANET, 308). Сам Вавилон в это время является крупнейшим торговым центром, и связь с ним, как и включение в разветвленную торговую систему Ново-Вавилонского царства (Dandamaev, 1991, 273), было выгодно торговым кругам финикийских городов.

Образование единого и достаточно сильного государства было выгодно еще и потому, что оно могло обеспечить стабильность и относительный мир. В смутные времена крушения Ассирии и становления новых мощных государств — Ново-Вавилонского царства и саисского Египта — Передняя Азия стала ареной скифских вторжений. По словам Геродота (I, 106), скифы 28 лет владычествовали в Азии, все разоряя и приводя в полное расстройство. Они не только

наложили дань, но и постоянно грабили различные территории. И лишь мидийский царь Киаксар, правивший с 624-го до 584 г. до н. э., сумел сломить скифское могущество и, видимо, заставить их уйти из Передней Азии. Скифы наводили страх на жителей этого региона. Ужас звучит в словах Иеремии (5, 15—17; 6, 22—23) о свирепом северном народе, который все уничтожит, все разграбит и все сожжет. Даже египетский фараон предпочел от скифов откупиться (Нер. I, 105). Владычество скифов в Передней Азии было типичным господством кочевников над земледельческими областями (Хазанов, 1975, 221—224). И хотя, как кажется, сама Финикия не была задета скифскими вторжениями, это, естественно, угрожало ее торговле. Создание единого мощного государства гарантировало неповторение подобных набегов.

Но если торговцы были заинтересованы в существовании обширного государства, то другие слои могли занимать иную позицию. Персидский царь Кир позже хвастал, что освободил жителей Вавилонского царства от тяжелого ига (ANET, 316), составной частью которого были трудовые повинности. Уже на второй год своего царствования Набонид собрал для строительства ремесленников от «Верхнего моря за Евфратом до Нижнего моря», т. е. явно и из Финикии (Katzenstein, 1973, 343). Даже если финикийские города не платили дань вавилонскому царю, что как будто вытекает из клятвы верности вассального царя (см. с. 264), привлечение финикийцев (причем явно не только переселенных в Месопотамию) к трудовой повинности тяжело ложилось на все население Финикии.

В 50-х гг. VI в. до н. э. к востоку от Месопотамии возникает независимое Персидское государство, очень скоро начавшее многочисленные завоевания.

Уже в 547 г. до н. э. персы завоевали могучее Лидийское царство. Финикийцы в это время еще находились под властью Вавилона, ибо Геродот (I, 143) ясно говорит, что они еще не были покорены персами. Но уже через восемь лет, в 539 г. до н. э., Вавилон был захвачен персами, и персидский царь Кир был признан и вавилонским царем. Это непосредственно отразилось на судьбе Финикии.

Сам Кир утверждал, что все цари, живущие в чертогах, и все цари, живущие в палатках, принесли свою тяжелую дань и преклонились к его ногам в Вавилоне (ANET, 316). Совершенно справедливо предположение, что под царями, живущими в палатках, подразумеваются арабские шейхи, возглавлявшие кочевые племена, подчиненные вавилонянам, а под царями, живущими в чертогах, надо понимать финикийских правителей (Дандамаев, 1985, 48). Насколько известна политическая структура Ново-Вавилонского царства, то только финикийские города управлялись царями. Геродот (III, 19) тоже говорит, что финикийцы подчинились персам добровольно. Известно, что Кир после захвата Вавилона разрешил изгнанникам вернуться на родину. В первый же год своего правления он такое разрешение дал иудеям (Ezra 1, 1—3). Едва ли персидский царь столь выделял один народ среди многих ему подвластных. Вероятно, такое разрешение было дано и другим переселенцам, но не все этим воспользовались, ибо еще в IV в. до н. э. в Южной Месопотамии существовала община тирских переселенцев — Бит-Цурайа (Eph'al, 1978, 81—83). Несомненно, что какая-то часть вернулась, и среди них могли быть члены царской семьи. Финикийские торговцы могли надеяться, что обширная Персидская держава, к тому времени много превосходящая размерами и Ассирийское, и Ново-Вавилонское царство,

предоставит им большие возможности. Рядовое население, страдавшее от повинностей, тоже имело все шансы рассчитывать на освобождение от них, что и произошло. Так что практически все круги финикийского населения были заинтересованы в подчинении персидскому царю.

Геродот (I, 169) говорит, что после завоевания Киром греческих городов Малой Азии эти города были вынуждены платить дань персидскому царю, и только Милет, заключивший с царем союз, обрел мир и спокойствие. При этом историк выразительно противопоставляет судьбу Милета судьбам других греческих городов Ионии. Несколько раньше Геродот (I, 141) написал, что союз с персидским царем Милет заключил на тех же условиях, что и с прежним азиатским сувереном, а говоря об этих прежних отношениях, Геродот (I, 22) отмечает только союз и дружбу, и ни о какой дани речь не идет. Остальные ионийские города, сражавшиеся с персами, были вынуждены платить победителям дань. По-видимому, подобные отношения между победителями и побежденными можно распространить и на другие территории царства Кира, в том числе на Финикию. Правда, сам Кир говорит о тяжелой дани, которую ему добровольно принесли подчиненные цари Запада. Однако это можно понимать и как относительно добровольные дары, точнее, откуп от возможного нападения. Кажется, хотя данных об этом нет, что финикийские города ограничились признанием верховной власти персидского царя, может быть, на тех же условиях, что и раньше вавилонского, т. е. на условиях чисто политических. Но в отличие от Навуходоносора Кир даже не стал менять царей. Во всяком случае, Хирам III, правивший Тиром к моменту падения Вавилона, оставался на престоле и после этого

события. Не исключено, что именно тогда была восстановлена власть Тира над материковой территорией, включая Сарепту. Такое мягкое отношение Кира к финикийцам, кроме всего прочего, объясняется и стремлением персидского царя использовать финикийский флот. Невозможность подчинения островных ионийцев силой Геродот (I, 143) объясняет отсутствием у персов флота. Таким образом, довольно мягкое отношение к финикийцам было выгодно и самим персам.

В 525 г. до н. э. персидский царь Камбиз, сын Кира, подчинил Египет. Геродот (III, 1) указывает, что в египетском походе участвовали все покоренные персами народы, следовательно, и финикийцы, явно предоставившие персидскому царю свой флот. Но когда Камбиз решил подчинить и Карфаген, финикийцы решительно отказались участвовать в этом предприятии, заявив, что было бы нечестием выступать против своих потомков (Her. III, 19). Этими финикийцами были, конечно, тирийцы, ибо другие их соотечественники не имели основания считать карфагенян своими потомками. Царь был вынужден отказаться от своего замысла, ибо без финикийского флота осуществить его не мог. Это еще раз подчеркивает значение Финикии и ее кораблей для персидского царя.

Официально для Финикии в первое время мало что изменилось. Финикийские города по-прежнему подчинялись Вавилону, только там находился уже не суверенный монарх, а наместник персидского царя, которым даже был тот же человек, что и при Набониде, и только после его смерти прежняя территория Ново-Вавилонского царства составила провинции Вавилон и Заречье. Последнее наименование объясняется взглядом Вавилона и самой Пер-

сии: Заречье покрывало страны, находившиеся за Евфратом. Финикия, естественно, стала частью этой провинции. Финикийцы спокойно приняли персидское господство и не участвовали в восстаниях, охвативших Персидскую державу в конце 20-х гг. VI в. до н. э. (Galling, 1937, 25). Когда персидский царь Дарий I провел свою административную реформу, разделив страну на двадцать сатрапий, Финикия вместе с Сирией и Палестиной составила пятую сатрапию (Her. III, 91). Возможно, само стратегическое положение этого региона как моста между азиатскими владениями Ахеменидов и Египтом заставило персидского царя отделить Заречье от Месопотамии, выделив его в отдельную сатрапию (Galling, 1937, 26).

Эта реформа Дария имела своей целью упорядочить не только управление огромным государством, но и налоговую систему. По словам Геродота (III, 89), до этого подчиненные народы приносили персидским царям добровольные дары ($\delta\omega\rho\alpha$), а теперь был установлен ежегодный налог ($\pi\rho\omicron\sigma\omicron\upsilon\nu\ \tau\eta\nu\ \epsilon\pi\epsilon\tau\epsilon\iota\omicron\nu$). Вся пятая сатрапия должна была платить 350 талантов подати, и если учесть, что с меньшей по территории Киликии собиралось 500 талантов серебра и 360 белых коней (Her. III, 90), то это было сравнительно немного. Если судить по цифрам, приведенным Геродотом (III, 90—95), дань, выплачиваемая Заречьем, была средней. Некоторые сатрапии выплачивали много больше (например, Египет — 700 талантов или Вавилония — 1000 талантов), но были и такие, которые платили меньше, как одиннадцатая сатрапия Каспиана, выплачивавшая царю только 200 талантов. Нехитрый подсчет показывает, что дань с Заречья составляла несколько более 4,5% всех поступлений в царскую казну. При этом неизве-

стно, сколько из этой суммы падало именно на Финикию. Поскольку в состав пятой сатрапии входили и довольно бедные территории, то иногда предполагают, что финикийские города платили много больше, чем остальные районы (Elayi, 1990, 62). При этом надо иметь в виду, что, кроме подати, финикийцы, как и другие народы Персидской державы, должны были в случае необходимости нести трудовую повинность. Так, они участвовали в работах по сооружению канала через Афонский перешеек накануне похода Ксеркса на Грецию (Her. VII, 23). Работали финикийцы также в арсенале в Мемфисе, где строили и ремонтировали корабли (Дандамаев, Луконин, 1980, 171), и, видимо, в других местах державы. Может быть, как такую повинность можно рассматривать поставку тирийцами и сидонцами леса для восстановления иерусалимского храма Йахве, производимую по приказу персидского царя. Примечательно, что в отличие от местных камнетесов и плотников финикийцы получали не серебро, а только пищу, питье и масло (Ezra 3, 7). Но главное — финикийцы, как и жители других приморских городов (Her. VI, 95), со своими кораблями были обязаны участвовать в войнах персидских царей. Так, в том же походе Ксеркса участвовало 300 финикийских военных судов, что составляло почти четверть всего персидского флота, причем эти корабли считались лучшими (Her. VII, 89; ср.: VII, 99).

В захваченных греческих городах (до греко-персидских войн) персы изменили государственный строй, поставив во главе этих городов тиранов, полностью зависимых от царя, без благосклонности и власти которого они удержаться не могли, что прекрасно понимали (Her. IV, 137). Произошли ли эти изменения сразу после персидского завоевания или

были проведены приблизительно одновременно с административной реформой Дария, мы не знаем. В Финикии же никаких изменений персы не производили ни во времена Кира, ни во времена Дария. Даже откровенный акт неповиновения Камбизу остался официально не наказанным. Финикийские города являлись единственными в Заречье, которые управлялись собственными царями (Eph'al, 1988, 143). Конечно же это объясняется ролью финикийских кораблей в персидском флоте и прекрасным пониманием этой роли персидскими царями. Недаром Ксеркс столь радовался победе сидонцев в морской «битве», устроенной им, видимо, в качестве репетиции будущих морских сражений (Her. VII, 44), а в сражении при Саламине против афинских кораблей, несомненно лучших в греческом флоте, были поставлены именно финикийские суда (Her. VIII, 85).

Итак, финикийские города-государства, признав верховную власть персидского царя, которого они называли «господином царей» — 'dn mlkm (KA1, 14), сохраняли свою автономию и при персах. В то же он время персидский период отмечает изменение роли отдельных финикийских городов. На второй план отступает Тир. Может быть, толчком к такому изменению послужил упомянутый уже отказ тирийцев выступить против Карфагена, и Камбиз, казалось, никак на это не отреагировал, в действительности же он решил сделать своей опорой в Финикии старого тирского соперника — Сидон (Katzenstein, 1979, 27—28).

Конечно, на положение Тира не мог не оказать влияние распад его колониальной державы. Уже только прекращение выплаты дани, которую, как говорилось выше, выплачивали колонии метрополии, наносило удар тирской казне. Еще до этого распада финикийские колонии становятся независимыми от

метрополии в экономическом отношении: там развивается собственное производство, в частности, керамика в середине VII в. до н. э. (Barolini, Moscati, 1995, 41—44). Еще раньше собственную керамику начал изготавливать Карфаген (Cintas, 1970, 452—453). Вообще связи Карфагена с метрополией были не очень значительными в доэллинистическое время, кроме как в религиозной области (Циркин, 1987, 71). В этих условиях подчинение финикийских городов Африки, Сицилии и Сардинии наносило серьезный удар контактам Тира со Средиземноморьем.

Тир выступал как важнейший поставщик западных, особенно испанских, металлов на Восток. Однако в середине VI в. до н. э. происходят очень важные изменения в Испании. Значительный экономический и политический кризис переживает Тартессийская держава, следствием чего является «закрытие» тартессийской экономики (ср.: Alvar, 1995, 44—45). С другой стороны, на самих тартессийских рынках усиливается греческая конкуренция, как показывают, в частности, раскопки в важном тартессийском центре Онобе (Fernandez Miranda, 1986, 256—258; Ruiz Mata, 1989, 111). В результате всех этих изменений финикийцы покидают ряд своих поселений на средиземноморском и атлантическом побережье Испании, а также Могадор у атлантических берегов Африки и концентрируются в немногих городах, находившихся в более выгодной позиции, так что, кроме Гадеса, в Испании остаются еще только три финикийских города — Малака, Секси и Абдера (G. et C. Charles-Picard, 1968, 92, 95; Aubet, 1994, 278, 285, 294—295; Martin Ruiz, 1995, 62—98; Lopez Castro, 1995, 56—58). Уже в VI в. начинается и в V в. до н. э. окончательно происходит перестройка хозяйственной жизни испанских финикийцев, в эко-

номике которых теперь большое значение имеет обработка продуктов рыболовства и торговля ими (Lopez Castro, 1995, 63—66; Martin Ruiz, 1995, 39). Для более позднего времени Страбон (III, 4, 2) говорит о тесной связи Малаки с противоположным берегом Африки, совершенно умалчивая о каких-либо контактах с Финикией и вообще Восточным Средиземноморьем. Эти изменения на крайнем западе средиземноморского мира и в прилегающих районах Атлантики непосредственно сказались на положении Тира. Конечно, связи между западом и востоком Средиземноморья не были прерваны полностью. Использование происходящего из Испании «белого льна» при постройке Ксерксом моста через Геллеспонт в 480 г. до н. э. свидетельствует о сохранении этих связей, ибо этот материал доставляли на Восток явно финикийцы (Hammond, Roseman, 1996, 90). Но связи стали гораздо менее интенсивными, а главное — исчез поток испанских металлов, приходивших в Тир и оттуда распространявшихся по странам Востока. Тир потерял роль «шарнира», связывающего Ближний Восток и Дальний Запад с его металлическими богатствами. Это не значит, что он перестал быть значительным торговым и морским центром, но он перестал занимать лидирующее положение на сиро-финикийском побережье. Эта роль теперь перешла к Сидону (Harden, 1980, 50).

Именно сидонцы одержали победу в «потешном» морском бою, устроенном Ксерксом накануне похода в Грецию (Her. VII, 44). Перечисляя командиров различных эскадр в персидском флоте, Геродот (VII, 98) начинает с сидонца Тетрамнеста, называя уже затем тирийца Сиррома (явно Хирама) и арвадца Мербала. Когда Мардоний по поручению Ксеркса перед сражением при Саламине спрашивал совета, на-

чинать ли это сражение, опрос он начал опять же с царя Сидона (Her. VIII, 68). Характерен эпизод, произошедший несколько раньше, когда Дарий послал греческого врача Демокед на разведку к берегам Эллады. Именно в Сидоне был снаряжен корабль, на котором Демокед со своими спутниками отправился в Грецию, а затем в Италию (Her. III, 136). Видимо, в это время уже Сидон становится главным пунктом связи Востока с западными странами. Это произошло еще до завоевания Дарием Самоса (ср.: Her. III, 139), т. е. до 517 г. до н. э. (Дандамаев, 1985, 108), и говорит о том, что переход первенства в западных контактах от Тира к Сидону произошел довольно быстро.

Диодор (XVI, 41, 4) пишет, что Сидон выделялся среди других финикийских городов своим изобилием и что его жители, занимаясь торговлей, приобрели огромные богатства. Эти сведения относятся к середине IV в. до н. э. Но уже в конце VI в. до н. э. сидонские цари приступили к грандиозной перестройке храма Эшмуна вблизи города, что требовало огромных средств. Храм был построен в первой половине века по месопотамскому образцу, но теперь стал перестраиваться по персидской модели (Les Phéniciens, 1997, 177). Едва ли это предприятие было вызвано религиозными нуждами, оно явно было политическим актом: сидонский царь подчеркивал свою преданность персидскому суверену. Позже, когда финикийские города стали чеканить свою монету, только на сидонских изображался персидский царь (Harden, 1980, 158; Betylon, 1980, 5—6, 137), что подчеркивало особое положение Сидона. Персидские цари тоже выделяли Сидон. Около этого города находился царский «парадиз», в котором персидский царь отдыхал (Diod. XVI, 41, 5). Такие «парадисы» были обычно парками с фруктовыми деревьями и во-

обще всем, что считалось лучшим из растущего на земле, и служили резиденциями персидских царей (Дандамаев, Луконин, 1980, 154). В самом городе имели свою резиденцию персидские сатрапы и полководцы (Diod. XVI, 41, 2), и Диодор этим объясняет особую тяжесть персидского ига, падающую на сидонцев. По-видимому, город был обязан содержать высших персидских чиновников во время их пребывания там. Возможно, остатком резиденции сатрапов являются фрагменты колонны в ахеменидском стиле, найденные в Сидоне (Les Phéniciens, 1997, 177). Едва ли это означает, что Сидон являлся центром сатрапии Заречья. Такой центр, вероятнее, находился на территории, непосредственно подчиненной персидскому царю. Скорее всего, это был Дамаск, о котором Страбон (XVI, 2, 20) говорит, что он был самым славным городом Сирии во времена персидского владычества. Недаром, как пишет Арриан (Anab. II, 11, 9—10), именно в Дамаск после битвы при Иссе и сам персидский царь, и многие персы отправили свое имущество (Eph'al, 1988, 154—155). Однако и Сидон явно играл значительную роль в управлении сатрапией. Диодор отличает сатрапов от полководцев. Это полностью соответствует административной реформе Дария, который отделил гражданское управление от военного командования. Позже в руках сатрапа все чаще сосредотачивались и военные функции (Дандамаев, Луконин, 1980, 113). Поэтому возможно, что сведения Диодора восходят к сравнительно ранним временам, хотя, конечно, не исключено, что в Заречье разделение функций сохранялось и в середине IV в. до н. э., о чем и писал Диодор.

Несомненно, значительную роль в это время играл и Арвад. К сожалению, сведения о нем крайне

скудны. Но все же известно, что арвадский флот активно участвовал в походе Ксеркса на Грецию, и Геродот (VII, 98) называет арвадца Мербала, сына Агбала, на третьем месте после руководителей сидонской и тирской эскадр. Как и Сидон и Тир, Арвад в IV в. до н. э. чеканил монету. Однако ее стандарт отличался от стандарта других финикийских городов: он был персидским (или вавилонским), что, может быть, отражает какие-то более тесные связи этого города с внутренними районами Персидской державы (Betulou, 1980, 78). Это не мешало Арваду поддерживать отношения и с греками, свидетельством чему являются глиняные антропоидные саркофаги, найденные в некрополе Арвада, в которых ясно ощущается греческое влияние. Их изготовление начинается на рубеже VI—V вв. до н. э. (Lembke, 1998, 119—120). Хотя арвадские некрополи персидского времени были разрушены, все же по их остаткам можно судить о значительном богатстве города и его жителей. В частности, найдена фамильная гробница какого-то арвадского купца с дромосом и девятью погребальными камерами, в которых и найдены упомянутые саркофаги (Lembke, 1998, 119).

Среди командиров эскадр Геродот не упоминает предводителя библского флота, и это несмотря на то, что каждый приморский город должен был выставлять корабли во флот персидского царя. Видимо, значение Библа в первой половине V в. до н. э. было невелико, и он, может быть, даже не имел флота (Elayi, 1990, 80). Между тем в поэтической части пророчества Иезекиила о Тире (27, 9), принадлежавшей самому пророку, говорится о старцах и знатоках Библа, которые чинили тирские пробоины. Вероятно, в начале VI в. до н. э. библские мастера, занимавшиеся судами, были еще довольно известны, а это

бессмысленно при отсутствии собственных кораблей. Военный корабль изображается на библских монетах в конце V в. до н. э. (Hill, 1910, LXV). Обширное строительство, предпринятое в Библе в персидскую эпоху, свидетельствует об экономическом благополучии города (Les Phéniciens, 1997, 174). Можно предположить, что в бурный период крушения Ассирии и борьбы за власть в Передней Азии роль Библа резко уменьшилась и он, пожалуй, даже лишился своего флота. В более спокойное время персидского владычества началось возрождение Библа, и снова появился библский флот (Elayi, 1990, 80). И все же вернуть себе ту роль, какую он играл во II тысячелетии до н. э., Библ уже не мог. Характерно, что в перипле Псевдо-Скилака он совсем не упоминается.

Возникает вопрос: ограничивалось ли число финикийских городов-государств четырьмя — Тиром, Сидоном, Библом и Арвадом. Никакое другое государство не упоминается ни в эпиграфике, ни в нумизматике этого времени. Правда, известно, что древний Цумур был в персидское время довольно значительным торговым центром, чьи связи распространялись, с одной стороны, вдоль всего восточного побережья Средиземного моря, а с другой — вплоть до Южной Испании (Baurain, Bonnet, 1992, 92). Но возможно, что в это время Цумур принадлежал Арваду, и широта его торговых контактов отражает широту арвадской торговли.

В амарнскую эпоху, как говорилось выше, значительную роль играл Берит. И в IV в. до н. э. Псевдо-Скилак (104) упоминает Берит, говоря о нем как о городе и гавани. В эллинистическое время этот город будет чеканить свою монету (Hill, 1910, XLVI—XLVII). Раскопки показали, что в персидский период территория города расширилась, выйдя за пределы преж-

них городских стен; в городе найдены жилой и ремесленный кварталы, сам город приобрел регулярную планировку с улицами, пересекающимися под прямым углом (Sader, 1997, 401—402). Все это свидетельствует о росте и относительном благополучии Берита, и, хотя нет прямых доказательств, можно предполагать, что Берит и в I тысячелетии до н. э., по крайней мере под властью персидских царей, составлял отдельное царство.

Сидон, Тир и Арвад активно участвовали в греко-персидских войнах. Уже на первом их этапе во время ионийского восстания именно финикийские корабли были направлены на его подавление и разбили греческий флот в битве у Лады (Her. VII, 14). Рассказывая об этих событиях, Геродот (VII, 6) говорит, что лучшими в персидском флоте были финикийцы, а участвовали в походе также киприоты, киликийцы и египтяне, так что финикийские корабли не были как будто единственными, но в рассказе о самой битве он упоминает только финикийцев. Персидский флот, по словам историка (VII, 9), насчитывал 600 кораблей. Эта цифра очень подходит к принятой именно финикийцами, ибо у них число судов в эскадре было обычно 60 или кратное ему (Rebuffat, 1976, 74). И в то же время только для финикийцев эта цифра слишком велика; в более позднем походе Ксеркса, для участия в котором были, видимо, мобилизованы все силы государства, финикийских кораблей было 300. Может быть, действительно финикийские суда составляли только часть общего флота персов, но в самой битве против опытных эллинских моряков были брошены именно финикийцы как лучшие в персидском флоте. И после этого финикийские корабли пытались контролировать все судоходство в Эгейском море (ср.: Her. VII, 41). Финикийцы явно

должны были участвовать в походе Мардония на Грецию в 492 г. до н. э., хотя Геродот их и не упоминает, и соответственно потерпеть тяжелый урон во время крушения у мыса Афон (Her. VI, 44), а также в походе персидских полководцев Датиса и Артафрена непосредственно через Эгейское море. Выразительнее говорит Геродот об участии финикийских кораблей в походе Ксеркса в 480 г. до н. э.

Как уже говорилось, финикийские суда составляли почти четверть всего царского флота. Кроме того, финикийцы поставили царю еще какое-то количество грузовых кораблей (Her. VIII, 97). Все они были поставлены под персидское командование, но эскадрой каждого города непосредственно командовал собственный командир. Геродот (VII, 98) перечисляет этих командиров. В связи с этим возникает вопрос: были ли они царями своих городов или флотоводцами, которым это командование было поручено царями. Особенно большие сомнения вызывает сидонец Тетрамнест. Если два других командира имеют несомненные финикийские имена и отчества — Маттен сын Сирома (Хирама) и Мербал (Магарбаал) сын Агбала, то Тетрамнест — имя явно не финикийское, как и имя его отца — Анис. Из погребальных надписей сидонских царей известны имена сидонских царей персидского времени, и среди них нет ни Тетрамнеста, ни Аниса, ни какого-либо другого имени, фонетически схожего с ними (Vaurain, Bonnet, 1992, 80). Но, с другой стороны, корабли других народов и городов в персидском флоте возглавляли цари, как например, царь кипрского Саламина Филаон (Her., VIII, 11). Да и перед битвой при Саламине первым среди тех, к кому персидский полководец обратился за советом, назван царь Сидона (Her., VIII, 68). Следовательно, царь находился в персидском флоте во время этого похода.

да, и трудно себе представить, что кораблями одновременно командовал другой человек. Поэтому все же, при всех возможных оговорках, надо признать в Тетрамнесте сидонского царя и в таком случае, вероятно, отождествить с Табнитом, а его отца — с Эшмуназором (Garbini, 1984, 3—7; Coacci Polselle, 1984, 173). Что касается тирского царя, то имена Маттен и Хирам не раз встречаются среди царских имен Тира. Едва ли отец участника похода был тем же Хирамом III, который признал власть Кира, ибо, по словам Иосифа Флавия (*Contra Ap.* I, 21), этот Хирам правил двадцать лет и на четырнадцатом году своего правления признал власть Кира; следовательно, умер он в 532 г. до н. э., и для правления его сына остается слишком большой промежуток времени (Garbini, 1984, 4). По-видимому, речь идет о Хираме IV (Katzenstein, 1973, 187) и Маттане III.

В походе Ксеркса участвовало 300 финикийских кораблей. Геродот (VII, 89) уточняет, что финикийцы действовали вместе с палестинскими сирийцами. Поскольку речь идет о кораблях, а тот же Геродот, как уже упоминалось, сообщает о поставке кораблей именно приморскими городами, то здесь явно подразумеваются жители приморских городов Палестины, а Псевдо-Скилак (105), называя приморские палестинские города, отмечает их принадлежность сидонцам или тирийцам. Палестинские города, принадлежавшие Сидону, получены уже после похода Ксеркса, как об этом будет сказано ниже, но Акко, который Псевдо-Скилак называет «городом тирийцев», принадлежал Тиру еще много раньше. Правда, как об этом уже говорилось, он был отнят вместе с другими материковыми владениями ассирийцами, но позже вполне мог быть возвращен. Принадлежность Акко Тиру доказывается и граффити из египет-

ского Абидоса, в котором житель Акко называет себя тирийцем (КАI 49, 34; Elayi, 1990, 23). Псевдо-Скилак (105) говорит и о принадлежности тирийцам Аскалона, а раскопки показали наличие в этом городе финикийского населения в конце VI или начале V в. до н. э. (Gitler, 1996, 1—2). Так что палестинские сирийцы, вероятнее всего, — это те же финикийцы, но жившие на палестинском побережье и скорее всего подчинившиеся Тиру, тем более что никакого палестинского командира Геродот не упоминает. Поэтому можно полагать, что все 300 кораблей были финикийскими. Какова была доля каждого города в этом флоте, сказать невозможно. Геродот (VII, 96) говорит, что из финикийских кораблей лучшими были сидонские, но это не значит, что их было больше других.

Участие финикийцев в походе Ксеркса было весьма активным. В решающей битве при Саламине финикийские корабли сражались против афинских, лучших в греческом флоте, и потерпели поражение, как и все морские силы персов (Her., VIII, 85; Diod., XI, 19, 1). После сражения Мардоний обвинил финикийцев, а также египтян, киприотов и киликийцев в трусости, взвалив на них вину за поражение (Her., VIII, 100). Отзвуком этого обвинения является сообщение Диодора (XI, 19), что финикийцы после поражения первыми бежали в Азию. Трудно сейчас сказать, было ли это обвинение обоснованно. Геродот о бегстве финикийцев в Азию сразу же после битвы не сообщает. Да и невозможно представить, что в персидских вооруженных силах, скованных деспотической волей монарха, можно было, не дожидаясь решения, покинуть флот и уйти в Азию.

На этих этапах греко-персидских войн финикийцы понесли тяжелые потери. Неизвестно, каковы были потери персидского флота у Лады, кроме трех ко-

раблей, захваченных фокейцем Дионисием, но упорное сопротивление части сражающихся ионийцев (Her. VI, 14—15), несомненно, нанесло кораблям врага значительный урон. В кораблекрушении у Афона погибло 300 кораблей (Her. VI, 44). Еще до Саламина в результате бури персидский флот потерял тоже большое количество судов (Her. VII, 188). И, наконец, огромные потери принесла саламинская битва. Вскоре после нее персидский флот состоял уже только из 300 кораблей (Her. VIII, 130); можно предполагать, что в саламинском сражении персы потеряли три четверти флота. Даже если эта цифра преувеличена, потери были громадны. Геродот не говорит, какова была доля финикийцев в этих потерях, но, учитывая количество их кораблей, составлявших почти четверть всего царского флота, и их значимость, можно считать, что потери были огромны. Финикийские корабли были триерами. На этом типе судов служили до 170 гребцов, около 30 матросов, ведавших снастями, и 12—20 воинов (Античная цивилизация, 1973, 76). Даже если среди воинов, кроме местных солдат, имелись персы, мидийцы и саки (Her. VII, 96), каждый такой корабль нес не менее 200 уроженцев финикийских городов. Это значит, что в походе Ксеркса участвовали приблизительно 60 тысяч финикийцев. И большое количество их погибло здесь и в предшествующих кампаниях. Все это чрезвычайно подорвало и технический, и людской потенциал Финикии. Геродот (IX, 96) говорит, что незадолго до битвы при Микале в 479 г. до н. э. персы отослали домой финикийские корабли. Учитывая значение финикийских эскадр в морских силах персов, этот поступок выглядит весьма странным. Единственной причиной могло быть лишь жалкое положение этих триер. На какое-то время финикийские корабли были выведены из игры.

Относительно скоро финикийцы сумели оправиться. Уже в битве при Эвримедонте в 469 (или 465) г. до н. э. их флот вновь составлял значительную часть морских сил персов, причем в это же время другая финикийская эскадра стояла у берегов Кипра, готовая прийти на помощь основным силам. В этой битве греки вновь одержали блестящую победу, и финикийцы потеряли не менее двухсот кораблей (Thuc., I, 100; Diod., XI, 60; Plut. Cim., 12). Погибла и та эскадра, которая стояла у Кипра и не успела прийти на помощь к сражавшимся у Эвримедонта (Plut. Cim., 13). Позже финикийские корабли участвовали в подчинении восставшего Египта и изгнании оттуда афинян, пришедших на помощь египтянам (Diod., 75—76). Приняли участие финикийцы и в последнем эпизоде греко-персидских войн — в событиях вокруг Кипра, когда в 449 г. до н. э. афинский полководец Кимон высадился на острове, чтобы завоевать его. Финикийские и киликийские корабли пытались предотвратить высадку Кимона, но неудачно (Plut. Cim., 18). В том же году Кимон умер на Кипре, и греки пошли на мир с персидским царем. Финикийцы на какое-то время были избавлены от необходимости поставлять корабли и моряков для авантюры персидского монарха.

Сидонский царь Эшмуназор II в своей надгробной надписи (КАI, 14) гордо сообщил, что «господин царей» за его ценные дела навсегда передал Сидону Дор, Яффу и плодородные земли в долине Шарона в Палестине. Возникают вопросы: когда был сделан этот щедрый дар и какова его причина. При всех существующих сомнениях относительно точного времени царствования Эшмуназора можно принять как наиболее вероятные расчеты, датирующие правление этого царя 475—461 гг. до н. э. (Coacci Polselle,

1984, 173). К какому-то году в этом промежутке времени и относится дар персидского царя. Но если это так, то никакие «ценные дела» сидонского царя в это время неизвестны. Правда, именно при его правлении (если принять эту датировку) финикийцы участвовали в битве при Эвримедонте, но эта битва окончилась поражением царского флота, так что ничего особо «ценного» для персов в этом сражении не было. Другое дело — внутренние события в Персии. В 465 г. до н. э. в результате дворцового переворота был убит Ксеркс, и власть была фактически захвачена командиром придворной гвардии Артабаном, может быть, не без подстрекательства сына Ксеркса Артаксеркса. Позже Артабан пытался устранить и Артаксеркса, официально провозглашенного царем, но тот сумел его опередить и, уничтожив Артабана и его сторонников, стать подлинным правителем. Вскоре новый царь подавил восстание своего брата Виштаспы (Гистаспа) и убил его. Одновременно Артаксеркс проводил изменения в правящей верхушке государства (Дандамаев, 1985, 176—177). В этих условиях поддержка вассальных царей была весьма важна персидскому монарху. Так что «ценными делами» Эшмуназора могли быть какие-то действия, совершенные им в пользу захватившего престол Артаксеркса, а передача ему палестинских земель и городов вполне вписывается в изменения, производимые в начале царствования.

Передавая сидонскому царю Дор, Яффу и часть Шаронской долины, Артаксеркс мог преследовать еще одну цель. Севернее этих территорий находилось царство Тира. Но и расположенный южнее Аскалон тоже принадлежал Тиру. Таким образом, Артаксеркс создал на палестинском побережье политическую чересполосицу, располагая поочередно

владения Тира и Сидона, что, несомненно, вбивало клин в отношения между двумя городами и давало возможность персидскому царю манипулировать ими в случае необходимости. Эта цель персидского царя становится еще яснее, если вспомнить, что Дор когда-то принадлежал Тиру и был важным центром контактов с Западом. Позже город был потерян Тиром, и неизвестно, вернулся ли он под его власть, как Акко. Но даже если это и не произошло, память о былой принадлежности Дора могла сохраниться у тирийцев, и его передача Сидону не улучшала взаимоотношения этих городов. В этом же направлении шла и передача сидонскому царю Яффы. Именно через этот город осуществлялась морская связь между Финикией и Палестиной (Ezra 3, 7). Судя по библейской Книге Ионы (1, 2), Яффа была портом, откуда корабли уходили в далекий Таршиш. Сам Иона жил в VIII в. до н. э. (II Reg. 14, 25), но само это произведение, в котором очень силен фольклорный элемент, возникло гораздо позже, после возвращения иудеев из Вавилонского плена (Шифман, 1987а, 44), т. е. приблизительно во времена Эшмуназора. Передача этого порта Сидону была еще одним ударом по тирской дальней торговле.

Дар Сидону значительной части плодородной Шаронской долины (надпись называет ее мощной землей Дагона, т. е. бога зерна) во многом решал продовольственную проблему Сидона, которая, как и в других финикийских городах, была достаточно острой (Elayi, 1990, 71). Перед этой проблемой встал и северный Арвад. Его положение на скалистом островке (Strabo XVI, 2, 13) делало приобретение материковых земель еще более острым. И город в персидское время, несомненно, имел материковые владения. Ко времени завоевания Александром Маке-

донским под властью Арвада и его царя была приморская полоса земли и какие-то земли, дальше отстоящие от моря, населенные «племенами» (Arr. Anab. II, 13, 7; Curt. Ruf. IV, 1, 6). Они составляли материковую часть этого города-государства — «перею». Часть ее принадлежала Арваду еще до ассирийского завоевания, но затем Арвад ее потерял и частично вернул после крушения Ассирии. Строительство сакрального комплекса в Марате (Амрите), явно принадлежавшем Арваду, началось уже в VI в. до н. э. (Baurain, Bonnet, 1992, 91). Это говорит о том, что территория уже была частью Арвадского государства.

Арвад нуждался и в хороших гаванях. Хотя раскопки еще дали немного свидетельств торговой активности арвадцев, можно все же говорить о ее развитии. С этим, видимо, связано приобретение Арвадом Аль-Мины. Здесь в свое время находилась греческая, точнее эвбейская, колония или фактория, с которой финикийцы имели оживленные связи, но, видимо, как и сравнительно близкий Сукас, во времена вавилонского завоевания она была разрушена (Negyi, 1982, 533). После подчинения этого района персам греки возобновили оживленные контакты с ним, но центром греческого экспорта теперь становятся Афины (Вулли, 1986, 156; Colombier, 1987, 247). Это ни в коем случае не означает, что Аль-Мина и соседние городки становятся афинскими колониями. Время Великой греческой колонизации прошло. Активная колонизационная деятельность Афин имела особенности, резко отличавшие ее от предшествующей колонизации. Уже на первом этапе афинской колонизации, падавшей на вторую половину VI в. до н. э. (т. е. еще в рамках Великой колонизации), афинские колонии были тесно связаны с метрополией, а колонии, созданные Афинами в следующем веке в

основном в виде клерухий, вообще были частью Афинской державы (Яйленко, 1982, 135—155, 245—246; Строгоцкий, 1991, *passim*). Трудно себе представить, чтобы персидский царь дал возможность чужо-му государству (даже еще до греко-персидских войн) присвоить себе часть персидской территории. Статус этих поселений в конце VI — первой половине V в. до н. э. неизвестен. Но приблизительно с 430 г. до н. э. Аль-Мина попадет в зависимость от Арвада (Elayi, 1987, 257—266). Эта территория, имевшая хорошие связи с Эгеидой, Внутренней Сирией и Малой Азией, идеально подходила для развития арвадской торговли. Разумеется, ее присоединение к Арваду не могло произойти без разрешения персидского царя. Но и в этом случае царь, как кажется, попытался создать некоторый противовес Арваду. Недалеко от этого места находился городок Сидония (Elayi, 1987, 256), который, судя по названию, принадлежал Сидону. Возможно, что и здесь, как и на юге, «господин царей» намеренно стремился создать чересполосицу владений финикийских городов, дабы затруднить их возможное объединение.

Греко-персидские войны нанесли тяжелый урон финикийцам. Уже говорилось об их тяжелых материальных и демографических потерях. Судя по находкам керамики, в 480—450 гг. до н. э. резко падает объем греко-финикийской торговли (Colombier, 1987, 247), что явно отражает общий упадок коммерческой деятельности финикийцев. Едва ли это было результатом сознательной политики персидских царей. Раскопки показывают, что даже в период обострения персидско-египетских отношений египетские предметы присутствуют в Финикии. Дело скорее в обстановке общей нестабильности, которая существовала в то время на востоке Средиземно-

морья. Заключение мира в 449 г. до н. э. позволило финикийцам возобновить их контакты с греческим миром, что можно рассматривать как общее восстановление финикийской экономики. Это восстановление происходит на новом, качественно отличном, этапе. Финикийские города чеканили свои монеты. Хотя персидские цари начали чеканить свои монеты еще в последней четверти VI в. до н. э., денежная система в Ахеменидской Персии оставалась не очень развитой. Деньги шли в основном на плату наемным воинам и чиновникам. Характерно, что уже после появления собственной монеты финикийцы, торгуя в Вавилонии, использовали не монеты, а серебряные слитки (Дандамаев, Луконин, 1980, 202—213). Чеканка монеты и вообще использование золота и серебра находились под строгим контролем персидского царя (Дандамаев, Луконин, 1980, 211), что вынуждало финикийцев часто пользоваться греческими монетами. Но все же финикийские города получили право серебряной чеканки. Первым на этот путь вступил Сидон, начавший выпускать свою монету около 450 г. до н. э. (Betylon, 1980, 3). К этому времени право выпуска серебряных монет имели уже некоторые сатрапы, как например, сатрап Египта Арианд, казненный, по словам Геродота (IV, 166), Дарием за излишнюю чистоту его монеты. Дарование такого права сидонскому царю как бы ставило его на один уровень с царскими наместниками, что было известной привилегией. Приблизительно через пятнадцать лет примеру Сидона последовал Тир, а вслед за ним Арвад и Библ (Betylon, 1980, 39, 78, 111; Puech, 1991, 296). Видимо, и им персидский царь был вынужден предоставить это право. Финикийцы не ограничились выпуском относительно больших номиналов. Они стали выпускать серебряные монеты весом до

0,1 и даже 0,05 г. Такие монеты было просто невозможно использовать из-за их малой величины, и финикийцы скоро перешли к чеканке бронзовых монет такой же небольшой стоимости, но более крупных, тяжелых и более удобных в обращении (Elayi, 1985, 1—4). Появление мелкой монеты свидетельствует о широком использовании чеканных денег в качестве всеобщего эквивалента. Финикийская экономика становится не только товарной, но и товарно-денежной.

Эти изменения в экономике все более втягивают Финикию в политические дела Средиземноморья. В конце V в. до н. э. от персидской власти освобождается Египет, что изменяет политическую ситуацию. Отныне пройдет несколько десятилетий под знаменем неоднократных попыток персов вернуть Египет и восстановить его былое владычество в Передней Азии. Положение осложняется политикой греческих городов, а также событиями на Кипре. Тириец Абдемон захватил кипрский Саламин, изгнал тамошнего правителя грека Эвагора и захватил власть, опираясь на персов (Diod., XIV, 98, 1). Было ли это самовольным делом некоего авантюриста или результатом целенаправленной политики тирского правительства, сказать трудно. Исократ (Evag., 26) говорит об Абдемоне (не называя его по имени) как об одном из могущественнейших людей, и создается впечатление, что он еще до захвата власти был членом саламинской элиты. Но это не означает отсутствие его связей с тирским правительством. То, что позже вернувший себе власть Эвагор захватил Тир, говорит скорее о связи Абдемона с правящими кругами Тира. Видимо, захватом Саламина тирийцы пытались укрепиться на восточном побережье Кипра и, опираясь на этот город, вернуть себе первенство на Среди-

земном море, утраченное сто лет назад. Возможно, что тирийцы стремились и предохранить себя от реальной или возможной конкуренции Саламина. По словам Исократ (Evag., 47), финикийцы, господствовавшие в Саламине, не допускали туда греков, в то время как город не занимался ни ремеслом, ни торговлей. Это — несомненное преувеличение, но оно может отражать наличие определенной политики, направленной на ограничение ремесла и торговых связей с Грецией, что, несомненно, было выгодно финикийцам. Если такой план и существовал, он не удался. Эвагор вернул себе власть над Саламином, а затем уже начал подчинять и другие города Кипра. Хотя Абдемон, как подчеркивает Диодор, был другом персов, персидский царь Артаксеркс II не вмешивался в события на острове. В это время различные персидские наместники не раз воевали друг с другом без всякого вмешательства центральной власти, и царь явно рассматривал действия Эвагора в том же плане. Более того, именно по совету Эвагора он дал афинянину Конону финикийские триеры для войны со Спартой, которая в то время была враждебна и Персии (Isocr. Evag., 56; Paus., I, 3, 2). Эту эскадру возглавил сидонский царь (Diod., XIV, 79, 8).

Однако скоро саламинский царь стал слишком могущественным и был готов подчинить себе весь остров, что вызвало тревогу Артаксеркса. Жители финикийских городов Кипра, в том числе Кития, отказались подчиниться Эвагору и обратились за помощью к персидскому царю, что стало для последнего хорошим поводом к вмешательству. По его приказу была собрана армия для вторжения на остров, а приморские города он обязал снарядить корабли (Diod. XIV, 98). Историк не уточняет, о каких городах идет речь, но совершенно ясно, что среди них были

и финикийские. Эвагор, в свою очередь, вступил в союз с египетским фараоном Ахорисом, с помощью которого он создал довольно значительную армию и флот (Diod., XV, 2, 2). Ахорис, видимо, сам вторгся в Азию. Надписи этого фараона, найденные в Акко и Сидоне, свидетельствуют о подчинении ему этих городов (Eph'al, 1988, 145). Эвагор же, видимо, еще до заключения этого союза подчинил себе Тир, который поставил двадцать кораблей в его флот, и некоторые другие города Финикии (Diod., XV, 2, 3). Что это были за города, Диодор не говорит. Но судя по тому, что корабли для флота Эвагора поставил только Тир, вероятнее всего, это были города, подчиненные Тиру. Исократ (Evag., 62) подчеркивает, что Эвагор захватил Тир силой. И это вполне вписывается в противостояние Саламина и Тира, одним из эпизодов которого могла быть «тирания» Абдемона, а другим — штурм и захват Тира Эвагором. Эвагор чеканил собственные монеты с легендой «Царь Эвагор», причем монеты эти были золотые, какие до сих пор выпускать мог только царь Персии, что, разумеется, было вызовом и демонстрацией своей полной независимости (Дандамаев, 1985, 238). Это, однако, не помешало Тиру выпускать собственные монеты, хотя, возможно, с этими событиями связано начало чеканки третьей серии тирских монет (Betylon, 1980, 44). Подчинив себе Тир, Эвагор не лишил его автономии, сохранив за ним тот же статус, который он имел, находясь под властью персидского царя. Когда в 385 г. до н. э. персидский командующий Тирибаз после победы над Эвагором предложил ему мир, он потребовал не только подчинения персидскому царю и уплаты ежегодной подати, но и отказа от всех городов Кипра, кроме самого Саламина (Diod., XV, 8, 2). Несколько позже именно на этих условиях Эва-

гор был вынужден подчиниться (Diod., XV, 9, 2). Ни в требованиях Тирибаза, ни в условиях заключенного мира не говорилось ни о Тире, ни о других финикийских городах. Вероятно, такое требование было уже неактуально. Можно думать, что персы снова подчинили себе Тир еще до высадки своей армии на Кипр и морского сражения, в котором Эвагор был разбит. Была восстановлена персидская власть также в Сидоне и Акко (Eph'al, 1988, 145).

Восстановление персидской власти над Тиром и другими городами, захваченными Эвагором и Ахорисом, не принесло Финикии спокойствия. Разделавшись с мятежным саламинским царем, персидский монарх сосредоточил свои силы на подчинение Египта, для чего была собрана огромная армия, лучшей частью которой были греческие наемники. Местом сбора персидских сил был финикийский город Акко (Diod. XV, 41, 3; Nep. Dat. 5). Отсюда армия царя направилась в египетский поход, после первых успехов закончившийся неудачей. При подготовке этого и других походов персидская армия проходила через Финикию, что наносило ей огромный урон.

Через несколько лет уже фараон Тах собрал армию для вторжения в Азию. К нему присоединился с отрядом спартанцев престарелый спартанский царь Агесилай. В это время против Артаксеркса восстал и ряд сатрапов Малой Азии, в результате чего образовалась мощная коалиция. Трон Артаксеркса основательно зашатался. В этих условиях финикийцы, как и многие другие народы западной части Персидской державы, восстали против царя. По словам Диодора (XV, 90, 4), в результате этого восстания царь лишился половины всех своих доходов, а оставшихся было явно не достаточно для ведения полномасштабной войны. Собрав огромную армию и флот, Тах вторгся

в Финикию (Plut. Ages., 37). Тир и Сидон присоединились к нему.

В свое время финикийцы добровольно подчинились персидскому царю и всячески его поддерживали. Долгое время персидская мощь была для Финикии «зонтиком», надежно прикрывавшим ее купцов в том числе и в конкуренции с эллинами. Но с течением времени в державе Ахеменидов происходили необратимые процессы, ведущие к ее ослаблению. Против царя восставали его собственные сатрапы, в том числе и в Сирии. Позже Сирия стала ареной похода мятежного царевича Кира Младшего. Вокруг Финикии кипели войны. Все это нарушало свободную морскую и сухопутную торговлю. Проход персидских войск через Финикию и их сбор в Акко тяжким бременем ложился на местное население. Военная мощь Ахеменидов приходила в упадок и уже не могла быть надежным щитом финикийцев. Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений все более связывало финикийских купцов с их греческими коллегами. В середине IV в. до н. э. (уже после описываемых событий) Тир и Сидон принимают аттический стандарт для своих монет, столь распространенный в то время в Средиземноморье (Betylon, 1980, 138—139). Господство Ахеменидов становилось для финикийцев все более тягостным, и они воспользовались удобным случаем для восстания.

К этому времени Сидон установил связи с Афинами. Уже в конце V в. до н. э. в Афинах поселились некоторые сидонцы (Тураев, 1936, 198). В 367 г. до н. э. афинское народное собрание приняло декрет о предоставлении проксении сидонскому царю Абдастарту (Стратону, как его называли греки) и его потомкам (Sylloge, 185). По этому декрету все сидонские граждане, прибывающие для торговли в Афины,

освобождались от уплаты специального налога на иностранцев — метекиона и чрезвычайного налога эйсфоры. Достаточно трудно установить конкретный повод для принятия этого декрета, но в любом случае он свидетельствует об активной торговле сидонцев на афинских рынках. В то же время говорить о политическом значении этого декрета, по-видимому, не приходится. Афины тогда были заинтересованы в сохранении так называемого Анталкидова мира, продиктованного персидским царем, и декрет в честь вассального царя не шел наперекор воле его суверена. С другой стороны, персидские власти не вмешивались в деятельность подчиненных царей, если они не шли вразрез с их интересами, и связи с Афинами не противоречили этим интересам. Однако ограничиться только этой констатацией нельзя.

Это время характеризовалось усилением греческого влияния в разных областях Финикии. Персидское же влияние в этой стране почти не ощущалось (Elayi, 1991, 77—82). Декрет в честь Абдастарты-Стратона подчеркивает вовлечение Сидона в ткань средиземноморского мира. В общем контексте того времени можно говорить о повороте Финикии (по крайней мере, Сидона) на запад и меньшей заинтересованности в восточных связях. В этот контекст восстание против персидского царя вполне вписывается.

Тах установил контроль над Тиром и Сидоном. Однако против него выступил его сын (или племянник) Нектанеб. К мятежнику присоединился и Агесилай (Хен. Ages. II, 30—31; Plut. Ages. 37), с которым ушли практически все греческие наемники (Маринович, 1975, 108). Оставшийся без своих лучших воинов Тах бежал в Сидон (Plut. Ages. 38), а позже сдался персидскому царю (Diod. XV, 92, 5). В самом Египте против Нектанеба выступил новый претен-

дент, и Нектанеб с большим трудом сумел утвердиться на троне (Diod., XV, 93). Ясно, что в таких условиях удержать Финикию египтяне не могли. Диодор (XV, 92, 5) сообщает, что Артаксеркс не только простил Таха, но и поставил его во главе армии, выступающей против египтян. Едва ли это верно, но такое сообщение отражает сведения о наступлении персидской армии на египетскую после бегства и сдачи Таха, и можно с уверенностью сказать, что персы восстановили свою власть в Финикии.

Персы обрушили на мятежные города репрессии. Сидонский царь Абдастарт был лишен престола. Вероятнее всего, что Сидон вообще лишился своей автономии. Город продолжал выпускать свои монеты, но «хозяином» этой монеты стал Маздай (Betylon, 1980, 14—16) — персидский сатрап Киликии, которому теперь было подчинено и Заречье. Видимо, он сыграл значительную роль в подчинении Сирии и Финикии, наградой за что и стало присоединение к его области этой сатрапии. По-видимому, чеканка монет в Тире прервалась (Betylon, 1980, 50), что свидетельствует о ликвидации Сидонского и Тирского царств и о присоединении их к «провинциям» сатрапии Заречье (ср.: Eph'al, 1988, 156). Сидон как крупнейший центр сохранил свой монетный двор, но под властью персидского наместника.

Период потери Сидоном и Тиром политической автономии оказался коротким. Артаксеркс III, недавно вступивший на престол, был правителем жестоким и стремился установить реальный контроль над своей распадающейся империей. Он боялся центробежных устремлений своих сатрапов и, может быть, видел в автономных городах Финикии некий противовес чрезмерно большой власти Маздая. Еще важнее, по-видимому, было то, что финикийские города

занимали особое место в державе Ахеменидов. Как бы то ни было, около 357 г. до н. э. возобновляется чеканка собственной монеты Тиром, а на монетах Сидона вместо имени сатрапа снова появляется имя местного царя — Теннеса (Betylon, 1980, 16, 51).

Может быть, неудача восстания и тщетность надежд на египетскую помощь в освобождении от персидской власти заставили финикийцев сделать первую в истории страны попытку объединения. Арвад, Сидон и Тир совместно основали к югу от Арвада Тройной город — Триполис, как его называли греки. Собственно говоря, это были три отдельных города, расположенных на расстоянии одного стадия, т. е. менее 200 м, друг от друга, каждый из которых был окружен собственной стеной. Там финикийцы создали совместный совет, обсуждавший самые значительные дела, по-видимому, касавшиеся всей страны (Diod. XVI, 41, 1; Ps.-Scyll. 107). На одном заседании этого совета финикийцы приняли решение о новом восстании против персов (Diod. XVI, 41, 3). К сожалению, Диодор ничего не говорит о принципах формирования совета и о способе и ходе обсуждения дел. Рассказывая о начале восстания, Диодор говорит, что сидонцы убедили других финикийцев поднять это восстание. Историк упоминает здесь не царя, а именно сидонцев. Можно ли из этого сделать вывод о собрании в Триполисе представителей гражданских общин, а не царей — едва ли. Рассказывая о последних днях восстания, Диодор упоминает общее собрание финикийцев, на которое якобы отправлялся сидонский царь, взяв с собой в качестве советников наиболее выдающихся граждан. Вероятно, именно таким и был синедрион, как его называет Диодор, собиравшийся в Триполисе: цари и их советники из верхушки городской общины.

Псевдо-Скилак (104) упоминает о резиденции тирского царя в Арваде (βασιλεία Τυρού). На арвадских монетах, которые начали чеканиться около 380 г. до н. э. (четвертая серия), появляется изображение бородатого морского божества, увенчанного лаврами (Betylon, 1980, 86—90). Подобное божество появляется и на монетах Тира. Предполагают, что это главный тирский бог Мелькарт. Такое предположение, хотя и гипотетическое, подкрепляется поздним, уже римского времени, посвящением в Арваде богам Гермесу и Гераклу, а сомнений в тождественности Геракла и Мелькарта нет (Lipinski, 1995, 231—232). В настоящее время трудно интерпретировать с достаточной точностью эти данные, но они косвенно указывают на связи между Тиром и Арвадом, может быть, возникшие для противовеса лидирующему положению Сидона.

Если первое восстание против персов вспыхнуло в результате несомненного подстрекательства Египта, то инициаторами нового восстания в 351 г. до н. э. были сидонцы. Они не только убедили других финикийцев выступить против персидского царя, но и отправили послов к Нектанебу, предлагая ему заключить союз. Нектанеб, не имея, по-видимому, сил непосредственно вмешаться в события, прислал в Сидон четыре тысячи греческих наемников во главе с Ментором. Сидон, будучи самым богатым городом Финикии, и сам основательно стал готовиться к войне, снаряжая суда и изготавливая оружие. Восставшие уничтожили царский «парадиз», сожгли корм, приготовленный для персидских коней и отомстили персам за все оскорбления. Справедливо рассудив, что душой восстания является Сидон, Артаксеркс именно против него направил свою армию во главе с сатрапами: Киликии — Маздаем (который уже

управлял Финикией и, вероятно, активно участвовал в подавлении первого восстания) и Сирии (т. е. Заречья) — Белесием. Обе армии вторглись в Финикию, но были разбиты сидонским войском, состоявшим из греческих наемников и гражданского ополчения, возглавляемым Ментором. Персы были вынуждены покинуть Финикию. Это поражение царских войск вдохновило и киприотов последовать финикийскому примеру. Артаксеркс был вынужден принять решительные меры. Направив против царей Кипра своего вассала карийского царя Идриея, Артаксеркс сам встал во главе огромной армии, направившейся против Сидона.

Трудно сказать, как могли бы развиваться события, если бы не предательство сидонского царя Теннеса, который, испугавшись огромных персидских сил, тайно направил своего верного слугу Фесалиона к Артаксерксу, предлагая ему не только сдать город, но и помочь персам подчинить Египет. Персидский царь, естественно, принял это предложение. Получив согласие Артаксеркса, Теннес привлек на свою сторону Ментора. Под предлогом отправления на общее собрание финикийцев Теннес в сопровождении пятисот наемников увел из Сидона сто самых видных граждан и сдался вместе с ними Артаксерксу. Сидонские аристократы были немедленно убиты, такая же участь ожидала и еще пятьсот знатных сидонцев, пытавшихся получить милость персидского царя. Узнав о предательстве, сидонцы сожгли корабли, чтобы никто из них не мог спастись морем, и стали готовиться к обороне. Но по приказу Теннеса наемники открыли ворота города персам. Узнав об этом, сидонцы стали поджигать свои собственные дома и погибать в них вместе с женами и детьми. Более сорока тысяч человек погибло в пла-

мени. Многие выжившие были взяты в плен и отправлены внутрь Персидской державы. Такие пленные, направленные в Вавилон и Сузы, упоминаются в одном из вавилонских документов этого времени (Дандамаев, 1985, 251). Теннес головой поплатился за свое предательство: Артаксеркс приказал его убить, считая отныне бесполезным, а Ментора, который сдал Сидон персам, не только пощадил, но и принял к себе на службу. Вскоре после восстания Ментор возглавил третий корпус персидской армии, состоящий из наемников, которыми он ранее командовал в войне против Египта (Diod., XVI, 47, 4). Другие города Финикии, узнав о катастрофе, постигшей Сидон, предпочли без дальнейшей борьбы сдаться (Diod., XVI, 41—45).

Восстание было подавлено. Арвад перестал выпускать свои деньги. Власть снова была передана Маздаю, который, как и ранее, стал чеканить сидонские монеты со своим именем (Betylon, 1980, 18, 90). Тир сохранил свои монеты (Betylon, 1980, 57), хотя и принял участие в восстании, но Артаксеркс, по-видимому, решил сохранить его автономию и противопоставить Сидону. В результате всех этих событий Тир снова, как это было несколько веков назад, выдвинулся на первое место среди финикийских городов. Однако при этом Артаксеркс, вероятно, позаботился о смене тирского царя: как раз в это время начал чеканить свою монету тирский царь Азимилк (Betylon, 1980, 58; Verkinderen, 1987, 293—294; Lemaire, 1991, 145—146). Совпадение смены царей с подавлением восстания едва ли было случайностью.

Сразу же после описываемых событий Артаксеркс двинулся против Египта и в конце концов вновь подчинил эту страну персидской власти (Diod., XVI, 46—51). Возможно, восстановив практи-

чески державу Ахеменидов в ее прежних размерах, Артаксеркс и вернул Финикии положение, предшествующее восстанию. К тому же роль Финикии и ее флота в Персидской империи была слишком велика, чтобы пренебрегать этой страной. Поэтому довольно скоро и в Арваде, и в Сидоне монархия была восстановлена, и царям этих городов было возвращено право выпускать собственную монету. Однако возвращение к прежнему положению едва ли было полным. Позже, когда Александр Македонский захватил Сидон и назначил в нем нового царя, последнему была передана область, прилегающая к самому городу (Curt. Ruf. IV, 1, 26). По-видимому, остальные территории, когда-то подчиненные сидонскому царю, не были ему возвращены (Lemaire, 1991, 146). Каков был их статус, неизвестно. Была ли часть их дана Тиру или все они были включены непосредственно в сатрапию, неизвестно. К этому времени Сидон был явно восстановлен, и в него вернулась по крайней мере часть прежних жителей. Единственным городом, который продолжал чеканить свои монеты, используя персидский эталон, был Арвад (Betylon, 1980, 78, 139). Видимо, он был больше связан с внутренними территориями Персии, и персы были в нем заинтересованы (Betylon, 1980, 78). Поэтому, возможно, этот город сохранил свои владения на материке.

В 334 г. до н. э. македонский царь Александр начал свой знаменитый поход против Персии. Для борьбы с ним персидский царь Дарий III отправил в Эгейское море флот, в который вошли и финикийские корабли (Arr. Anab. II, 14, 7). Как и во время греко-персидских войн, их эскадры возглавляли цари финикийских городов — царь Сидона Абдастарт, царь Тира Азимилк, царь Арвада Герастарт и, может

быть, библский царь Эниэл. Военные действия на море и побережье шли с переменным успехом, и сам Александр, если верить Арриану (Anab. II, 17, 1), признавал, что на море господствуют персы. Но на суше Александр продолжал свой победоносный поход. После битвы при Иссе в 333 г. до н. э., в которой персидская армия, возглавляемая самим царем, была полностью разгромлена, войска Александра вступили в Финикию. Финикийские города добровольно подчинились новому завоевателю, причем сидонцы, помня о недавнем поражении и жестокостях персидского царя, ненавидели персов и сами призвали Александра (Arr. Anab. II, 15, 6). Его власть готов был признать и Тир, но впустить македонского царя в свой город тирийцы отказались. Попытка Александра захватить город силой не удалась. Началась семимесячная осада Тира, в ходе которой по приказу Александра была насыпана дамба, соединившая остров с материком, в результате чего остров постепенно превратился в полуостров. По этой дамбе македонские войска подошли к самым стенам Тира и ворвались в город. После упорных уличных боев Тир был взят, и Александр обрушил на тирийцев жесточайшие репрессии (Arr. Anab. II, 16—24; Curt. Ruf. IV, 2—4; Diod. XVII, 40—46). Теперь вся Финикия оказалась под властью Александра Македонского.

На первый взгляд казалось, что речь идет лишь о смене очередного властителя, каких финикийцы за свою долгую историю уже знали неоднократно: египетские фараоны, цари Ассирии, Вавилона, Персии. Меры, которые новый суверен принял, тоже шли в русле обычной практики таких завоевателей. В Сидоне, царь которого находился в это время во враждебном Александру персидском флоте, он был сме-

щен и на трон посажен его дальний родственник Абдалоним (Curt. Ruf. IV, 1, 16—20). Иначе произошло в Тире. Его царь Азимилк отсутствовал, когда Александр подошел к стенам города, также находясь в персидском флоте (Arr. Anab. II, 15, 7), но в момент взятия Тира он уже был там (Arr. Anab. II, 24, 5). Находки тирских монет показывают, что Азимилк царствовал в Тире вплоть до 309-го или 308 г. до н. э. (Elayi, 1988, 107—117; Lemaire, 1991, 146—149). Неизвестно, чем руководствовался Азимилк, когда вернулся в осажденный город, и как этот несомненно героический поступок расценили его соотечественники. Александр Македонский явно расценил его как отпадение от персидского царя Дария и соответственно оценил: Азимилк был оставлен на тирском престоле.

Очередное завоевание Финикии все же стало необычным. Оно означало коренной поворот в истории этой страны. С македонским завоеванием закончилась древневосточная эпоха Финикии и началась совершенно новая — эллинистическая.

· ГЛАВА 11

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ КАРФАГЕНА

Иным путем шло политическое развитие финикийских колоний в центре и на западе Средиземноморья, и прежде всего Карфагена. Как уже говорилось, положение этого города отличалось от остальных, созданных финикийцами на берегах Средиземного моря. Он с самого начала не составлял часть Тирской державы, а, как и греческие колонии, лишь духовными узами и общими представлениями об отношениях «родителей и детей» был связан со своей метрополией. Это делало Карфаген, с одной стороны, более свободным в отношениях с местной средой, но с другой — более зависимым от этой среды. Местные ливийцы, которых Геродот (IV, 191) называет максиями, а Юстин (XVIII, 6, 1) — макситанами, дружелюбно приняли финикийцев и продали им место для основания города (Just. XVIII, 5, 8—17). Карфагеняне долгое время ежегодно платили местным жителям за занятую ими землю, и это явно свидетельствует о сохранении максиями-макситанами права собственности на землю, населенную восточными пришельцами.

Дружеские отношения между Карфагеном и местным населением, однако, скоро испортились.

Юстин (XVIII, 6, 1—7) рассказывает, что макситанский царек Гиарб под угрозой войны потребовал руку карфагенской царицы Элисссы, но та предпочла самоубийство ненавистному браку. Сервий (Ad Aen. IV, 36) говорит, что война состоялась, но была прервана самоубийством царицы. А Овидий (Fast. III, 551—558) даже говорит о захвате местным царем Карфагена и удержании его им в течение трех лет. У Свида (Φοινικῶν συνθηκαί) сохранилось враждебное карфагенянам предание, согласно которому финикийцы, прибывшие основывать Карфаген, просили у местных жителей приюта только на ночь и день, но по прошествии этого времени отказались уйти. Во всех этих сказаниях отразился, видимо, расцвеченный легендарными подробностями факт резкого обострения отношений между Карфагеном и окружающим населением вскоре после основания города.

Такое положение — не единичный факт. Определенную параллель представляет история фокейской колонизации. Фокея — торговый греческий город на западе Малой Азии — в конце VII — начале VI в. до н. э. вывела ряд колоний. Начальные этапы истории двух важнейших из них оказались удивительно схожими. Харон Лампсакский (F Gr Hist. IIIA, fr. 7), рассказывая об основании своего города фокейцами, отмечает, что местный царек сам предложил фокейскому царю Фобу прислать к нему колонистов, и те под предводительством царского брата Блепса и при активной помощи местного царька основали новый город. Но когда поселенцы получили слишком большую добычу в борьбе с «варварами», они стали предметом зависти и ненависти соседей, и те решили уничтожить город. Однако дочь царька Лампсака выдала замысел соотечественников, и греки опередили врагов, в свою оче-

редь уничтожив их, а город в честь спасительницы стали называть Лампсаком.

Важнейшей фокейской колонией в Западном Средиземноморье была Массалия. И она была основана в результате дружеского согласия местного лигурийского царька Нанна, который выдал свою дочь замуж за предводителя греческих колонистов Протиса. Однако вскоре после смерти Нанна его преемник Коман попытался уничтожить недавно возникший греческий город, но одна из лигуриек, пожалевшая своего любовника-грека, выдала зловещий замысел, и фокейцы приняли необходимые меры для своей защиты (Iust. XLIII, 3, 4—4, 12).

Оба рассказа сходны между собой и с рассказом об основании Карфагена в том, что в них настойчиво звучит мотив мирного основания города с согласия местного населения и резкого обострения отношений между колонистами и аборигенами вскоре после основания. Является ли этот мотив литературным топосом или отражением реальности? Наличие легендарных подробностей во всех трех повествованиях несомненно. Но основа нам представляется все же исторической. В условиях численного преобладания туземцев сравнительно небольшой группе переселенцев овладеть местом для поселения без их согласия было бы весьма затруднительно. К тому же надо иметь в виду, что финикийцы, основывавшие Карфаген, были беглецами, представителями побежденной фракции правящего класса Тира, и одно это резко ограничивало их возможности силой овладеть местом для поселения. Надо отметить, что и в фокейской колонизации, и в финикийской на ее втором этапе был очень силен торговый аспект. Его наличие определило и первоначальные дружеские отношения двух сил — колонистов и туземцев, и дальнейшее

обострение этих отношений, ибо скоро стали выясняться различия интересов. В то же время эти различия (и даже противоречия) были явно не столь сильными, чтобы желать полной ликвидации колонии. Характерно, что в рассказах об истории фокейских городов спасительницами выступали местные женщины. Если верить Овидию и полагать, что аборигены уже захватили Карфаген, то все равно получается, что они в конце концов все же ушли оттуда. По-видимому, в местном обществе имелась сильная группа, заинтересованная в сосуществовании с колонистами. Опираясь на связи с этой группой, карфагеняне и смогли, вероятно, обеспечить само существование своего города в первый, довольно трудный период его истории.

Карфаген был в это время сравнительно небольшим городом, почти не имевшим земельных владений. Торговые связи объединяли его преимущественно с метрополией. В слоях святилища «Тиннит I» и в древнейших могилах некрополя обнаружены керамика, маски, амулеты, подобные финикийским и киприотским (Cintas, 1970, 324—368, 434). Часть этих вещей могла быть изготовлена на месте, а часть привезена из Азии. В это же время в Карфагене появляются и египетские предметы, в основном, амулеты (Cintas, 1970, 450—452), но и они могли быть привезены тирийцами.

В первой четверти VII в. до н. э. положение начинает ощутимо меняться. Изменяется керамика, находящаяся в святилище «Тиннит II» и одновременных ему могилах, причем возрождаются старые ханаанейские традиции, забытые в самой Финикии и не проявлявшиеся в Карфагене в VIII в. до н. э. Расширяется ареал карфагенской торговли. В городе появляется греческая, особенно протокоринфская и коринф-

ская керамика, привозимая, видимо, непосредственно из Эгейского бассейна. Можно уверенно говорить о карфагено-этрусской торговле: не только в Этрурии появляются финикийские вещи, но и этрусские — в Карфагене. Расширяются связи с Египтом, откуда, в частности, приходят многочисленные скараabei с именами фараонов XXVI династии (Boucher, 1953, 11—38; Cintas, 1970, 370—375, 390—423, 429—460; Ferron, 1972, 189—190; Mac Intosh Turfa, 1977, 368—374). Возможно, эти изменения связаны с событиями на Востоке — разрушением Сидона, осадой Тира, страхом перед ассирийцами, в результате чего многие финикийцы могли бежать на Запад, в том числе и в Карфаген (Cintas, 1970, 370—375, 440).

Прибытие нового контингента родственного населения явно усилило Карфаген, и вскоре он сам сумел приступить к колонизации. Диодор (V, 16) говорит, что карфагеняне через 160 лет после основания своего города создали Эбес на острове Питиуссэ. Если, как уже говорилось, наиболее вероятной датой основания Карфагена считать 823 г. до н. э., то основание Эбеса надо датировать 663 г. до н. э. Впрочем, число 160, вероятно, округленное и приблизительное, так что говорить надо приблизительно о первой половине VII в. до н. э., ближе к его середине. Но прежде чем говорить об основании Эбеса, надо остановиться на одном важном вопросе.

В последнее время ряд исследователей отрицают карфагенское происхождение Эбеса и настаивают на первоначальном основании на этом острове финикийцев из Южной Испании. Основным доводом является значительное количество керамики, преимущественно амфор, служивших тарой, происходящей в основном с испанского юга, и рассуждение о не-присутствии Карфагена в этом районе до середины

VI в. до н. э. (Barcelo, 1985, 371—282; Moscati, 1989, 39—40; Ramon, 1991, 94; Aubet, 1994, 289). Эти доводы, однако, не представляются убедительными. Возможно, что колонизация, как полагают археологи, в начале носила торговый характер, и в этом плане понятна относительно тесная связь с родственными колониями Южной Испании. Пока можно определить, что первым поселением на Питиуссе мог быть даже не Эбес, а Са Калета (Ramon, 1991, 139—140; Aubet, 1994, 290—291). Но возможно, что оба поселения могли существовать одновременно. А главное — нет никаких оснований опровергать Диодора, который ясно выразился: *αποικον Καρχηδονίων*, т. е. «колония карфагенян» (Aguado, 1993, 98). Не исключено, что финикийцы, в том числе и те, что обосновались в Южной Испании, могли и раньше посещать остров, но колония была создана именно карфагенянами.

Выведение колонии именно в этот район не было случайным. Карфагенян привлекали богатства южной части Пиренейского полуострова, но там уже существовала сеть тирских колоний, входящих в Тирскую державу, а выступать против своей метрополии Карфаген не мог. Поэтому он искал обходные пути к богатствам Испании, и Эбес вполне мог быть хорошим плацдармом на пути к Пиренейскому полуострову в обход тирских колоний. Обладание Питиуссой позволяло Карфагену занять ключевую позицию в этом районе. Археология показывает, что лежащее напротив испанское побережье в это время действительно было охвачено финикийской торговлей (Arteaga, 1982, 158; Aubet, 1994, 290—293). В какой степени в этой торговле участвовали сами карфагеняне, сказать трудно. Возможно, что они еще во многом выступали лишь как реэкспотеры испано-финикийской продукции. В VII в. до н. э. еще не на-

блюдается противостояния карфагенян и их соотечественников в Западном Средиземноморье. Надо иметь в виду еще один момент. Если действительно в это время резко увеличилось население Карфагена, то в условиях практического отсутствия земельных владений вне городских стен и сложных отношений с африканскими соседями явно возникала демографическая напряженность, и выход из нее был в колонизации внеафриканских территорий, каковым был остров Питиусса.

Превращение Карфагена в значительный торговый центр и его попытка обосноваться в одном из важнейших стратегических пунктов Западного Средиземноморья не могли не втянуть его в сложную систему международных отношений, складывающихся в этом регионе. На рубеже VII—VI вв. до н. э. в этот регион устремляются греки из Фокеи. С одной стороны, они стремятся установить непосредственные контакты с Тартессом на юге Испании, а с другой — обосноваться на юге Галлии, где они основали ряд колоний, важнейшей и крупнейшей из которых стала Массалия. И очень скоро Карфаген и Массалия вступили в войну, закончившуюся победой греков (Thuc. I, 13; Iust. XLIII, 5, 2; Paus. X, 8, 6) и установлением фокейской талассократии (Diod. VII, 13). Последнюю нельзя принимать как полное господство фокейцев на море, но лишь как на состояние фокейского преобладания в Западном Средиземноморье (Wever, 1968, 50). На Питиуссе карфагенские колонисты, по-видимому, покинули Са Калету и сконцентрировались в Эбесе (Ramon, 1991, 138—140), который они сумели сохранить, но его значение было в значительной степени подорвано.

Фокейская талассократия продолжалась, по Диодору, 44 года. Так как она явно не могла пережить за-

хват самой Фокеи персами или, по крайней мере, битву при Алалии, о которой пойдет речь ниже, то датировать ее надо приблизительно 90—40-ми годами VI в. до н. э. И в это время карфагеняне, претерпев неудачу на крайнем западе Средиземноморья, обращаются к его центру. Они начали выводить свои колонии на африканское побережье к западу и к востоку от своего города. Примером таких колоний является Керкуан, расположенный сравнительно недалеко от Карфагена и основанный незадолго до середины VI в. до н. э. (Morel, 1969, 197). В первой половине VI в. до н. э. распалась Тирская держава. Это создало совершенно новую ситуацию в центре и на западе Средиземноморья. Карфаген, основанный членом тирского царского рода, вполне мог претендовать на власть среди финикийских городов этого обширного региона. И он не преминул воспользоваться этим. Приблизительно одновременно с основанием Керкуана карфагеняне утверждают в финикийских городах Хадрумете и Лептисе (Foucher, 1964, 33; Di Vita, 1968, 78; Caruto, 1978, 200) и, может быть, в Сабрате к западу от Лептиса (Bernhardt, 1968, 70; Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 152). Утверждение карфагенян на берегах Сирта и вблизи них было вызвано стремлением взять в свои руки торговлю с внутренними районами Африки. Лептис (а может быть, и некоторые другие финикийские города) находился на выходе транссахарских путей к средиземноморскому побережью. Между Лептисом и Карфагеном карфагеняне создают ряд якорных стоянок, которые должны были обеспечить безопасное плавание между двумя городами. Псевдо-Скилак (110, 111), перечисляя их, отмечает, что расстояние между двумя такими пунктами равно одному дню и одной ночи пути. Эта область впоследствии вошла в античную науку под греческим названием

Эмпории, т. е. Торговая область (Liv. XXXIV, 62). Отсюда карфагеняне извлекали огромные богатства. По словам Ливия (XXXIV, 62), один только Лептис выплачивал им по таланту в день. К VI в. до н. э. относятся и первые следы присутствия карфагенян и на территории современного Алжира, т. е. к западу от Карфагена (Lancel, 1966, 11; Parrot, Chehab, Moscati, 1975, 153).

Подчинение Карфагену территорий в Африке привело к изменениям в этой части света. Теперь карфагеняне едва ли могли терпеть прежнее положение, когда, не имея практически земель за пределами города, они платили дань окружающему населению. Попытка освободиться от этой дани связана с именем Малха, которому Юстин (XVIII, 7, 2) приписывает «великие дела», совершенные «против афров», т. е. местного населения, живущего в непосредственной близости от города. Позже макии, ближайшие соседи Карфагена, выступают как его равноправные союзники, следовательно, речь не идет об их подчинении, и «великие дела» Малха этого не означают. Тот же Юстин (XIX, 1, 3) отмечает, что в более позднее время карфагеняне в течение многих лет не платили дань афрам. Поэтому наиболее вероятным является то, что результатом войны Малха стало освобождение Карфагена от уплаты дани (Gsell, 1913, 463; Шифман, 1963, 85).

Малху историк приписывает и «великие дела» в Сицилии, часть которой карфагенский полководец покорил. К тому времени на острове уже размежевались сферы греков и финикийцев. За последними осталась западная часть Сицилии. Однако около 580 г. до н. э. (Meltzer, 1879, 158) группа греков — книдян и родосцев — во главе с Пентатлом попыталась вторгнуться в финикийскую область и обосноваться на мысе Лилибей в непосредственной близости

сти от Моти (Diod. V, 9; Paus. X, 11, 3—5). Это угрожало не только финикийцам, но и элимам, являвшимся, по Фукидиду (VI, 2, 6), союзниками финикийцев. Диодор рассказывает, что против Пентатла выступили жители элимского города Эгесты и разбили греков, причем их предводитель погиб. Павсаний, ссылаясь на Антиоха Сиракузского, включает в число врагов Пентатла и финикийцев. Но неясно, подразумеваются ли под ними карфагеняне или сицилийские финикийцы. Скорее все же последние, ибо около 580 г. до н. э. Карфаген, сравнительно недавно потерпевший поражение от массалиотов, едва ли имел силы вмешаться в сицилийские дела. Поход Малха должен был относиться к более позднему времени.

Датировка сицилийского похода Малха спорна, ибо Юстин не дает никаких хронологических указаний. Но много позже Орозий (IV, 6) упоминал об одновременности походов карфагенского полководца и персидского царя Кира, что делает приемлемой датировку войн Малха в Сицилии 60—50-ми гг. VI в. до н. э. (Шифман, 1963, 70; Moscati, 1977, 29). Юстин не указывает, какая часть острова была покорена Малхом. Однако надо отметить, что Геродот (V, 46), говоря о борьбе со спартанцем Дорием, называет элимов из Эгесты равноправными союзниками финикийцев. Несколько позже (VII, 158), упоминая об этих же событиях, он прямо указывает на карфагенян, а это все произошло много позже похода Малха. Так что речь может идти либо о сиканах, населявших юго-западную часть Сицилии (но не о сикулах, живущих в греческой сфере, ибо в таком случае говорилось и о неизбежной войне с элинами), либо о сицилийских финикийцах.

После побед в Африке и Сицилии, по-видимому в 545—535 гг. до н. э. (Moscati, 1977, 134), Малх со сво-

ей армией переправился в Сардинию, но потерпел поражение (Iust. XVIII, 7, 1). Археология показывает, что противниками карфагенян на этом острове оказались именно финикийские города. Некоторые из них были разрушены, как Куккуреддус, и недалеко от него карфагеняне основали свой Каларис, который позже станет центром их сардинских владений. В других случаях карфагеняне создавали рядом со старыми финикийскими городами свои. Так, рядом с финикийской Отокой был создан карфагенский Неаполь, т. е. явно опять же Картхадашт, Новый город, задачей которого было оттеснить старое финикийское поселение (Moscati, 1989, 32—37). Возвращаясь к Сицилии и перенося известные данные о Сардинии на этот остров, можно полагать, что и в Сицилии целью карфагенской агрессии стали собственные соотечественники. Едва ли можно думать, что лептиты, платившие Карфагену столь тяжелую дань, делали это добровольно и с большим удовольствием. Таким образом, Карфагенская держава возникала не как результат объединения финикийцев перед лицом общей опасности (Тоунбее, 1965, 28), а под ударами карфагенской армии, навязывавшей своим «единокровным родственникам» власть собственного города.

Кто все же нанес поражение Малху, неизвестно. Может быть, он попытался выйти за пределы финикийской сферы и был разбит туземцами. А возможно, что сардинские финикийцы, собравшись с силами, отбили нападение карфагенской армии, уже довольно долго воевавшей вне своего города и, видимо, утомленной долгими походами. За это карфагенское правительство приговорило полководца и всю его армию к изгнанию. В ответ на это Малх со своим войском явился в Карфаген и попытался про-

известии государственный переворот. Однако после первых успехов он все же был разбит и казнен (Just. XVIII, 7, 2—18). Первенствующее положение в государстве занял Магон. С правлением Магона и его преемников связан наивысший расцвет могущества Карфагенской державы.

Активное вторжение в Центральное Средиземноморье привело карфагенян к необходимости урегулировать свои отношения с соседями, в первую очередь с этрусками, в том числе с городом Цере. К этому времени Цере был уже значительным городом и находился в довольно тесных контактах с Карфагеном. В Карфагене, в частности, обнаружено могильное сооружение с цилиндрической колонкой церетанского типа (Pallottino, 1964, 114), а в Цере — карфагенские антропоморфные стеклянные сосуды с фигурой египетского бога Хапи (Ferron, 1972, 190). О связи двух городов говорит название одной из церетанских гаваней — Пуническая. В другой гавани — Пиргах — были найдены золотые таблички на финикийском и этрусском языках с посвящением богине, которая в финикийском тексте именуется Астартой, а в этрусском — Уни-Астартой. То, что церетанский царь (или тиран) Тефарие Велианас почитал карфагенскую богиню и оставил посвященную в ее честь надпись, свидетельствует о тесной связи Цере с Карфагеном, как и наличие на церетанской территории синкретического культа Уни-Астарты. Надписи эти датируются около 500 г. до н. э. (Briquel, 1999, 97). Однако, учитывая необходимость длительного сосуществования этрусов и карфагенян для появления такого культа, можно уверенно говорить, что эти таблички подтверждают тесные контакты двух городов и в предшествующее время. Цере был, конечно, не единственным контрагентом карфагенян в Этрурии.

Восточные памятники, доставляемые в Этрурию карфагенянами, встречаются и в других местах этой области (Залесский, 1962, 520—521; Mac Intosh Turfa, 1977, 368—374).

Положение осложнилось, когда в 60-х гг. VI в. до н. э. фокейцы попытались укрепиться в центре Средиземноморья, основав свою стоянку Алалию на восточном берегу Корсики (Her. I, 165). Алалия была расположена на важнейших торговых путях, связывающих Африку и Галлию, Италию и Галлию, Италию и Испанию (Jehasse, 1973, 12—16). По-видимому, создание Алалии имело целью утвердиться на этих важных морских дорогах Тирренского моря. Не исключено, что тогда же фокейцы сделали попытку обосноваться и на южном берегу Сардинии недалеко от карфагенского Калариса (Morel, 1975, 863).

Усиление фокейцев угрожало как некоторым этрусским городам, в том числе Цере, так и карфагенянам. Оно заставило тех и других теснее сплотиться и, видимо, дало толчок к тому, чтобы закрепить уже существующие торговые связи специальными соглашениями, прибавив к ним трактаты о взаимных гарантиях своих сограждан и договоры о военном союзе (Arist. Pol. III, 5, 10, 1280a, 36—37).

Позиции обеих сторон еще более сблизились в начале второй половины VI в. до н. э. Около 540 г. до н. э. Фокея попала под власть персов, но перед этим ее жители покинули город и отплыли на запад. Правда, скоро часть фокейцев, истосковавшись по родине, вернулась, но другие переселились в Массалию и Алалию (Her. I, 164—166; Strabo VI, 1, 1). Прибытие в Алалию значительного количества беженцев из Малой Азии изменило характер поселения, которое из якорной стоянки превращалось (или могло превратиться) в важный торговый и полити-

ческий центр в этом регионе. Это вызывало страх и ненависть как карфагенян, так и этрусков, особенно церетан. Началась новая война между карфагенянами и фокейцами, и на этот раз союзниками первых выступали этруски.

По словам Геродота (I, 166), карфагеняне и этруски начали войну с фокейцами на основе «общего решения». В объединенный флот союзники выставили по 60 кораблей. Это сообщение историка может свидетельствовать о наличии предварительного решения и о стремлении подчеркнуть равенство сторон. Возможно, что сама цифра судов была предложена карфагенянами, ибо в финикийских эскадрах обычно было 60 или кратное этому число кораблей (Rebuffat, 1976, 74). В морской битве при Алалии приблизительно в 535 г. до н. э. греки одержали победу, но фактически потеряли весь свой флот (из 60 кораблей 40 погибло, а остальные стали небоеспособными). В результате фокейцы были вынуждены покинуть Корсику и перебраться в италийский Регий, а затем они основали город Элею в Италии (Her. I, 166—167). Эта битва способствовала более четкому разграничению сфер влияния в районе Тирренского моря (Hoffmann, 1972, 344—345). Сардиния попадает в карфагенскую сферу. Если греческие поселения здесь до этого и существовали, то теперь они должны были исчезнуть. Карфагеняне укрепляются в Южной и Юго-Западной Сардинии, а затем начинают проникновение и во внутренние районы острова (Varressa, 1974, 1—6). Значительное сокращение этрусского и греческого импорта в Сардинии во второй половине VI в. до н. э. показывает, что это было очень беспокойное время, соответствующее, вероятно, карфагенскому завоеванию значительной части острова (Moscati, 1989, 134).

Приблизительно через двадцать лет после битвы при Алалии Карфагену пришлось еще раз столкнуться с эллинами, но на этот раз в Африке. Спартанский царевич Доризэй попытался обосноваться у реки Кинип немного восточнее Лептиса, т. е. на самой территории Карфагенской державы (Her. V, 42). По словам Геродота, путь спартамцам указали жители Феры, метрополии Кирены. А Саллюстий (Iug. 79, 3—4) рассказывает о длительной войне между Карфагеном и Киреной. Поэтому вполне возможно, что и экспедицию Доризэя надо рассматривать как один из эпизодов карфагено-киренской войны (Шифман, 1963, 85). Судя по рассказу Геродота, местные племена, ливийцы и маки, т. е. те же максии, о которых он упоминает немного выше, выступали вместе с Карфагеном как его союзники. Эта война закончилась миром, закрепившим за карфагенянами большую часть спорной территории (Sal. Iug. 79, 4—10).

Греки угрожали карфагенянам и к западу от их города. Гекатей (F Gr Hist., fr. 343) упоминает ионийский город Кибос, расположенный, возможно, недалеко от Гиппона Акры. Приблизительно в том же месте Псевдо-Скилак (111) упоминает Питиусскую гавань и рядом с ней остров с городом Эвбеей. Речь, вероятно, идет о попытке греческой колонизации в районе современного Туниса (Treidler, 1959, 257—283). Упоминание Кибоса Гекатеем говорит о том, что эту попытку надо отнести к VI в. до н. э. Псевдо-Скилак, чей перипл составлен около середины IV в. до н. э., этот город не упоминает, но подчеркивает, что все африканское побережье вплоть до Столпов Геракла, включая упомянутые им Питиусскую гавань и Эвбею, подчинено карфагенянам. Видимо, к тому времени греки были из этого района вытеснены, а Кибос разрушен. Но до конца VI в. до н. э. обосновав-

шиеся здесь греки могли представлять вполне реальную угрозу.

Приблизительные границы Карфагенской державы в конце VI в. до н. э. можно представить на основании первого римско-карфагенского договора (Polyb. III, 22, 4 — 13). По словам Полибия, он был заключен в консульство Бруга и Горация на 32 года раньше нашествия Ксеркса на Элладу, т. е. в 509-м или 508 г. до н. э. Вопреки высказываемым ранее сомнениям, теперь можно считать датировку Полибия вполне достоверной (Petzold, 1972, 381—409). Исходя из текста этого договора, римлянам и их союзникам запрещалось плавать по ту сторону Прекрасного мыса, если они не будут принуждены к этому бурей или врагами, вести там торговлю, кроме как через специального глашатая или писца (видимо, карфагенских уполномоченных), и вообще оставаться там более пяти дней. В этом же договоре обе стороны признают карфагенскую власть над Сардинией и Ливией (т. е. Африкой) и частью Сицилии. Положение римских торговцев в этих частях Карфагенской державы было неодинаковым: в Сицилии допускалась свободная торговля, в то время как в Африке и Сардинии можно было торговать только через тех же карфагенских чиновников. Долгое время споры вызывала локализация Прекрасного мыса, но надо полностью согласиться с Полибием (III, 23, 1—2), который недвусмысленно относит его к африканскому побережью. Некоторое сомнение вызывает только то, что запрещается торговля по ту сторону этого мыса, но одновременно разрешается торговля в Карфагене, явно там расположенном. Однако ясно, что сам Карфаген занимал особое место в своей державе, и поэтому его торговля могла регулироваться особым образом. С точки зрения Карфагена, этот дого-

вор имел целью предотвратить нежеланную торговлю конкурентов с подчиненными территориями (исключение было сделано для Сицилии), сам же Карфаген мог торговать с кем угодно и на каких угодно условиях. Возможно, что возникновение каких-то недоразумений заставило карфагенян включить во второй договор (см. ниже) соответствующую статью.

Итак, судя по этому договору, под властью Карфагена находились Сардиния (по крайней мере, она признавалась карфагенской), часть Сицилии и побережье Африки к юго-востоку от Карфагена вплоть до так называемых Филеновых алтарей к востоку от Лептиса. Кроме того, господство Карфагена распространялось на его отдельные колонии на африканском побережье к западу от города и на Эбес.

К концу VI в. до н. э. карфагеняне вновь вступили в борьбу с греками. На этот раз военные действия разворачивались, по-видимому, одновременно на двух направлениях: в Сицилии и в районе Испании. Начало войн на сицилийской земле связано с именем того же Дориэя, с которым совсем недавно карфагеняне столкнулись на побережье Африки. Геродот (V, 43—48) рассказывает, что после неудачной африканской авантюры спартанский царевич с теми же людьми отплыл в Сицилию, чтобы обосноваться в ее западной части, в районе Эрика, т. е. между финикийскими городами Панормом и Солунгом. По пути он вмешался в войну между Кротонем и Сибарисом, закончившуюся разрушением последнего. Это сообщение дает дату новой авантюры Дориэя — 510 г. до н. э. Попытка греков утвердиться в западной части Сицилии вызвала резкий отпор как финикийцев, так и элимов из Эгесты. Возможно, что последние даже стали непосредственными инициаторами

выступления против греков (Will, 1972, 224). Ко времени совместного выступления против Дориэя последний уже успел основать город Гераклею (Diod. IV, 23, 3), который довольно быстро вырос и поставил под угрозу политические и, по-видимому, экономические интересы финикийцев, так что те с охотой откликнулись на инициативу элимов. В результате Дориэй был убит, а Гераклея разрушена. В войну вмешались, по словам Юстина (XIX, 1, 9), другие народы Сицилии, под которыми явно надо понимать греческие полисы острова (Verard, 1953, 264). Развернулась длительная война, в которой элины не раз одерживали победы. В это время в Карфаген прибыли послы персидского царя Дария, который на основании своего господства над Тиром считал себя и верховным повелителем Карфагена. Царь потребовал от карфагенян отказаться от человеческих жертв, погребения трупов и поедания собак, а главное — оказать ему помощь в планируемой войне с греками. Карфагеняне якобы приняли запреты, но от оказания помощи решительно отказались (Just. XIX, 1, 10—13). Да и запреты были приняты лишь для вида, ибо до самого конца своей истории карфагеняне практиковали и трупоположение, и человеческие жертвы. Карфаген еще раз утвердил свое независимое положение по отношению к ситуации на Востоке. Он был слишком занят сицилийскими делами, чтобы направлять контингенты в армию персидского царя.

Гибель Дориэя была использована греком Гелонном как повод к войне против карфагенян под лозунгом мести за убийство элина (Her. VII, 158). Этот Геллон стал тираном сначала Гелы и некоторых других греческих городов Сицилии, а около 485 г. до н. э. захватил важнейший и крупнейший греческий город острова — Сиракузы. По словам Полиэна (I, 27, 1),

именно для войны с карфагенянами Гелон был избран стратегом, что он и использовал для захвата власти. Гелон стал властителем Гелы около 491 г., а Сиракуз — около 485 г. до н. э. (Kiechle, 1979, 729). Видимо, в эти годы и началась большая война в Сицилии.

В точности исход этой войны или кампании неизвестен. На западе острова перевес все же остался за финикийцами. Единственный оставшийся в живых спутник Дориэя Эврилеонт с остатками армии попытался стать тираном города Селинунта, предварительно захватив селинунтский город Миною, но был убит (Her., V, 46). Союзник Гелона тиран Акраганта Ферон изгнал из Гимеры ее тирана Терилла, на помощь которому пришел властитель Регия Анаксилай, и они вместе выступили против Гелона и Ферона. Терилл был связан гостеприимством с карфагенянином Гамилькаром, сыном Магона (Геродот ошибочно называет его Ганноном), с которым заключил союз и Анаксилай (Her. VII, 165). Это давало Карфагену удобный повод для возобновления военных действий против сицилийских греков. Угроза могла быть настолько серьезной, что Гелон, если верить речи, которую ему приписывает Геродот (VII, 158), даже обращался за помощью к балканским эллинам.

В это время Ксеркс готовился к походу в Грецию и, как и его отец, направил посольство в Карфаген. На этот раз не было и речи ни о каких требованиях царя к Карфагену, но предлагался равноправный союз, направленный против греков. В результате был заключен равноправный договор о совместных действиях (Diod. XIII, 1). И в то время как персидская армия вторгалась на Балканский полуостров, карфагенское войско, насчитывавшее по явно преувеличенным сведениям Диодора (XI, 20, 1) 300 тысяч сухопутных воинов, 200 боевых и 3000 грузовых кораблей, под

командованием Гамилькара высадилось в Сицилии и двинулось к Гимере. Гамилькар рассчитывал как на регийцев и гимерских изгнанников, так и на селинунтян, возмущенных действиями Эврилеонта. Ферон, удерживавший Гимеру, обратился за помощью к Гелону, который направил туда армию из 50 тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников. В битве при Гимере, которая, по преданию, произошла в тот же день, что и морское сражение при Саламине, т. е. 20 сентября 480 г. до н. э., карфагеняне потерпели сокрушительное поражение, причем погибла большая часть армии и сам полководец. Жители Карфагена какое-то время даже опасались высадки сиракузян в Африке (Her. VII, 165—167; Diod. XI, 20—24).

После этой битвы Карфаген был вынужден заключить мир с Сиракузами, по условиям которого карфагеняне оплачивали военные расходы Гелона, платили ему контрибуцию в две тысячи талантов серебра и строили два храма, в которых должен был храниться текст договора (Diod. XI, 26). Гелон предъявил Карфагену такие сравнительно умеренные условия, так как реальная обстановка была довольно сложной. Войну с Карфагеном ни в коем случае нельзя считать общеэллинским предприятием, так как часть греков явно поддерживала Карфаген, а на горизонте могла возникнуть этрусская угроза. И Гелон относительно мягкими условиями мира отрывал Карфаген от возможной антисиракузской коалиции. Можно предположить, что удалось это ему все же не полностью. Пиндар (I Pyth. 72), воспевая победу преемника Гелона Гиерона над этрусками, врагами греков называет и финикийцев. Неясно — этот риторический оборот, воспоминание о недавней войне или отражение действительного события? На этот вопрос ответить нелегко, ибо никаких других сведений об участии

карфагенян в этом сражении нет. Не исключено, что карфагеняне решили еще раз попытаться сломить мощь Сиракуз, но после Гимеры они уже не имели достаточно сил, чтобы играть если не первую, то хотя бы равноправную роль в коалиции с этрусками.

Гораздо успешнее шли у Карфагена дела на крайнем западе Средиземноморья, несмотря, казалось, на то, что здесь против них тоже объединились довольно грозные враги. Юстин (XLIII, 5, 3) пишет, что массалиоты заключили с испанцами «дружбу», т. е. явно соглашение о союзе. В сохранившемся кратком тексте нет никаких хронологических указаний. Ясно только, что это произошло после первой победоносной для Массалии войны с Карфагеном и до нападения на Массалию галльского вождя Катуманда в начале IV в. до н. э. Однако V в. до н. э. считается временем упадка Массалии (Clavel-Leveque, 1977, 129), и едва ли массалиоты могли тогда совершить те «славные дела», о которых говорит историк. В Испании интересы Массалии были связаны с Тартессом, и поэтому очень вероятно, что те испанцы, о которых говорит Юстин, были именно тартессии. Но, с другой стороны, когда фокейцы покинули свой город, они не смогли осесть в Тартессе, поскольку, как пишет Геродот (I, 165), уже умер дружественный им тартессийский царь Аргантоний, и они были вынуждены обосноваться на Корсике. Видимо, в Тартессе к власти пришла антигреческая группировка. Все эти рассуждения сужают хронологический промежуток, наиболее подходящий для заключения массалиотско-тартессийского союза, до последних десятилетий VI и самого начала V в. до н. э.

Результатом этого союза стало нападение тартессиев на Гадес. Нападение, по-видимому, было столь грозным, что гадитане запросили помощь у

карфагенян, и те, явившись в Испанию, не только защитили Гадес, но и подчинили себе часть Испании (Just. XLIV, 5, 2—3). В то же время известно о штурме карфагенянами Гадеса (Vitr. X, 13, 1—2; Ath. Pol. 9). Вероятнее всего, город сумел отбить нападение испанцев и уже не захотел подчиняться прибывшим карфагенянам, но те, использовав просьбу о помощи как предлог для вторжения на Пиренейский полуостров, не собирались уходить. Как показывают события на Сардинии, о которых говорилось выше, карфагеняне не останавливались перед захватом других финикийских городов. Что же касается Тартесса, то его держава, видимо, не выдержала этого поражения и окончательно распалась, а карфагеняне подчинили себе ее остатки.

Утверждение карфагенян в Южной Испании привело к закрытию пролива у Геракловых Столпов для их соперников и конкурентов. Хотя некоторые ученые в настоящее время считают карфагенскую блокаду мифом (Fabre, 1985, 27), нельзя отрицать сообщения античных авторов. Эратосфен (Strabo XVII, 1, 19) говорит, что карфагеняне топили чужие корабли, направлявшиеся к Сардинии и Столпам Геракла. Это можно сопоставить со вторым римско-карфагенским договором, который безоговорочно запрещал римлянам не только торговать в Сардинии, но и просто посещать остров (см. с. 348). Карфагенское правительство тщательно охраняло зоны своей торговли и своих интересов, закрывая многие из них от чужаков. Даже своим союзникам этрускам карфагеняне помешали обосноваться на одном из океанских островов (Diod. V, 20, 4). Пиндар четырежды (Ol. III, 43—44; Nem. III, 20—23; Nem. IV, 69; Istm. IV, 20) говорит о Геракловых Столпах как о границе мира, за которую плавать «более невозможно», хотя явно по-

казывает, что раньше положение было несколько иным. Самые ранние из этих од были созданы в 476 г. до н. э. (Bawre, 1964, 408).

Диодор (V, 20, 4) сообщает об открытии этрусками острова в океане и о воспрепятствовании карфагенян им там обосноваться. Историк говорит, что это событие имело место во времена этрусской талассократии. Последняя рухнула в 474 г. до н. э. после разгрома этрусского флота (Залесский, 1962, 524; Немировский, 1983, 155—156). Из других случаев прохода некарфагенских кораблей через пролив известно о плавании знатного перса Сатаспа, посланного Ксерксом в плавание вокруг Африки. Сатасп, испугавшись трудностей, вернулся (Her. IV, 43), но то, что он сумел снарядить корабль для столь далекого путешествия, больше, кажется, подходит ко времени до похода Ксеркса на Грецию и катастрофических для персов и подчиненных им народов поражений на море при Саламине и Микале, т. е. к 485—482 гг. до н. э. Итак, в какое-то время до 474 г. до н. э. этруски добрались до некоего океанского острова; между 485 и 482 гг. до н. э. Сатасп прошел через пролив; до 476 г. до н. э. грекам стало известно о невозможности плавать за Столпы. Все это позволяет сделать вывод, что блокада пролива была установлена между 485 и 476 гг. до н. э.

Естественно, что массалиоты не оставались безучастными зрителями этих событий. Из их войны с карфагенянами известно о морской битве при Артемисии на восточном побережье Пиренейского полуострова (F Gr Hist II B. Sosylos von Lak. fr. III). В этой битве массалиоты под командованием Гераклида Миласского разбили карфагенский флот. Ранее Гераклид был предводителем карийцев в восстании против персов (Her. V, 121) и после поражения, веро-

ятно, бежал на Запад, как это сделал другой руководитель антиперсидского восстания — Дионисий (Her. VI, 17). Это не означает, что битва при Артемисии произошла вскоре после персидской победы около 490 г. до н. э. (Huss, 1990, 33), ибо миласскому беглецу нужно было еще зарекомендовать себя на Западе, чтобы массалиоты доверили ему командование своей эскадрой. К тому же трудно представить, что, одержав победу, массалиоты согласились с установлением блокады столь важного для средиземноморцев пролива. Поэтому кажется очень вероятным, что битва произошла после 485 г. до н. э. Был ли после этого заключен официальный мир и на каких условиях, неизвестно. Возможно, что эта битва предотвратила распространение карфагенской власти на юго-восточное побережье Пиренейского полуострова. Но Южная Испания и район пролива оказались под властью Карфагена. Возможно, что в это же время карфагеняне подчинили себе и северо-западную часть Африки. Здесь, как на юге Испании, в это время появляются следы карфагенской торговли, а около 500 г. до н. э. финикийцы оставили остров Могадор у атлантического побережья Северной Африки, который до этого служил важнейшей торговой базой испанских финикийцев в африканской торговле (G. et C. Charles-Picard, 1968, 92, 95).

В центре Средиземноморья карфагеняне, потерпев неудачу в Сицилии, сосредоточились на Сардинии. Правда, и там сначала их дела шли неудачно. Хотя договором 509 (или 508) г. до н. э. Сардиния была признана карфагенским владением, островом они явно не владели и еще много лет боролись с сардами. Еще до битвы при Гимере сын Магона Гасдрубал потерпел там поражение и пал в битве (Iust. XIX, 1, 6). Его брат Гамилькар, посланный ему на смену, не смог

завершить дело, ибо вскоре двинулся в Сицилию, где и погиб у Гимеры. Возможно, что гибель Гасдрубала возродила надежды некоторых греков, как, например, Аристагора, который в начале восстания против персов, т. е. вскоре после 500 г. до н. э., советовал оставшим вместо борьбы с персидским царем переселиться на Сардинию (Her. V, 124). После поражения при Гимере карфагеняне возобновили наступление в Сардинии и в целом действовали весьма успешно, хотя целиком остров так и не покорили (Diod. V, 15). Под властью Карфагена оказалось побережье, южная и западная часть внутренних районов. От территории свободных сардов карфагенские владения отделялись системой крепостей с башнями, стенами и другими многочисленными преградами (Moscati 1977, 137).

Одновременно Карфаген развернул наступление и в Африке в непосредственной близости от самого города. Сначала и эта война оборачивалась для него неудачно (Iust. XIX, 1, 3), так что карфагеняне были вынуждены даже вновь платить дань (Iust. XIX, 1, 4). Однако после 480 г. они сосредоточились и возобновили наступление на местное население. Юстин (XIX, 2, 1—4) приписывает успехи внукам Магона Гимилькону, Гисгону и Ганнону (сыновьям павшего в Сицилии Гамилькара) и Ганнибалу, Гасдрубалу и Сафону (сыновьям его брата Гасдрубала). По словам историка, эти полководцы, в то время правившие карфагенянами, воевали с маврами, сражались с нумидийцами и, разбив афров, заставили последних отказаться от дани, которую они получали от Карфагена. Неизвестно, имели ли карфагеняне дело с коалицией этих африканских народов или, используя не только военную силу, но и дипломатию, разбивали их по одиночке. У финикийцев, как и у других западносемитских наро-

дов, существовал обычай называть ребенка именем ближайшего умершего родственника, ибо в таком случае в душе новорожденного как бы оживает частичка души мертвеца. Один из упомянутых полководцев действительно носил имя отца — Гасдрубала. Поскольку к тому времени, когда он стал одним из командующих карфагенской армией, ему уже должно было быть не меньше двадцати лет, а Гасдрубал погиб в Сардинии до 480 г. до н. э., то можно полагать, что военные действия в Африке развернулись приблизительно начиная с 475—470 гг. до н. э. С этими победами надо связать создание континентальных африканских владений Карфагена (Meltzer, 1879, 225—227; Gsell, 1913, 463; Шифман, 1963, 86). Видимо, в это же время была подчинена Утика, единственная еще остававшаяся независимой финикийская колония в Западном Средиземноморье (Ville, 1962, 1877; G. et C. Charles-Picard, 1970, 63); и тогда же, вероятнее всего, был разрушен греческий Кибос и греки были окончательно вытеснены из этого района. В результате под власть Карфагена перешла вся западная часть Северной Африки до океанского побережья.

Возможно, именно в это время карфагеняне выводят на эти территории свои новые многочисленные колонии, которые служили и опорными пунктами, помогающими удерживать в повиновении подчиненные народы, и рынками, через которые они торговали с этими же народами (Warmington, 1960, 55, 57—59). Недаром Псевдо-Скилак (112) называет многие карфагенские поселения на африканском побережье именно «рынками» (εμπόρια). Цепь таких поселений связывала Карфаген с районом Геракловых Столпов, что создавало карфагенским мореходам возможность спокойного каботажного плавания вдоль североафриканского берега.

Завоевание материковых владений имело огромное значение для Карфагена. Впервые под его властью оказались огромные земельные владения, в том числе с плодороднейшей почвой. Если раньше Карфаген был чисто морским городом, почти не имевшим плодородной территории, то теперь он ее приобретает. При этом наиболее плодородная часть присоединяется непосредственно к своей территории, в результате чего образуется карфагенская хора, т. е. сельскохозяйственная округа Карфагена. У некоторых других финикийских городов, как например, у Хадрумета, также появляется хора. На плодородных землях своей округи многие представители карфагенской знати приобретают владения. Много позже знаменитый оратор Дион Хризостом говорил, что Ганнон превратил карфагенян из тирийцев в ливийцев (Or. XXV). При этом он, вероятно всего, подразумевал именно создание африканских владений Карфагена.

Упомянутый Дионом Ганнон был, по-видимому, одним из внуков Магона. Возможно, именно он играл первенствующую роль среди братьев, осуществлявших коллективное господство над Карфагеном в первой половине V в. до н. э. Вероятно, он же возглавил и морскую экспедицию, отправленную из Карфагена вдоль западных берегов Африки.

До наших дней сохранился в греческом переводе перипл, приписываемый Ганнону (GGM I. Hannoni periplus). О его путешествии сообщает и Плиний (V, 8), называя Ганнона «вождем карфагенян» (*Carthaginiensium dux*). Его же упоминает среди карфагенских правителей Юстин. Все это позволяет датировать это путешествие после 480 и до 450 г. до н. э. (Hands, 1969, 95). Полностью признавая перипл Ганнона подлинным (Циркин, 1987, 205—208), отметим, что предел плавания карфагенского флота под

его руководством неясен. Сам Ганнон писал, что он достиг горы, называемой Колесницей Богов, и залива Южный Рог. Идентификация этих пунктов с теми или иными местами африканского побережья очень спорна. Колесницу Богов отождествляли и с Зеленым Мысом, и с горой Какулима в Гвинее, и с вулканом Камерун (Harden, 1980, 169). Как бы то ни было, все эти пункты находятся южнее устья Сенегала. Греки, по-видимому, довольно рано узнали об этом плавании. Более того, они стали приписывать карфагенянам путешествие вокруг всего африканского материка. Об этом со ссылкой на самих же карфагенян говорил уже Геродот (IV, 43), и это же повторял Плиний (V, 8), приписывая этот подвиг Ганнону.

Плавание Ганнона в первую очередь преследовало политические цели: укрепиться на океанском побережье Африки. Для этого ему было поручено основать города по ту сторону Геракловых Столпов (Per. Hann. 1). Имели значение и экономические цели: карфагеняне стремились вытеснить гадитан из этого района, укрепиться на их торговых путях и, может быть, взять под свой контроль источники сырья или пути к ним (ср.: Hands, 1969, 95). И хотя гадитане не были полностью вытеснены с африканского побережья, карфагеняне в V в. до н. э. явно укрепляются на северо-западе Африки. Именно в это время в западной части современного Марокко, до того тесно связанной с Южной Испанией, испано-финикийские изделия сменяются карфагенскими, что особенно хорошо видно в керамике (Luquet, 1964, 130, 138; G. et C. Charles-Picard, 1968, 92, 95; Ponsich, 1970, 169—181).

Одновременно с Ганноном в подобное плавание отправился и его брат Гимилькон (Plin. II, 169), совершивший путешествие по океану в северном направлении. Об этой экспедиции говорит Авиен в

своей поэме «Морские берега» (114—129, 382—389, 410—415). Непосредственной целью Гимилькона были Эстримниды, откуда можно было вывозить олово (Av. Or. mar., 114—116), но главное — утвердиться на торговых путях Гадеса к северу, как это пытался сделать его брат в южном направлении. Эстримниды же надо отождествить, вероятнее всего, с современной Бретанью. Главной цели карфагеняне все же не достигли, ибо вплоть до римского времени гадитане оставались почти монополистами в северной торговле, тщательно скрывая от возможных конкурентов путь к таинственным и богатым «Оловянным островам» (ср.: Strabo, III, 5, 11).

Хотя фактически под властью Магонидов Карфагенская держава достигла значительного расцвета, карфагенская аристократия была недовольна своим приниженным положением. В результате Магониды были свергнуты. Юстин (XIX, 2, 5), перечислив внуков Магона, далее пишет, что вследствие того что эта «семья полководцев стала тяжела для свободы», был создан специальный совет. Возможно, что поводом к этому послужило запоздалое воспоминание о поражении при Гимере, и под предлогом наказания за это сын павшего при Гимере Гамилькара Гисгон был изгнан и вынужден удалиться в Селинунт. То, что в связи с этим событием упоминается только один внук Магона, можно объяснить либо тем, что само упоминание связано с фигурой отца Гисгона Гамилькара, либо с тем, что в живых к тому времени остался только один Гисгон.

К концу V в. до н. э. карфагеняне возобновили наступление в Сицилии. Поводом к этому послужило обращение элимской Эгесты, которая, терпя неудачи в борьбе с греческим Селинунтом, согласилась на подчинение Карфагену взамен на военную помощь

(Diod. XIII, 43). После некоторых колебаний карфагеняне в 410 г. до н. э. приняли предложение эгейстийцев.

Крупнейшим и важнейшим греческим городом Сицилии были Сиракузы. В 415—413 гг. до н. э. они выдержали тяжелую осаду афинян. Однако победа над афинянами потребовала от сиракузян огромного напряжения сил. В результате в городе обострилась внутренняя борьба между аристократической группировкой во главе с Гермократом и демократами, возглавляемыми Диоклом. К тому же Сиракузы ввязались во внешние войны, послав эскадру в Эгейское море для продолжения войны с Афинами. В самой Сицилии они воевали с некоторыми своими же греческими соседями. Таким положением решили воспользоваться карфагеняне.

Готовясь к схватке с сицилийскими греками, карфагенская олигархия сплотила свои ряды. Из изгнания был возвращен сын Гисгона и внук Гамилькара Ганнибал, который, по-видимому, был изгнан вместе с отцом. Он занял высший государственный пост и был поставлен во главе армии. Так Магонида снова вернулись к управлению государством, но теперь уже едва ли они правили столь самовластно, как раньше. Назначая Ганнибала командующим войсками в Сицилии, карфагенские власти рассчитывали не только на его военные способности, но и на ненависть к грекам и стремление отомстить за деда, павшего при Гимере. Собрав армию, состоявшую из карфагенских граждан, принудительно набранных ливийцев, иберских и кампанских наемников и насчитывавшую, по Тимею, 100 тысяч человек, а по Эфору, 200 тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников, Ганнибал в 409 г. до н. э. высадился в Мотии (Diod. XIII, 43—44; 54). И начался новый период войн

в Сицилии, продолжавшийся с перерывами более полутора веков (Фролов, 1979, 24—35, 42—43, 47—49, 73—78, 81—83).

После высадки карфагенской армии элимы подчинились Карфагену. Именно в это время прекращается чеканка элимской монеты (Warmington, 1960, 77). Приняв в число своих подданных элимов, карфагеняне двинулись сначала на Селинунт, а после захвата этого города — на Гимеру. Греческие жители этих городов оказали карфагенянам героическое сопротивление, но оно в конце концов было сломлено, и оба города разрушены, а их жители или убиты, или превращены в рабов. Другие греки, и прежде всего сиракузяне, во главе которых встал Диокл, уставшие, по-видимому, от долгой войны с афинянами и изнурительной гражданской смуты, оказали селинунтянам и гимерцам слишком слабую помощь, которая не могла решить дела (Фролов, 1979, 35). После этого Ганнибал увел свою армию назад в Африку (Diod. XIII, 54—62).

В греческой части Сицилии в это время борьба между двумя сиракузскими политическими группировками достигла апогея. Гермократ, командовавший сиракузской эскадрой в Эгейском море, был смещен с этого поста и решил силой вернуться в Сиракузы. С набранным отрядом он высадился в Сицилии, но, стремясь сначала приобрести определенный политический капитал, вторгся в карфагенскую зону, занял разрушенные карфагенянами Селинунт и Гимеру и поднял знамя борьбы против карфагенских «варваров» (Diod. XIII, 63, 75). В конце концов Гермократ погиб при попытке захватить Сиракузы, но все это свидетельствовало о том, что положение на острове было далеко от стабильности, и Карфаген не мог этим не воспользоваться.

Готовясь к новой схватке в Сицилии, карфагенское правительство предприняло дипломатическую акцию, которая в других условиях могла иметь важные последствия: был заключен союз с Афинами (Лурье, 1947, 122—125). Но надежды карфагенян не оправдались, так как мощь Афин уже клонилась к упадку, и вскоре они потерпели окончательное поражение. Одновременно карфагеняне создали новую армию, во главе которой поставили того же Ганнибала и его родственника Гимилькона.

В 406 г. до н. э. карфагенская армия высадилась в Сицилии. Несмотря на отдельные неудачи и даже смерть одного из полководцев, в целом кампания для карфагенян развивалась успешно. Все попытки сиракузян спасти греческие города южного побережья Сицилии провалились; это не смогли сделать ни республиканские правители Сиракуз, ни пришедший им на смену тиран Дионисий. Карфагенская армия осадила Сиракузы, и только начавшаяся в карфагенском лагере эпидемия спасла город. Гимилькон был вынужден согласиться на заключение в 405 г. до н. э. мира. По условиям мирного договора, за карфагенянами кроме старых финикийских колоний закреплялись общины сиканов и греческие города Селинунт, Акрагант и Гимера, а Гела и Камарина должны были платить карфагенянам дань (Diod. XIII, 80—91; 108—111; 114). Значение этого мира для Карфагена было огромным. Признавались и в международном плане юридически закреплялись карфагенские владения в Сицилии. Элимь и сиканы, как ранее ливийцы, превращались в карфагенских подданных. Правда, этот успех был непрочен, борьба продолжалась, и граница между карфагенской и греческой частями Сицилии постоянно оставалась пульсирующей, передвигаясь то к востоку, то к западу.

Инициатором новой войны стал сиракузский тиран Дионисий. Он тщательно подготовился к войне, в 398 г. до н. э. вторгся в карфагенскую часть острова и осадил Мотию. Теперь финикийцам пришлось проявлять героизм. Но как раньше сопротивление Селинунта и Гимеры, так и теперь упорство Мотии оказалось напрасным. Дионисий взял город и полностью его разрушил. Несколько позже для уцелевших жителей Мотии карфагеняне основали новый город — Лилибей (Diod. XXII, 10). Эта война шла с переменным успехом. Все попытки сиракузского тирана изгнать финикийцев из Сицилии не удались, и одно время даже сами Сиракузы снова были осаждены карфагенянами. Но в целом перевес оказался на стороне греков. По условиям мира 392 г. до н. э. карфагеняне потеряли значительную часть предыдущих завоеваний, сохранив только западную часть Сицилии (Diod. XIV, 45—46; 48—53; 70—76; 90; 95—96).

Положение, сложившееся в Сицилии, делало неизбежной новую войну. В ней карфагенянам удалось найти союзников среди греческих городов Италии, обеспокоенных, с их точки зрения, чрезмерным усилением Дионисия. Правда, эффективной координации действий союзникам добиться не удалось, что позволило Дионисию одерживать победы и над теми, и над другими. В одном таком сражении при Макале пал карфагенский командующий Магон, но его сменил сын, сумевший взять реванш. В целом эта война завершилась в пользу Карфагена, чьи владения теперь распространялись до реки Галик, так что под их властью оказались греческие города Селинунт и Термы, а также западная часть области еще одного эллинского города — Акраганта (Diod. XV, 15—17; Polyæn. V, 8, 1—2; 10, 5; VI, 16, 1). Река Галик надолго превратилась в границу карфагенской «про-

винции», которая охватывала приблизительно треть всей Сицилии.

В 368 г. до н. э. началась последняя война Карфагена с Дионисием. Инициатором ее снова стал тиран, упорно стремившийся очистить Сицилию от финикийцев. Определенный отпечаток на ход военных действий, особенно в начале войны, наложила внутренняя борьба в Карфагене, о которой будет сказано немного ниже. Пока же скажем, что знатный карфагенянин Суниат (Сунйатон) из-за ненависти к командующему карфагенской армией Ганнону сообщил в письме к Дионисию о прибытии карфагенского войска и медлительности его командира (Iust. XX, 5, 12—13). Этим предательством воспользовался Дионисий, который овладел рядом городов, в том числе Селинунтом, и осадил Лилибей. Однако первыми успехами военное счастье Дионисия и ограничилось. Вскоре карфагеняне одержали морскую победу при Эрике. А вслед за этим тиран умер, а его наследник Дионисий-младший поспешил заключить мир, восстанавливающий довоенное положение (Diod. XV, 73; XVI, 5; Iust. XX, 5, 10—14; Polyæn. V, 9; Plut. Dion. 6; 14).

Пока шли все эти войны в Сицилии, внутреннее положение Карфагена было далеко не стабильно. Покоренное население ненавидело карфагенян. Полиэн (V, 10, 1; 3) рассказывает о войне Гимилькона с ливийцами. Ливийцы захватили какой-то город и даже подошли к стенам самого Карфагена, заняв его предместья. Лишь с помощью хитрости карфагенскому полководцу удалось подавить это восстание. Автор не датировал это событие. Однако, как мы увидим ниже, в 396 г. до н. э. Гимилькон покончил с собой, так что это восстание ливийцев должно было происходить до 396 г. Скорее всего оно произошло между 405 и 396 гг. до н. э., когда вернувшийся из Си-

цилии Гимилькон занимал первенствующее положение в Карфагене.

В 396 г. до н. э. внутреннее положение в Карфагенской державе вновь обострилось. Разгром карфагенской армии и постыдный мир не могли не вызвать соответствующие отклики. Видимо, вновь развернулась борьба внутри правящей группировки. Вернувшийся с позором из Сицилии Гимилькон был вынужден покончить самоубийством (Diod. XIV, 76, 4; Iust. XIX, 3, 12; Oros. IV, 6, 15). В Карфагене распространилось мнение, что несчастья преследуют карфагенян из-за разрушения храма Кору и Деметры в Сицилии, и чтобы воздействовать на религиозные чувства, в Карфагене был введен культ этих богинь. Введение этого культа было религиозной реформой, сознательно проведенной правительством. Ее аристократический характер не вызывает сомнения. Недаром жрецами новых богинь сделали «наиболее знатных граждан» (Diod. XIV, 70; 77). Но важен еще один момент: храмы в Сицилии были разрушены воинами Гимилькона (или Ганнибала), так что установление нового культа было явно направлено против Магонидов. Аристократические противники этой фамилии использовали ситуацию для повторного свержения Магонидов, после чего их имена уже не встречаются во главе Карфагенской республики.

Поражение 396 г. до н. э. имело и более серьезное последствие: новое восстание в Африке. Подчиненные ливийцы увидели в карфагенском поражении удобный случай вернуть себе свободу. К ним присоединились рабы. Было создано огромное войско из 200 тысяч человек, которое нанесло карфагенской армии несколько поражений и захватило город Тунет вблизи самого Карфагена. Карфагеняне практически потеряли свои африканские владения и были

заперты в городе. Это вызвало волнения среди самих граждан. Карфагенское правительство приняло энергичные меры. Для успокоения религиозных чувств был введен, как уже упоминалось, культ Деметры и Коры. Одновременно оно сумело доставить необходимое продовольствие из Сардинии. Были снаряжены новые корабли. Не решаясь вступить в открытое сражение с повстанцами, карфагенские власти сумели лишить их продовольствия. У восставших не было единого командования, они действовали разрозненно. Некоторых предводителей карфагенские правители сумели подкупить. В результате спокойствие в городе было восстановлено, а восстание подавлено (Diod. XIV, 77).

Новое восстание вспыхнуло в 379 г. до н. э., когда Карфаген был ослаблен необычайно жестокой эпидемией. Этим воспользовались не только ливийцы, но и сарды. Таким образом, Карфаген лишился почти всех источников продовольствия, что еще больше обострило положение. В городе начались беспорядки, вооруженные схватки между гражданами. К сожалению, неизвестны как цели и требования отдельных групп, так и подробности событий. Мы знаем только, что граждане, по словам историка, «сражаясь друг против друга, как против врагов, одних убили, а других ранили». Правительство прибегло к испытанному средству: были принесены жертвы богам, что, по-видимому, успокоило общественное мнение. Восстановив порядок в самом Карфагене, правительство затем сумело принять необходимые меры и для быстрого подавления восстания в Африке и Сардинии (Diod. XV, 24).

Карфагенскую олигархию по-прежнему раздирало личное соперничество. Магониды больше к власти не возвращались. Но на устранении этой фамилии раздоры не закончились. Когда на первый

план начал выходить Ганнон, против выступил некий Суниат (Сунйатон), которого Юстин (XX, 5, 2) называет «самым могущественным в это время». По-видимому, до возвышения Ганнона именно он занимал первое место в карфагенском правительстве. Не добившись успеха в соперничестве с Ганноном, он пошел на прямое предательство, установив отношения с Дионисием и выдав ему военные секреты Карфагена. За это предательство он был осужден. Карфагенское правительство даже приняло закон, запрещающий изучать греческий язык. Закон этот, естественно, не выполнялся, так как шел вразрез с интересами карфагенской торговли, в которой были горячо заинтересованы и карфагенские правители. После всех этих событий Ганнон становится самым влиятельным человеком в Карфагене.

Итак, карфагенское общество раздирали острые социальные и политические конфликты. Рабы выступали против рабовладельцев, ливийцы и сарды — против карфагенских порабощителей, отдельные группы граждан — друг против друга (хотя у нас нет данных, можно предположить, что какие-то группы плебса выступили против олигархии), также имело место соперничество аристократов. Это был целый клубок противоречий. Однако пока карфагенская аристократия прочно удерживала власть в своих руках, чему способствовала активная внешняя политика карфагенского правительства.

По-видимому, вскоре после всех этих событий карфагеняне начали новое наступление в Испании. Если на рубеже VI—V вв. или в начале V в. до н. э. под их властью оказалась юго-западная часть страны, то теперь они распространяют свое господство на ее юго-восточную часть. Об этом свидетельствуют археологические данные, показывающие уменьшение

и практически исчезновение греческой керамики и увеличение карфагенского импорта (Villard, 1960, 119; Astruc, 1962, 72—74, 80—81; Lopez Castro, 1995, 71). Каковы были события, связанные с подчинением Юго-Восточной Испании, неизвестно, но едва ли это подчинение прошло мирно, ибо существуют свидетельства разрушений в ряде местных поселений этого района (Blazquez, 1983, 435; Wagner, 1983, 244—245). В стратегических пунктах своих владений карфагеняне построили укрепления (Blazquez, 1983с, 431—432; Wagner, 1983, 245—246), которые, может быть, были похожи на оборонительную систему, созданную в Сардинии. Захват этого района или, по крайней мере, установление над ним прочного карфагенского контроля были признаны вторым римско-карфагенским договором, заключенным в 348 г. до н. э. (Polyb. III, 24; Liv. VII, 27, 2), который упоминает и Диодор (XVI, 60, 1), относя его к несколько более позднему времени — 344 г. до н. э.

Этот договор свидетельствует о дальнейшем территориальном расширении Карфагенской державы по сравнению с концом VI в. до н. э. Кроме территорий, признанных карфагенскими в первом договоре, т. е. Ливии «по ту сторону Прекрасного мыса», Сардинии и карфагенской части Сицилии, теперь карфагенскими признаются район Тартесса и Мاستии, т. е. юга и юго-востока Пиренейского полуострова. Среди карфагенских поданных, формально равноправных с карфагенянами, появляются утикийцы и «тирийцы». Под последними явно подразумеваются тирские колонисты в Испании (Циркин, 1976, 34—36, 37). Договор 348 г. до н. э. обращает на себя внимание и тем, что в нем запрещается всякая римская торговля в Африке (Ливии) и Сардинии, в то время как в предыдущем договоре она была разре-

шена, хотя и на определенных условиях (Walbank, 1957, 348—349). Это свидетельствует об укреплении карфагенской власти над местными племенами. В Африке такое укрепление связано с именем того же Ганнона, который закончил войну с Дионисием и получил, видимо, за свои африканские победы прозвище Великого (Trog. Prol. XX).

Позже Ганнон вновь появляется в Сицилии. В греческой части острова положение снова осложнилось. Власть Дионисия-младшего оказалась непрочной. Тирана сверг его родственник Дион, который, в свою очередь, пал жертвой заговора. Наступила полоса постоянных смут и смены тиранов. Одним из претендентов на пост правителя снова выступил Дионисий. Его соперник Гикет пошел на союз с карфагенянами (Diod. XVI, 67, 1; Plut. Tim. 7), которые отправили на помощь ему армию во главе с Ганноном. Ганнон захватил Энтеллу, населенную кампанскими наемниками Дионисия-старшего, и двинулся на Сиракузы. Город был охвачен гражданской войной: одна часть его оказалась под властью Гикета, другая — под властью Дионисия. Карфагеняне вмешались в эту войну на стороне первого и захватили порт. Кажется, еще немного, и власть в Сиракузах полностью окажется в руках Гикета и стоящих за ним карфагенян. Однако на помощь сиракузянам из их метрополии Коринфа было отправлено войско во главе с Тимолеонтом. Ганнон, вероятно, не смог помешать высадке Тимолеонта, поэтому был отозван в Африку. Его преемник Магон вступил в войну с Тимолеонтом, но потерпел поражение и очистил сиракузскую гавань (Diod. XVI, 67—69; 73; Plut. Tim. 9—13; 16—21).

Такой оборот дел в Сицилии вызвал, очевидно, напряжение в Карфагене. Этим решил воспользоваться Ганнон и, отомстив тем, кто его отстранил,

попытаться снова захватить власть. Под предлогом свадьбы дочери он задумал собрать в своем доме всех сенаторов и уничтожить их. Под этим же предлогом он решил устроить пир для всего народа и, видимо, затем сообщить о совершившемся перевороте и получить поддержку. Однако карфагенские правители разгадали хитрость. Увидев крушение своих замыслов, Ганнон удалился из города и, вооружив 20 тысяч рабов, захватил какую-то крепость. Едва ли такое большое количество рабов могло быть даже у такого богатого человека как Ганнон (Gsell, 1918, 247, прим. 2), так что можно говорить о мощном восстании рабов, спровоцированном честолюбивым карфагенским аристократом. Мятеж, однако, не удался, Ганнон был схвачен и после жестоких мучений убит почти со всеми родственниками (Iust. XXI, 4, 1—8). Только один сын Ганнона, Гисгон, уже известный своими военными талантами, избежал смерти, но был изгнан из Карфагена (Diod. XVI, 81).

Затем новый поворот дел в Сицилии заставил карфагенян обратиться к Гисгону. Магон, командовавший карфагенскими силами, покинул Сиракузы. Вскоре Тимолеонт захватил Энтеллу и подошел к Лилибею. Карфагенское правительство послало в Сицилию новую армию во главе с Гасдрубалом и Гамилькаром, но эта армия потерпела сокрушительное поражение на реке Кримиссе, причем в сражении пали семь тысяч наемников и три тысячи карфагенских граждан. И карфагенскому правительству пришлось обратиться к сыну Ганнона, который был не только возвращен из изгнания, но и назначен командующим с неограниченными полномочиями. Гисгон вступил в союз с Гикетом и тираном Катаны Мамерком, и союзники разбили отдельные отряды армии Тимолеонта, что позволило карфагенянам вступить в перегово-

ры с греками и добиться сравнительно выгодных условий мира. В 339 г. до н. э. был заключен мир с Тимолеонтом, по которому Карфаген отказывался от союза с сицилийскими тиранами, но зато сохранил свои старые владения к западу от реки Галик (Diod. XVI, 73; 78—82; Plut. Tim. 25—30; Polyaeu. V, 11).

После всех этих событий, вероятно, семья Ганнонидов надолго остается одной из самых ведущих в Карфагене (Sznycer, 1978, 552). Так, сын Гисгона Гамилькар в конце IV в. до н. э. командует войсками в Сицилии (Diod. XIX, 106, 2; XX, 15—16; 29—30; Iust. XXII, 3, 6), причем Диодор (XX, 33, 2) называет его «царем»: следовательно, он занимал высшую государственную должность. Это не означает, что Ганнониды обладали неограниченной властью, как это было с Магонидами во время их первого возвышения. Судя по всему, власть прочно удерживала правящая олигархия, среди которой виднейшую роль играли Ганнониды (Gsell, 1918, 249).

Новые испытания для Карфагенской республики наступили в конце IV в. до н. э., когда власть в Сиракузах захватил Агафокл. Еще до этого в Сицилии вспыхивали схватки между карфагенянами и греками. Когда же Агафокл стал сиракузским тираном (позже он провозгласил себя царем), началась большая война. Командующий карфагенскими силами Гамилькар (не сын Гисгона) вступил в переговоры с Агафоклом и заключил с ним мир, сочтенный карфагенским правительством невыгодным. Распространились слухи, что Гамилькар вступил в тайное соглашение с сиракузским тираном, чтобы по его примеру и, может быть, с его помощью также стать тираном. За это он был отозван в Африку и тайно осужден (Diod. XIX, 4—5; 71—72; Iust. XXII, 2, 6—9; 3, 2—7). В Сицилию была послана новая армия под командованием Гамилька-

ра, сына Гисгона. Гамилькар наголову разгромил войска Агафокла и двинулся на Сиракузы. Ему удалось заключить союз с некоторыми греческими городами, выступавшими против Агафокла. Под стенами Сиракуз в 309 г. до н. э. произошла битва, в которой карфагеняне потерпели поражение, а сам командующий попал в плен и погиб. Но еще до этого Агафокл решился на смелый шаг: потерпев поражение в Сицилии, он задумал перенести войну в Африку.

В 310 г. до н. э. греческая армия впервые переправилась на африканскую территорию. Сиракузяне захватили Тунет. Карфагенское правительство набрало новую армию и, боясь повторения предыдущих событий и попыток командующих захватить власть (тем более что войска располагались непосредственно вблизи самого города), поставило во главе армии двух командующих, враждебных друг другу, — Бомилькара и Ганнона. Однако эта армия тоже потерпела поражение, и Ганнон был убит. При известии об этой катастрофе восстали нумидийцы, и Агафокл задумал соединиться с ними. Но карфагеняне сумели привлечь на свою сторону одно из нумидийских племен, а восстание остальных подавить прежде, чем греки этим воспользовались. Тогда Агафокл обратился за помощью к Офеллу, в то время правившему Киреной, армия которого с трудом пересекла пустыню и соединилась с войсками Агафокла. Сиракузский тиран, боясь конкурента, убил Орфелла, а его воинов переманил к себе. В Карфагене сложилось очень напряженное положение. Этим решил воспользоваться Бомилькар, который в 308 г. до н. э. попытался совершить государственный переворот. В самом Карфагене развернулись уличные бои, и сначала карфагеняне решили, что в город ворвались греки. Но когда выяснилось, что происходит в действительности, карфа-

генская молодежь решительно выступила против мятежника. Положение, однако, было столь сложным, что правительство пообещало амнистию участникам мятежа и только так сумело его подавить. Сам же Бомилькар был предан жестокой казни.

Агафокл не сумел воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Он, правда, подчинил себе значительную часть городов Карфагенской державы, взял Утику, но овладеть самим Карфагеном не смог. В 307 г. до н. э. он вернулся в Сиракузы, оставив во главе войск в Африке своего сына Архагата. Тот, стремясь захватить как можно больше карфагенских земель, разделил армию на три части. То же самое сделали карфагеняне. Полководцы Архагата потерпели поражение, и карфагеняне перешли в наступление. Греки собрались в Тунете, который был осажден карфагенянами. Агафокл вернулся в Африку, но сделать уже ничего не мог, кроме как отправить своих воинов обратно в Сицилию. Архагат пытался воспрепятствовать этому решению, это вызвало беспорядки в греческом лагере, что окончательно решило исход дела. Был заключен мир, по которому карфагеняне сохраняли свои владения в Сицилии, а Агафокл должен был заплатить довольно значительную контрибуцию (Diod. XIX, 102—104; 106—110; XX, 4—20; 29—34; 38—44; 54—55; 57—69; 79; Iust. XXII, 7, 1—11; 8, 1—15).

Под конец жизни Агафокл попытался повторить свое африканское предприятие, но неудачно (Diod. XXI, 18). И после его смерти в Сицилии с переменным успехом шли военные действия, а вскоре здесь появился эпирский царь Пирр. В это время он вел войну с Римом, одержав две впечатляющие победы, но не добившись решающего успеха. Сицилийские греки призвали его на помощь против карфагенян. Пирр, которому уже надоело бесплодно воевать в

Италии, откликнулся на этот призыв. Наличие общего врага заставило карфагенян и римлян вступить в союз, заключив новый, уже четвертый, договор (Polyb. III, 25, 1—5). О первых двух уже говорилось. Третий был заключен в 306 г. до н. э. и устанавливал неприкосновенность для обеих сторон соответствующих сфер влияния — Сардинии и Италии (Liv. IX, 43, 26; Serv. Ad Aen. IV, 628). Теперь был заключен договор о военном союзе. Реальных плодов он, кажется, не дал, ибо обе стороны не доверяли друг другу. Появление в Сицилии Пирра, известного в то время полководца, с новым войском изменило положение в пользу греков. Карфагеняне потеряли почти весь остров и с трудом удерживали Лилибей. Они уже готовы были заключить с Пирром мир, и лишь чрезмерная гордыня эпирского царя помешала этому. Однако, почувствовав себя уже господином Сицилии, Пирр стал обращаться с греками как со своими подданными, преследуя реальных и мнимых противников, не скрывая намерений стать владыкой острова. Это восстановило против него сицилийских греков и лишило их поддержки, без которой добиться своих целей Пирр не мог. Поэтому в результате он был вынужден вернуться в Италию (Diod. XXII, 10, 13; Iust. XXIII, 3 < 1—10; Plut. Pyrr. 22—24; App. Samn. 12).

Уход Пирра развязал руки карфагенянам. Они не только вернули свои прежние владения, но и начали готовиться к новому натиску на эллинов. Последние объединились вокруг Сиракуз, во главе которых встал Гиерон II, провозглашенный царем. На севере острова Мессану оборону удерживали так называемые мамертинцы, бывшие наемники Агафокла. Карфаген оказал им помощь против Гиерона. Одновременно он попытался вмешаться в италийские дела, оказав помощь Таренту и нарушив тем самым дого-

вор 306 г. до н. э. (Liv. Per. XIV). К этому времени почти вся Сицилия, кроме восточного побережья, находившегося под властью Гиерона, и Мессаны, захваченной мамертинцами, была в руках карфагенян. И уже казалось, что весь этот огромный и богатый остров перейдет под власть Карфагена, но в дело вмешались римляне.

В 264 г. до н. э. мамертинцы, теснимые Гиероном, обратились за помощью одновременно и к Риму, и к Карфагену. Оба государства, прекрасно понимая выгоды такого вмешательства, согласились оказать эту помощь. Первыми ввели в Мессану свой отряд карфагеняне, но римляне потребовали уйти оттуда, и карфагенский командир согласился. Римская армия прибыла в Сицилию, а карфагенское правительство, сурово осудив незадачливого командира, направило на остров армию на этот раз против римлян. Началась так называемая I Пуническая война (от римского наименования карфагенян «пунами» — *roeni, rupi*). Разворачивалась она преимущественно на территории Сицилии. Карфагеняне потерпели ряд поражений, важнейшим из которых был разгром карфагенского флота у Липарских островов в 260 г. до н. э. Почти вытеснив карфагенян из Сицилии, римляне в 256 г. до н. э. решили повторить опыт Агафокла и высадиться в Африке. И снова карфагеняне потерпели несколько поражений. Они уже готовы были заключить мир и даже отдать римлянам Сицилию, но римские командиры, уверенные в скорой победе, отвергли все предложения. Тогда карфагенское правительство приняло экстраординарные меры. Был приглашен командующий со стороны — спартанец Ксантипп. Оценив положение, он решил сделать ставку на нумидийских конников и боевых слонов. Именно они и решили дело в ожесточенном

сражении: римляне были разгромлены, а сам римский консул попал в плен. Затем война вернулась на сицилийскую землю, и военные действия шли с переменным успехом, но все же с преимуществом римлян. В 247 г. до н. э. в Сицилию прибыл новый командующий — сравнительно молодой Гамилькар по прозвищу Барка (Молния). Он со своими кораблями стал опустошать побережье Италии, а затем занял хорошо укрепленную и очень важную в стратегическом отношении позицию на северо-западе Сицилии. Опираясь на нее, Гамилькар наносил многочисленные удары по римлянам. Стало ясно, что без нового флота римляне одолеть карфагенян не смогут. Практически на средства граждан был построен новый римский флот, который в 241 г. до н. э. разгромил карфагенскую эскадру к западу от Сицилии у Эгатских островов. Это привело к пресечению всяких связей между Сицилией и Карфагеном, так что воевать в Сицилии дальше было невозможно. Средств на создание нового флота у Карфагена тоже не было, и по поручению правительства Гамилькар был вынужден начать переговоры о мире, завершившиеся в том же 241 г. до н. э. Это был договор, по которому Карфаген уступал Риму Сицилию и острова вокруг нее и обязался заплатить большую контрибуцию¹.

Три века карфагеняне вели упорную борьбу за Сицилию. Не раз они были готовы торжествовать победу, но так и не сумели вытеснить греков. С другой стороны, ни гибель Мотии, ни африканская

---

¹ Изложение событий Пунических войн дано весьма подробно не только в специальных и общих работах, но и во всех учебниках по истории древнего мира и военного искусства во всем мире. Поэтому мы ограничимся только кратким обзором военных событий, дабы не терять нить общего повествования.

экспедиция Агафокла не заставили их уйти с этого острова, но на этот раз карфагеняне окончательно потеряли Сицилию. Такой исход войны обострил социальные и политические противоречия в самом Карфагене и вызвал острый внутренний кризис.

Самым ярким проявлением этого кризиса стало мощное восстание, известное под названием Ливийской войны (Polyb. I, 66—68; Diod. XXV, 2—6; Нер. Нам. 2; App. Sic. 2). Инициаторами восстания были наемники, недовольные неуплатой за службу причитающихся им денег, получив которые, они потребовали резкого увеличения сумм. К ним примкнули рабы, ливийцы, нумидийцы и даже некоторые финикийские города, недовольные подчинением Карфагену, как например, Утика. В ходе восстания судьба Карфагена не раз была предрешена. Во главе армии, направленной против восставших, встал тот же Гамилькар. Используя военную силу, свои недюжинные полководческие способности, невероятную жестокость и изощренное коварство, Гамилькар сумел сломить силы восставших и в 239 г. до н. э. восстановил власть Карфагена (Кораблев, 1976, 41—49). Это восстание распространилось и на Сардинию (Polyb. I, 79) и, вероятно, на Испанию (Циркин, 1976, 38). Сардинию карфагенянам пришлось отдать под угрозой новой войны с Римом, а в Испанию на восстановление карфагенской власти был отправлен тот же Гамилькар Барка.

Другим аспектом кризиса явилось резкое возрастание роли карфагенского гражданства. Народное собрание существовало в Карфагене всегда, но в обычное время его полномочия были в значительной степени формальными, а вся власть находилась в руках правящей олигархии (см. ниже). Теперь же

роль народа резко возросла. Если в конце IV в. до н. э. полководцев назначал сенат (Diod. XX, 10), то Гамилькара во главе армии поставил народ (Diod. XXV, 8). Когда враги Гамилькара попытались привлечь его к суду как виновника бедствий родины, то поддержка народного лидера Гасдрубала (который был его зятем) позволила ему избежать суда (App. Hisp. 4). Самого Гасдрубала Аппиан называет «в высшей степени заискивающим перед народом», что уже само по себе говорит, сколь велика была роль последнего. Полибий (VI, 51, 6) отмечает, что между двумя Пуническими войнами власть в Карфагене все более переходила к народу. Недаром именно Гасдрубал сыграл значительную роль в самой подготовке похода Гамилькара в Испанию (App. Hisp. 5).

Раскол произошел и среди олигархии, в среде которой выделяются две враждующие группировки: одну возглавлял Гамилькар, а другую — его непримиримый противник Ганнон. Последний имел прозвище Великий (App. Hisp. 4), но его деяния, которые давали бы основание для такого прозвища, неизвестны. Может быть, это — фамильное прозвище, идущее от Ганнона Великого, подобно тому как позже в Риме такое же прозвище Помпея перешло по наследству к его детям. Тогда в Ганноне, противнике Гамилькара и его преемников, надо видеть представителя знатной фамилии Ганнонидов (Sznyser, 1978, 552). Все, что мы знаем о Ганноне, показывает, что он всегда был неудачным соперником Гамилькара. Достаточно привести один пример: когда во время Ливийской войны армии был предоставлен выбор между Ганноном и Гамилькаром, выбран был последний (Polyb. I, 82, 12). Различны были и внешнеполитические установки обеих группировок. Ганнон и его сторонники, видимо, гораздо больше связанные с африканскими вла-

дениями, стояли за более осторожную внешнюю политику, стремясь любой ценой избежать новой войны с Римом и сохранить Карфагенскую державу в тех рамках, в каких она существовала на конец только что закончившейся войны. Гамилькар, отражающий, по-видимому, интересы той части олигархии, интересы которой концентрировались на торговле и господстве над морем и заморскими владениями, выступал за подготовку новой войны, в которой он надеялся не только взять реванш у ненавистного Рима, но и по возможности расширить Карфагенскую державу. Эти же цели преследовали и широкие круги карфагенских граждан, в высшей степени заинтересованных в эксплуатации заморских владений, в политической и торговой экспансии, в расширении сферы власти Карфагена, так как это являлось одним из условий их благосостояния. На этой основе и возник союз между семьей Баркидов (по уже упомянутому прозвищу Гамилькара) и карфагенской демократией. Женитьба Гасдрубала на дочери Гамилькара явилась наглядным выражением этого союза.

Надо заметить, что бунты наемников, восстания рабов и подчиненного населения происходили в Карфагене и раньше. Наряду с этим усиливалась роль рядовых граждан. Достаточно вспомнить уже упомянутое выступление карфагенской молодежи против мятежа Бомилькара. Не являлось новостью и острое соперничество внутри карфагенской аристократии. Но, пожалуй, впервые все три обстоятельства сошлись вместе, обнаружив глубочайший социальный и политический кризис. Баркиды стремились найти выход из него путем внешней экспансии, выдвигая популярный лозунг отмщения Риму. Недаром Гамилькар, отправляясь в Испанию, берет с собой старшего сына Ганнибала, заставив его поклясться в

вечной ненависти к Риму (Polyb. III, 11; Нер. Нан. 2, 1—6; Liv. XXXV, 19).

В Испании к этому времени под властью Карфагена остались только старые финикийские колонии. Опираясь на Гадес, Гамилькар переправился на Пиренейский полуостров и, разгромив живших там испанцев, восстановил карфагенскую власть (Diod. XXV, 10), чем, однако, не ограничился. Принципиальных изменений в карфагенской политике не произошло. Как и раньше, карфагеняне стремились к расширению своей державы, к подчинению как можно больших богатых земель, к утверждению если не монополии, то преобладания в торговле (Wagner, 1983, 392—398; Lopez Castro, 1995, 75). Но Гамилькар преследовал еще одну цель. Он стремился сделать из Испании плацдарм для новой войны с Римом. Думается, что и сам знаменитый поход Ганнибала в Италию через Пиренеи и Альпы был задуман еще Гамилькаром.

Для воплощения этого замысла было необходимо прежде всего укрепиться на средиземноморском побережье Испании. И Гамилькар основал там в качестве основного опорного пункта Акру Левку (Diod. XXV, 10). Этот город на какое-то время стал центром карфагенских владений в Испании. Сюда к Гамилькару прибыли римские послы, встревоженные его успехами. Отвечая на вопрос о причинах военных действий в Испании, карфагенский полководец отметил, что он всего лишь стремится добыть деньги для выплаты римлянам контрибуции, чем римлянам и пришлось удовлетвориться.

Основание нового города показало, что в Испании Гамилькар стремился быть свободным в своих действиях. Если бы центр карфагенских владений находился в Гадесе или каком-либо другом старом финикийском городе, ему пришлось бы в гораздо

большей степени считаться с этим городом и влиянием карфагенского правительства, но вскоре после основания Акры Левки Гамилькар погиб в бою с иберами. Карфагенское правительство, не желая терять выгод от подчинения этой страны, послало в Испанию новое войско во главе с Гасдрубалом (Diod. XXV, 10; App. Hisp. 5—6; Liv. XXV, 4).

Гасдрубал в первую очередь совершил карательную экспедицию против тех иберов, в борьбе с которыми пал Гамилькар, но чаще он старался действовать дипломатическими средствами, хотя порой прибегал и к насилию. Важным шагом в сплочении подчиненных народов вокруг карфагенского полководца стал его новый брак с дочерью местного царька (Diod. XXV, 12). Вскоре после этого Гасдрубал основал два города, один из которых был назван Карфагеном (для отличия от столицы античные авторы называют его Новым Карфагеном, и под этим названием он вошел в историю).

В 226 или 225 г. до н. э. Гасдрубал заключил с Римом договор, согласно которому пределом карфагенских владений в Испании была признана река Ибер, которую карфагенский полководец обязался не переходить с военной целью (Polyb. II, 13, 7; Liv. XXI, 2, 7; App. Hisp. 7). Гасдрубал пошел на такое ограничение своей экспансии потому, что, во-первых, еще далеко не все земли южнее этой реки были покорены, а во-вторых, и это главное, чтобы обеспечить свой тыл от возможного римского вмешательства, планируя монархический переворот в Карфагене (Polyb. III, 6, 2—4). Правда, прибыв в Карфаген, Гасдрубал увидел, что положение там для него не столь благоприятное, как это казалось в Испании, и, встретив сопротивление ряда членов правительства, предпочел снова уехать на Пиренейский полуостров.

Вернувшись в Испанию, Гасдрубал стал управлять ею совершенно самовластно (Polyb. III, 8, 4). Положение в Испании тоже складывалось не совсем так, как ему хотелось бы. Он вызвал к себе Ганнибала, старшего сына Гамилькара, и поручил ему командовать войсками в случае необходимости. И все три года, что Ганнибал служил под его командованием, он активно воевал (Liv. XXI, 3—4; App. Hisp. 6). Явно одними дипломатическими средствами он не обходился, и недовольство Гасдрубалом стало проявляться у близкой к нему местной знати. Диодор (XXV, 12) намекает на некий заговор (неизвестно, был ли он раскрыт): по приказу карфагенского полководца был казнен некий знатный испанец, и в ответ на это раб казненного, мстя за своего господина, в 221 г. до н. э. убил Гасдрубала (Liv. XXI, 2, 6; App. Hisp. 7; Val. Max. III, 37).

Армия провозгласила своим командующим Ганнибала, и карфагенское правительство утвердило выбор войска (Polyb. III, 13, 3—4; Liv. XXI, 3, 1; App. Hisp. 8; Hannib. 3). Ганнибал подавил ряд восстаний и подчинил некоторые народы, а затем напал на город Сагунт, союзный с Римом, явно провоцируя новую войну. После упорных боев и восьмимесячной осады Сагунт был взят (Polyb. III, 20; Liv. XXI, 7—9; App. Hisp. 11—12; Nep. Hann. 3). В ответ на это римляне потребовали от карфагенского правительства выдачи Ганнибала, а когда те отказались, объявили войну. Началась II Пуническая война.

В отличие от первой войны, вторая разворачивалась на нескольких фронтах: в Италии и Испании, Сицилии и Греции. Ганнибал с большей частью своей армии в самом начале войны перешел Пиренеи, а затем Альпы и вторгся непосредственно в Италию. Все попытки римских военачальников остановить его оказались неудачными. В 216 г. до н. э. около Канн

Ганнибал наголову разгромил римское войско и поставил Рим на грань катастрофы. Для завершения удара он просил у правительства подкреплений. Но вместо отправки новой армии в Италию решено было послать на помощь Ганнибалу его брата Гасдрубала, командующего войсками в Испании, где тоже происходили военные действия. Римляне высадились на Пиренейском полуострове и блокировали действия карфагенян. В 215 г. до н. э. в битве на реке Ибер Гасдрубал попытался повторить маневр, принесший его брату блестящий успех при Каннах, но потерпел полное поражение. После победы при Каннах Ганнибалу удалось вовлечь в антиримскую коалицию Сиракузы и македонского царя Филиппа V, но римляне, действуя и дипломатией, и силой, сумели не допустить создания единого фронта. Филипп был поглощен балканскими делами, а Сиракузы после длительной осады в 212 г. до н. э. были взяты римлянами. В конце концов Ганнибал был «заперт» в Южной Италии и лишен оперативного простора. Гасдрубал попытался прийти к нему на помощь, повторив переход Ганнибала через Пиренеи и Альпы, но армия его была разгромлена, а он убит прежде, чем сумел соединиться с братом. В Испании после нескольких лет упорной борьбы римляне в 206 г. до н. э. подчинили себе Гадес, последний опорный пункт, еще остававшийся у карфагенян. В 204 г. до н. э. римская армия во главе с Публием Корнелием Сципионом высадилась в Африке. Ему удалось привлечь на свою сторону нумидийского царя Масиниссу, что дало римлянам преимущество в коннице. Карфагенское правительство отозвало из Италии Ганнибала. В 202 г. до н. э. около Замы произошла последняя битва этой войны. Дело решила нумидийская конница. Карфагеняне были разбиты, после чего всякое сопротивление стало бессмысленным.

Теперь и сам Ганнибал стал настаивать на заключении мира, который и был заключен в 201 г. до н. э. По его условиям карфагеняне должны были заплатить огромную контрибуцию, выдать весь свой военный флот, лишиться всех внеафриканских владений, а в самой Африке признать независимость Нумидии и вернуть нумидийскому царю владения его предков. Последняя статья своим нарочито неопределенным характером оставляла римлянам постоянную возможность вмешиваться в африканские дела, тем более что условиями того же договора карфагенянам вообще запрещалось вести какую-либо войну без разрешения Рима. Таким образом, II Пуническая война не только лишила Карфаген положения великой державы, но и значительно ограничила его суверенитет.

В борьбе за господство в Средиземноморье Карфаген потерпел полное поражение. Правда, в экономическом плане он довольно скоро возродился. Во II в. до н. э. он остается не только важнейшим торговым центром, но и значительным производителем зерна и масла, поскольку его сельскохозяйственная территория практически не потерпела ущерба во время войны с Римом (Кораблев, 1976, 321—322, 329; Limonier, 1999, 408). Недаром так испугался Марк Порций Катон, увидев в 253 г. до н. э. многолюдный и богатый город (App. Lib. 69; Plut. Cato Maior 26). В политическом же отношении Карфаген фактически находился под протекторатом Рима, причем последний занимал по отношению к нему, как правило, враждебную позицию, всячески поддерживая Масиниссу, который постепенно захватывал земли карфагенян. В этих условиях в Карфагене не могла возобновиться политическая борьба. Опираясь на рядовые слои граждан (плебс), в 195 г. до н. э. Ганни-

бал, встав во главе государства, попытался провести реформы, которые ликвидировали бы всевластие олигархии и создали возможность для подготовки реванша (Liv. XXXIII, 46—47). Однако, объединившись с римлянами, карфагенские олигархи заставили Ганнибала бежать, не завершив начатого дела (Liv. XXXIII, 47). К середине века политическая жизнь Карфагена определялась борьбой трех «партий»: проримской, пронумидийской и демократической, стремившейся к восстановлению карфагенского могущества (App. Lib. 69). Победа последней побудила римлян, постоянно боящихся нового подъема Карфагена, снова начать войну (Limonier, 1999, 410). Конкретный повод для этого появился, когда карфагеняне, нарушив мирный договор с Римом, решились дать отпор наглому нападению нумидийского царя (App. Lib. 70—74).

В 149 г. до н. э. началась III Пуническая война. Фактически она свелась к трехлетней осаде Карфагена римской армией. Карфагеняне героически сопротивлялись, но силы были неравны, и в 146 г. до н. э. римляне ворвались в город. Развернулись ожесточенные уличные бои, сражения велись на улицах и мостках, переброшенных через улицы, у стен домов и на их крышах. Последний оплот защитников города — храм Эшмуна — римляне взять не смогли, его подожгли сами осажденные, предпочитавшие смерть рабству. Большая часть карфагенян погибла. 500 тысяч выживших были обращены в рабов. Сам Карфаген был разрушен до основания, и это место было вспахано и засеяно солью в знак вечного проклятия (App. Lib. 74—135; Polyb. XXXVIII, 2; XXXIX, 5, 1). Территория Карфагенской республики была превращена в римскую провинцию Африку с центром в Утике. История финикийского Карфагена завершилась.

ГЛАВА 12

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФИНИКИИ

На протяжении своей многовековой истории Финикия состояла из нескольких городов-государств, которые то были совершенно независимы, то находились под властью соседних крупных держав, сохраняя, однако, практически нетронутой свою внутреннюю социально-политическую структуру. Город-государство состоял из собственно города, по имени которого данное государство называлось — Тир, Сидон, Берит, Библ, Арвад, — и окружающей территории, где тоже могли существовать не только сельские поселения, но и меньшие по размеру города, которые подчинялись царю столичного города. Существование таких городов-государств характерно для ранней истории различных древних обществ. Это — то, что иногда называют номовым государством (Дьяконов, 1989, 40). Дальнейший путь развития таких государств был различен. В Месопотамии и Египте они объединились в территориальные государства, из которых позже возникли ближневосточные империи. В Греции и Риме в результате внутренней социальной борьбы возникла система

полисов, в которых государство сформировалось на основе гражданской общины и которое сохранило многие черты этой общины, что определило существование античного общества. Принципиально другой путь образования государств — их формирование на основе племени или союза племен или, наоборот, какой-то части племени. Такие государства формировались в непосредственном соседстве с Финикией в Сирии и Палестине после арамейского и еврейского завоевания этих стран. Когда эти государства образовались, Финикия уже насчитывала почти два тысячелетия своей истории.

О структуре финикийских городов-государств дают представление амарнские письма. Главный город — это тот, вокруг которого располагалась остальная территория царства, включавшая в себя не только часть финикийской прибрежной равнины, но и какую-то часть Ливанских гор. Библиский царь Рибадди говорит о «своих городах», находившихся в горах и на берегу моря (ЕА, 74, 19—20). Среди городов, подчиняющихся библискому царю, были Шигата (ЕА, 71, 25; 74, 24; 90, 9), Батруна (ЕА, 79, 11), Бит-Архис (ЕА, 79, 21) и другие. А когда под властью Рибадди осталось всего два города, он жалуется, что оказался как птица в клетке (ЕА, 78, 13—16). Несколько городов находилось под властью сидонского царя (ЕА, 144, 19—20). По крайней мере один город — Ушу — принадлежал царю Тира (ЕА, 149, 49—50). Значение округа было для главного города довольно велико. Уже было сказано, что завоевание сидонцами материкового Ушу поставило островной Тир на грань катастрофы (см. с. 54, 73). Для расположенного на материке Библа захват царем Амурру городов на территории Библиского царства также привел к полной нехватке продовольствия в

самом Библие, что имело результатом повальный уход из царства людей хупшу (ЕА, 124, 25—30).

По существу, та же территориальная структура финикийских государств сохранилась и в I тысячелетии до н. э. Сидонский царь Эшмуназор упоминает различные места своего царства, в которых он построил святилища различным богам, в том числе Сидон Приморский (явно отличающийся от самого Сидона) и Шамим-Аддирим. Сидонскому царю в это время даже принадлежали Дор и Яффа в Палестине, которые передал ему его персидский суверен. В состав Сидонского царства входила и часть гор, где располагался источник Ydll (КАI, 14). Выше говорилось о материковых владениях Тира и Библа, бывшего главным поставщиком леса для Египта и во II, и в I тысячелетии до н. э.

Границы финикийских царств, естественно, не оставались неизменными. Так, ассирийский царь Асархаддон передал тирскому царю город Сарепту, ранее принадлежавшую Сидону (Lipinski, 1995, 193—194). Как правило, в границы царств всегда входили окружающие территории, исключением было, когда ассирийцы оставили Тиру и Арваду только их острова.

Во главе финикийских государств стояли цари. Трон переходил по наследству. Курций Руф (IV, 1, 1—20) и Диодор (XVII, 47) рассказывают странную историю: после захвата Сидона (Диодор ошибочно локализует эту историю в Тире) Александр сверг царя Стратона (т. е. Абдастарта) и поручил Гефестиону найти другого царя. Последний предлагал трон своим молодым друзьям, выдающимся богатством и происхождением (но не царским), но все они отклонили предложение, заявив, что в соответствии с обычаем отцов (*patrio more*) трон может перейти только к члену царской фамилии. В результате на

трон был возведен некий Абдалоним, который происходил из царского дома, но был бедняком и сам обрабатывал свой сад. Сам этот рассказ, конечно, относится к частым в античной литературе нраво-учительным повествованиям о торжестве честной бедности. Однако найденная надпись конца IV в. до н. э. с упоминанием сидонского царя Абдалонима (Coacci Polselle, 1984, 170; Lipinski, 1995, 142) подтверждает историчность этого события, да к тому же для римского автора было бы странно подчеркивать незыблемость династического принципа. Поэтому вполне можно доверять содержанию этого рассказа, из которого следует, что право наследования трона в финикийском городе принадлежало только царскому роду.

Это позволяет под несколько иным углом зрения посмотреть и на ряд более ранних событий. Нам известно, что Навуходоносор увел в Вавилон всех членов царского рода и во главе государства на какое-то время встали «судьи», т. е. суфеты (Jos. Contra Ap. I, 21). Каковы бы ни были цели этого акта, он свидетельствует о том, что в отсутствие царских родственников никто не мог занять трон. В Карфагене, как уже говорилось, царицей была сестра тирского царя Элисса, которая, покончив с собой, не оставила наследников. И с ее смертью монархия в Карфагене перестала существовать. Власть перешла к тем десяти «принцепсам», которые сопровождали ЭлиССу в ее предприятии (Шифман, 1963, 47). С гибелью первой царицы в Карфагене прекратил существование унаследованный из метрополии царский род. И Карфаген стал республикой, хотя и резко выраженной олигархической (Циркин, 1987, 101).

Это не означает, что в финикийских городах не могло быть узурпаций. Так произошло в Тире, где

трон захватил старший сын кормилицы, правивший двенадцать лет (Ios. Contra Ap. I, 18). Этого узурпатора некоторые ученые называют Метастартом или Метусастартом и даже считают основателем новой династии (Eissfeldt, 1948, 1885; Katzenstein, 1973, 116, 128). Однако еще в начале XX в. Б. А. Тураев, тщательно исследовав греческий текст Иосифа Флавия, отверг такое мнение и установил, что там не указано имя старшего сына кормилицы. По мнению Б. А. Тураева, оно было предано забвению (*damnatio memoriae*), а упомянутые Флавием цари Астарт, Асторим и Фелет находились на троне уже после правления сына кормилицы (Тураев, 1903, 102). Принимая эту хорошо обоснованную точку зрения, мы можем говорить, что даже если узурпатор захватывал престол, то он не был признан законным царем и при первой возможности имя его вычеркивалось из анналов. Обращаясь к тексту Иосифа, принимая доводы Б. А. Тураева, мы видим, что преемник сына кормилицы звался Астартом, и Флавий специально приводит имя его отца — Деластарт, хотя тот и не царствовал. Приведенное им имя царя было явно сокращением более полного имени, которое, видимо, звучало как Абдастарт (Тураев, 1903, 103), и именно так звали царя, свергнутого сыном кормилицы. Учитывая распространенный в западносемитском мире обычай называть человека по имени ближайшего умершего родственника, можно считать этого Абдастарта внуком свергнутого царя. Таким образом, после двенадцати лет господства узурпатора, трон вернулся к прежней династии.

Возможно, именно законность своего правления подчеркивали те цари, которые называли себя «правильными», «законными», как например, это делал библский царь Йехимилк в X в. до н. э., который фактически стал основателем новой династии (KA1, 4).

С другой стороны, и в Тире, и в Сидоне, и в Библе на протяжении их многовековой истории царские династии не раз сменяли друг друга, причем некоторые из них царствовали не более трех поколений. Такое противоречие, как кажется, объясняется тем, что эти династии были различными ветвями одного царского рода, который, с одной стороны, был весьма разветвленным и обширным (в него могли входить даже весьма обедневшие семьи, как например, Абдалонима), а с другой — ясно очерченным, о чем говорит и случай отказа богатых и знатных аристократов Сидона занять трон. Это же подтверждают и события в Тире, где жрец Астарты Итобаал убил царя Фелета и захватил трон (Jos. Contra Ap. I, 18). Но, говоря о его дочери Иезавели, Иосиф Флавий (Ant. Iud. IX, 123) подчеркивает, что она происходит из потомства царей. Едва ли это было возможно, если бы ее отец Итобаал был единственным царем в их роде. Можно уверенно говорить, что он уже и до захвата власти принадлежал к царскому роду (Katzenstein, 1973, 129—130).

Финикийские цари обладали значительной властью. Межгосударственные отношения, а при подчинении другому государству отношения с сувереном, в том числе и уплата дани, были делом царей. Амарнские письма (за очень немногими исключениями, о которых речь пойдет позже) написаны от имени царей тех или иных городов. Цари обменивались подарками и заключали союзы, как это сделал, например, царь Тира Хирам сначала с Давидом, а потом с его сыном Соломоном (II Sam. 24, 6—2; I Reg. 5, 1—12). Цари платили дань в том случае, когда они признавали верховную власть другого монарха. Во время войны царь возглавлял армию и флот. Это было и тогда, когда финикийские города были незави-

симы, как это сделал царь Арвада Матинбаал в битве при Каркаре (ANET, 279), и тогда, когда они были зависимы, как например, во время похода Ксеркса на Грецию (Her. VIII, 98).

В своих надписях цари представляют себя правильными и справедливыми. Интересно проследить, что они под этим подразумевают. В первую очередь справедливость и правильность определяются службой богам. Цари строили и перестраивали храмы и алтари, что и являлось их прерогативой и важнейшим царским делом, ибо именно такое строительство должно было обеспечить благосостояние государства. Это хорошо видно из надписи библского царя Йехавмилка Йехимилка (KA1, 10), сына и внука царей, который особенно подчеркивал свою праведность и законность, благодарил Владычицу Библа за то, что в ответ на его жертвы и молитвы она услышала его голос и даровала ему мир и милость перед лицом богов, народа страны и других правителей. Сидонский царь Эшмуназор в своей уже упомянутой надписи (KA1, 14) отмечает, что его политическая активность и особенно строительство храмов обеспечили благосостояние Сидону (Faber, 1986, 428).

В знаменитой надписи на саркофаге Ахирама Библского (KA1, 1) говорится: если царь среди царей, или сокен из сокенов, или командующий лагерем открывает этот саркофаг, то пусть сломается жезл его судейства, опрокинется трон его царствования и мир убежит из Библа. Краткость этой надписи и редкое упоминание сокена (правильнее, по-видимому, сукин) в финикийской эпиграфике не дает возможности точно установить значение этой должности. И все же некоторые суждения можно высказать. В Угарите термин «сакинну» использовался для обозначения различных чиновников, а сакинну Угарита, как

кажется, возглавлял общинное самоуправление. В письме Мут-Балу из Южной Палестины египетскому фараону этот термин выступает как параллель «рабицу», т. е. наместник, царя (ЕА, 256, 9—10). В следующем тысячелетии в Иудее титул сокена носит управляющий дворцом (Jes. 22, 15). Приблизительно такое же значение имел этот термин в сирийском Хамате (КАИ, 203), где сокен ведал царским хозяйством (Шифман, 1982, 262—282). Таким образом, если в Угарите сакинну мог быть высшим магистратом общины, то в еврейской и арамейской среде он явно входил в ближайшее окружение царя.

В уже упомянутом амарнском письме 256 термин «сукинну» появляется как ханаанская глосса к «рабицу». Трудно сказать, чем руководствовался писец или отправитель письма, повторяя один и тот же термин в двух вариантах, — официальном аккадском и ханаанском. Но это свидетельствует, что в ханаанской среде этот термин тоже употреблялся. Он используется и в финикийской надписи киликийского царя Азитавадды, где он параллелен термину «резин», который, в свою очередь, обозначает в Библии (Jes. 40, 23) «судью страны». На Кипре титул сокена носил правитель кипрского Карфагена (КАИ, 31). Он называл себя слугой (или рабом) царя Хирама II. Последнее не означает, что он в действительности был рабом: как везде на Ближнем Востоке, употребление этого уничижительного слова обозначает только зависимость данного человека от правителя. Кипрский сокен, несомненно, был лицом, подчиненным тирскому царю. Как уже говорилось, на деле он являлся наместником царя. Видимо, слово «сокен» обозначало царского чиновника высокого ранга, который мог исполнять различные обязанности. Параллель же с надписью Азитавадды наводит на

мысль, что и в Библие он прежде всего занимался судейством (Винников, 1952, 143—144, 149). В таком случае выражение «жезл его судейства» относится не к царю (хотя формально оно параллельно царю среди царей), а именно к сокену.

Сокен упомянут между царем и командующим лагерем. В случае преступления этого человека мир убежит из Библа. Это ясно свидетельствует о том, что военный командир отвечал не только за ведение военной кампании, но и за внутренний порядок в стране. Что же касается конкретно военной функции, то она, как уже говорилось, принадлежала царю. В Угарите во время военных действий даже прекращалась деятельность общинных институтов (Шифман, 1982, 260).

Думается, однако, что в этой надписи речь идет не о трех различных лицах — царе, судье, командующем. Уже говорилось, что в финикийских городах сам царь возглавлял армию своего государства во время войны. Отправление правосудия тоже было важнейшей функцией царей. Да и трудно себе представить, что в таком сравнительно небольшом государстве, как Библиское, все эти обязанности были разделены между различными лицами. С другой стороны, для Древнего Востока было характерно представление об абстрактном царствовании, которым облачается конкретный государь (Шифман, 1982, 287). Поэтому представляется, что в надписи на саркофаге Ахирама речь идет о трех ипостасях царской власти — понятии о царском величии, судебной-административной власти и военном командовании. Если к этому прибавить уже отмеченные полномочия царя в области внешней политики, то можно получить представление о круге обязанностей финикийского царя.

В персидский период своей истории финикийские города выпускали свою монету. Самые ранние сидонские монеты начали чеканиться около 450 г. до н. э., и сравнительно скоро за Сидоном последовали Тир, Арвад и Библ (Harden, 1980, 157; Betylon, 1980, *passim*). Вскоре сидонский царь Баалшалим поместил на монету свои инициалы (Betylon, 1980, 7), а затем это стало правилом: цари не только Сидона, но также Тира и Библа делали то же (Hill, 1910, *passim*; Betylon, 1980, *passim*). Сидонские цари, подчеркивая свое особое положение по отношению к персидскому сюзерену, помещали на монетах и изображение персидского царя царей, но рядом с ним изображали и себя, а во время восстания против персов гордо заменили изображение персидского монарха своим (Bondi, 1974, 155—156; Betylon, 1980, 137—138). На монетах появляются также цифры. Они невелики и никогда не бывают больше 20, так что ясно, что они обозначают не городскую эру, а годы правления царя (Зограф, 1951, 87). Таким образом, монеты выпускались не от имени города, а от имени царя (Naster, 1979, 601—602). Следовательно, и выпуск монеты был царской прерогативой.

Царь был тесно связан с божеством. Каждый городской монарх имел свое собственное божество, которое обладало царским величием конкретного государя. Неудивительно, когда узурпаторы заявляли, что бог сделал их царями и тем самым оправдывали свое беззаконие божественной волей. Но и законный царь Библа Йехавмилк, сын и внук царей, тоже заявлял, что Владычица Библа (Баалат-Гебал) сделала его правителем над Библом (КАИ, 10). Это в известной степени сакрализовало царскую власть (ср.: Moscati, 1972, 668) и ставило ее под божественное покровительство, но не означало, что обожеств-

лялась сама фигура правящего или покойного царя. Об этом нет никаких сведений, да и вообще в Передней Азии доэллинистического времени такой практики не существовало, а немногие исключения, как попытка обожествления аккадского царя Нарам-Сузена, только подтверждают правило. Сложнее обстоит дело с проблемой совмещения царских и жреческих функций.

Сидонский царь Табнит, перечисляя свои титулы и титулы своего отца, говорит, что оба они именовались не только царями Сидона, но и жрецами Астарты, причем жречество называет даже раньше царства (КАI, 13). Его сестра и жена Амаштарт тоже была жрицей Астарты и царицей (КАI, 14). Но уже сын Табнита Эшмуназор II жреческого титула не имел и, называя имена своего отца и деда, которые, судя по предыдущей надписи, жреческим достоинством обладали, это обстоятельство опускает и говорит о них только как о царях (КАI, 14). Видимо, совмещение Эшмуназором I и Табнитом светских и духовных функций было вызвано не общим нарастанием сакрализации царской власти и все большим ее соединением со жречеством, а конкретными политическими обстоятельствами, которые Эшмуназор II мог уже не учитывать.

Рассказывая о положении в Тире, Юстин (XVIII, 4, 5) пишет, что Ахерб, жрец Геркулеса, т. е. Мелькарта, верховного бога Тира, был вторым лицом в государстве после царя Пигмалиона. После их столкновения царь одержал победу, и Ахерб был убит, а его жена (сестра царя) Элисса с группой своих и, вероятно, мужниных сторонников была вынуждена бежать из Тира, следствием чего стало основание Карфагена (Iust. XVIII, 4, 8). Этот рассказ в данном случае особенно важен, потому что Пигмалион был правнуком

Итобаала, жреца Астарты, захватившего власть в Тире. Уже отмечалось выше, что кроме как при захвате власти, больше об Итобаале как о жреце нигде не говорится.

Таким образом, царь и жрец, в том числе верховный жрец главного городского культа, были принципиально разными фигурами. Каждый из них обладал определенной властью и авторитетом (а также значительным богатством, если верить сообщению Юстина об Ахербе), что приводило к столкновениям между ними. В начале надписи на саркофаге Табнита указывается, что он был сыном царя и жреца Эшмуназора (КАI, 13), а его сын Эшмуназор II называет не только отца, но и деда (КАI, 14). Поэтому вполне обоснованно можно считать Эшмуназора I основателем династии. В таком случае выясняется, что столкновение между царем и жрецом закончилось победой второго. Победой жреца стало свержение и убийство Итобаалом своего предшественника Фелета, а конфликт между Пигмалионом и Ахербом завершился в пользу царя. Но в любом случае, даже если жрец на какое-то время захватывал трон, дуализм светской и духовной власти через какое-то время восстанавливался. Самое длительное известное нам совмещение царских и жреческих функций относится к правлениям Эшмуназора I и Табнита в Сидоне в V в. до н. э.

Итак, можно говорить, что царь был реальным главой государства, верховным судьей и администратором, командующим его вооруженными силами, ведущим всю внешнюю политику государства, выпускающим от собственного имени монеты, оставаясь в то же время (за немногими исключениями) чисто светской фигурой. Полномочия царя были столь обширны, что его нельзя считать только декоративной фигурой или пожизненным магистратом наподобие

спартанских царей. В то же время его власть не была деспотичной, она имела определенные ограничения (Albright, 1975, 520), вызванные существованием в городе общины.

В амарнских письмах постоянно упоминаются «город» и «люди такого-то города». Так, библский царь Рибадди пишет фараону, что его принуждают к миру с Азиру «люди Библа, мой дом и моя жена» (EA, 136, 8—9). Таким образом, в данном случае выступают как бы три инстанции — горожане, дом царя и его семья. В аккадоязычном тексте письма использовано выражение *biti-ia*. Установлено, что слово *bit*, равносильное греческому *οικος*, обозначает и собственно дом, и хозяйство (Vogaert, 1979, 746). В данном случае ясно, что речь идет не конкретно о хозяйстве, а об институте, имеющем определенное политическое значение. И практически равноценной инстанцией выступают «люди Библа». Конкретными выразителями желаний этих «людей» являются «владыки города» (^{amcl}*tu bel ali^{ki}*), которые и требуют присоединения к Азиру (EA, 138, 49—50). Так что «люди» предстают не в виде беспорядочной толпы, а как оформленное сообщество, возглавляемое «владыками города». Это — явно община, возглавляемая своими магистратами, роль которой была довольно велика. Отказ библского царя последовать ее совету привел последнего к изгнанию (Тельцер, 1954, 37—38; Reviv, 1969, 296—297). Из более позднего повествования о приключениях египетского посланца Ун-Амуна мы узнаем, что, когда чекеры прибыли в Библ требовать его выдачи, библский царь Чекер-Баал, прежде чем принять решение, созвал совет и с его согласия отказал чекерам, но отправил египтянина из Библа, предоставив возможность захватить его вне территории Библа (2, 70—74). В договоре тирского царя Баала с Асар-

хаддоном «народ» или «люди страны Тира» упоминаются наряду с царем (ANET, Suppl., 534). В надписи на саркофаге Эшмуназора II в Сидоне «любой царь и любой человек» предостерегаются против открытия саркофага (KAI, 14). В последнем случае ясно, что упомянутый там «человек» — не любой человек, а только член сидонской общины.

Царь должен был считаться с мнением общины. Пренебрежение этим правилом царя Рибадди, как мы видели, стоило ему трона. В 351 г. до н. э. печальная участь постигла и сидонского царя Теннеса, ставшего предателем своего народа (об этом см. с. 306). Через 18 лет, как свидетельствует Курций Руф (IV, 1, 16), другой сидонский царь — Стратон (Абдашарт II) — сдал тот же Сидон Александру Македонскому не по собственному желанию, но скорее по воле народа.

Как же народ выражал свою волю? Логично предположить существование народных собраний. Правда, прямые свидетельства существования таких собраний в самой Финикии относятся только к эллинистическому времени (Sznycer, 1975, 51—54), но очень интересные сведения приводит Геродот (VII, 23): финикийцы, согнанные Ксерксом, как и другие подчиненные народы, на строительство канала, устроили на ближайшем лугу рынок и площадь для собраний. Оторванные от родины, финикийцы явно соорганизовались так, как они привыкли у себя дома. Сообщение Геродота позволяет утверждать, что народные собрания существовали в финикийских городах и до эпохи эллинизма. По Аппиану (Anab. II, 15, 6), именно тирская община (κοινον) направила послов к Александру Македонскому, но не сказано, сделал ли это совет или вся община. Из контекста явствует скорее в пользу последней. Но в та-

ком случае это решение могло принять только собрание «у ворот города», каковым было народное собрание в западных колониях, явно существовавшее в метрополии (Seston, 1967, 218—222).

Наряду с собранием существовал и совет. Именно члены совета подразумеваются под «великими» (*gaba*), которые стояли во главе города наряду с царем (ЕА, 140, 12—13). Как говорилось выше, именно совет был созван Чекер-Баалом для решения судьбы Ун-Амуна. Старцы Библа (*zigne Gebal*) упоминаются в пророчестве Иезекиила (27, 9), хотя и не в очень ясном контексте. В договоре Баала с Асархаддоном встречаются старцы страны и совет (Pettinato, 1975, 151—154). Юстин (XVIII, 4, 15) пишет о тирских сенаторах. Возглавлял общинную организацию, по-видимому, суффет, который, как об этом шла речь в предыдущих главах, становился и главой государства в случае отсутствия царя. Видимо, этот пост занимал Илирабих, ставший главой Библа после ухода Рибадди. Суффеты оказались во главе Тира после временной ликвидации там царской власти Навуходоносором.

Посмотрим внимательнее на случаи упоминания общины и/или старцев. После бегства Рибадди из Библа во главе города встал некий Илирабих, который вместе с городом, т. е. общиной Библа, обращается с мольбой о помощи к фараону (ЕА, 139, 140). Но к этому времени практически вся территория Библского царства, кроме самого города Библа, оказалась уже в руках врагов.

Чекер-Баал мог сам, не спрашивая ни у кого разрешения, послать лесорубов в Ливанские горы, чтобы доставить лес Ун-Амуну. Он вел все дела с египетским посланцем, не спрашивая мнения совета, и только, когда корабли чекеров вошли в библский

порт, царь обратился к своим советникам. До этого Ун-Амун долгое время находился в порту, и царь постоянно требовал, чтобы он уехал, но ни разу не применил силу для осуществления своего требования, а Ун-Амун спокойно игнорировал требования царя. Видимо, порт занимал особое положение в городе (Bunnens, 1978, 13): царь даже не мог выслать оттуда нежелательного иностранца, а для того, чтобы рассмотреть требование вошедших в порт чужеземных судов, царь собрал совет. Такое поведение Черкер-Баала становится понятным, если предположить, что фраза Иезекиила относительно старцев и мудрецов Библа, которые ремонтируют тирские суда, подразумевает право тирских кораблей входить в порт Библа и рассчитывать на помощь библитов (Гельцер, 1962, 199). Это означает, что библиские «старцы» руководили портом.

Через много лет в Сидоне Теннес, прежде чем сдать Артаксерксу и выдать ему верхушку городской знати, должен был покинуть город и прибыть в место, находившееся вне городской юрисдикции. Еще позже тирская община в отсутствие царя начала переговоры с Александром, но к тому времени (как это было и много веков ранее с Библом) вся материковая часть Тирского государства уже была под властью македонского завоевателя. Об этом ясно говорит предложение тирских посланцев Александру принести жертвы Гераклу-Мелькарту в его храме, расположенном на материке в Палетире (т. е. в Ушу — практически материковой части самого Тира), что вызвало гнев полководца (Curt. Ruf. IV, 2, 3—5). Несколько раньше (IV, 2, 2) Курций Руф объясняет причины такого предложения: Тир предпочитает быть в союзе с македонским царем, но не подчиняться ему. Видимо, принесение жертвы в храме бога — покровителя го-

рода вело к признанию тирийцами власти Александра; Палетир уже и так находился в его руках. Следовательно, для тирской общины было неважно, что материковая часть государства находится в руках чужеземца, ей было важно, чтобы тот не вошел в сам город и его храм.

Из всего этого можно сделать вывод, что полномочия общины и ее органов распространялись на столицу государства, включая порт, и явно участки граждан у стен города. Над всем же государством она власти не имела. Внешнеполитическую инициативу община и ее органы могли проявлять только в исключительных случаях, когда царя по тем или иным причинам не было в городе, а самому городу грозила непосредственная опасность. Характерно, однако, что тирская община включила в состав посольства к Александру сына своего царя, видимо, чтобы придать своей миссии большую законность.

Члены общины, граждане города, могли служить в армии. Например, Иезекиил (27, 11) упоминает «сынов Тира», которые вместе с «сыновьями Арвада» охраняли городские стены. Это имеет очень большое значение, учитывая, что в древности военная служба и гражданский статус были тесно связаны.

Сообщение Иезекиила свидетельствует, что названием граждан города было «сыны (соответственно для женщин — дочери) города». В амарнской переписке используется термин «люди города». Учитывая, что эти письма написаны на аккадском языке, бывшем тогда языком международных общений, можно полагать, что обозначение граждан как «людей», а не как «сынов», просто воспроизводит обычную аккадскую терминологию. В Угарите граждане именовались «сынами» и «дочерями» этого города (Shedletsky and Levine, 1999, 335). Вероятнее всего,

что и в финикийских городах собственными названиями граждан были сыновья и дочери, так что радикальных изменений на рубеже тысячелетий в этом плане не произошло.

Несколько сложнее обстоит дело с царским титулом. В амарнских письмах неоднократно упоминаются цари финикийских городов, носившие титул царя данного города: царь Акко, царь Берита, царь Сидона, царь Тира (напр.: EA, 88, 46; 92, 32—34 и др.). В I тысячелетии до н. э. титулатура немного изменяется. Царь именуется уже царем тирийцев, царем сидонян, причем самое раннее упоминание титулатуры этого типа встречается пока в конце VIII в. до н. э. (Bordreuil, 1986, 298—302). Можно было бы, как и в предыдущем случае, просто отметить использование авторами амарнских писем аккадских титулов, ибо в Месопотамии обычным было выражение «царь такого-то города или такой-то страны». Однако и угаритский царь назывался царем Угарита, а не угаритян (Gray, 1969, 289; Bordreuil, 1986, 301). В переписке между царями Тира и Угарита первый также назван царем именно Тира (Lipinski, 1967, 282). Означает ли это изменение самой концепции царской власти и ее отношений с общиной (ср.: Sacot, 1986, 308)? Выше уже говорилось о том, что и во II тысячелетии до н. э. царь был должен считаться с общиной, следовательно, роль последней была весьма значительна. Никаких данных об особом усилении этой роли в последующие века нет. Поэтому в качестве гипотезы можно предположить, что во II тысячелетии до н. э. финикийский царь находился под сильным не только политическим, но и культурным влиянием крупных соседних держав, монархи которых именовались царями города или страны. В период крушения или ослабления этих держав выросла и культур-

ная самобытность финикийцев, и они восприняли (или восстановили) в титулатуре царей обозначение не города, а его граждан. Едва ли это означает усиление роли общины за счет власти царя. Но все же в своей столице царь с этой общиной, несомненно, должен был считаться.

Территория каждого финикийского государства, как уже было сказано, не ограничивалась только городом, давшим свое название царству. А под властью тирского царя долгое время находились и заморские колонии за исключением Карфагена. Достаточно вспомнить, что отказ Утики платить дань тирскому царю вызвал карательную экспедицию последнего. Вероятнее всего, и другие города, подчиненные царю Тира, платили ему дань (Шифман, 1967, 41). Во главе кипрского Карфагена стоял сокен, называвший себя слугой (или рабом) царя. Он явно представлял царскую власть в другом городе царства. Вероятнее всего, что и на азиатском материке во главе подчиненных городов стоял царский наместник, возможно, тоже называвшийся сокеном.

Мы уже упоминали об отказе Хирама I от дара иерусалимского царя Соломона — принять десять городов в Галилее, что сообщается и в Библии (I Reg. 9, 11—13), и Иосифом Флавием (Ant. Iud. VIII, 5, 3). Отвергая этот дар, царь Хирам I руководствовался исключительно своим желанием. Граждане Тира не фигурировали в этом деле. Это еще раз доказывает, что вне границ собственно города царь действовал абсолютно полновластно.

О существовании общины в подчиненных городах известий очень мало. Несомненно, что таковая существовала в заморских колониях, и после распада Тирской державы общинные институты стали единственными в этих городах. Что же касается ази-

атского материка, то на скарабее из Сарепты можно прочитать — «народ Сарепты». Правда, это чтение вызывает споры, и, может быть, правы те, кто эту надпись понимает как «десять Сарепты» (Bondi, Guzzo Amadasi, 1977, 97). В первом случае существование общины несомненно, но и второе чтение позволяет предполагать ее наличие, а в «десяти» видеть общинный институт. Однако нет никаких сведений о наличии связей между общиной столицы и общинами подчиненных городов. Поведение Хирама по отношению к галилейским городам позволяет говорить, что такой связи и не существовало. Да и распад Тирской державы едва ли был возможен, если бы между общиной Тира и ее аналогами в колониях существовали отношения власти и подчинения, как это было в Угарите (Шифман, 1982, 271—272). Вся история взаимоотношений Библа и Амурру, как она вырисовывается из амарнских писем, также показывает, что община Библа не обладала никаким влиянием на общины других городов этого царства. Поэтому можно представить структуру финикийских царств как совокупность отдельных общин, не связанных между собой и, что особенно важно, со столицей, которые осуществляли самоуправление в рамках своих поселений и находились под верховной властью общего для всех царя. Однако едва ли вся территория царства являлась объединением таких общин. На этой территории существовали и царские крепости, где, судя по всему, не было никакого самоуправления. Они полностью подчинялись царю, и он мог беспрепятственно распоряжаться ими вплоть до дарения другому государю. Такой крепостью был, например, Кабул недалеко от Акко (Gal, 1990, 88—97).

Итак, можно говорить, что в финикийских царствах существовал определенный политический

или, вернее, политико-административный дуализм, при котором царская власть сосуществовала с системой, вероятнее всего, не зависимых друг от друга общин, и с каждой из них царь должен был считаться в данном поселении, но не в государстве вообще.

Этому политико-административному дуализму соответствовал и дуализм в социально-экономических отношениях. В этой сфере тоже довольно ясно выступают два сектора — царский и общинный.

В царский сектор прежде всего входили леса. И Чекер-Баал в Библие, и Хирам в Тире направляли своих работников рубить кедры, кипарисы и другие деревья, а затем отправляли их в Египет, Израиль (или в другие страны), не спрашивая ничего разрешения, осуществляя свое неоспоримое право собственности. Неизвестно, были ли лесозаготовки и лесоторговля царской монополией, но то, что у нас нет сведений о частных порубках, не доказывает их отсутствие. Думается, что царь едва ли мог допустить частную конкуренцию в таком чрезвычайно выгодном деле. При этом надо учитывать, что покрытые лесом горные склоны все же находились преимущественно на определенном отдалении от города, так что власть городской общины могла на них и не распространяться.

В царский сектор входили также корабли и ведущая на них морская торговля. О своих кораблях говорит Рибадди (ЕА, 104, 44—45; 105, 85). Корабль царя Баала упоминается в его договоре с Асархаддоном. О кораблях Хирама (а не Тира), ходивших в Офир и Таршиш, сказано в Библии (I Reg. 10, 11; 22). Много о тирских кораблях говорит Иезекиил (27, 5—9), но его пророчество относится вообще к Тиру, и он в данном случае не делает различия между судами тирийцев и их царя. Но в следующей 28 главе

уже непосредственно о тирском царе, который умножил свое богатство мудростью и торговлей, он с негодованием говорит «от обширности торговли твоей внутреннее исполнилось неправды, и ты согрешил». Следовательно, и у Иезекиила царь Тира выступает если не единственным, то главным торговцем своего города.

Царю принадлежали и какие-то земли, продукты которых он мог пускать в торговый оборот. В Палестине найдены финикийские кувшины с надписями, которые содержат собственное имя (вероятно, топоним) и обозначение l-mlk, т. е. «царя» (Dalavault, Lemair, 1979, 15, № 25). Возможно даже, что и в Палестине использование на кувшинах царских обозначений идет из Финикии (Teixidor, 1970, 358—359). В Самарии обнаружен сосуд середины VIII в. до н. э. с именем Милькирама, неизвестного ранее царя Тира (Dalavault, Lemair, 1979, 21, № 43).

Судя по тому, что известно о царских ремесленниках, о которых речь пойдет ниже, можно говорить, что царь располагал и ремесленными мастерскими.

Таким образом, в царский сектор входили все отрасли хозяйства, в том числе такие важные, как заготовка леса и морская торговля.

Принадлежали к этому сектору и люди, прежде всего рабы. Конечно, это словоупотребление в Финикии и Палестине, как и вообще на Востоке, было неточным, и всякий раз при упоминании рабов нельзя быть уверенным, что речь идет о людях, бывших полной собственностью хозяина (в данном случае царя), или просто зависимого человека (Bohrmann, 1998, 15). Достаточно вспомнить об уже упоминавшемся сокене кипрского Карфагена, который сам себя называл рабом (или слугой, что обозначалось одним словом *abd*) царя. Но в некоторых случа-

ях такая уверенность появляется. Так, Чекер-Баал, получив от Ун-Амуна плату за будущую поставку леса, отправил на Ливан 300 мужчин и 300 быков и поставил над ними надсмотрщиков (2, 42—43). Наличие надсмотрщиков говорит о несвободном статусе лесорубов. Царь Соломон, готовясь к постройке храма, просил Хирама направить для рубки леса вместе со своими рабами и его рабов, обещая при этом отдать заработок рабов самому царю (I Reg. 5, 20). То, что заработок работников идет хозяину, свидетельствует о рабском положении этих людей (Шифман, 1964, 56). В других случаях такой ясности нет, но и тогда можно говорить о людях, зависимых от царя. Так, Хирам отправил в Офир «на корабле своих рабов, людей, опытных в море, вместе с рабами Соломона» (I Reg. 9, 27). Экипаж корабля делился на собственно моряков, гребцов и кормчих (Ez. 26, 8—9). Последних, а они были наиболее опытными в море, едва ли можно считать обычными рабами. Вероятно, перед нами «царские люди», которые были лично свободными, но зависимость которых от царя выражалась словом «раб», что было обычным на Ближнем Востоке в древности. Сложнее обстоит дело с моряками и особенно гребцами, которые занимали самое низшее положение в экипаже. Но можно думать, что просто рабами они не были. Иезекиил (27, 8) называет гребцов жителями Сидона и Арвада. Нам ничего не известно о войнах Тира с Сидоном и Арвадом, результатом которых могло быть появление в Тире военнопленных рабов. Исключено, пожалуй, и предположение о продаже жителей Сидона и Арвада в Тир. Гораздо вероятнее, что это были те сидоняне и арвадцы, которые по тем или иным причинам покинули свои города и нанялись гребцами в царский флот в Тире.

Среди «царских людей» были и ремесленники. Таким явно был Хирам, тезка царя, которого тирский монарх послал Соломону для строительства храма и который был и архитектором, и медником, и резчиком, и ювелиром (I Reg. 7, 13—45; II Chron. 2, 7—18; Ios. Ant. Iud. VIII, 3, 4). По словам автора I Книги царей, этот Хирам был сыном еврейки из колена Нефталимова и тирийца, бывшего медником. Будучи тирийцем только наполовину, Хирам, видимо, не мог быть полноправным гражданином. Из некоторых надписей из финикийских колоний мы узнаем, что ремесленники были герами, т. е. людьми неполноправными, сравнимыми с афинскими метеками (Heltzer, 1990, 98). По-видимому, их положение было подобным положению ремесленников в Новом Карфагене, которые не были рабами, но составляли общественную группу, зависимую от карфагенского государства (Циркин, 1987, 98). Вполне можно представить, что после ликвидации в Карфагене монархии подобные люди перешли в зависимость от республики. Пример Хирама показывает, что и в метрополии, по крайней мере, часть ремесленников находилась на таком положении. Этот же случай приоткрывает путь формирования «царских людей» из лиц, социально неполноценных. Не имея социальных связей с гражданским коллективом и, возможно, отвергаемые им, эти люди вставали под покровительство царя, что обеспечивало им возможность существования в городе. Хирам был в первую очередь медником, как и его отец: Библия подчеркивает его умение делать всякие вещи из меди. Это может говорить о наследовании профессий среди царских ремесленников. Возможно, что не собственно рабами, а «царскими людьми» были те работники Хирама и те библинты (характерно, что они названы

просто по городу), которые вместе с работниками Соломона подготавливали строительство храма (I Reg. 5, 18; Шифман, 1964, 56).

В финикийских городах существовала еще одна группа людей, связанных с царем. В амарнских письмах встречается упоминание хупшу (EA, 78, 36; 118, 23; 27 и др.), которые явно зависимы от царя, ибо Рибадди называет их «мои хупшу» (EA, 112, 12), но в то же время они могут свободно покидать царя (EA, 118, 23—28). Исследование этой категории населения Библа показало, что хупшу были наемными воинами, служившими за определенную плату и, может быть, земельный надел, которые в случае невыполнения царем своих обязательств могли оставлять службу и переходить к другому нанимателю. Так поступили хупшу Рибадди, ушедшие от него к Азиру и царям Сидона и Берита (Гельцер, 1954, 36—37). Видимо, на том же положении находились и наемные воины Тира, о которых говорил Иезекиил (27, 10—11). Они были представителями более высоких слоев населения, чем ремесленники или гребцы, ибо воинов-арвадцев пророк называет «сыновьями» Арвада, в то время как гребцов — «жителями». Поскольку военное дело было прерогативой царя, воины-наемники находились на царской службе. Следовательно, они тоже были «царскими людьми», хотя и более высокого ранга.

Однако при всем значении царского сектора в этой сфере экономики он не был единственным. Если можно предполагать царскую монополию на лес, то такой монополии на флот у царя не было. Договор Баала с Асархаддоном упоминает корабли не только царя, но и «людей Тира». Сухопутная торговля вообще в значительной степени осуществлялась частными лицами, теми, кто оставил свои имена вдоль торговой дороги от Газы к Акабскому заливу

(Dalavault, Lemaire, 1979, 28—29, № 52—55). На ряде сосудов имеются надписи, сделанные до обжига, которые содержат имена ремесленников, изготовивших эти сосуды, и все они — частные лица. Другие надписи (чаще всего на кувшинах из-под вина или масла) сделаны после обжига, и в них имеется предлог l-, также обозначающий принадлежность (Dalavault, Lemaire, 1979, passim; Gibson, 1982, 19). В последних случаях речь идет, по-видимому, о хозяине содержимого сосуда, т. е. о землевладельце, продуктом работы которого (или его работников) и было масло или вино. Ремесленник, изготовивший золотую чашу, найденную в Пренесте, выгравировал на ней свое имя (Harden, 1980, 109, 180). Все эти люди никакого отношения к царям не имели. Учитывая существование в финикийских городах общины, их можно считать общинниками.

Параллельность существования в финикийских городах царского и общинного секторов экономики отразилась в сосуществовании двух весовых мер — царского сикля и сикля «ворот», т. е. общины (Er'at, Naveh, 1993, 62).

Члены городской общины составляли гражданский коллектив «сыновей» (bene) города. Этот коллектив не был однородным. Его верхушку составляла аристократия. Филон Библиский (fr. I, 44) говорит о «могущественных» (κρατούτες), которые в древности в случае опасности жертвовали богам любимых детей. В двух надписях из Карфагена и Сардинии (KA1, 81; 6) упоминаются 'drnm — могущественные. Речь идет, конечно, о городской аристократии (Schiffmann, 1976, 51—52). Такое совпадение в терминологии ясно указывает на ее заимствование колонистами из метрополии. Исаяя (23, 8) упоминает тирских купцов, которые были его князьями (sarim). Речь яв-

но идет о верхушке тирского общества. Саллюстий (Jud. 19, 1) говорит о финикийской знати, которая из жажды власти побудила многих к выселению в колонии. Тот же Саллюстий среди колонистов упоминает и плебс. Это, несомненно, соответствует финикийскому термину *s'gnm* (малые), которым в тех же надписях обозначается вторая группа гражданского населения. В состав этой группы входили мелкие землевладельцы, подобные тем *cultores*, о которых говорит Курций Руф (IV, 4, 20), упоминая об их требовании новых земель. К «малым», по-видимому, принадлежали и ремесленники, не входившие в число «царских людей». Это были мелкие производители, владельцы весьма небольших мастерских, занятые личным трудом. Они могли объединяться в профессиональные коллегии, имевшие своих должностных лиц (Heltzer, 1990, 95—98). Такая «цеховая» организация, вероятно, помогала им выживать в условиях довольно значительной политической и экономической мощи царей и олигархической верхушки гражданского коллектива. Обе группы вместе и образовывали коллектив «сынов города».

«Сыновьями» не исчерпывалось свободное население финикийских городов. Иезекиил (27, 8) упоминает «жителей» (*josbe*) Сидона и Арвада, служивших гребцами на тирских кораблях. Они противопоставляются «сынам» того же Арвада, нанявшимся на военную службу в Тире (Ez. 27, 11). О социальном положении «жителей» ничего неизвестно, но они совершенно очевидно были свободными людьми, ибо могли свободно наниматься на службу в другой город. В то же время они явно стояли ниже «сыновей», так как в отличие от тех шли не на престижную службу воинов, а на более низкую в глазах общественного мнения и более трудную службу гребцов. Посту-

пив на службу к чужому царю, они становились его «царскими людьми».

«Могущественные» были весьма богатыми и действительно могущественными людьми. Недаром Исайя называет их князьями и знаменитостью земли. Судя по тому же фрагменту пророчества, основой их богатства и мощи была торговля. По крайней мере, это действительно для Тира. И Исайя, и Иезекиил говорят об огромном богатстве Тира. Даже если ради того, чтобы произвести наибольшее впечатление на слушателей, пророки преувеличивают эти богатства, само это преувеличение должно опираться на известные их слушателям факты. Но сравнительно небольшие размеры территории царства Тира, как и других финикийских государств, не могли обеспечить таких богатств. Конечно, нельзя полностью исключить и роль землевладения. До передачи персидским царем Сидона тирийцам принадлежала равнина Шарона, о которой Эшмуназор говорит как о мощной земле Дагона (КАI, 14), т. е. об очень богатой зерном. И все же для современников, какими были, в частности, Исайя и Иезекиил, финикийцы остались прежде всего богачейшими торговцами. Поэтому финикийскую аристократию, во всяком случае, тирскую, можно назвать в первую очередь торговой.

Итак, и в политической, и в экономической, и в социальной сферах можно констатировать сосуществование двух секторов — царского и общинного. Очень мало данных об их взаимоотношениях. Едва ли надо говорить об эволюции финикийской экономики от дворцовой через смешанную к гражданской (ср.: Elayi, 1990, 60—61). Нет, к сожалению, прямых указаний на существование общинного сектора экономики во II тысячелетии до н. э., но та роль, какую играла община в политической сфере, была бы не-

возможна без экономической базы. Ведение в X в. до н. э. связей между Тиром и Израилем исключительно их царями объясняется тем, что это были межгосударственные контакты, а внешняя политика, как уже говорилось, была царской прерогативой. В VI в. до н. э. евреи, решив восстановить иерусалимский храм, снова обратились к финикийцам с просьбой о доставке леса в обмен на пищу, питье и масло. Но это происходило уже в рамках Персидской державы, и инициатором контакта выступила иерусалимская община, так что вполне естественно, что и обращалась она не к царям Тира и Сидона, а к тирийцам и сидонянам, т. е. гражданам этих городов. А в следующем столетии персидский царь Артаксеркс передавал долину Шарона и города Дор и Яффу именно сидонскому царю Эшмуназору (KA1, 14), потому что опять же это было дело царей, хотя и неравноправных.

В Библии сохранился очень интересный рассказ о попытке израильского царя Ахава отобрать приглянувшийся ему виноградник некоего Навуфея (I Reg. 21). Царь захотел купить виноградник, но его владелец решительно отказался его продать. Тогда царица Иезавель, подкупив соседей Навуфея, обвинила строптивного землевладельца в государственной измене, тот был казнен, а желанный виноградник перешел к царю уже в качестве конфискованного имущества. Этот рассказ справедливо истолкован как доказательство отсутствия в Израиле верховной власти царя на землю общинника, которую царь мог приобрести только после осуждения землевладельца за конкретное преступление (Дьяконов, 1967, 22). Это происходило в Израиле, но Иезавель была дочерью тирского царя Итобаала, и время Ахава было периодом усиления финикийского влияния в Израиле (Tadmor, 1981, 152—153). Иезавель внесла много финикийского в

жизнь этой страны (ср.: Moscati, 1972, 652), и очень возможно, что ее совет был вызван не только коварством, но и опытом, полученным на родине.

Этот поступок Иезавели вызвал страшное негодование в Израиле. Библия донесла до нас ту жгучую ненависть, какую питали израильтяне к этой царице, и восторг по поводу ее страшной смерти, и даже то, что ее не смогли похоронить, ибо псы пожрали почти все ее тело. Захват собственности оклеветанного Навуфея рассматривался чуть ли не как главный грех Ахава. Видимо, в Израиле к таким поступкам еще не привыкли. Но если Иезавель действительно поступила так, как случилось в Тире, то и там это не могло проходить совершенно безнаказанно. Курций Руф (IV, 4, 20) говорит, что тирские земледельцы с оружием в руках искали для себя новых земель на чужбине. Правда, историк объясняет это выступление частыми землетрясениями, измучившими крестьян. Но нам сейчас важен сам факт вооруженного выступления и то, что оно послужило одной из причин тирской колонизации. А второй этап этой колонизации начался именно при Итобаале, отце Иезавели. Поэтому можно полагать, что и выступление земледельцев Тира приходилось на его царствование. Сопоставляя время выступления тирских крестьян и поступок Иезавели, можно считать, что подобная практика, использованная израильской царицей, применялась и ее отцом. В таком случае положение об отсутствии верховной собственности царя на общинные земли надо распространить и на Тир, который в этом отношении едва ли отличался от других городов Финикии.

Итак, можно говорить, что характерной чертой финикийских «номовых» государств была дуалистичность их структур. В политической сфере — цар-

ская власть и самоуправление городских общин, в экономической — хозяйство царя и владения граждан, в социальной — «царские люди» и гражданский коллектив, делившийся на «могущественных» и «малых», а наличие «жителей» города еще более усложняло картину социальных отношений. Что касается рабов, то рабы царя, как например, его лесорубы, могли считаться частью «царских людей». Сведений же о рабах граждан мы не имеем, хотя едва ли надо сомневаться в их наличии по крайней мере у «князей», т. е. верхушки гражданского коллектива.

Может быть, несколько иначе обстояло дело в Арваде. В амарнских письмах ни разу не упоминается царь этого города, но всегда говорится только о «людях Арвада» (ЕА, 101, 13; 16; 105, 12—18 и др.) или кораблях Арвада (ЕА, 105, 87). Особенно показателен отрывок из 149 письма, в котором тирский царь Абимилки жалуется фараону, что в заговор с врагом фараона Азиру вступили Зимрида Сидонский и люди Арвада, и они вместе собрали свои корабли, свои колесницы и своих людей для захвата Тира (ЕА, 149, 57—63). Через много столетий после всех этих событий, когда уже под властью Ахеменидов Арвад, как и другие финикийские города, начал чеканить свою монету, на них, в отличие от Тира, Сидона и Библа, появляется не имя царя, а обозначение города (Betylon, 1980, 139). На этом основании был сделан вывод, что по крайней мере в амарнские времена Арвад управлялся олигархией (Muller-Karpe, 1980, 463). Арвадская монета, как уже говорилось, отличалась от других финикийских монет, следуя персидскому (или вавилонскому) стандарту, а в искусстве Арвада уже на рубеже VI—V вв. до н. э. ясно ощущается греческое влияние, что свидетельствует об особом положении этого города в Финикии. С другой стороны,

известны арвадские цари. Матанбаал со своими 200 воинами сражался против Салманасара III в битве при Каркаре (ANET, 279). Тиглат-Паласар III среди подчиненных царей упоминает другого Матанбаала Арвадского (ANET, 282). Царей Арвада упоминают и другие ассирийские цари, а Ашшурбанапал рассказывает, как он убил арвадского царя Йакинлу и посадил на трон его старшего сына Азибаала (ANET, 296). Царя Арвада (не называя его имени) упоминает Навуходоносор (ANET, 308). Арвадский царь Мербаал во главе своего флота участвовал в походе Ксеркса на Грецию (Her. VII, 98). И наконец, царь Стратон (Астарит или Абдастарт) правил Арвадом во времена Александра Македонского (Arr. Anab. II, 13, 7; Curt. Ruf. IV, 1, 6). Соединить все эти противоречивые сведения в одно логичное целое очень трудно.

Вообще сведений об Арваде очень мало, но то, что известно (об этом уже говорилось в предыдущих главах), свидетельствует о его роли и его богатстве. В связи с этим вызывает некоторое удивление число воинов, приведенных арвадским царем Матанбаалом под Каркаром: всего 200 человек. Даже Ирката, уже не игравшая в то время значительной роли, выставила 10 колесниц и 10 000 воинов. Отряд Матанбаала был самым небольшим в объединенном войске, только малоизвестный Усну отправил такое же количество солдат. Не был ли отряд Матанбаала не войском Арвада, а его личной гвардией? Может быть, в качестве самой приблизительной гипотезы можно предположить, что в Арваде роль царя была гораздо менее значительна, чем в других финикийских городах. Община могла самостоятельно выступать и во внешней политике, и в войнах, а царь, в свою очередь, в случае несогласия общины участвовать в военных действиях имел возможность вывести на вой-

ну собственный отряд. И во внутренней политике решающая роль принадлежала общине, так что царь, как и в некоторых греческих городах, оказывался лишь пожизненным магистратом государства. Аппиан (II, 13, 7), упоминая о последнем арвадском царе доэллинистического времени, называет его сыном Герострата (Герастарта), говоря, что сам Герострат в это время во главе своих кораблей находился в персидском флоте. Это несколько странное уточнение может говорить о том, что и царское достоинство переходило в Арваде не строго по наследству, так что сын мог быть посажен на трон в обход отца, сохраняющего тем не менее высокое положение.

Разумеется, новые исследования и, главное, новые находки позволят в будущем иначе решить этот вопрос. Но, в любом случае, кажется, что положение в Арваде все же отличалось от положения в других городах Финикии. Может быть, Арвад оказался ближе к античному пути развития древнего общества. Остальные же финикийские города-государства оставались в орбите древневосточного мира.

ГЛАВА 13

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КАРФАГЕНА

Долгое время Карфаген практически не имел сельскохозяйственной территории. Она появилась только после подчинения соседних ливийских племен, часть земель которых карфагеняне присоединили непосредственно к своему городу, образовав его хору (Polyb. I, 71, 1). Здесь и разместились земельные владения карфагенян, но размеры их точно не известны, и лишь некоторые косвенные данные позволяют судить об этом. Диодор (XX, 8, 3—4) говорит о множестве *αυροικιαί*, расположенных рядом. Но они не могут быть деревнями, ибо далее историк рассказывает об их богатстве, изобилии в них всего, что нужно «для наслаждения», о роскошных и тщательно построенных домах. А несколько позже автор прямо отмечает, что это были владения наиболее видных карфагенян. Поэтому надо полагать, что перед нами имения карфагенских аристократов (Шифман, 1968, 249), может быть, подобные той «башне», какую имел Ганнибал (Liv. XXXIII, 48). На сравнительно небольшой территории находилось, следовательно, довольно большое количество таких

имений. Уже это показывает, что сами имения не могли быть обширными. В то же время в них сосредотачивались огромные богатства, что объясняется как интенсивностью ведения хозяйства, так и тем, что сюда стекались доходы и от других занятий владельца.

Карфагенский агроном Магон, принадлежавший к высшему обществу (Плиний, XVIII, 22), писал, что в имении необходимо иметь пекаря, повара и кладовщика (Col. XII, 4, 2). Наличие в «штате» таких должностей говорит о том, что эту работу выполняли не временные работники, а постоянные, т. е. рабы. В то же время их было всего по одному на хозяйство, следовательно, оно не могло быть большим. Магон явно имеет в виду хозяйство аристократа. Интересно наблюдение французского исследователя Ж. Эргона о том, что сочинение Магона переводилось в Риме по приказу сената в период обострения политической борьбы (Neurgon, 1976, 441—456). Видимо, в этом трактате римские сенаторы находили аргументы в полемике с противниками. Из всего этого можно сделать вывод, что имение карфагенского аристократа было сравнительно небольших размеров. Во всяком случае, оно не было похоже на латифундию одного из шести землевладельцев, которые, по словам Плиния (XVIII, 35), во времена Нерона, т. е. во второй половине I в. н. э., владели половиной римской провинции Африки. Конечно, не исключено, что некоторые владельцы могли сосредоточить в своих руках несколько имений. Таким мог быть Ганнон Великий, если из 20 тысяч рабов, которых он, по Юстину (XXI, 4, 6), вооружил во время своего мятежа, значительная часть принадлежала ему лично. Но в любом случае то, что Ганнон нашел средства для вооруже-

ния такого количества людей, свидетельствует о его огромном богатстве.

Эксплуатация земельных владений была одним из источников богатства карфагенской знати. Другим источником была торговля. Карфаген с самого начала выступал как значительный торговый центр, игравший большую роль в международных обменах в Средиземноморье. С течением времени, несмотря на увеличение доли сельскохозяйственного производства, его значение в торговле не уменьшилось, и карфагенские аристократы активно в ней участвовали. Кроме того, они монополизировали политическую и военную власть. О том, насколько важным источником доходов было военное командование, могут свидетельствовать богатства, получаемые в Испании Баркидами. Известно и о беззастенчивом грабеже государственной казны знатью и магистратами, по крайней мере, после II Пунической войны (Liv. XXXIII, 46—47), но можно думать, что это случилось и раньше. Поэтому естественно стремление элиты сосредоточить в своих руках власть. Аристотель (Pol. II, 8, 1273a—1273b; IV, 5, 1293b; V, 10, 1316a) подчеркивает аристократический характер карфагенского государственного устройства. Он отмечает, что в этом государстве на должности избирались не только по достоинству, но и по богатству (Pol. II, 8, 1273a). Таким образом, основой экономического могущества карфагенской знати были прямая и косвенная эксплуатация своих владений, обрабатываемых рабами, а также подчиненного населения, торговля и использование государственного аппарата, включая армию.

Существование олигархической группировки в Карфагене подтверждается текстом Юстина (например, XXI, 4, 3), упоминавшего сенат. Надо ли под этим словом подразумевать совет или сословие, из кото-

рого советы Карфагена формировались? Аналогичное замечание Юстина, относящееся к реформам Солона в Афинах (II, 7, 5), показывает, что словом «сенат» обозначались эвпатриды, т. е. афинские аристократы. В других случаях возможны оба толкования. Так, этим словом обозначается власть «четырехсот» в тех же Афинах (V, 3, 5) и «шестисот» в Сиракузах (XXII, 2, 12). Но в любом случае этот термин обозначает олигархию или органы ее власти.

Наряду с сенатом Юстин называет и плебс. Анализ этого термина показывает, что речь идет о части гражданского коллектива, противопоставленного аристократии (Циркин, 1976, 14—15). Этой группе граждан теоретически тоже принадлежала определенная доля власти. Иногда, как это было между I и II Пуническими войнами, теория могла претворяться в практику, и народ говорил свое слово, с которым властям приходилось считаться. Но в обычное время народ послушно следовал за правящей верхушкой, да и в периоды политических кризисов лидерами народа становились те же аристократы, которые по разным причинам вступали в конфликт с большинством знати, как Ганнибал после II Пунической войны. Наличие народа, не входящего в правящую группировку, было в Карфагене, как и в других финикийских колониях, изначально. Саллюстий (Iug. 19, 1), как уже говорилось в соответствующей главе, отмечает, что в основании колоний принимали участие не только «жаждущие власти», т. е. представители правящей группы, оттесненные от власти на родине, но и плебс и другие люди, «стремящиеся к переменам». Этот автор употребляет тот же римский термин «плебс», что и Юстин.

Из кого состоял плебс, сказать трудно. В его состав могли входить мелкие землевладельцы, наличие

которых можно с осторожностью предположить на основании существования в Карфагене жертвоприношения *ybl*, что может говорить о наличии обычая, аналогичного библейскому Юбилею (Шифман, 1968, 248—249). К плебсу, по-видимому, принадлежали и мелкие торговцы, и те ремесленники, которые имели собственное хозяйство, оставившие, в частности, надписи, в которых указывается не социальная или политическая категория посвятителей, а только их профессия. Ими могли быть владельцы мастерских (Шифман, 1968, 251), и можно предположить, что такие люди использовали труд рабов. Во всяком случае, сравнительно сложные гончарные печи или кузнечные горны, как и неуклюжие гончарные круги, требовали участия в производстве нескольких человек (Cintas, 1950, 23—31; Forbes, 1969, 156). В надписях иногда встречаются имена рабов, хозяева которых не занимали высоких государственных постов. Можно полагать, что эти хозяева (по крайней мере, часть их) также относились к плебсу.

О наличии двух групп гражданства свидетельствует и эпиграфика. В двух надписях, одна из которых найдена в самом Карфагене (KAI, 81), а другая — в Сардинии (KAI, 6), упоминаются *'drnm* и *s'rnrm* — «могущественные» и «малые», т. е. «знать» и «плебс» (Schiffmann, 1976, 51—52). Наличие таких же групп отмечается и в метрополии. Не исключено, что в Карфагене термин *'drnm* мог означать не только «могущественных», но и орган их власти (Huss, 1978, 328), т. е. оба эти значения соответствуют юстиновскому выражению *senatus*.

Таким образом, граждане Карфагена делились на две группы: *'drnm*, т. е. «могущественные», «сенат», и *s'rnrm*, т. е. «малые», «плебс». В руках первых концентрировались основные рычаги экономической и по-

литической власти. Это затрудняло, а в обычное время делало, по-видимому, невозможным проникновение в ряды «могущественных» представителей «плебса». В то же время правящая верхушка стремилась «подкармливать» народ различными путями, одним из которых, как отмечает Аристотель (Pol. II, 8, 1273b; VI, 4, 320b), была отправка некоторых представителей народа в подчиненные города. Говоря об этом, философ использует предлог *επι*, а не *προς*, это доказывает, что посылались не просто колонисты, а управляющие (Доватур, 1965, 32, 335, прим. 31; 363, прим. 95). Другим средством смягчения конфликтов внутри гражданства было выселение части граждан в колонии. Так, мореплаватель Ганнон, отправляясь основывать города, плыл с 30 тысячами мужчин и женщин, которые должны были их населить (Hannoni per. 1). При всей преувеличенности этой цифры она свидетельствует о размахе колонизационной активности карфагенян. Возможно, что все граждане, включая и плебс, были освобождены от налогов (Huss, 1990, 339).

Мы не знаем, были ли эти две группы граждан юридически оформлены или речь шла о фактических различиях. Но надо подчеркнуть, что в любом случае они вместе составляли «народ Карфагена» (*'m qrthdst*), обладавший высшей суверенной властью, воплощенной в народном собрании (Szynger, 1975, 47—68). И именно через народное собрание сумел Ганнибал провести реформу управления, приведшую к ликвидации всевластия «судей» (Liv. XXXIII, 46). Естественно, это произошло без согласия «судей», за что сам Ганнибал скоро и поплатился. Следовательно, в Карфагене не существовало силы, которая стояла бы над гражданской общиной и могла юридически воспрепятствовать решению

народа. Теоретически государственная власть выражала интересы всего гражданского коллектива. Даже знать, численно уступавшая плебсу, была частью того же коллектива.

Существуют данные о наличии в Карфагене государственной собственности. Таковыми могли быть некоторые рудники. Например, в римское время богатейшие серебряные рудники в окрестностях Нового Карфагена принадлежали государству (Strabo III, 2, 10). В то же время известно, что римский полководец Сципион после захвата этого города вернул гражданам все их имущество, оставшееся после грабежа воинами (Liv. XXVI, 47, 1). Поэтому можно считать, что и до римского завоевания эти рудники принадлежали не отдельным гражданам, а государству. По видимому, государству принадлежали и верфи в самом Карфагене, где строились военные суда, и специальная стена ограждала их от любопытства купцов, собиравшихся в соседней торговой гавани (App. Lib. 96). Возможно, что государственной собственностью был арсенал. Аппиан (Lib. 93) также говорит о существовании в Карфагене неких государственных и священных, т. е. явно храмовых, участков. Это свидетельствует о наличии в городе каких-то земель, принадлежавших карфагенскому государству, но не означает, что государственная собственность представляла собой внеобщинный сектор экономики. Вне общины, как мы видели, не было сил, которые могли бы опираться на этот сектор, так как государственные власти были частью той же общины. Не противопоставлялись общине и храмы. Они могли быть довольно богатыми, как например, храмы Эшмуна и Решефа (App. Lib. 127, 130). Но сами храмы находились под контролем специальных должностных лиц государства — коллегии «десяти над свящи-

лищами» (Шифман, 1968, 254—255). Можно говорить, что в Карфагене существовала только собственность гражданской общины, выступавшая в двух ипостасях: как собственность всей общины-государства (включая храмовую собственность) и как собственность отдельных граждан — мастерские, земли, лавки, торговые корабли. Карфагенская экономика, в отличие от экономики метрополии, представляется принципиально одноукладной.

Карфагенское гражданство не являлось однородной массой. Аристотель (Pol. 8, 1272) говорит о сисситиях гетеров, сходных со спартанскими фидиттиями. Возможно, что эти гетерии являются теми объединениями, которые в некоторых надписях (например, KAI, 69, 145, 159) именуются *mzrh*, *mzrhm*, и, может быть, позже из них выросли курии римской Африки (Kotula, 1968, 10—19, 49; Kotula, 1980, 133—139; Sznycer, 1972, 36—39; Huss, 1990, 336). Какова была реальная роль гетерий в гражданском обществе Карфагена, неизвестно.

Кроме граждан, в Карфагене и на территории его державы жили иностранцы: греки, этруски, италики и др. Положение их было различным. Те, кто жил в столице, возможно, были уподоблены афинским метекам. Иным был статус обитавших вне Карфагена. Судя по надписи из Мактара, города, где долго сохранялись карфагенские институты, там существовала такая категория жителей, как «народ, живущий на земле» в подчиненной общине (Sznycer, 1972, 38). Повидимому, этих людей можно сравнить с герами, неполноправными поселенцами, столь часто упоминаемыми в Библии. Об обязанностях этих людей мы знаем немного. Судя по надписи из Мактара, их привлекали к различным мероприятиям общины, в том числе к строительству. Еще одной группировкой не-

полноправного населения были «сидонские мужи» и «сидонские дочери», которые не раз появляются в надписях (CIS 269—292, 2798). Некоторые из них названы «бодами», т. е. слугами, в то время как другие таковыми не были. Боды были лично свободными людьми, но зависели от «своих господ», напоминая римских клиентов, но с тем важным отличием, что их зависимость была гораздо большей, а господа в отличие от римских патронов не несли никаких обязательств перед бодами (Шифман, 1963, 21, 23). Видимо, понятия «бод» и «сидонский муж» перекрещивались. «Сидонские мужи» могли быть бодами, но могли иметь и другой статус. Бодами же, по-видимому, были не только «сидонские мужи», но и другие люди. О положении и происхождении «сидонских мужей» точных сведений нет. Если вспомнить рассказ об основании Тира якобы сидонянами, то можно предположить, что «сидонскими мужами» были потомки переселившихся в Тир сидонян или вообще негражданское население Тирского государства. В таком случае они могли входить в число «других», которые, по Саллюстию (Iug. 19, 1), вместе с плебсом были вовлечены тирскими аристократами в колонизационную активность. Не исключено, что в их число могли включаться более поздние переселенцы, которые в состав уже устоявшегося гражданского коллектива включены не были. Нечто похожее существовало в греческих колониях, где прибывшие позже колонисты (эпойки) полноправными гражданами, как правило, не становились (Яйленко, 1982, 244). Существует также предположение, что «сидонскими мужами» становились отпущенники (Sznycer, 1975, 56). Но это предположение нам кажется маловероятным.

Своеобразным было положение тех лиц в Новом Карфагене, которых Полибий (X, 17, 6—7) и Ливий

(XXVI, 47, 1) называют ремесленниками. Относительно них в науке существуют разные точки зрения (Meltzer, 1879, 511; Seston, 1967, 291; Шифман, 1968, 256—257 и др.), что естественно, так как упоминание этих людей очень кратко и дано в недостаточно четком контексте. Ясно только, что они — не граждане и не рабы, ибо и те, и другие, и третьи названы среди жителей Нового Карфагена. Ливий в начале соответствующей главы пишет о захвате римлянами в Новом Карфагене 10 тысяч свободных людей, а затем о том, что гражданам вернули имущество и рабов, а ремесленников превратили в общественных рабов, обещая освободить их после войны в случае усердия. Из этого ясно, что и до захвата города римлянами ремесленники не были рабами, по крайней мере, частными. Вероятно, речь идет о какой-то особой общественной группе, зависимой от карфагенского государства, а не от частных лиц, и этим отличающейся от бодов. Как представляется, это были скорее всего люди, подобные «царским людям» в метрополии, которые после ликвидации в Карфагене монархии перешли в зависимость от Карфагенской республики. И хотя сведений о существовании таких людей в самом Карфагене нет, можно предполагать, что и там они тоже были.

На территории карфагенской хоры, естественно, продолжало жить прежнее население, следы которого ясно выделяются археологическими находками. Они находились в полузависимом положении, и их труд явно использовался карфагенскими землевладельцами. Возможно, что они были связаны с хозяевами земли какими-то клиентскими связями (Wittaker, 1978, 338—340).

В Карфагене засвидетельствовано существование отпущенников. Имеется ряд надписей с упоми-

нением сыновей рабов, но без указания на их рабский статус. В одних случаях специально оговаривается, что раб отпускается без денег, в других — формула «за освобождение его» подразумевает выкуп (Fevrier, 1961, 5—6). Часть таких отпущенников могла стать «сидонскими мужами». Но вообще о положении бывших рабов мы практически ничего не знаем.

Существование отпущенников подразумевает и наличие в Карфагене рабов. Хотя рабы, может быть, и не были единственной рабочей силой в Карфагене, отрицать их наличие у карфагенян невозможно. В рабов превращали военнопленных и жителей завоеванных городов, как это случилось с греками в Селинунте (Diod. XIII, 57—58). Рабов покупали у гарамантов (Gsell, 1924, 140) и балеаров (Diod. V, 17, 3). Археологические находки свидетельствуют о жизни в Карфагене людей негроидного типа, которые, по-видимому, и были рабами, покупаемыми у гарамантов (Gsell, 1924, 140). Использовали рабов на различных работах. В первую очередь труд рабов применялся в сельском хозяйстве, где работали военнопленные, в частности, захваченные в плен воины Агафокла (Diod. XX, 69, 2). О значении рабского труда в земледелии говорит и то внимание, которое Магон уделил приобретению и содержанию сельских рабов (Var. de r. r. I, 17, 3—7). Использовались рабы также в горном деле и на строительстве (Шифман, 1968, 251—252). Храмовые рабы упоминаются в некоторых надписях (например, CIS 236, 247—256, 2785). Они обслуживали храм и, возможно, эксплуатировались в храмовых хозяйствах. Были и государственные рабы, как например, гребцы на военных кораблях, о которых говорит Аппиан (Lib. 9). Он же (Lib. 93) упоминает, что в преддверии последней войны с Римом карфагенский совет объявил об освобожде-

нии рабов. Цель такой акции ясна: заполучить новых воинов, а может быть, и усердных работников. Но возникает вопрос: относится ли этот акт сената ко всем рабам или только государственным. Вероятнее всего, все же последнее. Едва ли карфагенское правительство столь бесцеремонно вмешивалось в отношения между господином и его собственностью, какой был раб, да и лишит сразу всех граждан рабов едва ли было возможно. По-видимому, речь идет именно о рабах, принадлежавших государству.

О положении рабов известно немного. Раб, разумеется, был собственностью господина. Но в то же время известно, что Магон (точнее, его переводчик Кассий, на которого ссылается Варрон) советует обращаться с рабами по возможности мягче и предпочитать слово бичу, если этим можно добиться тех же результатов. Это — обобщение опыта карфагенских рабовладельцев, понявших, что одними репрессиями можно только ожесточить раба и лучше сочетать кнут и пряник. Это также могло быть и средством повышения производительности рабского труда, особенно в более интенсивных отраслях сельскохозяйственного производства, как оливководство, которым славилась Северная Африка. На особом положении находились управители, назначавшиеся из числа рабов, им давали возможность получить какую-то собственность и устроить некое подобие семьи (Varro de r. r. I, 17, 4—7). Вообще пекулий, т. е. мастерская, участок земли и часть стада, находившиеся в распоряжении рабов, получил относительно широкое распространение в Карфагене. Часть карфагенских рабов могла даже иметь семью (Plaut. Casina 71), хотя права на генеалогию рабы не имели и в своих надписях указывали генеалогию хозяев (Шифман, 1968, 251—256). Этим объясняется нали-

чие в Карфагене рабов, которые, по-видимому, были рождены в доме (Fevrier, 1961, 5). Возможность выкупа, о которой упоминалось, также свидетельствует о существовании сравнительно зажиточных рабов. Таким образом, политика карфагенских рабовладельцев отличалась от безжалостности римских хозяев катоновского типа. Это, разумеется, объясняется не особой гуманностью карфагенян, а их стремлением, с одной стороны, повысить производительность труда рабов, а с другой — предупредить их восстания.

Последней цели они, однако, не всегда достигали. Правда, мы не знаем чисто рабских восстаний в Карфагене, но рабы принимали участие в других движениях. Если к таким движениям нельзя причислить мятеж Ганнона, который в личных целях вооружил 20 тысяч рабов, то иначе обстоит дело с мощным восстанием в Африке в 396 г. до н. э., где активное участие приняли рабы и которое с огромным трудом было подавлено (Diod. XIV, 77). Еще опаснее для карфагенян была Ливийская война, о чем говорилось выше, и в которой вместе с ливийцами и мятежными наемниками сражались и рабы.

Итак, социальная структура Карфагена представляла собой сложную систему. На самой нижней ступени общественной лестницы стояли рабы, к которым, по-видимому, были довольно близки некоторые категории полусвободного зависимого населения. Это полусвободное население состояло из нескольких групп, имевших, вероятно, разные права и обязанности. Еще выше располагались лично свободные, но не имевшие политических прав люди, в том числе иностранцы. Наконец, эту пирамиду увенчивали карфагенские граждане, которые сами делились на две категории — плебс («малые») и

аристократия («могущественные»). Именно аристократия фактически и господствовала в государстве.

В том, что в руках карфагенской аристократии практически находилась вся политическая власть, сомневаться не приходится. Однако точных сведений о государственном устройстве Карфагена мы не имеем. Сами карфагенские надписи слишком скудны, чтобы окончательно решить эту проблему. Описание же государственного строя Карфагена, исходящие от греко-римских авторов, с одной стороны, могут отражать различные этапы политического развития Карфагенской республики, а с другой — что еще важнее, не всегда дают адекватную характеристику тех или иных институтов, так как эти авторы часто не могли разобраться в особенностях чужого государства. И все же общие черты карфагенского государственного устройства выявить можно.

В самом начале своей истории Карфаген был монархией, а его царицей была основательница города Элисса, принадлежавшая к правящему в Тире царскому дому. В то же время, если верить Юстину (XVIII, 6, 1), рядом с царицей стояли «принцепсы», что отражало тот же порядок, какой существовал и в метрополии (см. выше). Карфагенские вельможи, по-видимому, это — те же «сенаторы» Тира, которые, по Юстину (XVIII, 4, 15), сопровождали Элиссу в ее предприятии. Они довольно существенно ограничивали власть царицы: недаром именно их вызвал к себе местный царек, чтобы добиться брака с Элиссой (Юстин, XVIII, 5, 2—7). Последняя не могла отвергнуть это требование, переданное через «принцепсов», и покончила с собой. Вероятно, уже в это время власть общинного института в Карфагене была большей, чем в самом Тире, что, видимо, связано с самой историей экспедиции Элиссы, которая не

могла состояться без активной поддержки оппозиционной части тирской знати.

Как было отмечено выше, у Элиссы не было наследников и, по-видимому, с ее смертью монархия, унаследованная от метрополии, перестала существовать, а в Карфагене установилась республика. Подробности государственного устройства ранней республики неизвестны. В рассказе о перевороте Малха Юстин (XVIII, 7, 16—18) упоминает только две инстанции: народ, который Малх собрал на сходку, и десять сенаторов, убитых мятежным полководцем. Очень возможно, что последние — тот же совет из десяти «принцепсов», к которым перешла власть после смерти Элиссы (Шифман, 1963, 47). Малх, опираясь на народ, сумел ликвидировать их господство и дал городу новые законы. Их содержание неизвестно, как неизвестно и положение самого Малха. Он явно не был царем, ибо, как говорит все тот же Юстин (XVIII, 7, 18), именно стремление к царской власти было ему вменено при свержении (ср.: Ehrenberg, 1931, 646). Фактическое же положение Малха можно, видимо, сравнить с положением греческого тирана.

По Юстину (XVIII, 7, 18), тирания Малха продолжалась очень недолго и была сменена диктатурой Магона, его сыновей и внуков. Юстин (XVIII, 7, 19; XIX, 1, 1) и Диодор (XI, 20, 1) подчеркивают военный аспект их полномочий, называя их императорами, стратегами, гегемонами. Только Геродот (VII, 166), говоря о Гамилькаре, сыне Магона, пишет, что он «царствовал по достоинству». Оговорка «по достоинству» (κατ' ἀδραγατίαν) говорит, что подлинным царем он все же не был. Подобную двойственность мы находим и при упоминании мореплавателя Ганнона, скорее всего, внука Магона. Плиний (V, 8; VII, 200) называет его полководцем (*dux, imperator*), а в заголов-

ке его знаменитого перипла он именуется царем (βασιλεύς), но уже в самом начале текста говорится, что экспедиция была совершена по поручению карфагенян. Это говорит о том, что Магониды занимали какое-то официальное положение, позволяющее греческим авторам называть их царями, но с оговоркой, не позволяющей считать их подлинными монархами. При этом официальным источником их власти были выборы: Диодор (XI, 20, 1) прямо говорит, что Гамилькар был выбран полководцем. Может быть, выборы были ежегодными, и на них каждый год возобновлялись полномочия Магонидов, о чем позволяет думать упоминание Юстином (XIX, 1, 6) одиннадцати диктатур Гамилькара. Юридически же верховная власть принадлежала народу: карфагеняне постановили (ἐδοξε Καρχηδονίοις), чтобы Ганнон плыл за Геракловы Столпы (Нап. пер. 1).

Свержение Магонидов привело к значительным изменениям в государственном устройстве Карфагена. Видимо, в это время (Шифман, 1963, 100; Asquaro, 1987, 65) из состава сенаторов выделяется совет ста или ста четырех для надзора над полководцами (Iust. XX, 2, 5—6; Arist. Pol. II, 8, 1273a). Это свидетельствует о том, что сам сенат состоял из большего числа членов и существовал при Магонидах. Возможно, что он и был создан при переходе власти от Малха к Магонидам. После этого верховную исполнительную власть в Карфагене стали осуществлять суффеты (Шифман, 1963, 101; Sznycer, 1978, 574—575). Но неясно, была ли эта должность установлена именно в это время. Мы уже видели, что должность суффетов («судей») существовала издавна в западносемитских обществах и что в финикийских городах именно они, вероятнее всего, возглавляли общинные институты, сосуществующие с цар-

ской администрацией. Может быть, суффеты (или один суфжет) имелись в Карфагене изначально, но роль их была столь незначительна, что это не нашло никакого отражения в источниках. После же свержения Магонидов эта роль резко возросла, и они стали главами государства.

После всех этих событий карфагенская «конституция» и приобретает тот вид, о каком говорили Аристотель, а также Юстин, Полибий, Ливий и другие, по разрозненным описаниям которых можно об этом судить.

Высшей властью в Карфагене считалось народное собрание. Однако созывалось оно только при возникновении разногласий внутри советов и среди магистратов. Поэтому реально оно осуществляло свои полномочия только в периоды кризисов, как например, после поражения в войнах с римлянами. Практически власть была сосредоточена, по-видимому, в руках двух советов, из которых один, более широкий по своему составу, можно назвать на римский манер сенатом, и другой — более узкий, состоявший из ста или ста четырех членов. Не исключено, что последний был только частью первого, своего рода его постоянным органом. «Сенат» занимался более широкими проблемами государственной жизни, включая вопросы войны и мира, в то время как совет ста или ста четырех, может быть, в большей степени сосредотачивался на вопросах общей безопасности государства, включая предупреждение военных переворотов (Asquaro, 1987, 65—66). Какую-то важную, хотя пока еще не ясную роль играли пентархии, комиссии, состоявшие из пяти человек, кооптирующие своих членов, которые каким-то образом удерживали власть и после своего пребывания в этих комиссиях.

Высшей исполнительной властью, как уже говорилось, были суффеты, которых, как отмечает Непот (Нап. VII, 4), каждый год было двое. На эту должность могли избираться представители разных родов, но могли, как показывают надписи, и члены одной семьи. Ливий (XXX, 7, 5) совершенно справедливо сравнивает их с римскими консулами. Среди полномочий суффетов был и созыв совета для решения самых неотложных дел (Liv. XXX, 7, 5—7). Существовали в Карфагене и другие магистраты, в том числе те, кого латинские авторы называют «квесторами», т. е. казначеи. Низшими должностными лицами были писцы. Несмотря на сравнительную скромность этой должности, сами писцы ею гордились, они упоминали ее в посвяtitельных надписях, отмечая даже, если этот пост занимал отец. Наконец, существовала еще должность посыльного, который исполнял самые разные приказы магистрата, в том числе и по аресту и насильственному приводу того или иного человека (Liv. XXXIII, 46, 5). Речь, видимо, идет о наличии какого-то вида городской полиции. Из слов Аристотеля (Pol. II, 8, 1273a; III, 1, 1275b) можно сделать вывод, что в Карфагене не существовало четких разграничений судебных полномочий магистратов: судом занимались различные должностные лица, и это могло дать повод Ливию (XXXIII, 46) говорить о «сословии судей», господствующем в Карфагене.

В то же время карфагеняне стремились разделить политическую и военную власть: первая принадлежала суффетам, а вторая — полководцам. Правда, в случае необходимости суффеты могли возглавить и армию, но это случалось довольно редко, а после 300 г. до н. э. и вовсе не наблюдалось (Ehrenberg, 1931, 647). Вообще карфагенские правители чрезвычайно боялись тиранических поползнов-

вений полководцев, особенно помня, например, мятежи Малха или Ганнона, и порой их опасения оправдывались. Достаточно вспомнить попытку Бомилькара, опираясь на свою армию, действующую в непосредственной близости от столицы, захватить власть в 308 г. до н. э. Поэтому иногда правительство ставило во главе армии двух командующих, недоброжелательно относившихся друг к другу, как тех же Бомилькара и Ганнона во время войны с высадившимся в Африке Агафоклом. За малейшую провинность военные командиры сурово наказывались. Так, в самом начале I Пунической войны был распят Ганнон, командовавший отрядом в Мессане и вынужденный очистить город (Polyb. I, 11, 5). Пытались привлечь к суду и Гамилькара, только что победоносно закончившего Ливийскую войну, обвинив его в бедствиях отечества (App. Hisp. 4; Nap. 2). При полководцах находились члены карфагенского правительства (Polyb. X, 8, 1; Liv. XXVI, 51, 2) явно с целью надзора за действиями командующего. Аппиан (Nap. 2) пишет, что Гамилькар добился назначения полководцем в войне против нумидийцев, еще не сдав отчета о своих прежних действиях. Карфагенские полководцы по окончании своих полномочий явно должны были отчитываться за свои действия. На высшие посты в государстве, в том числе, в совет или советы, избирали с учетом имущественного ценза, что резко сокращало число лиц, реально допущенных к власти.

Такое государственное устройство существовало в Карфагене довольно долго. Даже острая политическая борьба, развернувшаяся между двумя Пуническими войнами в III в. до н. э., шла в рамках существующих политических институтов. Правда, Гасдрубал попытался захватить царскую власть (Polyb. III, 8, 2),

но до открытого реального переворота дело не дошло, и Гасдрубал вернулся назад в Испанию. Реально в это время, с одной стороны, политический строй республики резко демократизировался, а с другой — усилилось значение военачальников. Однако юридических изменений в устройстве государства не произошло.

Насколько нам известно, последняя реформа политического устройства Карфагена относится к 195 г. до н. э., когда ставший суфкетом Ганнибал провел через народное собрание постановление, согласно которому «судьи» могли избираться только на один год и не имели права переизбираться два года подряд (Liv. XXXIII, 46). Под «судьями» (*iudices*) здесь явно подразумеваются не суффеты (хотя слово «суффет» вполне может быть переведено именно как *iudex*), ибо Ливий прямо говорит, что их должность была пожизненной: они были *perpetui iudices*, а суффеты, как уже говорилось, избирались ежегодно. Здесь же Ливий говорит о «сословии судей» (*iudicium ordo*). По-видимому, речь идет о совокупности высших должностных лиц, социально совпадающей с верхами карфагенского общества. Эти верхи Ливий называет «принцепсами», противопоставляя их плебсу. Интересно замечание историка, что «квестор» пренебрег приказом суффета, поскольку должен был после окончания «квестуры» перейти в сословие судей. Видимо, высшие должности в Карфагене пополнялись путем кооптации как непосредственно из своей среды, так и из числа верных более низших магистратов. Но при всей надменности и всем всевластию «сословия судей», которые могли быть Ливием и несколько преувеличены, они были вынуждены подчиняться решению народного собрания. Следовательно, юридически власти более

высокой, чем собрание карфагенских граждан в республике, не существовало. Реформа Ганнибала резко ограничила всевластие олигархии и усилила демократические элементы карфагенской «конституции». Недаром, по словам Ливия (XXXIII, 46, 7), этим актом Ганнибал снискал расположение плебса и ненависть большей части «принцепсов». После этого и стала возможной та политическая обстановка, которая сложилась в Карфагене накануне III Пунической войны, когда массы приобрели решающее значение в жизни государства и на гребне массовых движений к власти стали приходиться демагоги типа Гасдрубала (App. Lib. 1 11; ср.: Polyb. XXXVIII, 2, 7—12). Само появление таких демагогов отражало кризис карфагенского социального и политического устройства. Ход истории не позволил узнать, как этот кризис мог быть преодолен: в результате III Пунической войны Карфаген был разрушен, и Карфагенское государство перестало существовать.

Во время этой войны карфагеняне оказали героическое сопротивление римлянам. Это долгое сопротивление показало не только горячее стремление карфагенян сохранить свободу, но и наличие у них военных традиций и воинского умения. Со времени военной реформы Магона (Iust. XIX, 1, 1) в карфагенской армии широко использовались наемники. Возможно, что с течением времени их роль в армии увеличивалась. Наряду с наемниками в карфагенской армии служили ливийские, а во время II Пунической войны и испанские подданные Карфагена (Diod. XIII, 54, 1; Liv. XXIII, 29, 4 и др.), а также вспомогательные части союзных и вассальных царьков (например, Diod. XX, 38, 1). Это не означает, что сами карфагенские граждане не привлекались к военной службе. В рассказах Диодора о войнах в Сицилии постоянно

упоминаются сражающиеся граждане Карфагена (XI, 1, 5; XIII, 44, 8; 80; XIV, 75, 2—4 и т. д.). Воевали карфагеняне и в Африке, как например, при вторжении Агафокла (Diod. XX, 17, 2). Из них формировался «священный отряд» (Diod. XVI, 80, 4; XX, 10, 6; 11, 1; 12, 3), воевали они и в других частях, служили и во флоте. Иначе трудно понять ту горячую речь, с которой, по Полибию (I, 27, 1), обратились к морякам карфагенские стратеги перед битвой при Экноме, призывая спасти родину (Meltzer, 1896, 135—136).

Карфагеняне, служившие в армии, играли и политическую роль. Об этом свидетельствует договор Ганнибала с Филиппом V, в котором среди контрагентов македонского царя упоминаются «все карфагеняне, воюющие вместе» с Ганнибалом (Polyb. VII, 9, 1; 4). Этот договор содержал не только военные, но и политические статьи. Под «карфагенянами, воюющими вместе» со своим полководцем, а также находившимися в его ставке членами карфагенского совета, нельзя подразумевать ни наемников, ни части, набираемые среди подчиненных народов. Следовательно, речь идет именно о гражданах, и, может быть, они играли роль походного народного собрания (Ковалев, 1986, 205). Структура армии отражала государственную. Судя по этому договору, ее основными элементами были полководец (пожалуй, вместе с высшими офицерами), члены карфагенского совета и все карфагенские воины (в государстве соответственно — магистраты, совет, плебс). Возможно, воюющие карфагенские граждане и составляли «народ лагеря» (*m mhnt*), от имени которого выпускались некоторые монеты во время войн в Сицилии (Head, 1887, 737—739).

Командующий состав карфагенской армии формировался из аристократии. Все полководцы, о

которых имеются сведения, принадлежали к карфагенской знати. Известно только одно исключение: во время I Пунической войны, когда римляне стояли почти под стенами Карфагена, правительство, видимо, в такой опасный момент не доверяя собственным гражданам, пригласило на должность командующего наемника — спартанца Ксантиппа (Polyb. I, 32). Больше о нем сведений нет: по-видимому, выполнив свою роль, он был отослан из Карфагена. Это единственное исключение только подтверждает правило: хотя рядовые воины и их конкретные командиры в значительной степени были наемниками, высшее командование находилось в руках карфагенской аристократии.

Таким образом, карфагенские граждане были представлены на всех ступенях вооруженных сил республики — от рядовых бойцов до командующих. Это существенно дополняет наши знания о политической структуре Карфагена, так как в древности, как известно, военная служба и политический статус были неразрывно связаны.

Подводя итог рассмотрению социальной и политической структуры Карфагена, необходимо отметить следующие моменты. Карфаген представлял собой гражданскую общину, не подчиняющуюся никакой верховной власти вне ее самой. Карфагенская аристократия при всем своем могуществе не представляла собой силу, противопоставленную гражданскому коллективу, и в случае (хотя и весьма редком) выступления рядового гражданства была вынуждена его решению подчиниться, как это было при проведении реформы Ганнибала. Рядом с общинным сектором экономики не отмечено другого, и государственная и храмовая экономики были лишь ипостасями той же общинной экономики. Граждане владели

землями на территории хоры именно как граждане Карфагена. Основной эксплуатируемой силой были захваченные на войне рабы и зависимые ливийцы. Нет сведений об эксплуатации сограждан, хотя какой-то намек на это может дать жертвоприношение убу, но лишь намек и не более. Несмотря на то, что внутри гражданского коллектива фактически существовали две группы — «могущественные» и «малые», вместе они противостояли негражданам, в том числе различным категориям полузависимого, зависимого и рабского населения. Выгоды от эксплуатации этого населения доставались не только аристократам, но и более широким кругам карфагенского гражданства. В принципе верховной властью обладал «народ Карфагена», который осуществлял ее через народное собрание, выше которого власти в республике официально не было, а любой гражданин теоретически мог быть избран в советы или магистратом, если он обладал «достоинством» и, главное, богатством. Граждан могли привлекать к военной службе. Политическим строем Карфагена, за исключением краткого начального периода, была республика. Все эти черты в той или иной степени присущи такой форме социально-политического устройства, как полис (ср.: Утченко, 1977, 18—41; Кошеленко, 1979, 4—15; Фролов, 1988, 225—228).

Таким образом, можно говорить, что Карфаген представлял собой полис, т. е. ту форму социально-политической и экономической организации древнего общества, которая определила собой античный (греко-римский) путь его развития. Это уже понимал Аристотель, который выделил Карфаген из общей массы «варварских» государств и в своем теоретическом сочинении о полисе — «Политике» — использовал примеры из его государственного устройства,

а иногда и целые истории наряду с примерами из жизни греческих полисов.

Одной из особенностей карфагенского полиса является его олигархический характер. И сближения карфагенского политического строя со спартанским и критским, которые неоднократно встречаются в «Политике», кажутся совершенно обоснованными. В формировании олигархического полиса в Греции большую роль играла обстановка завоевания и порабощения местного населения, в ходе чего формировался полис (Фролов, 1988, 228—229). В Карфагене, как кажется, полис слагался в середине V в. до н. э., после свержения власти Магонидов и утверждения республиканского строя. К этому времени происходит окончательное подчинение окружающего ливийского населения, и Карфаген уже встает во главе обширной державы. Следующий период его истории будет характеризоваться борьбой за расширение этой державы. Можно говорить, что характер карфагенского полиса определился теми тенденциями социально-политического развития, которые выявлены наукой на греческом материале.

Восточное происхождение Карфагена определило наличие в нем институтов, которые были далеко не полностью поняты греко-римскими авторами, так как политические институты Карфагена не полностью соответствовали греческим или римским нормам. К ним можно отнести нерасчлененность судебной власти, которая при ликвидации монархии перешла к самодовлеющей общине, и вся община в лице самых разных учреждений и должностей этой властью обладала. Другой восточной чертой явилось наличие таких групп населения, как «сидонские мужи» и «ремесленники», видимо, наследники «царских людей», существовавших в Финикии.

Структура Карфагенской державы была сложной. Ее ядро составлял, естественно, сам Карфаген со своей хорой. Эта хора, расположенная в Африке непосредственно за стенами города, делилась на территориальные округа («земли» — 'rst). Во главе такого округа стоял особый чиновник — «тот, кто над землей» — 's 'l 'rs (G. Charles-Picard, 1966, 1258—1265). В состав таких округов входило несколько общин: так, «земля» Тутти насчитывала 50 общин, которые Аппиан (Lib. 68) называет городами. Надписи уже римского времени сообщают о сохранении в некоторых из них старых карфагенских институтов, как в Тутте, где встречаются суффеты (по крайней мере, почетные знаки суффетов) и следы такого восточного установления, как собрание представителей «ворот» города (Seston, 1967, 218—222). Вероятно, те же органы самоуправления существовали в Тутте и других подобных городах карфагенской хоры и под властью Карфагена. Но надо думать, что их самоуправление было поставлено под контроль карфагенских представителей. Аристотель (Pol. II, 8, 1273b; VI, 4, 1320b) упоминает о посылке из Карфагена людей для управления городами (*επι τας πολεις*) и в окрестные места (*προς τας περιουκιδας*). Под последними, как кажется, надо понимать именно общины хоры. Такие представители обладали значительной властью, которая могла доходить до произвола. Судя по словам философа, целью таких назначений было дать возможность бедным гражданам обогатиться. В таких городах могли стоять карфагенские гарнизоны, командиры которых, видимо, носили титул *gb nwtr* (Garbini, 1966, 89—90).

Возможно, что расширением Карфагенской державы в состав карфагенской хоры включались и внеафриканские владения. Может быть, юридически в

ее состав вошли города, основанные в Испании Баркидами, прежде всего Новый Карфаген, их столица. В этом городе постоянно находился карфагенский гарнизон, состоящий из тысячи (Polyb. X, 21, 2), а по Аппиану (Hisp. 19), даже из десяти тысяч человек. Из рассказа Полибия (X, 12—19) о падении Нового Карфагена видно, что жители города не были вооружены. Только во время уже непосредственного нападения римлян командир гарнизона вооружил около двух тысяч граждан, а остальные стояли на стенах, сбрасывая штурмовые лестницы римлян и кидая в них бревна и другие предметы. Такое положение, когда граждане оставались безоружными, а в городе находились постоянные войска, сказывалось и на его управлении. Ничего неизвестно о городских магистратах, хотя в городе были люди, считавшиеся его гражданами. Монеты, чеканившиеся в Новом Карфагене, выпускались не городом, а Баркидами. Магон, командир карфагенского гарнизона, назван Полибием «поставленный над городом». Это — явно перевод финикийского 's 'l qrt — тот, кто над городом. Надо заметить, что этот полибиевский термин очень схож с аристотелевским. Видимо, такое же положение складывалось и в других городах, куда посылались карфагенские наместники.

Вероятнее всего, в хору была включена и завоеванная в VI—V вв. до н. э. часть Сардинии, кроме финикийских городов. Как уже отмечалось, система крепостей отделяла ее от свободной территории острова. Каким образом было оформлено управление этой части Сардинии, неизвестно. Финикийские же города пользовались автономией (Moscatti, 1977, 139).

С Карфагеном были тесно связаны его колонии. Как и колонии Тира, они составляли часть державы

своей метрополии и осуществляли надзор над окружающими землями. Во многих случаях они имели важное экономическое значение, будучи центрами торговли и ремесла. Очень важно было то, что колонии служили резервуаром для поглощения «излишков» гражданского населения, избавляя Карфаген от демографического напряжения и стабилизируя социальную и политическую ситуацию. Возможно, что колонии пользовались определенными привилегиями, но административно подчинялись метрополии, посылавшей туда своего резидента (Шифман, 1963, 65, 97). Одной из таких колоний был город Эбес, который, судя по событиям 217 г. до н. э., имел собственные вооруженные силы и оказал упорное сопротивление римлянам, пытавшимся его захватить (Liv. XXII, 20, 7—9). Видимо, колонисты не были обязаны поставлять солдат в карфагенскую армию, но в случае необходимости помогали метрополии, как это было в 206 г. до н. э., когда эбеситане предоставили прибывшему туда полководцу Магону (брату Ганнибала) продовольствие, оружие и молодежь для пополнения флота (Liv. XXVIII, 37, 4). Ливий, рассказывая об этом, использует глагол *dare* — давать (точнее, причастие *data*), что подчеркивает добровольность поставки продовольствия и подкреплений. Чеканил Эбес и свою монету (Blazquez, 1983b, 505—506). Возникает вопрос: можно ли такое положение распространять и на другие карфагенские колонии. До сих пор следов местной чеканки в прочих колониях Карфагена нет. Перед II Пунической войной Ганнибал послал в столицу войска из городов метагонитов (Polyb. III, 33, 13). Это были карфагенские колонии, расположенные в Метагониях, т. е. на побережье Африки к западу от собственно карфагенской территории (Le Glay, 1979, 1259). Судя по рассказу Полибия,

речь идет не о какой-либо добровольности, как это было в случае с Эбесом, а о прямом приказе карфагенского полководца. На этом основании можно считать, что некоторые карфагенские колонисты обязаны были участвовать в военных мероприятиях метрополии. В дошедших до нас официальных правовых документах, каковыми являются договоры Карфагена с Римом и Ганнибала с македонским царем, колонисты вообще не упоминаются. Это можно объяснить тем, что колонии специально не выделяются, а рассматриваются как часть самого Карфагена. В таком случае понятие «господа карфагеняне» (κυριοι Καρχηδονιοι), упоминаемое в договоре с Филиппом V (Polyb. VII, 9, 5), охватывает граждан Карфагена и его колоний.

В состав Карфагенской державы входили и старые колонии Тира. Если в первом договоре Карфагена с Тиром упоминаются только сам Карфаген и его союзники (Polyb. III, 22, 4), то во втором, между Карфагеном и союзниками, появляются народ Утики и тирийцы (Polyb. III, 24, 3). В договоре Ганнибала с Филиппом V вновь в качестве самостоятельной единицы появляются жители Утики (Polyb. VII, 9, 5). Можно говорить, что Утика, старейшая финикийская колония в Африке, официально считалась равноправной с самим Карфагеном. Она явно имела и какие-то войска, используя их для изгнания карфагенского гарнизона во время Ливийской войны (Polyb. I, 82, 10). Что касается «тирийцев», также названных во втором договоре в качестве равноправной с карфагенянами единицы, то, как говорилось в главе о втором этапе финикийской колонизации, под этим названием надо подразумевать население тирийских колоний, основанных в Испании, которое, следовательно, как и утикийцы, официально

считалось равноправной единицей Карфагенской державы. Гадес и другие финикийские города в Испании выпускали свою монету (Alfaro, 1986, 121—129; Villaronga, 1986, 157—162; Martin Ruiz, 163). Страбон (III, 5, 3) говорит о большом флоте Гадеса, а Ливий (XXVIII, 37, 1—3) рассказывает, что после ухода из Гадеса карфагенской армии во главе с Магоном, вернуться в город она не смогла, несмотря на все предпринятые усилия. Едва ли гадитане могли оказать столь решительное сопротивление, даже учитывая близость в это время римской армии, если бы у них не было собственных вооруженных сил. В противном случае Магон просто взял бы штурмом безоружный город, ибо карфагеняне, как мы видели выше, не церемонились со своими соотечественниками, тем более в такой драматической ситуации, в какой оказался Магон. На последнем этапе войны с римлянами в 207 г. до н. э. карфагеняне разместили в Гадесе свой гарнизон, наличие которого позволило Магону совершать различные бесчинства (Liv. XXVIII, 2, 16; 36, 3). Видимо, наличие гарнизона особенно возмутило гадитан, посланцы которых обещали римлянам выдать город и карфагенскую армию (Liv. XXVIII, 30, 4). По всей видимости, можно судить, что до этого времени карфагенского гарнизона в городе не было. Не допущенный в Гадес Магон жаловался, что гадитане перед ним — союзником и другом — закрыли ворота (Liv. XXVIII, 37, 2). В данном случае речь едва ли идет о личных взаимоотношениях Магона и Гадеса, так как первый явно предстает как полководец Карфагенской республики. Вероятно, такое положение — союза и дружбы — юридически определяло отношения Карфагена и Гадеса, и его также можно было бы распространить и на другие города испанских «тирийцев». Наконец,

вполне возможно, что на положении официального равноправия находился и остров Коссура между Африкой и Сицилией (Шифман, 1963, 97).

Другие старые финикийские города юридически занимали более низкое положение. Видимо, именно они в первую очередь подразумеваются под подчиненными карфагенянам и имеющими с ними одинаковые законы (Polyb. VII, 9, 5). В эту категорию, возможно, входили и элимские общины Сицилии, в свое время, как мы видели, добровольно подчинившиеся Карфагену. Таким образом, эта группа охватывала некоторые финикийские и местные общины Сицилии, Сардинии, меньших островов, Африки. Их политическое устройство копировало карфагенское. Так, мы находим «народ» ('m) в Гавлосе (IFPCO Malta, 6), Битии (IFPCO Sard. Npu, 8, 1), Хадрумете (KAI, 119) и других городах. Во многих городах, как Панорм, Эрик, Таррос, Каларис, Лептис и другие, встречаются суффеты (KAI, 119, 120; IFPCO Sard., 36, 5) (Ehrenberg, 1931, 648). Интересна надпись из Тарроса в Сардинии (IFPCO Sard., 32), в которой датировка дается по суффетам Карфагена, хотя в ней упоминаются и суффеты самого Тарроса. Все это оправдывает официальную характеристику этих городов как «имеющих одинаковые законы с карфагенянами».

Диодор (XX, 55) и Плиний (V, 24) упоминают живущих в Африке ливофиникийцев, причем, по Диодору, они имели право на брак с карфагенянами. Ливофиникийцы появляются и на юге Испании (Av. Or. mar. 421). Геродот (FHG, fr. 2A) считал их колонистами из Карфагена, а Псевдо-Скимн (196—198), наоборот, говорил, что они приняли колонистов из Карфагена. Наконец, в римское время в Южной Испании жили бластофиникийцы (App. Hisp. 56) и бастулы, именуемые пунами, т. е.

карфагенянами (Ptol. II, 4, 6). Они чеканили монеты с особыми легендами, не похожими на легенды других местных общин Пиренейского полуострова (Jensen, 1958, 142—148). По Аппиану, это были отпрыски финикийцев, которых поселил здесь Ганнибал. Разнобой в источниках и не особенно ясный контекст вызывают и разнообразие современных интерпретаций. Не входя в детали этого вопроса, можно, по-видимому, предположить, что под ливофиникийцами в Африке подразумевалось смешанное население (Шифман, 1963, 96—97), какое было, например, в Лептисе (Sal. Jug. 78), а также жители тех африканских общин, которые занимали более привилегированное положение (Fischer, 1926, 262). Правда, существует мнение, что под ливофиникийцами сначала подразумевалось население финикийских городов в Африке, подчиненных Карфагену (Huss, 1990, 26). Что касается испанских ливофиникийцев, то они могли действительно быть переселенцами из Африки, смешавшимися затем с местными жителями (ср.: Lopez Castro, 1992, 47—65).

Надо, однако, сказать, что официальное положение и подлинная роль всех этих городов в Карфагенской державе далеко не всегда совпадали. При юридическом равноправии Утики и Карфагена первая, несомненно, подчинялась второй. Она практически была лишена и возможности вести самостоятельную внешнюю торговлю, не говоря уже о внешней или военной политике. Недаром, как показывают раскопки, после подчинения Утики Карфагену в V в. до н. э. город сразу же обеднел (Cintas, 1951, 25—29; Cintas, 1954, 144—146), за что утикийцы платили карфагенянам «старинной ненавистью», как говорит Аппиан (Lib. 75). И не раз во время серьезных испытаний, выпавших на долю Карфагена, Утика прояв-

ляла колебания, а то и открыто присоединялась к его врагам. Так было во время экспедиции Агафокла (Diod. XX, 54, 2), во время Ливийской войны (Polyb. I, 82, 9—10) и в начале последней войны Карфагена с Римом (Polyb. XXXVI, 3, 1; App. Lib. 75). Над городами тяготел тяжелый финансовый гнет. Ливий (XXXIV, 62, 3) сообщает, что Лептис платил Карфагену десять талантов ежедневно. Судя по второму договору Карфагена с Римом, африканские, сардинские и испанские владения первого представляли зону монопольной карфагенской торговли (Polyb. III, 24, 4; 11), и только сама столица могла торговать с другими государствами (Polyb. III, 24, 12).

Совершенно другое положение сложилось в Сицилии. В условиях постоянных и далеко не всегда успешных войн на этом острове карфагеняне были заинтересованы в лояльности местного населения. Поэтому Сицилия оставалась открытой для торговли других государств, в частности Рима (Polyb. III, 22, 10; 24, 12), что, разумеется, было выгодно сицилийским финикийцам. Финикийские и элимские города Сицилии чеканили собственную монету (Les Phéniciens, 1997, 251—253), имели армию, вели прибыльную торговлю с греками, этрусками, римлянами. И они отвечали Карфагену не только лояльностью, но и стойкостью. Достаточно вспомнить о героической, хотя и безуспешной, обороне Моти (Gsell, 1918, 292—298; Huss, 1978, 93—94).

Следующей категорией были племена и народы, находившиеся в подданстве у карфагенян (Polyb. VII, 9, 5). Это были ливийцы, жившие вне хоры, подчиненные племена Испании и Сардинии. Они, по-видимому, находились в разном положении. В дела большинства подданных карфагеняне без необходимости не вмешивались. Они сохраняли старую

племенную или (если она существовала, как в Южной Испании) государственную структуру, ограничиваясь взятием заложников. Иногда же, если это было особенно важно, карфагеняне ставили подданных под «прямое» управление. Так поступил Ганнибал с племенем баргусиев в Северо-Восточной Испании, которых он, как писал Полибий (III, 35, 4), подчинил власти своего офицера Ганнона в качестве не только «начальника», но и «господина» (δεσποτην). Это было вызвано тем обстоятельством, что баргусии оказались единственным племенем к северу от реки Ибера, которое благожелательно приняло римских послов (Liv. XXI, 19, 7). Но независимо от степени автономии все подданные насильственно привлекались к военной службе, что с несомненностью засвидетельствовано для ливийцев (Diod. XIII, 44, 1; 54, 1), а в последние десятилетия III в. до н. э. для баллар (Liv. XXVIII, 37, 9) и народов Южной и Юго-Восточной Испании (Polyb. III, 33, 8—9; Liv. XXI, 21, 11—13; XXIII, 29, 4; XXVIII, 12, 13).

Подданные облагались тяжелым налогом, который к тому же можно было произвольно увеличивать, как это было во время I Пунической войны (Polyb. I, 72, 1—2). Точный размер налога неизвестен, но во время войны после его увеличения он достигал половины урожая. В Сицилии налогом облагались не отдельные люди или семьи, а целые общины, которые уже сами распределяли фискальную тяжесть между своими членами (Ensslin, 1943, 271; Шифман, 1968, 248). То же самое, по-видимому, имело место и в Испании, так как Полибий (III, 13, 7) пишет об обложении денежным сбором Алтеи и других городов (а не их жителей). Такой же принцип применялся в Африке, по крайней мере, по отношению к тем общинам, которые Полибий (I, 72, 2) называет города-

ми. Жестокий налоговый гнет, тяжелая обязанность проливать кровь за интересы правящей верхушки, произвол карфагенских чиновников — все это вызвало лютую ненависть к Карфагену. Ливийцы, сарды, испанцы не раз восставали против Карфагенской державы. Самое крупное такое восстание охватило практически все владения Карфагена после I Пунической войны.

Наконец, карфагеняне в той или иной степени властвовали над «союзниками». Последние упоминаются во втором договоре с Римом и в договоре Ганнибала с Филиппом V (Polyb. III, 24, 3; VII, 9, 5). Они управлялись самостоятельно, но были лишены внешнеполитической инициативы (в приведенных договорах от их имени выступает Карфаген) и должны были поставлять контингенты в карфагенскую армию. Их попытка уклониться от подчинения карфагенянам рассматривалась как мятеж (Diod. XX, 38, 1). На них накладывалась подать (Diod. XXV, 10, 3), их верность обеспечивалась заложниками (Diod. XXIV, 10, 2). Однако понятие «союзники» было довольно широким. Возможно, что подобные отношения устанавливались только с теми союзниками, которые жили поблизости от самого Карфагена (Машкин, 1948, 41). А чем дальше от него, тем самостоятельнее становились местные царьки, династии, племена. Видимо, взаимоотношения карфагенян и «союзников» варьировались в зависимости от конкретных обстоятельств. Если в 230 г. до н. э. зять Гамилькара Гасдрубал силой привел в покорность союзных нумидийцев, уничтожив восемь тысяч человек, захватив десять тысяч и наложив на остальных подать (Diod. XXV, 23, 3), то в 204 г. до н. э. другой Гасдрубал, сын Гисгона, был вынужден выдать свою дочь замуж за нумидийского царька Сифакса, чтобы обеспечить его верность (Liv.

XXIV, 23, 3), ибо Сифакс вел себя самостоятельно и даже пытался играть посредническую роль в римско-карфагенской войне. Подлинными союзниками (а не подчиненными, чье положение прикрывалось таким названием) были во времена II Пунической войны илергеты в Испании (Polyb. III, 76, 6).

На весь этот сложный конгломерат городов, народов, племен накладывалась, вероятно, сетка территориального деления. Так, вполне вероятно, особый округ образовывали так называемые Эмпории с центром в Лептисе (Liv. XXXIV, 62, 3), и в этот округ входили как финикийские города, так и территории, населенные местными жителями (Gsell, 1918, 128). Другим таким округом могли быть уже упоминавшиеся Метагонии, которые охватывали земли, расположенные в первую очередь по побережью к западу от Карфагена. В качестве особых округов можно, вероятно, выделить африканские земли вблизи самого Карфагена, подчиненные карфагенянам части Сардинии и Сицилии. Ливий (XXVIII, 2, 12) упоминает гадитанскую провинцию в Испании. Это упоминание относится к событиям 207 г. до н. э., когда под властью карфагенян оставались лишь старые финикийские города, включая Гадес, да еще сравнительно небольшая территория, к ним прилегающая. Но возможно, что ранее это название относилось ко всем карфагенским владениям в Испании (ср.: Lopez Castro, 1995, 77). Эти округа («провинции») тоже могли делиться на более мелкие территориальные подразделения, подобные «землям» карфагенской хоры. Предполагают, что в Испании могло быть три таких «земли», или пага, как их иногда называют на римский манер (Wagner, 1983, 444—445). Характерно, что во всех случаях, когда более или менее можно говорить о территориальных подразделениях

Карфагенской державы (вне карфагенской хоры), эти округа охватывают и финикийские, и местные города и племена. Это показывает, что юридические различия играли для карфагенян меньшую роль, чем удобства непосредственного управления.

Выше говорилось, что после свержения Магонидов и до 195 г. до н. э. юридических изменений в структуре политической власти Карфагена не произошло. Но на «втором этаже» этой структуры такие изменения все же имели место. Во время I Пунической войны впервые после ликвидации господства потомков Магона в Африке встречается стратег, выполнявший гражданские функции: собирающий налоги и подати (Polyb. I, 72, 2—3). Вероятно, в это время в практику Карфагенской державы входит институт стратегии, аналогичный эллинистическому, с сосредоточением в одних руках военной и гражданской власти над определенной территорией (Bengtson, 1952, 160—161; Bondi, 1971, 657—658). Первым известным таким стратегом был Ганнон перед Ливийской войной (Polyb. I, 67, 1). Аналогичным было, вероятно, положение боэтарха, как его называет на греческий манер Полибий (I, 79, 2), в Сардинии (Moscati, 1977, 139). Это положение распространялось и на более низких должностных лиц. Так, в начале II в. до н. э. некий Карталон в Африке был и командиром отряда, и правителем какой-то территории, видимо, округа, «земли» (App. Lib. 68).

В III в. до н. э. в рамках Карфагенской республики сложилось особое образование — держава Баркидов, когда представители одной семьи Баркидов — Гамилькар, его зять Гасдрубал и его сыновья Ганнибал и Гасдрубал — управляли значительной частью территории республики. По-видимому, с юридической точки зрения их власть не отличалась от этого ново-

го вида стратегии. При полководцах находились члены карфагенского правительства (Polyb. X, 8, 1; Liv. XXVI, 51, 2). В принципе над командующими стоял карфагенский совет (сенат), отдававший им распоряжения. Так например, в 216 г. до н. э. совет отдал Гасдрубалу приказ двинуться с войсками в Италию на помощь брату, и тому против воли пришлось выполнять этот приказ, и не его вина, что, потерпев в 215 г. до н. э. поражение, он не сумел перейти реку Ибер и был вынужден остаться в Испании (Liv. XXIII, 27, 9—29, 17).

И все же фактическое положение Баркидов было относительно самостоятельным, как это подчеркивают все современные исследователи. Примерами такой самостоятельности были заключение договора с Римом (Polyb. II, 13, 7; Liv. XXI, 2, 7; App. Hisp. 7), основание новых городов (Diod. XXV, 10, 2), чеканка собственной серебряной и бронзовой монеты (Beltran, 1957, 57; Blazquez, 1976, 3—12; Marchetti, 1978, 369—371; Villaronga, 1986, 157—162). Важен в этом плане способ наследования Баркидами власти: Гасдрубал встал во главе армии после гибели своего тестя по воле народа (Polyb. III, 13, 3; Liv. XXI, 2, 4; App. Hisp. 6; Diod. XXV, 2), Ганнибала после смерти Гасдрубала избрали сами воины, и народ лишь утвердил этот выбор (Polyb. III, 13, 4; Liv. XXI, 3, 11; App. Hisp. 8; Nap. 3), а Ганнибал, двинувшийся в поход в Италию, просто оставил в Испании брата (Polyb. III, 33, 6; Liv. XXI, 2, 1), и мы ничего не знаем о реакции в столице. Можно думать, что Баркиды едва ли имели полномочия, каких до сих пор не было ни у кого, но осуществляли их самостоятельно, чему способствовали различные факторы.

В первую очередь надо отметить тесную связь Баркидов с армией. Об этом, в частности, свидетельствует случай, произошедший во время Ливийской

войны: когда солдатам была предоставлена возможность выбора между Гамилькаром и Ганноном, они выбрали первого (Polyb. I, 82, 12). О связях Баркидов с армией говорит и выбор Ганнибала полководцем. Такая связь давала Баркидам твердую опору в их отношениях с правительством.

Вторым важным фактором явилось то, что Баркиды выступали не только как полководцы, но и как политические деятели, связанные с «демократической» группировкой в Карфагене (достаточно вспомнить о Гасдрубале). Но и другие Баркиды не теряли связи с народом. Ливий (XXI, 2, 4) отмечает, что баркидская фракция пользовалась успехом больше у воинов и плебса, чем у умеренных. Роль народа в назначениях Баркидов во главе армии была велика: и Гамилькар, и его зять были провозглашены стратегами народом (Diod. XXV, 12), да и выбор Ганнибала утверждался народом (Polyb. III, 13, 4), а еще в конце предыдущего столетия полководцев назначал совет (Diod. XX, 10). Баркиды не только пользовались поддержкой своей «партии», но и материально весьма щедро поощряли ее (Polyb. III, 17, 10; Liv. XXI, 15, 2; App. Hisp. 5; Nep. Ham. 5, 1).

Баркиды стремились добиться усиления своего влияния и в правящих кругах Карфагена. Не только успехи на поле боя, но и приток богатств из Испании привлекли к Гамилькару симпатии правителей. Немалую роль в этом сыграл, вероятно, и прямой подкуп (App. Hisp. 5). О росте влияния Баркидов в правительстве говорит рассказ Ливия (XXI, 4; 11) об обсуждении в совете вопросов, связанных с Ганнибалом: в 224 г. до н. э. еще существовала группа «лучших» — противников Баркидов, а при обсуждении сагунтинского конфликта весь совет, кроме Ганнона, был на стороне Ганнибала.

Наличие солидной опоры среди карфагенского гражданства позволяло Баркидам весьма эффективно противопоставлять себя правительству, с чем оно должно было считаться. Это проявилось вскоре после Ливийской войны, когда олигархия пыталась привлечь Гамилькара к суду. Укрепление баркидской фракции внутри самого правительства сводило на нет попытки противников установить за ними действенный контроль. В этих условиях члены совета, находившиеся при особе командующего, выступали не столько как наблюдатели и гаранты его конституционного поведения, сколько как офицеры его штаба и его помощники (G. et C. Charles-Picard, 1958, 208).

Третьим фактором, действующим в пользу Баркидов, была их связь с местным населением Испании. Внешне это нашло выражение в браках Гасдрубала и Ганнибала с дочерьми испанских князьков (Diod. XXV, 12; Liv. XXV, 41, 7). Следствием женитьбы Гасдрубала стало его провозглашение местными царьками и вождями стратегом-автократором (Diod. XXV, 12). Мы не знаем, какой испанский или карфагенский титул дали ему испанцы. Рассказывая об аналогичном случае, героем которого был Сципион, Полибий (IX, 40, 2) и Ливий (XXVII, 19, 3) употребляют слово «царь» (βασιλεύς, rex). Диодор предпочел назвать Гасдрубала стратегом-автократором. Вероятно, как и в греческом мире, речь шла о концентрации в одних руках всех военных и дипломатических полномочий без коренного изменения политического строя. Для испанцев, вероятно, речь шла о признании (добровольном или нет) Гасдрубала своим верховным вождем. По-видимому, такое признание распространялось и на его преемников. После завоевания земель к северу от Ибера Ганнибал поставил во главе их Ганнона, которого Ливий (XXI, 23, 1) называет префектом

(точнее, использует глагол *praefecit*), а Полибий (III, 36, 3) — гегемоном. Латинский титул точно соответствует карфагенскому 's 'l — тот, кто над чем-либо (G. Charles-Picard, 1966, 1258), как назывались чиновники на территории карфагенской хоры. К югу от Ибера в таком качестве префекты не встречаются. Правда, Ливий (XXVIII, 30, 1) упоминает Ганнона, префекта Магона, но это — латинское обозначение офицера, стоящего во главе небольшого отряда. Надо думать, что испанцы, жившие к северу от Ибера, не признавали, в отличие от южных, в карфагенском полководце своего верховного вождя, и Ганнибал организовывал управление ими на ливийский манер. В более же южных районах Пиренейского полуострова этого не требовалось.

Браки и провозглашение карфагенского полководца стратегом-автократором создавало новые отношения с местным населением. По отношению к последним он теперь выступает не столько как чужеземец, сколько как собственный вождь. Упомянув об этих событиях, Диодор далее отмечает, что вследствие их Гасдрубал основал Новый Карфаген и другой город. Видимо, положение верховного вождя испанцев давало карфагенянину возможность распоряжаться и территорией, необходимой для основания города. Правда, известно, что новый город основывал и Гамилькар (Diod. XXV, 10), однако надо учесть, что античные авторы выразительно противопоставляют этих двух карфагенских властителей Испании. Так, Полибий (III, 36, 2) говорит, что Гасдрубал в отличие от Гамилькара укрепил карфагенское владычество не столько военными деяниями, сколько связью с местными правителями. Видимо, акт Гамилькара представлял собой недвусмысленное проявление права сильного, а поступок его зятя явился для испанцев

следствием его положения во главе союза племен и мелких государств Пиренейского полуострова.

Занятие Баркидами положения верховных предводителей тех испанцев, которые признавали его верховенство, изменило и положение испанских воинов в их армии. Раньше все испанцы служили карфагенянам в качестве наемников (например, Diod. XIII, 54, 1). Даже во время I Пунической войны карфагеняне набирали среди испанцев наемников, говорит Полибий (I, 17, 4), хотя сам же несколько раньше (I, 10, 5) отмечал, что значительная часть Испании была подчинена карфагенянам. Иным было положение испанцев в баркидской армии. В рассказе Ливия (XXIII, 29, 4) о битве на реке Ибер ясно противопоставляются испанцы, поставленные в центр войска, и отряды наемников на левом фланге. Об этом же свидетельствует и то, что перед началом войны с Римом Ганнибал перевел часть испанского войска в Ливию (Африку), а ливийского — в Испанию (Polyb. III, 33, 8—9; Liv. XXI, 21, 11—13). По-видимому, испанские воины находились на том же положении, что и ливийские (Meltzer, 1896, 313—314).

В качестве верховных вождей Баркиды выступают во внешнем мире как защитники своих подданных. Так, конфликт между сагунтинцами и турдетанами (или турболетами), подчиненными карфагенянам, даже если этот конфликт был спровоцирован самим Ганнибалом, послужил для карфагенского полководца поводом для нападения на Сагунт (Polyb. III, 15, 8; Liv. XXI, 13, 5; App. Hisp. 10).

Таким образом, в Испании возник обширный союз местных народов во главе с карфагенским полководцем. Но охватывал он далеко не все население, подчиненное Баркидам. Территория их державы была гораздо обширнее. Еще во время Ливийской вой-

ны Гамилькар был назначен стратегом Ливии и отправился в Испанию, не сдав отчета по ливийским делам (App. Hisp. 4). Действуя в Испании, он послал Гасдрубала подавлять восстание нумидийцев (Diod. XXV, 10, 3). Ганнибал накануне II Пунической войны, как уже говорилось, перевел испанское войско в Африку, а ливийское — в Испанию. Полибий (III, 33, 7) подчеркивает, что перед походом в Италию Ганнибал позаботился о безопасности Африки. Следовательно, юрисдикция Баркидов распространялась и на африканские земли, включая Нумидию. Если учесть, что к этому времени Карфаген лишился Сицилии и Сардинии, то видно, что власть Баркидов распространялась на всю территорию Карфагенской республики вне самого Карфагена и его хоры. Что же касается союза, возглавляемого Ганнибалом, то перечисление Полибием племен, воинов которых он отправил в Африку, может быть, дает указание на народы Испании, вошедшие в этот союз. Это — терситы (тартессии), собственно иберы, мастиены, олькады, ореты (оретаны), т. е. народы Южной и Юго-Восточной Испании. Среди них карфагеняне производили принудительный набор в войска, как это сделал Гасдрубал, сын Гисгона в 206 г. до н. э. (Liv. XXVIII, 12, 13). Вне этой территории были другие племена и общины, находившиеся на ином положении. Некоторые из них, прежде всего тирские и карфагенские колонии, как уже говорилось, пользовались известной автономией. Такое сочетание автономных и самоуправляющихся частей государства было характерно для эллинистического мира.

Держава Баркидов была создана в первую очередь в результате военных акций Гамилькара и его преемников. Дипломатическая деятельность Гасдрубала дополняла ее. Даже на юге, где речь шла не о но-

вом завоевании, а о восстановлении карфагенского господства, баркидское завоевание создавало новую ситуацию, ибо покоренные народы подчинялись теперь не далекому правительству в Карфагене, а находившемуся в самой Испании полководцу. Поэтому власть Баркидов имела в значительной степени военный характер и основывалась на «праве копья». Этим она оказывалась очень похожей на власть преемников Александра Македонского на Востоке (ср.: Самохина, 1979, 99—101).

Так же, как и у эллинистических монархов, очень важна была личная связь Баркидов с подчиненным населением. Личный характер этой власти доказывает тот факт, что положение Гасдрубала было в значительной степени основано на его провозглашении стратегом-автократором, а положение его преемников — на наследовании этого статуса. Заключая договор с Римом и не представляя его на утверждение в Карфаген, Гасдрубал действовал именно как вождь Испании, а не как магистрат Карфагенской республики. Конечно, с карфагенской точки зрения, этот договор был скорее всего беритом, т. е. таким видом соглашения, которое связывало только его непосредственных участников (Bickermann, 1952, 18). Но использование этой старинной семитской практики в новых условиях было явно связано с новым положением Баркида.

Тесные связи с местным населением (как с испанцами, так и с давно жившими в стране финикийцами) подчеркиваются и чеканкой Баркидов. В Карфагенской державе право выпуска монет имела не только столица (Huss, 1990, 354—356). Этим правом, в частности, обладали Гадес и Эбес в Испании. Поэтому мы не знаем, насколько превысили и превысили ли вообще свои конституционные полномочия

Баркиды, выпуская собственные монеты, но обращает на себя внимание их символика. Монеты, выпускаемые в свое время в Сицилии, предназначенные, вероятнее всего, и для армии, имели легенды, намекающие на эту связь: *mhnt* (лагерь), *'m mhnt* (народ лагеря) и т. п. (Huss, 1990, 355; *Les Phéniciens*, 1997, 253). Ничего подобного в баркидской чеканке нет. Монеты выпускала не армия, а лично полководец; они достаточно хорошей пробы (Vegas del Pinar, 1993, 114—115) и отличаются от выпускаемых в это же время в Карфагене (Huss, 1990, 356). На реверсе баркидские монеты сохранили обычные карфагенские символы — коня или его голову, пальму, слона, нос корабля (Harden, 1980, 158—159), но аверс резко отличается от аверса карфагенских монет. На последних обычным было изображение женской головы, которое считается изображением Тиннит (Huss, 1990, 353—354). Эта богиня к тому времени играла первенствующую роль в карфагенском пантеоне, и ее «портрет» становится эмблемой Карфагена. Однако в Испании эта богиня была не столь почитаема. Ее культ хорошо засвидетельствован в карфагенских колониях, особенно на Питиуссе, но на материке он гораздо более редок (Циркин, 1976, 82—83). И на баркидских монетах ее заменяет Мелькарт, который уже до этого встречался на монетах Гадеса (Blazquez, 1976, 3—12; Blazquez, 1983, 453—454). Появление Мелькарта вместо Тиннит не случайно.

Мелькарт занимал определенное место в карфагенском пантеоне. В городе был его храм (CIS 264, 5575), карфагенская ономастика засвидетельствовала его почитание. Достаточно вспомнить полководцев, носивших такие имена, как Бомилькар (Бодмелькарт) или Гамилькар (Хамелькарт). Но особым почитанием карфагенян пользовался храм этого бога не в

своем городе, а в метрополии. Туда, а не в свое святилище, отправляли карфагеняне десятину от своих доходов (Diod. XIII, 108; Iust. XVIII, 7, 7). Постоянно отправлялись в Тир «священные посольства» (Arr. Anab. IV, 2, 10; Polyb. XXXI, 12). Карфагеняне явно рассматривали храм в Тире как основной, а свой — как имеющий чисто местный и второстепенный характер.

Иным было положение в Испании. Гадитанский храм Мелькарта был одним из самых известных в средиземноморском мире. Сам Гадес был основан по велению Мелькарта (Strabo III, 5, 5), а в храме находилась могила бога (Mela III, 46), который, по финикийским сказаниям, погиб в Испании (Sal. Iug. 18, 3); можно думать, что там локализовалось и воскресение Мелькарта. В Гадесе торжественно отмечался праздник гибели и воскресения этого бога (Ferron, 1972, 202, 210). Гадитанский храм был не только религиозным, но и экономическим центром и, вероятно, казнохранилищем города (Garcia y Bellido, 1963, 70—153; Aubet, 1994, 239—241; Fierro Cubiello, 1995, 140—141). Культ Мелькарта, отождествленного с греческим Гераклом и римским Геркулесом, был широко распространен и за пределами Гадеса, как в других финикийских городах, так и в туземной среде (Циркин, 1976, 66—78). Следовательно, заменяя карфагенскую богиню богом, особенно почитаемым в Испании, Баркиды подчеркивали свою роль не столько как представителей Карфагенской республики, сколько как руководителей Испании, обосновывая этим культом свое право на власть в этой стране (Lopez Castro, 1995, 81—84).

Большинство исследователей полагают, что лицу Мелькарта на монетах приданы портретные черты членов семьи Баркидов (G. Charles-Picard, 1963/1964, 31—41; Scullard, 1970, 249, 252—253; Кораблев, 1976,

61; Blazquez, 1976, 4—7; Harden, 1980, 64—65). Интересен вопрос — пропаганда ли это собственного образа под личиной бога или претензии Баркидов на обожествление. Возможно, Баркиды надеялись, что их отождествление с божеством станет привычным для подчиненного населения. В любом случае, перед нами проявление индивидуализма, роста личностного начала, что характерно для эллинистического менталитета. Баркиды явно проникались духом эллинистических образцов: образы Александра Македонского и его преемников, которые из полководцев сделались царями, вдохновляли Баркидов, недаром статуя Александра стояла в гадитанском храме (Suet. Iul. 7, 1). Схожесть монет показывает, что они и сами сознавали свое духовное родство с эллинистическими владыками (Gil Farres, 1957, 63). Появление на одной из серий монет изображения Мелькарта с царской диадемой (под которым, по-видимому, подразумевался Гасдрубал) говорит, что порой монархические претензии не очень и скрывались. Вероятно, появление этих монет надо связать с попыткой монархического переворота Гасдрубала, о чем уже говорилось. Недаром Гасдрубал построил в Новом Карфагене роскошный дворец. Сам этот город Полибий (III, 5, 3) называет βασιλειον. Слово βασιλεια обычно используется в эллинистических государствах для обозначения столицы и царского дворца (Бикерман, 1985, 34).

Новый Карфаген дает пример определенных социальных характеристик того политического образования, которое сложилось под властью Баркидов. Здесь выделяются несколько категорий городского населения: граждане, поселенцы, «ремесленники», рабы. Естественно, на вершине этой пирамиды находились граждане, но они, как говорилось выше, не были вооружены, практически не управляли горо-

дом, да и земли в окрестностях города принадлежали не им, а государству, т. е. фактически Баркидам. Такое положение характерно для Александрии (Helck, 1979, 144—245; Левек, 1989, 61—62; Свенцицкая, 1989, 311). Так как Новый Карфаген был основан, по видимому, на месте древней Мاستии, то поселенцами, вероятнее всего, были мастииены, продолжавшие жить в городе. Их социальное положение могло быть подобным «народу, живущему на земле» в африканском Мактаре, о котором уже говорилось. Выше было сказано и о новокарфагенских «ремесленниках», являвшихся особой зависимой социальной группой. Так что в Новом Карфагене смешивались черты, свойственные доэллинистическому восточному обществу, и эллинистическому.

Таким образом, можно говорить, что держава Баркидов типологически была близка эллинистическим государствам. Однако в положении Баркидов и эллинистических царей была существенная разница. Первые все же не были полностью самостоятельны. Как уже отмечалось, над полководцами стоял карфагенский совет. Когда Баркиды стояли на вершине своих успехов, реальный контроль правительства был минимален, а посланцы совета были скорее членами их штаба. Но по мере поражений баркидской армии правительственный контроль усиливался, и чем дальше к концу II Пунической войны, тем меньше можно говорить о самостоятельной или полусамостоятельной державе Баркидов.

Хотя такая держава существовала недолго, ее значение для истории Карфагена было довольно велико. Впервые в рамках Карфагенской республики появилось социально-политическое образование в принципе нереспубликанского типа с иными, чем в полисном мире, отношениями с подчиненным населением.

Это образование противостояло республиканскому строю Карфагена с всевластием его олигархии и могло представлять угрозу самому существованию Карфагенской республики, которая была абсолютно реальной в случае победы Ганнибала над Римом. Этого не могли не понимать карфагенские правители. Видимо, этим было продиктовано странное на первый взгляд решение после битвы при Каннах не только направить Ганнибалу сравнительно небольшое подкрепление, но и приказать Гасдрубалу двинуться с армией на помощь брату, а в Испанию направить другую армию (Liv. XXIII, 13, 7—8; 27, 9—28, 2). Конечно, с чисто военной точки зрения было бы гораздо более разумным направить в Италию значительные подкрепления и тем самым нанести ослабленному страшным поражением Риму решительный удар. Но в таком случае после войны под властью Баркидов оказалась бы еще и Италия вдобавок к тем землям, которыми Баркиды самовластно распоряжались накануне войны. И тогда свержение существующей власти победоносными полководцами казалось неминуемым. Карфагенское правительство приняло решение, которое, как ему думалось, убивало двух зайцев: и новая армия направлялась к Ганнибалу для победоносного завершения войны, и предотвращалось чрезмерное усиление Баркидов. Из этого расчета ничего не вышло, но это показывает степень политических противоречий в Карфагене во время II Пунической войны.

Еще больше эти противоречия обострились после войны. В результате катастрофического поражения Карфаген фактически лишился своей державы. А это означало, что возможности «подкармливания» карфагенского плебса за счет эксплуатируемого подчиненного населения исчезли. Недаром еще в конце войны «рыночная толпа», т. е. карфагенский плебс,

решительно выступила против мира именно из-за страха потерять все, что имела (App. Lib. 55). К тому же в Карфаген собрались карфагеняне из городов, захваченных римлянами и нумидийцами. И хотя в нем еще оставались незастроенные участки, принадлежавшие государству и храмам (App. Lib. 93), не говоря об аристократическом предместье Мегаре с его садами, огородами и каналами (App. Lib. 117), плотность городской застройки резко увеличилась. Так, на склонах холма Бирсы вместо металлургических мастерских появляются жилые дома, представляющие стандартные жилые блоки с минимальными жизненными удобствами (Lancel, Thuiller, 1980, 26—36). По словам Страбона (XVII, 3, 15), в Карфагене накануне III Пунической войны жили 700 тысяч человек, что резко увеличивало напряжение в городе. О таком положении свидетельствует деятельность Ганнибала в 195 г. до н. э. и обстановка, в которой эта деятельность протекала. Судя по рассказу Ливия (XXXIII, 46—47), всевластие, надменность и вульгарное казнокрадство правящей олигархии Карфагена достигло небывалых размеров, что, конечно, вызывало ненависть плебса, горячо поддержавшего активность Ганнибала, занявшего в этом году должность одного из суффетов. И тогда, в какой-то степени оттесненные от «кормушки» карфагенские аристократы добились вмешательства смертельного врага карфагенян — Рима, чтобы пресечь деятельность ненавистного суффета. В свое время, как об этом говорилось выше, некий Суниат пошел на предательство из-за соперничества с Ганноном, и результатом была казнь предателя. Теперь же на тот же путь встала практически вся карфагенская аристократия: Это ясно говорит о крушении хоть какого-то подобия полисной солидарности и о распаде гражданского коллектива.

С течением времени этот распад все более усиливался. Свидетельством этому явилось появление, как об этом говорилось, трех различных политических группировок. Борьба между ними шла довольно ожесточенная. Примером может служить изгнание сторонников нумидийского царя, причем было принято решение не только их более не принимать обратно, но даже и вносить такое предложение (App. Lib. 70). Когда лидеры «демократической», т. е. фактически антиримской, группировки выступили неудачно, они были приговорены к смертной казни (App. Lib. 74), ответом на что стало вооружение одним из этих лидеров — Гасдрубалом — 20 тысяч воинов, которых он двинул против города (App. Lib. 80). И даже во время последней войны, когда, казалось, только сплочение всех граждан может спасти обреченный город, тот же Гасдрубал обвинил своего тезку, командовавшего войсками внутри города, которого его сторонники без всякого суда убили (App. Lib. 111). Последняя война, которая по существу свелась к почти непрерывной осаде Карфагена, не умерила страсти. Против сторонника решительной борьбы с Римом Гасдрубала выступил совет, в котором, по-видимому, еще сильны были аристократы, а Гасдрубал в ответ на это совершил переворот, арестовав и убив часть его членов и став фактически тираном. Такое обострение внутренних противоречий, которые становились сильнее, чем гражданская солидарность, является самой характерной, ясно видимой чертой кризиса полиса. Это было свойственно и Греции в IV в. до н. э., и Риму на исходе республики. Так что можно говорить, что и карфагенский полис, утративший свою державу, тоже вступил в полосу кризиса, который был прерван римским завоеванием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Финикия занимала особое место в системе обществ Древнего Ближнего Востока. Она находилась на периферии великих древневосточных цивилизаций. Даже чисто географически Финикия, протянувшаяся вдоль морского побережья и отделенная в своей значительной части от остальной Азии высокими горами, представляла собой отдельную область, связь которой с другими, на первый взгляд, должна была быть весьма ограниченной. Однако в действительности связи Финикии с другими восточными обществами были довольно тесными и разнообразными. Финикия занимала не только само побережье, но и часть гор, покрытых великолепными лесами, столь высоко ценимыми странами Ближнего Востока, что особенно привлекало восточных владык. Но Финикия обладала и еще одним богатством: в ее пределах выходили к Средиземному морю многие торговые пути и прекрасные гавани. Уже одно то, что страна была как бы повернута лицом к морю, вело к развитию не только рыболовства и обработки даров моря (особенно пурпураносных раковин), но и к мореплаванию и морской торговле. В результате Финикия становится важным узлом связи не только различных восточных, но и других стран и народов.

Эта роль Финикии проявилась в самом начале ее истории, когда вскоре после своего основания важнейшим торговым центром становится Библ, а его основным контрагентом — Египет. Довольно скоро устанавливаются связи с внутренними районами Сирии, а затем и с Месопотамией.

Основным направлением политического развития Ближнего Востока явилась тенденция к объединению и преодолению стадии городов-государств, или «номовых государств», созданию сначала территориальных государств в рамках определенного географического и частично этнического единства, а затем и ближневосточных «империй». Эта тенденция не была однолинейной, развитие не раз поворачивало вспять, пути к созданию территориальных государств тоже оказывались разными. Но в целом это прослеживается достаточно ясно. Второй путь политического развития этого региона состоял в создании государств на основе племенных объединений, как это было в начале I тысячелетия до н. э. в Сирии, Палестине, Заиордании. Финикия осталась вне обеих тенденций. Там до самого конца ее существования в рамках Древнего Востока сохранялась система городов-государств, возникшая на заре финикийской истории. Богатства и важное стратегическое положение Финикии привлекали внимание более сильных соседей, и их агрессия в значительной степени консервировала существующее политическое состояние, выгодное более сильным соседним владикам. Но еще больше объединению страны препятствовала сама ее география. Характер рельефа уже определял «разорванность» Финикии на отдельные районы, в каждом из которых выделялся основной центр, да и в экономическом отношении финикийские города-государства не были заинтересованы в

объединении. Каждое из них самостоятельно устанавливало контакты с ближними и дальними соседями, а то и с далекими заморскими странами. Финикийское хозяйство не нуждалось в создании единой ирригационной системы, которая столь стимулировала объединение Месопотамии и Египта. В результате Финикия в политическом плане оставалась на стадии «номовой государственности».

Политическая раздробленность Финикии, разумеется, резко ослабляла ее перед лицом более сильных соседних государств, а богатства и роль в международной торговле привлекали жадное внимание. Поэтому Финикия часто оказывалась предметом грабительских, а затем и завоевательных походов соседних царей. Периоды политической независимости сменялись временами подчинения другим державам, причем сохранение или утрата независимости определялись не возможностями финикийцев, а силой или слабостью соседей. Но и под властью чужеземных царей финикийские города сохраняли свою автономию, свое внутреннее устройство и даже свою монархию.

Несмотря на богатые плодородные земли, сельское хозяйство в Финикии не смогло стать важнейшей основой ее экономики. Финикийцы рано были вынуждены обратиться к ремеслу, и особенно торговле. В отличие от многих других восточных стран экономика здесь рано приобрела товарный характер. Правда, металлические деньги у финикийцев появились довольно поздно, но это не мешало активной торговле, игравшей в хозяйственной жизни страны огромную, а может быть, и определяющую роль.

Своей политической раздробленностью, сохранением системы городов-государств, развитием мо-

реплавания Финикия очень напоминала Грецию, а большой ролью товарного производства — наиболее передовые ее государства. Еще одна сходная черта — заморская колонизация, о которой речь пойдет несколько позже. И все же в положении Финикии и Греции была огромная разница. В первую очередь — это сам ход исторического развития. Микенские государства Греции были сметены в ходе так называемого дорийского нашествия. Новое развитие Эллады начиналось хотя и не с нуля (сохранились некоторые достижения экономики, многие культурные традиции и, главное, этническое сознание), но все же с весьма низкого уровня. В Финикии, как мы видели, такого разрыва не произошло (что иногда и постулируется в современной науке). Мощные этнические передвижения конца II тысячелетия до н. э. задели Финикию лишь косвенно и не в очень значительной степени. Несмотря на некоторые разрушения, основные центры Финикии довольно скоро возродились, продолжая прежнюю политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь. И это в значительной степени определило особенности Финикии по сравнению с Грецией.

Минойский Крит и микенские государства Греции были, по существу, государствами восточного типа. Однако после «дорийского нашествия» общественное устройство различных областей Греции более или менее нивелировалось на уровне позднеродового строя. Новый виток социально-политического развития проходил уже в совершенно новых условиях, и в ходе острой внутренней борьбы в период «архаической революции», как ее иногда называют, сами греческие общины конституировались как государства, дав начало полису, т. е. той особой форме политического, социального, культурного, эконо-

мического бытия, которая определила античный путь развития древнего общества, принципиально отличный от древневосточного. Его важнейшей чертой стала односекторность политической, экономической и социальной сфер, когда рядом с общиной, превратившейся в гражданский коллектив, не существовало никакой другой значительной силы.

В Финикии прежняя монархическая структура не была «снята» в период этнических трансформаций, она сохранилась полностью, как и сосуществовавшая с ней общинная структура. Важен еще один момент. Несмотря на свою некоторую отдельность от остального ближневосточного мира, Финикия осталась «встроенной» в этот мир. В начале I тысячелетия до н. э. даже Тир, заморская торговая и колониальная экспансия которого была столь масштабной, сохранял обширные и глубокие контакты с Египтом и в еще большей степени со странами Передней и Малой Азии. Для других финикийских городов их восточные связи были еще более важными. Эта «встроенность» в восточный мир, сильнейшее влияние традиций, идущих как от самого финикийского общества с двумя тысячелетиями его предыдущего существования, так и от соседних народов и государств, вызвали сохранение двухсекторности жизни Финикии. Как и в предыдущую эпоху, в городах-государствах Финикии наблюдается сосуществование царского и общинного укладов во всех сферах жизни. Те сравнительно немногие сведения, какие мы имеем о внутренней жизни Тира, показывают, что в этом городе тоже шла ожесточенная социальная и политическая борьба, но она не привела к ликвидации монархии и ее экономической и социальной опоры. Поэтому при всей схожести с Грецией финикийское общество оставалось восточным.

Только когда армия Александра Македонского уничтожила Персидскую державу Ахеменидов, открылись возможности иного пути многих стран, ранее в эту державу входивших. Финикийские города, и до этого времени связанные с европейским средиземноморским миром, довольно быстро вошли в новую, эллинистическую систему, став ее интегральной частью. Тесные контакты устанавливаются между Библом, Тиром, Сидоном, с одной стороны, и Делосом, Афинами, Дельфами — с другой (Шифман, 1977, 18—21). Большое значение имели и политические изменения. После кровопролитных войн, сопровождавших раздел державы Александра Македонского, Финикия оказалась под властью Птолемеев. Однако на нее имели виды и Селевкиды, и после битвы при Пании эта страна была за ними закреплена (Polyb. XXVIII, 1, 2). Но еще в период пребывания в составе государства Птолемея в финикийских городах произошли значительные изменения. Если Александр оставил в неприкосновенности существующий в городах политический строй, только порой меняя царей на более лояльных, то эллинистические монархи решительнее способствовали его изменению. В 275/274 г. до н. э. была ликвидирована монархия в Тире, и этот год стал началом новой городской эры, эры народа Тира — 'm sr (Bordreuil, 1995, 190—191). Царская власть была ликвидирована и в других финикийских городах, где теперь главы администрации все чаще начинают именоваться на греческий манер архонтами, и вообще происходит эллинизация управления (Шифман, 1977, 23). На монетах сочетаются финикийская и греческая легенды, причем имя царя дается обычно по гречески (Бикерман, 1985, 217—218), а собственно «хозяином» монеты является уже весь город, его гражданский коллек-

тив, например сидонцы (Бикерман, 1985, 217). Царский сектор практически ликвидируется. Финикийская культура продолжала жить в финикийских городах, но и она постепенно эллинизируется, все более проникаясь греческим влиянием (например, Parro, Chehab, Moscati, 1975, 113—125). Можно сказать, что воины Александра Македонского, сломав стену, отделяющую древневосточный путь развития древнего общества от античного, ввели Финикию в орбиту античного мира.

Обратимся теперь к колонизации. В науке все более распространяется мнение, что финикийская колонизация имела совершенно иной характер, чем греческая. Некоторая разница действительно бросается в глаза. Самым главным отличием является то, что колонии, выведенные финикийцами, составляли часть Тирской державы, в то время как греческие апойки являлись в политическом плане самостоятельными полисами. И в том, и в другом случае имеются исключения. С самого начала независимым стал Карфаген. С другой стороны, известно, что колонии, выведенные греческим Коринфом во времена Кипселидов, подчинялись своей метрополии. Но эти исключения только подтверждают основное правило. Другое важное отличие состоит, на наш взгляд, в том, что финикийская колонизация протекала в два этапа, причем второй этап в значительной степени совпадал по времени с Великой греческой колонизацией. Надо отметить также, что в греческом мире метрополиями являлись самые различные города и области, как весьма развитые, например, города Ионии, так и достаточно отсталые, например, Ахайя. Из финикийских городов метрополией являлся только один Тир. Правда, он, вероятно, служил резервуаром, собирающим будущих колонистов из разных мест, и притом

не только финикийцев, но все же колонизация исходила именно из него. Может быть, в колонизации части Кипра принимал участие и Арвад, но это еще требует дальнейшего изучения.

В остальном, как кажется, обе колонизации имеют сходные черты. И той и другой колонизации предшествовала предколонизация. Достаточно ясно выделяемая в истории греческого колонизационного движения предколонизация теперь все более устанавливается и для финикийской колониальной экспансии. Долгие споры о характере греческой колонизации все больше приводят к выводу, что в ней можно выделить аграрную, торговую или, точнее, торгово-ремесленную тенденции, а преобладание той или другой зависело от характера метрополии, от ее экономических интересов и от тех условий, которые колонисты встречали в странах их поселения. Обе тенденции можно выделить и в финикийской колонизации, однако характер метрополии во всех случаях оставался одним. Хотя торговые интересы, по-видимому, в наибольшей степени определяли сам процесс колонизации, аграрный момент в нем, несомненно, присутствовал, и его достаточно ясно выделяют в Сардинии и, пожалуй, в Испании. Финикийские колонии далеко не всегда являлись лишь якорными стоянками, они были прочными поселениями, обладающими хоть и небольшой, но сельскохозяйственной округой. Надо заметить, что и греки порой на начальной стадии колонизации создавали такие стоянки и чисто торговые фактории, эмпории. Греческие колонии иногда создавались теми, кто потерпел поражение в политической борьбе и не имел другого пути спасения, кроме бегства и создания нового поселения. И ряд финикийских колоний были созданы оппозиционными группами знати, потер-

певшими поражение во внутренней борьбе. Самым ярким примером таких поселений является Карфаген. Велика была роль оракула и у греков — дельфийского Аполлона, и у финикийцев — тирского Мелькарта. Наконец, и в Тире, и в городах Греции главная роль в организации колониальных экспедиций принадлежала государственной власти.

Все это показывает, что, хотя финикийское и греческое общества в очень важных аспектах были принципиально различны и относились к разным вариантам древнего мира, их колонизации указывают на аналогии в чрезвычайно важных областях. Видимо, более тщательное сравнительное изучение обеих колонизаций сможет выявить общие закономерности колониационного движения в древности независимо от того, относится ли общество метрополии к античному или древневосточному миру.

Что касается финикийских колоний, то они, будучи элементами Тирской державы, естественно, тоже оставались в мире Древнего Востока. Крушение этой державы создало только предпосылки для перехода на античный путь развития общества. Однако обретение независимости, освободив колонии от власти далекого тирского царя, оставило их наедине с окружающим туземным миром и ослабило связи с Востоком. В Испании это спровоцировало усиление тартессийского давления, с одной стороны, и изменение экономических условий существования финикийских поселений — с другой. Следствием этого явился отказ нахождения финикийцами в большинстве поселений и концентрация их в немногих городах, что, естественно, привело к стремлению сохранить старые традиции жизни. Вторым последствием обретения колониями независимости стало карфагенское завоевание.

Первоначальная независимость Карфагена от Тира и относительно быстрая ликвидация монархии тоже создали предпосылки для античного пути развития. Надо иметь в виду также, что Карфаген географически находился довольно далеко от основной территории Востока, и его восточные связи были не очень сильными. Экономические, а затем и политические интересы объединяли его скорее с этрусками или греческими колонистами, а также с другими народами центра и запада Средиземноморья, чем с метрополией. Отношения со всеми этими народами были разнообразны — от союза и партнерства до открытых жестоких войн. Но в любом случае они имели для Карфагена гораздо большее значение, чем контакты с далеким Тиром, с которым его связывали исключительно духовные узы.

Еще на сравнительно раннем этапе своей истории Карфаген приступает к колонизации Питиуссы, а распад Тирской державы позволил ему строить на ее обломках собственную. Одновременно карфагеняне захватывают значительные плодородные территории непосредственно вблизи своего города. Подчиняют они и некоторые районы с местным населением, как например, остатки Тартессийской державы. В результате под властью Карфагена оказались огромные территории, и образуется мощное государство, ставшее одним из самых сильных и значительных в Средиземноморье. Это не могло не отразиться на экономических и социальных отношениях в Карфагене. После завоевания плодородных территорий, часть которых Карфаген включил в свою хору, начинает развиваться земледелие. С течением времени оно будет играть все более значительную роль в экономике, определяя не только экономические, но в значительной степени и политичес-

кие интересы части карфагенской знати. Таким образом, карфагенское хозяйство становится многоотраслевым и разнообразным.

В это время формируется сложная социально-политическая система Карфагена, та пирамида, наверху которой стояла карфагенская аристократия, составлявшая верхушку гражданства — «народа Карфагена», а в самом низу — рабы и близкие к ним группы зависимого населения. Между этими крайними точками располагались иностранцы, «метеки», «сидонские мужи» и другие категории неполноправного, полузависимого и зависимого населения, значительная часть которого явилась наследием восточного происхождения Карфагена, а другая стала следствием нового положения государства. Сам гражданский коллектив состоял из двух групп — аристократии и плебса, но они вместе противостояли остальному населению республики, выступая как единый коллектив в отношениях с подчиненными и с внешним миром. Материальной основой этого гражданского коллектива явилась общинная собственность, выражающаяся в двух ипостасях — как собственность всей общины и как собственность отдельных граждан. Кроме общинной собственности, никакого другого сектора экономики не существовало, даже храмовая собственность находилась под контролем общины. Утверждается республиканская форма управления государством. Высшая власть в этом государстве, по крайней мере, официально, а в критические моменты и фактически, принадлежит народному собранию. Так что в принципе суверенной властью обладал народ Карфагена, «господа карфагеняне». Правда, в обычное и более или менее стабильное время реально власть принадлежала олигархической верхушке гражданства, так что Кар-

фаген был именно аристократической республикой. Все это свойственно той форме экономической, социальной и политической организации древнего общества, которая именуется полисом и которая определяла античный характер данного конкретного общества.

Итак, в Карфагене возник полис. Он обладал рядом особенностей, определенных его восточным и колониальным происхождением, но эти особенности не выходят за рамки полисной системы. Можно считать, что наряду с греческими полисами и римской *civitas* Карфаген представлял собой третью разновидность полиса. В Греции и Риме полис формировался в ходе ожесточенной классовой и сословной борьбы. Скудость наших знаний о внутренней истории Карфагена не позволяет проследить историю подобного процесса в карфагенском обществе. Однако можно полагать, что и там шла подобная борьба. Переворот Малха и его подавление, установление и свержение диктатуры Магонидов, неудачный мятеж Ганнона — известные нам ее проявления. Свержение власти Магонидов, с одной стороны, и появление хоры и создание там земледельческого хозяйства аристократов, с другой — определяют возникновение карфагенского полиса. Одновременно с этим формируется и Карфагенская держава. Датировать завершение всех этих процессов надо приблизительно серединой V в. до н. э. Таким образом, можно говорить, что к середине этого века формируется карфагенский полис и Карфагенская держава. В результате Карфаген, генетически связанный с восточным миром, к середине V в. до н. э. стал античным государством.

Закономерности развития античного общества оказались действенными и для Карфагена. Пораже-

ние в первой войне с Римом вызвало острый политический и социальный кризис. В значительной степени путь выхода из этого кризиса был намечен созданием полунезависимой державы Баркидов, типологически сходной с эллинистическими государствами Востока. Это, естественно, привело к возникновению нового противоречия — между политическим образованием эллинистического типа и республиканской формой карфагенского государства, в существовании которой была кровно заинтересована карфагенская олигархия. Поражение Карфагена во второй войне с Римом, войне, в которой Баркиды играли важнейшую роль, сняло вопрос о взаимоотношениях Баркидов и республики. Но оно же в значительной степени обусловило кризис карфагенского полиса.

Кризис полиса переживали и Греция, и Рим. В Греции он был частично преодолен включением эллинских полисов в эллинистическую систему. Другими попытками выйти из кризиса стало возникновение союзных государств, таких как Ахейский и Этолийский союзы и появление на колониальной периферии держав под властью тиранов или царей. В Риме кризис полиса привел к ликвидации республики и возникновению Римской империи. Карфаген же вообще не смог пережить кризис, что было обусловлено не столько внутренними процессами, сколько внешними обстоятельствами. Рим нанес фатальный удар Карфагену, уничтожив и сам город, и это государство.

Сравнение истории и социально-политических структур собственно Финикии и Карфагена показывает, что эти два общества принадлежали к двум разным мирам — древневосточному и античному. Конечно, между этими двумя обществами сохранялись

многообразные связи, особенно в сфере религии. Одна этническая основа определила схожий культурный облик и метрополии, и Карфагена. Но в социально-политическом отношении это были два разных мира, два разных пути развития. Это же сравнение показывает, что принадлежность к античному или древневосточному вариантам древнего мира определяется не этническим происхождением, а историческими условиями.

СОКРАЩЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ПИСЬМЕННЫХ И ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

- Ун-Амун* — Путешествие Ун-Амуна в Библ
Ach. Tat. — Achillei Tatii Leucippe et Cleitophon
Amm. Marc. Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui sup-
wesunt
ANET — Ancient Near Eastern Texts relating to the Old
Testament
ANET Suppl. — The Ancient Near East. Supplementary Texts
and Pictures Relating to the Old Testament
Apollod. — Apollodori Bibliotheca
App. Han. — Appiani Bellum Hannibalicum
App. Hisp. — Appiani Bellum Hispaniense
App. Lib. — Appiani Bellum Libycum
Arist. Pol. — Aristotelis Politica
Arr. Anab. — Flavii Arriani Anabasis Alexandri
Ath. — Athenaei Deipnosophistae
Ath. Pol. — Athenaei Poliorcetici peri mhcanhmatwn
Av. Or. mar. — Avieni Ora maritima
Chron. — Iohannis Malalae Chronographia
I Chron. — I Cronicorum liber (Biblia Hebraica)
II Chron. — II Cronicorum liber (Biblia Hebraica)
CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum, pars I
Clem. Alex. Strom. — Clementis Alexandrini Stromata
Col. — L. Iunii Moderati Columellae rei rustici libri
Curt. Ruf. — Q. Curtii Rufi Historiarum Alexandri libri qui supersunt
De mir. ausc. — Pseudo-Arisotelis de mirabilibus auscultationibus

- Deut.* — Deuteronomium (Biblia Hebraica)
Diod. — Diodori Siculi Bibliothecae historicae qui supersunt
Diog. Laërt. — Diogenis Laërtii Vitae philosophorum
EA — Die El Amarna — Tafeln
Ex. — Exodus (Biblia Hebraica)
Ez. — Ezechiel (Biblia Hebraica)
Ezra (Biblia Hebraica)
F Gr Hist — Die Fragmenten der Griechischen Historiker
FHA — Fontes Hispaniae Antiquae
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
Gen. — Genesis (Biblia Hebraica)
Hannoni per. — Hannoni Carthaginiensium regis periplus
Her. — Herodoti Historiarum libri IX
Hesych. — Hesychii Lexikon
Ies. — Iesaia (Biblia Hebraica)
IFPCO Malta — Le iscrizioni fenice e puniche delle coloniae in Occidente. Malta
IFPCO Sard. — Le iscrizioni fenice e puniche delle cilonie in Occidente. Sardegna
IFPCO Sard. Npu — Le iscrizioni fenice e puniche delle colonie ib Occidente. Sardegna. Iscrizioni neopuniche
Il. — Homeri Ilias
Ios. Ant. Iud. — Iosephi Flavii Antiquitates Iudaicae
Ios. Contra Ap. — Iosephi Flavii Contra Apionem
Isocr. Evag. — Isocratis Evagoras
Iud. — Iudices (Biblia Hebraica)
Iust. — M. Iuniani Iustini Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma
Jer. — Jeremia (Biblia Hebraica)
Jes. — Jesus Navinus (Biblia Hebraica)
Jon. — Jonah (Biblia Hebraica)
KAI — Kannanaische und aramaische Inschriften
KTU — Die keilalphabetischen Texte aus Ugarit
Liv. — Titi Livii ab urbe condita libri
I Mac. — I Maccabaeum liber (Biblia Hebraica)
Mela — Pomponii Melae de chorographia libri tres
Ne — Nehemia (Biblia Hebraica)
Nep. Dat. — Cornelii Nepotis Vita Datis
Nep. Ham. Cornelii Nepotis Vita Hamilcaris
Nep. Han. — Cornelii Nepotis Vita Hannibalalis
Nonn. Dionys. — Nonni Panopolitani Dionysiaka

- Num.* — Numeri (Biblia Hebraica)
Od. — Homeri Odyssea
Ov. Met. — P. Ovidii Nasonis Metamorphoses
Paus. — Pausanii Graeciae descriptio
Phil. — Philoni Byblii Historiae Phoeniciae fragmenta
PL — Patrologia Latina
Plaut. Casina — T. Maccaei Plauti Casina
Plut. Ages. — Plutarchi Vita Agesilai
Plut. Cim. — Plutarchi Vita Cimonis
Poll. Onom. — Polluxi Onomasticon
Polyb. — Polybii Historiae libri
Ps. — Psalmi (Biblia Hebraica)
Ps.-Scyll. — Pseudo-Scylacis periplus
Ps.-Scymn. — Pseudo-Scymni orbis descriptio
Ptol. — Ptolemaei Geographia
I Reg. — I Regum liber (Biblia Hebraica)
II Reg. — II Regum liber (Biblia Hebraica)
Sal. Iug. — C. Sallustii Crispi Bellum Iugurthinum
II Sam. — II Samueli liber (Biblia Hebraica)
Sil. It. — Silii Italici Punica
Schol. Pind. Ol. — Scholia Vetera ad Pindari Olympiacae
Serv. Ad Aen. — Servii Grammatici Commentarium ad Vergilii
 Aeneidum
Solin — C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium
Suet. Iul. — C. Suetonii Tranquilli de vita divi Iulii
Sylloge — Sylloge Inscriptionum Graecarum
Tac. Hist. — Cornellii Taciti Historiae
Thuc. Thucididis Historiae
Varro de r. r. — M. Terentii Varronis rerum rusticarum libri tres
Vitruv. — Vitruvii de architectura libri decem
Xen. Ages. — Xenophontis Agesilaus
Xen. Anab. — Xenophontis Anabasis
Xen. Hell. — Xenophontis Hellenica

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аветисян Г. М.* Ранние сведения о распространении арамейских племен по Северной Месопотамии и Армянскому нагорью. // Историко-филологический журнал. Ереван. 1984. Т. 3 (106).
- Амусин И. Д.* Тексты Кумрана I. М., 1971.
- Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. Л., 1976.
- Античная цивилизация. М., 1973.
- Антонова Е. В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.
- Афанасьева В. К.* Гильгамеш и Энкиду. М., 1979.
- Афанасьева В. К.* Идеология и культура Протописьменного периода. // История Древнего Востока. М., 1983. Т. I, ч. II.
- Барамидзе А. А.* К вопросу о значении Северной Сирии для Урарту. // Вестник Государственного музея Грузии им. ак. С.Н. Джанашиа, 1959. Т. XX-15.
- Бартонек А.* Златообильные Микены. М., 1991.
- Бернхардт К.-Х.* Древний Ливан. М., 1982.
- Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.
- Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Васильев А. С.* Шасу новогипетских источников: к вопросу об идентификации. // Древний Восток и античный мир. М., 1998.

- Велльгаузен Ю.* Введение в историю Израиля. С.-Пб., 1909.
- Винников И. Н.* Эпитафия Ахирама Библиского в новом освещении. // ВДИ, 1952, № 4.
- Волков И. М.* Арамейские документы иудейской колонии Элефантины V века до Р. Х., М., 1915.
- Вулли Л.* Забытое царство. М., 1986.
- Гельцер М. Л.* Классовая и политическая борьба в Библие Амарнского времени. // ВДИ, 1954, № 1.
- Гельцер М. Л.* О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии в IX в. до н. э. // Древний мир. М., 1962.
- Гельцер М. Л.* Финикия на рубеже VII—VI вв. до н. э. // Сообщения Института народов Азии, 1962. № 42.
- Гельцер М. Л.* Экономика сирийского города во II тысячелетии до н. э. (на примере Угарита). М., 1970.
- Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Гринцер П. А.* Две эпохи литературных связей. // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971.
- Дандамаев М. А.* Государство, религия и экономика в древней Передней Азии. // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М., 1989.
- Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
- Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Дандамаев М. А.* Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. М., 1974.
- Данов Х. М.* Древна Тракия. София, 1968.
- Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации.* Тбилиси, 1981.
- Доватур А. И.* Политика и политики Аристотеля. М. — Л., 1965.

- Дьяконов И. М.* Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. // История древнего мира. М., 1989. Т. I.
- Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей. // ВДИ, 1981, № 2.
- Дьяконов И. М.* Подразделения месяца в Передней Азии. // Э. Бикерман. Хронология древнего мира. М., 1975.
- Дьяконов И. М.* Предыстория древневосточных цивилизаций. // История Древнего Востока. М., 1983. Т. I, ч. II.
- Дьяконов И. М.* Проблема собственности: о структуре обществ Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н. э. // ВДИ, 1967, № 4.
- Дьяконов И. М.* Фригийский язык. — Древние языки Малой Азии. М., 1980.
- Дьяконов И. М., Якобсон В. А., Янковская Н. Б.* Общие черты второго периода древней истории. — История древнего мира. М., 1989. Т. II.
- Дьяконов И. М., Янковская Н. Б., Ардзинба В. Г.* Передняя Азия. // История Древнего Востока. М., 1988. Т. I, ч. II.
- Дьяконов И. М.* Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
- Заблоцка Ю.* История Ближнего Востока в древности. М., 1989.
- Залесский Н. Н.* К истории этрусской колонизации Италии в VII—VI вв. до н. э. Л., 1965.
- Залесский Н. Н.* Этруски и Карфаген. // Древний мир. М., 1962.
- Захарова А. В.* Нонн Панополитанский. // Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. СПб., 1997.
- Зограф А. Н.* Античные монеты. М. — Л., 1951. История греческой литературы. М. 1955. Т. II. Источниковедение истории Древнего Востока. М., 1984.

- Каттерева Т. П.* Искусство стран Магриба. Древний мир. М., 1980.
- Кац Т. П.* Античные традиции о колонизации Сардинии. — Античный мир и археология. Саратов, 1972. Вып. III.
- Кацнельсон И. С.* Туганхамон и сокровища его гробницы. М., 1976.
- Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1986.
- Колобова К. М.* Возникновение и развитие рабовладельческих полисов в Греции. Л., 1956.
- Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.
- Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества. Л., 1951.
- Колобова К. М.* Находки цилиндров-печатей в Фивах и спор о Кадме. — ВДИ. 1970, № 2.
- Кораблев И. Ш.* (Шифман). Ганнибал. М., 1976.
- Коростовцев М. А.* Путешествие Ун-Амуна в Библии. М., 1960.
- Коростовцев М. А.* Религия древнего Египта. М., 1976.
- Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Крамер С. Н.* Мифология Шумера и Аккада. // Мифологии Древнего Мира. М. 1977.
- Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989.
- Ленцман Я. А.* Рабство в Микенской и Гомеровской Греции. М., 1963.
- Лурье С. Я.* Афины и Карфаген. // ВДИ, 1947, № 3.
- Лурье С. Я.* Геродот. М. — Л., 1947.
- Маккуин Дж. Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
- Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
- Машкин Н. А.* Карфагенская держава до Пунических войн. // ВДИ, 1948, № 4.

- Милитарев А. Ю.* Современное сравнительно-историческое афразийское языкознание. // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984.
- Молчанов А. А.* Генеалогические источники по истории Ахейской Греции. // Проблемы истории, филологии, культуры М., 1997.
- Немировский А. А.* Древнееврейский этногенез в свете патриархальной традиции Книги Бытия и политической истории древнего Ближнего Востока. Автореферат канд. дисс. М., 1996.
- Немировский А. И.* Этруски: от мифа к истории. М., 1983.
- Носенко Е. Э.* Роль культа умерших в древнееврейской традиции и его эволюция. // Восток, 1999, № 4.
- Нюстрем Э.* Библейский словарь. СПб., 1999.
- Оттенхейм А. Л.* Древняя Месопотамия. М., 1980.
- Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950.
- Перепелкин Ю. Я.* Древний Египет. // История Древнего Востока. М., 1988. Т. I, ч. II.
- Плиний* — см. Plinii Secundi Naturalis Historiae Libri.
Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
- Римшнейдер М.* От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. М., 1977.
- Савельева Т. Н.* Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962.
- Садаев Д. Ч.* История Древней Ассирии. М., 1979.
- Самохина Г. С.* Развитие представлений о *swra dorikthtoV* в эпоху эллинизма. // Античный полис. Л., 1979.
- Свенцицкая И. С.* Эллинистический Египет. // История Древнего Мира. М., 1989. Т. III.
- Сидорова Н. А., Чубова А. П.* Искусство римской Африки. М., 1979.
- Собалевский С. И.* Фукидид. // История греческой литературы. М., 1955. Т. II.

Страбон — Strabonis Geographica.

Строгецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.

Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953.

Тураев Б. А. История Древнего Востока. Л., 1936.

Тураев Б. А. Остатки финикийской литературы. Спб, 1903.

Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977.

Учение / Перевод, введение и комментарий Шифмана И. Ш. М., 1993.

Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. I.

Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979.

Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.

Фрэзер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.

Хазанов Ф. М. Социальная история скифов. М., 1975.

Хенниг Р. Неведомые земли. Т. I. М., 1961.

Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980.

Циркин Ю. Б. Аристотель и основание Массалии. // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып 8.

Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1987.

Циркин Ю. Б. Финикийская и греческая колонизация. — История Древнего Мира. Т. I. М., 1989.

Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976.

Чехович Н. О. Новый клинописный документ из финикийского Тира в собрании Государственного Эрмитажа. // Изучение культурного наследия Востока. СПб, 1999.

Чистякова Н. А. Древняя поэзия греческого Запада. - ВДИ, 1980, № 4.

Шифман И. Ш. Ветхий завет и его мир. М., 1987.

Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.—Л., 1963.

- Шифман И. Ш.* К вопросу о значении термина «бод» в пунических надписях. // Эпиграфика Востока, 1963. Вып. 15.
- Шифман И. Ш.* Культура древнего Угарита. М., 1987.
- Шифман И. Ш.* Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции. // ВДИ, 1964, № 3.
- Шифман И. Ш.* Рабство в Карфагене. // Каллистов Д. П. и др. Рабство на периферии античного мира. Л., 1968.
- Шифман И. Ш.* Сирийское общество эпохи принцепата. М., 1977.
- Шифман И. Ш.* Угаритский эпос. М., 1993.
- Шифман И. Ш.* Угаритское общество (XIV—XIII вв. до н. э.). М., 1982.
- Шифман И. Ш.* Финикийская историческая традиция в греческой и римской историографии. // Древний Восток и мировая культура. М., 1981.
- Шифман И. Ш.* Финикийский язык. М., 1963.
- Шифман И. Ш.* К вопросу о царских повинностях в Палестине в первой половине первого тысячелетия до н. э. по данным библейской традиции. // ВДИ, 1967, № 1.
- Яйленко В. П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.
- Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982.
- Яacobсон В. А.* Новоассирийская держава. // История Древнего Мира. М., 1989. Т. II.
- Acquaro E.* Cartagine: un imperio sul Mediterraneo. Roma, 1987.
- Akurgal E.* Das Dunkle Zeitalter Kleinasiens. // Griechenland, die Agäis und die Levante während der «Dark Ages» von 12. bis zum 9. Jh. V. Chr. Wien, 1983.

- Von Albrecht M.* Geschichte der römischen Literatur. Bern, 1992.
- Albright W. F.* Archaeology and Religion of Israel. Baltimore, 1956.
- Albright W. F.* The Role of the Canaanites in the History of Civilisation. // The Bible and the Ancient Near East. London, 1961.
- Albright W. F.* The Amarna Letters from Palestine. // CAH, 1975. V. II, 2.
- Albright W. F.* Syria, the Philistines and Phoenicia. // CAH, 1975. V. II, 2.
- Aldred C.* Egypt: The Amarna Period and the End of the Eighteenth Dynasty. — CAH. 1975. V. II, 2.
- Alfaro C.* Sistematización del antiguo monetario gaditano. — Los Fenicios en la Península Ibérica. Barcelona, 1986. T. I.
- Alster B.* Dilmun, Bahrain and the Alleged Paradise in Sumerian Myth and Literature. — Dilmun. Berlin (без года).
- Alvar J.* De Argantonio a los romanos. Madrid, 1995.
- Anderson W.* Canonical and Non-canonical. // Cambridge History of the Bible, 1970. V. I.
- Abdrews A.* The Tyranny of Pisistratus. // CAH, 1982. V. III, 3.
- Acquaro E.* Cartagine: un imperio sul Mediterraneo. Roma, 1987.
- Aquaro E.* Prolegomena punica. // Annali, 1993. V. 53, 1.
- Arteaga O.* Los Saladares. // Huelva arqueologica VI. Huelva, 1982.
- Astour M.* La triade de déesses de fertilité à Ugarit et en Grèce. // Ugaritica VI. Paris, 1969.
- Astruc M.* Traditions funéraires de Carthage. // Cahiers de Byrsa, 1956. T. 6.
- Astruc M.* Echanges entre Carthage et l'Espagne. — Revue des Études Anciennes, 1962. N. 64.

- Aubet M. E.* Tiro y las colonias fenicias de Occidente. Barcelona, 1994.
- Aubet M. E.* Cádiz y el comercio atlántico. Cádiz, 1995.
- Ball R.* Generation Dating in Herodotos. // Classical Quarterly, 1979. V. 29.
- Barceló P. A.* Ebusus ¿colonia fenicia o cartaginesa? — Gerion, 1985. T. 3.
- Barnett R. D.* The Sea Peoples. // CAH. 1975. V. II, 2.
- Barnett R. D.* Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age. // CAH. 1975. V. II, 2.
- Barreca F.* La colonizzazione fenicio-punica in Sardegna alla luce delle nuove scoperte. // Simposio de colonizzazioni. Barcelona, 1974.
- Bartolini P., Moscatti S.* La ceramica e la storia. // RSE, 1995. V. 23, 1.
- Bass G. F.* Archaeology under Water. London, 1966.
- Baudissin W. W.* Studien zur semitischen Religionsgeschichte. Leipzig, 1878. Bd. II.
- Baudissin W. W.* Adonis und Esmun. Leipzig, 1911.
- Baurain C.* Portées chronologique et géographique du terme «phénicien». // Religio Phoenicia. Namur, 1986.
- Baurain C.* Le rôle de Chypre dans la fondation de Carthage. // Carthago. Leuven, 1988.
- Baurain C., Bonnet C.* Les Phéniciens. Paris, 1992.
- Bawra C. M.* Pindar. Oxford, 1964.
- Beltrán A.* Estado actual de la numismática antigua de España. // Congrès international de numismatique. Paris, 1957. T. II.
- Benabou M.* La résistance africaine à la romanisation. Paris, 1976.
- Bengtson H.* Zur karthagischen Strategie. // Aegyptos, 1952. Anno 32, 1.
- Berard J.* La colonisation grecque de l'Italie meridionale et Sicile dans l'antiquité. Paris, 1953.

- Van Berchem D.* Sanctuaires d'Hercule-Melqart. // Syria, 1967. T. 46.
- Berger.* Ερυθρα θαλασσα. — RE. 1907. SptBd. 11.
- Bernabo Brea L.* La Sicilia prima dei Greci. Milano, 1961.
- Bernardini P.* La Sardegna e i Fenici. // RSF, 1993. V. 21, 1.
- Bernhardt K. H.* Die Umwelt des Alten Testaments. Berlin, 1968. T. I.
- Berquist B.* Heracles on Thasos. Upsala, 1973.
- Bertier A., Charrier R.* Le sanctuaire punique d'El-Hofra a Constantine. Paris, 1955.
- Betylon J. W.* The Coinage and Mints of Phoenicia: The Pre-Alexandrian Period. Chico, 1980.
- Bickermann E. J.* Hannibal's Covenant. // American Journal of Philology, 1952. V. 43.
- Bikai P.* The Pottery of Tyre. Warmington, 1978.
- Bisi A. M.* A propósito di alcune stele del tipo della Gofra al British Museum. // Antiquites Africaines, 1978. T. 12.
- Bisi A. M.* Les sources syro-palestinne et chipriotes de l'art punique. // Antiquites Africaines, 1979. T. 14
- Bisi A. M.* Le «Smiting God» dans les milieu phéniciens d'Occident: un reexamen de la question. // Religio Phoenicia. Namur, 1986.
- Blanco Freijeiro A.* La colonización de la Península Ibérica en el primero milenio ante Cristo. // Las raíces de España. Madrid, 1967.
- Blázquez J. M.* Tartessos y los orígenes de colonización fenicia. Salamanca, 1975.
- Blázquez J. M.* Consideraciones históricas en torno a los supuestos retratos barquidas en las monedas cartaginesas. // Numisma, 1976. T. 26.
- Blázquez J. M.* Religiones prerromanas. Madrid, 1983.
- Blázquez J. M.* Poblados y necrópolis fenicios. — Historia de España antigua. Madrid, 1983. T. I.
- Blázquez J. M.* La colonización cartaginesa en Ibiza. // Historia de España antigua. Madrid, 1983. T. I.

- Blázquez J. M.* Colonización cathaginesa en la Península Ibérica. // Historia de España antigua. Madrid, 1983. T. I.
- Blázquez J. M.* Sirios y Arameos en la colonización fenicia en Occidente. // RSE, 1993. V. 21, Suplemento.
- Bloch-Smith E., Nakbaj B. A.* A Landscape Comes to Iron Age I. // Near Eastern Archaeology, 1999. V. 62, 2.
- Boardman J.* The Islands. // CAH. 1982. V. III, 1.
- Bogaert R.* Syntese finale. // State and Temple Economy in the Ancient Near East. Leuven, 1979.
- Bohrmann M.* L'esclave dans la législation juive. // Dialogues d'histoire ancienne, 1988. V. 24, 2.
- Bondí S. F.* I Libofenici nell'ordinamento cartaginese. // Rendiconti della Accademia dei Lincei, 1971. V. 26.
- Bondí S. F.* Istituzioni e politica a Sidone dal 351 al 332 av. Cr. // RSE, 1974. V. 2, 2.
- Bondí S. F.* Guzzo Amadasi M. G. // RSE, 1977. V. 5
- Bonnano A.* Evidence of Greek, Carthaginian and Etruscan Maritime Commerce South of the Tyrrhenian: the Maltese Case. // *Pact*, 1988. V. 20
- Bonnet C.* Le culte de Melqart à Carthage: un cas de conservatisme religieux. // *Religio Phoenicia*. Namur, 1986.
- Bonnet C.* Astarte. Roma, 1996.
- Bordreuil P.* Une inscription phénicienne provenant des fouilles de Tell 'Aqra. // *Syria*, 1977. T. 54.
- Bordreuil P.* Changes et fonctions en Syrie-Palestine d'après quelques sceaux ouest-semitiques du seconde et du premiere millenaire. // *CRAI*, 1986.
- Bordreuil P.* Attestations inedites de Melqart, Baal Hamon et Baal Saphon a Tyre. // *Religio Phoenicia*. Namur, 1986.
- Bordreuil P.* Les premiers sceaux royaux pheniciens. // *Atti del II congresso internazionale di studi fenici e punici*. Roma, 1991.
- Bordreuil P.* Nouvelles inscriptions phéniciennes de la

- côte de Phénicie. // Actes du III congrès international des études phéniciennes et puniques. Tunis, 1995.
- Bordreuil P., Malbran-Labat F.* Les archives de la maison d'Outremou. // CRAI, 1995.
- Boerdreuil P., Israel F., Pardae D.* Deux ostraca paleo-hebreux de la collection de Sh. Moussaieff. // *Semitica*, 1996. T. 46.
- Botto M.* I commerci fenici nel Tirreno centrale: conoscenze, problemi e prospettive. // *I Fenici: ieri, oggi, domani*. Roma, 1995.
- Boucher E.* Céramique archaïque d'importation au Musée Lavignerie de Carthage. // *Cahiers de Byrsa*, 1953. T. 3.
- Van den Branden A.* La Fenicia nei secoli XII—X prima dell'era volgare. // *Bibbia e Oriente*. 1975. V. 17, 4—5.
- Van den Branden A.* Quelques notes concernant l'inscription CIS 5510. // *RSF*, 1977. V. 5, 2.
- Briquel D.* La Civilisation Etrusque. Paris, 1999.
- Bron F.* Les Phéniciens et l'Arabie. // *Les Phéniciens. Dossier: histoire et archeologie*, 1988. № 132.
- Buchner A., Ridgway D.* Pithecussai 944. // *Archeologia e storia antica*, Napoli, 1983. T. V.
- Bunnens G.* La mission d'Ounamon en Phénice. Pointe de vue d'un non-egyptologue. // *RSF*, 1978. V. 6, 1.
- Bunnens G.* L'expansion phénicienne en Méditerranée. Bruxelles; Roma, 1979.
- Bunnens G.* Le rôle de Gades dans l'implantation phénicienne en Espagne. // *Los Fenicios en la Península Ibérica*. Barcelona, 1986. T. II.
- Bunnens G.* Aspects religieux de l'expansion phénicienne. // *Religio Phoenicia*. Namur, 1986.
- Cabrera P.* El comercio de productos griegos de época geométrica en el Sur de la Península Ibérica: nuevos elementos. // Actes du III congrès international des études phéniciennes et puniques. Tunis, 1995.
- Caputo G.* Attività archeologica in Libia, Algeria, Tunisia,

- 1968—1975. // Un decennio di ricerche archeologiche. Roma, 1978.
- Capuzzi A.* I sacrifici di animali a Cartagine. // Studi Magrebini, II. Napoli, 1968.
- Caquot A.* Les Rephaim Ougaritiques. // Syria, 1960. T. 37.
- Caquot A.* Problemes d'histoire religieuse. // La Siria nel tardo bronzo. Roma, 1969.
- Cacot A.* // CRAI, 1986.
- Cazelles H.* Essay sur le pouvoir de la divinité à Ugarit et in Israel. // Ugaritica VI. Paris, 1969.
- Cazelles H.* Mtpt à Ugarit. // Memorial Mitchell J. Dahood. Roma, 1984.
- Cerny J.* Egypt: from the Death of Ramesses III to the End of the Twenty-First Dynasty. // CAH. 1975. V. III, 2.
- Chantraine H.* Talent. — Kleine Pauly. 1979. Bd. V.
- Charles-Picard C.* Catalogue du Musee Alaoui. Tunis, 1954.
- Charles-Picard C.* «Le carrefour phenicien». // Sociétés et campagnes de commerce en Orient et dans l'Océan Indien. Paris, 1970.
- Charles-Picard C.* Les representations du cycle dionysiaque à Cartage dans l'art punique. // Antiquites Africaines, 1979. T. 14/
- Charles-Picard G.* Le Monde de Carthage. Paris, 1956.
- Charles-Picard G.* L'adminisration territoriale de Carthage. — Melanges... offertes à Andre Pigagnol. Paris, 1966. T. III.
- Charles-Picard G.* Le Monde de Carthage. Paris, 1970.
- Charles-Picard G.* Les Pheniciens autour de la Mediterranée. // Archaeologia, 1980. № 146.
- Charles-Picard G.* La civilisation d'un peuple conquerant. — Archeologia, 1980. № 146.
- Charles-Picard G. et C.* La vie cotidienne à Carthage au tempes d'Hannibal. Paris, 1958.
- Charles-Picard G. et C.* The Life and Death of Carthage. London, 1968.

- Charles-Picard G. et C.* Vie et mort de Carthage. Paris, 1970.
- Chebab M.* Tyre, ses portes et lignes de navigation. // Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien. Paris, 1970.
- Chiesa G.* Fenici e cartaginesi a Menfi. // RSF, 1987. V. 15, 2.
- Gordon Childe V.* Der Mensch schafft sich selbst. Dresden, 1959.
- Ciasca A.* Ricerche archeologiche sulla civiltà fenicie e punica. // Un decennio di ricerche archeologiche. Roma, 1978. V. I.
- Ciasca A.* Insediamenti e cultura dei Fenici a Malta. // Die Phönizier im Westen. Mainz am Rhein, 1982.
- Ciasca A.* Fortificazioni di Mozia (Sicilia). // La fortification dans l'histoire du monde grecque. Paris, 1986.
- Cintas P.* Céramique punique. Paris, 1950.
- Cintas P.* Deux campagnes des fouilles à Utique. // Karthago, 1951. T. 2.
- Cintas P.* Nouvelles recherches à Utique. — Karthago, 1954. T. 5.
- Cintas P.* Manuel d'archéologie punique. Paris, 1970. T. I.
- Clavel-Leveque M.* Marseille grecque. Marseille, 1977.
- Clemen C.* Die phönikische Religion nach Philo von Byblos. Leipzig, 1939.
- Goacci Polselle G.* Nuovo luce sulla datazione dei re sidoni. — RSF, 1984. V. 12, 2.
- Cogan M.* Tyre and Tiglat-Pileser III. // Journal of Cuneiform Studies, 1973. T. 25, 2.
- Colombier A.-M.* Céramique grecque et échanges en Méditerranée orientale. // Phoenicia and the East Mediterranean in the First Millennium B. C. Leuven, 1987.
- Van Compernelle R.* Etude de chronologie et d'histoire sicilites. Bruxelles-Rome, 1960.
- Conrad D.* Der Gott Reschef. // Zeitschrift für die Alttestamentische Wissenschaft, 1971. Bd. 83.

- Cordano F.* Grecs et gens de Sicile au VIIIe et VIIe siècle avant notre ère. // *Thracia Pontica IV.* Sofia, 1991.
- Culican W.* Quelques aperçus sur les ateliers phéniciens. // *Syria*, 1968. T. 45.
- Culican W.* Phoenician Demons. // *JNES*, 35, 1976.
- Culican W.* Phoenicia and Phoenicians. // *CAH.* 1991. V. III, 2.
- Cumon F.* Astarte. // *RE.* 1896. Hbd. 4.
- Delavault B. et Lemaire A.* Les inscriptions phéniciennes de Palestine. — *RSF*, 1979. V. 7, 1.
- Dandamayev M. A.* Neo-Babylonian Society and Economy. — *CAH.* 1991. V. III, 2.
- Delcor M.* La fondation de Tyr selon l'histoire, l'archéologie et la mythologie. Le problème de l'identité d'Usu. // Actes du IIIe congrès international des études phéniciennes et puniques. Tunis, 1995.
- De Vido S.* Colloque. Les Elymes, 3. // *Dialogues d'histoire ancienne*, 1998. № 24, 2.
- Dhorm E.* Les peuples issues de Japhet d'après le chapitre X de la Genèse. — *Syria*, 1932. T. 13.
- Dhorm E.* Les religions de Babylonie et Assirie. Paris, 1949.
- Diakonoff I. M.* The Naval Power and Trade of Tyre. // *Israel Exploration Journal*, 1992. V. 42, 3—4.
- Di Vita A.* Les Phéniciens de l'Occident d'après les découvertes archéologiques de Tripolitanie. // *The Role of the Phoenicians in the Interaction of Mediterranean Civilisation.* Beirut, 1968.
- Domínguez Monedero A. J.* Colonización griega y mundo funerario indígena en el Mediterráneo Occidental. Madrid, 1987.
- Dothan T.* Tel Mikne-Ekron: The Aegean Affinities of the Sea Peoples (Philistines) settlement in Canaan. // *Recent Excavations in Israel. A view to the West.* Jerusalem, 1995.
- Doumet C., Kawakabani I.* Les tombes de Rachidieh:

remarques sur les contacts internationaux et le commerce phénicien au VIIIe siècle av. J.-C. // Actes du IIIe congrès international des études phéniciennes et puniques. Tunis, 1995.

Drower M. Syria c. 1550—1400 B. C. — CAH. 1973. V. II, 1.

Drower M., Bottero J. Syria before 2200 B. C. // CAH. 1971. V. I, 2.

Duchesne-Guillemain J. Persischer Meerbusen. // Kleine Pauly. 1979. Bd. IV.

Dunand M. Byblos et ses temples après la pénétration amorite. // Mesopotamien und seine Nachbarn. Berlin, 1982.

Dupon-Somer A. Les Phéniciens à Chypre. // Report of the Department of Antiquities Cyprus, 1974. Nicosia, 1974.

Dussaud R. Melqart. // Syria, 1946—1948. T. 14.

Dussaud R. Les religions des Hittites et des Hourrites, des Phéniciens et des Syriens. Paris, 1949.

Ehrenberg V. Sufeten. // RE. 1931. Hbd. 7A.

Eissfeldt O. Phoiniker und Phoinikia. // RE, 1941. Hbd. 49.

Eissfeldt O. Tyros — RE, 1948. Hbd. 14A.

Eissfeldt O. Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1956.

Eissfeldt O. Kanaanäisch-ugaritische Religion. // Handbuch von Orientalistik. Leiden, 1964. Abt. I, 1.

Eilat M. The Monarchy and the Development of Trade in Ancient Israel. // State and Temple Economy in Ancient Near East. Leuven, 1979.

Elayi J. Une monnaie phénicienne de 0,05 g. // RSF, 1985. V. 13, 1.

Elayi J. Al-Mina sur l'Oronte à l'époque perse. // Phoenicia and the East Mediterranean in the First Millennium B. C. Leuven, 1987.

Elayi J. Economie des cites phéniciennes sous l'empire perse. Napoli, 1990.

Elayi J. La domination perse sur les cités phéniciennes. //

- Atti del II congresso internazionale di studi fenici e punichi. Roma, 1991.
- Elayi J., Elayi A. G.* Une serie de petits bronzes d'Alexandre frappes à Tyre. // *Revue numismatique*, 1988. № 153.
- Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land.* London, 1975. V. I.
- Ensslin W.* Der Einfluss Karthagos auf Staatsverwaltung und Wirtschaft der Römer. // *Rom und Karthago.* Leipzig, 1943.
- Eph'al I.* The Western Minorities in Babylonia in the 6th — 5th Centuries B. C. — *Orientalia*, 1978. T. 47, 1.
- Ep'al I.* Syria-Palestine under Achaemenide rule. — *CAH*, 1988. V. IV.
- Ep'al I., Naveh J.* The Jar of the Gate — *BASOR*, 1993. № 289.
- Faber A.* On the Structure Unity of the Eshmunazor Inscription. — *JAOS*, 1986. V. 106, 3.
- Fabre P.* Les Massaliotes et l'Atlantique. // *Ocean Atlantique et Peninsule Armoricaire.* Paris, 1985.
- Falsone G.* La Fenicia como centro di lavorazione del bronzo nell'età del ferro. — *Dialoghi di archeologia*, 1988. Anno 6, 1.
- Fantar Mb.* Le Dieu de la mer chez les Phéniciens et les Punique. Roma, 1977.
- Fauth W.* Artemis. — *Kleine Pauly*, 1979. Bd. I.
- Fernández Miranda M.* Huelva, ciudad de los tartesios. // *Los Fenicios en la Península Ibérica.* Barcelona, 1986. T. II.
- Ferron J.* Le mythe solaire de la resurrection des ames d'après la peinture funeraire de Kef-el-Beida. // *Archeologia*, 1968. № 20.
- Ferron J.* Un traité d'alliance entre Caere et Carthage. // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt.* Berlin; New York, 1972. Bd. I, 1.
- Ferron J.* Le nature de dieu Sid d'après les decouvertes recentes d'Antas. // *Etudes semitiques.* Paris, 1975.

- Ferron J.* Sid: etat actuel des connaissances. — Le Museon, 1976. T. 89, 3—4.
- Ferron J.* Le betyle inscrit du Musee National du Bardo. // Africa. Tunis, 1978. T. 5—6.
- Fevrier J. G.* A propos du serment d'Hannibal. // Cahiers de Byrsa, 1956. T. 6.
- Fevrier J. G.* Essai de reconstruction du sacrifice molek. // Journal Asiatique, 1960. № 248.
- Fevrier J. G.* Textes puniques et neopuniques relatifs aux Testaments. — Semitica, 1961. T. 9.
- Fevrier J. G.* La rite de substitution dans les textes de N'Gaous. // Journal Asiatique. 1962. № 250.
- Fierro Cubiello J. A.* Gadir. Cádiz, 1995.
- Finet A.* Le port d'Emar sur l'Euphrat, entre le royaume de Mari et le pays de Canaan. // The Lande of Israel: cross-roads of civilisations. Leuven, 1985.
- Fischer.* Λιβυφοίνικες. // RE. 1926. Hbd. 25.
- Flammini R.* The h'tyw- from Byblos in the Early Second Millennium B. C. // Gottinger Miszellen. 1998. Heft 164.
- Floriani Squarciapino M.* Leptis Magna. Basel, 1966.
- Forbes R. J.* Studies in Ancient Technology. Leiden, 1969. T. VI.
- Forrer E.* Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1920.
- Foucher L.* Hadrumetum. Tunis, 1964.
- Foucher L.* Le representations de Baal-Hammon. // Archeologie vivant, 1968/1969. T. 1/2.
- Frankenstein S.* The Phoenicians in the Far West: A Function of Neoassyrian Imperialism. // Mesopotamia. Copenhagen, 1979. V. 7.
- Frankfort H.* Art and Architecture of the Ancient Orient. Baltimore, 1969.
- Frendo A. J.* The Particles BETH and WAW and the Periodic Structure of the Nora Stone Inscription. // Palestine Exploration Journal, 1996.

- Frendo A. J.* A New Punic Inscription from Zejtun (Malta) and the Goddess Anat-Astarte. // Palestine Exploration Quarterly, Jan.-June 1999.
- Frost H.* The Stone-Anchors of Ugarit. // Ugaritica VI. Paris, 1969.
- Gal Z.* Khirbet Ros Zayat — Biblical Cabul. // Biblical Archaeologist, 1990. V. 53, 2.
- Galling K.* Syrien in der Politik der Achaemeniden bis 448 v. Chr. Leipzig, 1937.
- Galling K.* Der Weg der Phönizier nach Tarsis. // ZDPV, 1972. Bd. 88.
- Garbini G.* Il semitico di nord-ovest. Napoli, 1960.
- Garbini G.* Note libiche. // Studi Magrebini, 1. Napoli, 1966.
- Garbini G.* Le iscrizioni puniche di Antas (Sardegna). // Annali, 1969. T. 19 (29).
- Garbini G.* I Fenici. Napoli, 1980.
- Garbini G.* Tetramnestos re di Sidono. // RSF, 1984. V. 12, 1.
- Garbini G.* La letteratura dei fenici. // Atti del II congresso internazionale di studi fenici e puniche. Roma, 1991.
- García Alfonso E.* El cilindro-sello de Vélez Málaga. // Madrider Mitteilungen. 1998. Bd. 39.
- García y Bellido A.* Colonización púnica. — Historia de España. Madrid, 1952. T. I, 2.
- García y Bellido A.* Hercules Gaditanus. // AEARq, 1963. T. 36.
- García y Bellido A.* Les religions orientales dans l'Espagne romaine. Leiden, 1967.
- García y Bellido M. P.* Altares y oráculos semitas en Occidente: Melkart y Tanit. // RSF, 1987. V. 15, 2.
- Gartner H.* Herennius Philon. — Kleine Pauly, 1979. Bd. II.
- Von Geisau H.* Minyer. // Kleine Pauly, 1979. Bd. III.
- Von Geisau H.* Kinyras. — Kleine Pauly, 1979. Bd. III.
- Von Geiss H.* Die Bedeutung des Eisens und die Wechselbeziehungen im postmykenischen östlichen Mittelmeer. — Klio, 1987. Bd. 69, 2.

- Gibson J. C.* Textbook of Syrian Semitic Inscriptions. Oxford, 1982. V. III. Phoenician Inscriptions.
- Gil Farrés O.* Moneda hispano-púnica con retrata de monarca en anverso. // Congrès international de numismatique. Paris, 1957. T. II.
- Gisinger F.* Geographie. // RE, 1924. SptBd. IV.
- Gitler H.* New Fourth-Century Coins from Ascalon. // The Numismatic Chronicle, 1996. № 156.
- Godart L.* I Fenici nei testi in lineare B: lo stato della questione. // Atti del II congresso internazionale di studi fenici e puniche. Roma, 1991.
- Goetze A.* The Struggle for the Domination of Syria (1400—1300 B. C.). // CAH. 1975. V. II, 2.
- Goetze A.* The Hittites and Syria (1300—1200 B. C.). // CAH. 1975. V. II, 2.
- Graham A. J.* The Foundation of Thasos. // ABSA, 1978. V. 23.
- Gras M., Ruillard P., Teixidor J.* L'univers phénicien. Paris, 1989.
- Gray J.* Sacral Kingship in Ugarit. // Ugaritica VI, Paris, 1969.
- Grayson A. K.* Assyria: Ashur-Dan II to Ashur-Nirari V. // CAH. 1982. V. III, 1.
- Grayson A. K.* Assyria: Tiglat-Pileser III to Sargon II. // CAH. 1991. V. III, 2.
- Grayson A. K.* Assyrian Civilization. // CAH. 1991. V. III, 2.
- Gsell S.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Paris, 1913. T. I.
- Gsell S.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Paris, 1918. T. II.
- Gsell S.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Paris, 1924. T. IV.
- Guido M.* Sardinia. London, 1963.
- Gutschmid H.* Kleine Schriften. Leipzig, 1893. Bd. IV.
- Guzzo Amadasi M. G.* Le iscrizioni fenice e puniche delle colonie in Occidente. Roma, 1967.

- Guzzo Amadasi M. G.* La documentazione epigrafica dal tofet di Mozia e il problema del sacrificio molk. // Religio Phoenicia. Namur, 1986.
- Haldar A.* The Desert in Summero-Accadian and West-Semitic Religions. Uppsala, 1950.
- Hammond N. G. L. and Roseman L. J.* The Construction of Xerxes' bridge over the Hellespont. — Journal of the Hellenic studies, 1996. V. 116.
- Hands A. R.* The Consolidation of Carthaginian Power in fifth century B. C. // Africa in classical antiquity. Ibadan, 1969.
- Haran M.* Temples and Cult Open Areas as Reflected in the Bible // Temples and High Places in Biblical Times. Jerusalem, 1981.
- Harden D.* The Phoenicians. Harmondsworth, 1980.
- Haw W. W., Wells J.* A Commentary on Herodotos. Oxford, 1954. T. I.
- Hawkins J. D.* The Neo-Hittite states in Syria and Anatolia. // CAH, 1982. V. III, 1.
- Hayes W. C.* Egypt: From the Death of Amenemes III to Sequenenre. — CAH. 1973. V. II, 1.
- Head B. V.* Historia nummorum. Oxford, 1887.
- Hegy D.* Die Griechen und der Alte Orient im 9. bis 6. Jahrhundert v. Chr. // Mesopotamien und seine Nachbarn. Berlin, 1982.
- Helck W.* Die Beziehungen Aegyptens zu Vorderasien im 3. Und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962.
- Helck W.* Alexandria. // Kleine Pauly. 1979. Bd. I.
- Heltzer M.* The Metal Trade at Ugarit and the Problem of Transportation of Commercial Goods. // Iraq, 1977. V. 36.
- Heltzer M.* Kition According to the Biblical Prophets and hebrew Ostraca from Arad. // Report of the Departament of Antiquities Cyprus, 1988. Nicosia, 1988.
- Heltzer M.* The Organization of Craftsmanship of the Phoenicians. // World Congress of Economic History. Leuven, 1990.

- Hemmerdinger B.* Trois notes. — Revue des études grecque. 1966. T. 79.
- Hermay A.* Amathonte de Cypre et les Phéniciens. // Phoenicia and the East Mediterranean in the First Millennium B. C. Leuven, 1987.
- Herrmann W.* Astart // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. 1969. Bd. 15, 1.
- Heurgon J.* L'agronome carthaginois Magon et ses traducteurs en latin et grec. // CRAI, 1976.
- Heuss A.* Die Gestaltung des römischen und karthagischen Staates bis zum Pyrrhos-Krieg. // Rom und Karthago. Leipzig, 1943.
- Hill G. F.* A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Phoenicia. London, 1910.
- A History of Technology. Oxford, 1956. V. I.
- Hoffmann W.* Karthagos Kampf um die Vorherrschaft im Mittelmeer. // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; New York, 1972. Bd. I, 1.
- Holbl G.* Die historischen Aussagen der ägyptischen Seevolkerungsschriften. // Griechenland, die Ägäis und die Levante während der «Dark Ages» von 12. bis zum 9. Jh. V. Chr. Wien, 1983.
- Homes-Fredericq D.* Possible Phoenician Influence in Jordan in the Iron Age. // Studies in the History and Archaeology of Jordan, III. Amman, 1987.
- Honigman W.* Sidon. // RE, 1923. Hbd. 4A.
- Hrouda B.* Vorderasien I. München, 1971.
- Huss W.* Der Senat von Karthago. // Klio, 1978. Bd. 60, 2.
- Huss W.* Hannibal und Religion. // Religio Phoenicia. Namur, 1986.
- Huss W.* Die Karthager. München, 1990.
- Huxly G. L.* The History and Topography of Ancient Kythera. // Kythera. London, 1972.
- James T. G. H.* Egypt: From the Expulsion of the Hyksos to Amenophis I. — CAH, 1973. V. II, 1.

- James T. G. H.* Egypt: The Twenty-fifth and Twenty-sixth Dynasties. — CAH, 1991. V. III, 2.
- Jaroš K.* Die Motive der Heiligen Bäume und der Schlange in Gen. 2—3. // Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft, 1980. Bd. 92.
- Jeffrey L. H.* Archaic Greece. London, 1976.
- Jehasse J. et L.* La necropole d'Aleria. Paris, 1973.
- Jensen H.* Die Schrift. Berlin, 1958.
- Jirku A.* Zweier-Gottheit und Dreier-Gottheit in altorientalischen Palästina-Syrien. // Melanges de l'Université Saint-Joseph, 1969. T. 44.
- Jodin A.* Mogador. Tanger, 1966.
- Jones R. E.* Greek and Cypriot Pottery. Athens, 1987.
- Kammenhuber A.* Karer, Karia. — Kleine Pauly, 1979. Bd. III.
- Karageorghis V.* Salamis in Cyprus. London, 1969.
- Karageorghis V.* Cyprus from the Stone Age to the Romans. London, 1982.
- Karageorghis V.* Cyprus. // CAH, 1982. V. III, 1.
- Karageorghis V.* Cyprus. // CAH, 1982. V. III, 3.
- Karageorghis V., Lo Schiavo F. A.* West Mediterranean Obelos from Amathus. — RSE, 1989. V. 17, 1.
- Katzenstein H. J.* The History of Tyre. Jerusalem, 1973.
- Katzenstein H. J.* Tyre in the Early Persian Period (539 — 486 B. C. E.). // Biblical Archaeologist, 1979. V. 42, 1.
- Katzenstein H. J.* Some reflections on the Phoenician deities mentioned in the treaty between Esarhaddon king of Assyria and Baal of Tyre. // Atti del II congresso internazionale di studi fenici e puniche. Roma, 1991.
- Kemp B. L.* Imperialism and empire in New Kingdom Egypt. // Imperialism in the Ancient World. Cambridge, 1978.
- Kempinski A.* Some Philistine names from the Kingdom of Gaza. — Israel Exploration Journal, 1987. V. 37, 1.

- Kempinski A.* The Hyksos: A View from Northern Canaan and Syria, in: *The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives.* Philadelphia, 1997.
- Kestemont G.* Tyre et les Assyriens. // *Studia Phoenicia.* Leuven, 1983.
- Kestemont G.* Les Pheniciens en Syrie du Nord. // *Phoenicia and its Neighbours.* Leuven, 1985.
- Kiechle F.* Gelon. — *Kleine Pauly*, 1979. Bd. II.
- Kitchen K. A.* Byblos, Egypt, and Mari in the Early Second Millennium B. C. — *Orientalia.* 1967. V. 36,1.
- Klengel H.* Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z. Berlin, 1969. T. II.
- Klengel H.* Vorderasien und Ägäis. Ein Überblick über der bronzezeitliche Handel. — *Mitteleuropäische Bronzezeit.* Berlin, 1978.
- Klengel H.* Geschichte und Kultur Altsyriens. Leipzig, 1979.
- Klengel H.* City and Land of Damascus in the Cuneiform Tradition. — *Les Annales archeologiques arabes syriennes*, 1985. T. 35.
- Klengel H.* Syria 3000 to 300 B. C. Berlin, 1992.
- Knudtzon J. A.* Die El-Amarna-Tafeln. Leipzig, 1907—1908.
- Kochavi M.* The Israelite Settlement in Canaan in the Light of Archaeological Surveys. // *Biblical Archaeology today.* Jerusalem, 1985.
- Kotula T.* Les curies municipales en Afrique Romain. Wroclaw, 1968.
- Kotula T.* Les curies africaines: origine et composition. *Retractio.* // *Eos*, 1980. T. 68.
- Kupper J.-R.* Northern Mesopotamia and Syria. — *CAH.* 1973. V. II,1.
- Kutsch E.* Damascus. — *Kleine Pauly*, 1979. Bd. I.
- Lancel S.* Tipassa de Mauretanie. Alger, 1966.
- Lancel S. et Thuillier J.-P.* Fouilles de la coline de Byrsa a Carthage. // *Archeologia*, 1980. № 146.

- Latacz J.* Die Phönizier bei Homer. // Die Phönizier im Zeitalter Homers. Mainz, 1990.
- Lebrun R.* L'Anatolie et le monde phénicien du X au IV siècle av. J. C. // Phoenicia and the East Mediterranean in the First Millennium B. C. Leuven, 1987.
- Le Glay M.* Saturne Africaine. Paris, 1966.
- Le Glay M.* Metagonion. // Kleine Pauly, 1979. Bd. III.
- Lehman F. A.* Zum Auftreten von «Seevölker»-Gruppen im östlichen Mittelmeerraum — eine Zwischenbilanz. // Griechenland, die Ägäis und die Levante während der «Dark Ages» von 12. bis zum 9. Jh. V. Chr. Wien, 1983.
- Lemaire A.* Divinités égyptiennes dans l'onomastique phénicienne. // Religio Phoenicia. Namur, 1986.
- Lemaire A.* Les Phéniciens et la commerce entre la Mer Rouge et la Mer Méditerranée. // Phoenicia and the East Mediterranean in the First Millennium B. C. Leuven, 1987.
- Lemaire A.* Le royaume de Tyre dans la seconde moitié de IVe siècle av. J. C. // Atti del II congresso internazionale di studi fenici e punichi. Roma, 1991.
- Lembke K.* Im Osten viel Neues. // Antike Welt, 1998. Bd. 29, 8.
- Leslie E.* Old Testament Religion in the Its Canaanite Background. New York; Chicago, 1936.
- Lexikon der Aegyptologie. Wiesbaden, 1982. Bd. IV.
- Limonier F.* Rome et la destruction de Carthage: un crime gratuit? // Revue des Etudes Anciennes. 1999. T. 101. № 3—4.
- Lipinski E.* Recherches ugaritiques. // Syria. 1967. T. 44.
- Lipinski E.* The Egypto-Babylonian War of the Winter 601—600. // Annali, 1972. T. 32, 2.
- Lipinski E.* Deux marchands de blé phéniciens à Nineve. // RSE, 1975. V. 3, 1.
- Lipinski E.* An Ugaritic Letter to Amenophis III Concerning Trade with Alasiya. // Iraq, 1977. V. 89.

- Lipinski E.* Les Pheniciens a Nineve au temps des Sargonides: Ahoubasti, portier en chef. // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Puniche. Roma, 1983.
- Lipinski E.* La Cartage de Chypre. // Studia Phoenicia I — II. Leuven, 1983.
- Lipinski E.* Juda et «tout Israel»: analogies et contrastes. // The Land of Israel: cross-roads of civilizations. Leuven, 1985.
- Lipinski E.* Pheniciens en Assyrie: l'eponyme Milkiram et la surintendant Amat-Ashtart. // Atti del II congresso internazionale di studi fenici e punichi. Roma, 1991.
- Lipinski E.* Dieux et deesses de l'univers phenicien et punique. Leuven, 1995.
- Liverani M.* Aziru, servitore di due patroni. // Studi orientalistici in ricordo di Franco Pintore. Pavia, 1983.
- Lloyd A. B.* The Late Period. // Ancient Egypt: A social History. Cambridge, 1994.
- Lombardo M.* Le consezioni degli antichi sur rouolo degli oracoli nella colonizzazione greca. // Annali di Pisa. 1972. Ser. III. V. II.
- López Castro J. L.* Los Libofenicios: una colonización agrícola en el sur de la Península Ibérica. // RSE, 1992. V. 20, 1.
- López Castro J. L.* Hispania Poena. Barcelona, 1995.
- Lorimer H. L.* Homer and the Monuments. London, 1950.
- Luquet A.* La ceramique preromaine de Banasa. // Bulletin d'Archeologie Marocaine, 1964. T. 5.
- Maass-Lindemann G.* Zur Gründungsphase der Phoenikischen Niederlassung auf dem Morro de Mescatilla. // Madrider Mitteilungen, 1995. Bd. 36.
- Mac Intosh Turfa J.* Evidents for Etruscan-Punic Relations. — American Journal of Archaeology, 1977. V. 81.
- Macnamara E. F.* The Role of Greece as Intermediary between the Cultures of the Near East and Etruria during the 8th — 7th centuries B. C. // Acts of the XI

- International Congress of Classical Archaeology. London, 1979.
- Malamat A.* Ursprünge und Fruehgeschichte. // Geschichte des Judischen Volkes. München, 1981. Bd. I.
- Marchetti P.* Histoire economique et monetaire de la deuxieme guerre punique. Bruxelles, 1978.
- Marinatos S.* Ethnic problems raised by recent discoveries en Thera. // Bronze Migration in the Aegean. London, 1973.
- Martin Rúiz J. A.* Los Fenicios en Anadalucía. Sevilla, 1995.
- Masson O., Sznycer M.* Recherches sur les Phéniciens à Chypre. Geneve; Paris, 1972.
- Mazar B.* The Israelite Settlement in Canaan in the Light of Archaeological Excavations. // Biblical Archaeology today. Jerusalem, 1985.
- Mazar B.* The early biblical Period. Jerusalem, 1986.
- Mazza F.* Civiltà fenicia e fonti classiche. // I Fenici: ieri, oggi, domani. Roma, 1995.
- Mazzarino S.* Fra Oriente e Occidente. Firenze, 1947.
- Mellor E. B.* The Poetry and Prose of the Old Testament. // The Making of the Old Testament. Cambridge, 1972.
- Mellor E. B.* What Books belong to the Old Testament. // The Making of the Old Testament. Cambridge, 1972.
- Meltzer O.* Geschichte der Karthager. Berlin, 1879. Bd. I.
- Meltzer O.* Geschichte der Karthager. Berlin, 1896. Bd. II.
- Du Mesnil du Buisson R.* De Shadrapa, dieu de Palmire, à Ba'l-Shamim, dieu de Hadra. // Melanges de l'Universite Saint-Joseph, 1962. T. 38.
- Du Mesnil du Buisson R.* Astarte cavaliere et armée dans le mythe de la planete Venus. // Melanges de l'Universite Saint-Joseph, 1969. T. 45.
- Du Mesnil du Buisson R.* Etudes sur les dieux pheniciens herites par l'Empire Romain. Leiden, 1970.
- Du Mesnil du Buisson R.* Nouvelles etudes sur les dieux et les mythes de Cannan. Leiden, 1973.

- Meyer E.* Ialysos. — Kleine Pauly, 1979. Bd. II.
- Michaelidou-Nicolaou I.* Repercussions of the Phoenician Presence in Cyprus. // Phoenicia and the East Mediterranean in the First Millennium B.C. Leuven, 1987.
- Mitchell T. C.* Israel and Judah until the revolt of Jehu (931—641 B.C.). // CAH. 1982. V. III,1.
- Mitchell T. C.* Israel and Judah from Jehu until the Period of Assyrian Domination. // CAH. 1982. V. III,1.
- Montet P.* Byblos et L'Égypte. Paris, 1928.
- Morel J.-P.* Kerkouan, ville punique du Cap Bon. // Melanges d'Archeologie et d'Histoire, 1969. T. 81.
- Morel J.-P.* L'expansion phocéenne en Occident. // Bulletin de Correspondence Hellenique, 1975. T. 99.
- Moscatti S.* Swiat Fenicjan. Warszawa, 1971.
- Moscatti S.* I Fenici r Cartagine. Torino, 1972.
- Moscatti S.* Italia archeologica. Novara, 1973. T. I.
- Moscatti S.* I Cartaginesi in Italia. Milano, 1977.
- Moscatti S.* Precolonizzazione greca e precolonizzazione fenicia. // RSF, 1983. V. 2, 1.
- Moscatti S.* Melqart e i Fenici. // RSF, 1988. V. 16, 2.
- Moscatti S.* Tra Tiro e Cadice. Roma, 1989.
- Moscatti S.* Chi furono i fenici. Torino, 1994.
- Mosse C.* Itaque ou la naissance de la cité. // Annali del seminario di studi del mondo classico. Sezione di archeologia e storia antica. II. Napoli, 1980.
- Movers F. K.* Die Phönizier. Berlin, 1850.
- Mubly J. D.* Phoenicia and Phoenicians. // Biblical Archaeology today. Jerusalem, 1985.
- Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. München, 1968. Bd. II. Jungsteinzeit.
- Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. München, 1974. Bd. III. Kupferzeit.
- Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. München, 1980. Bd. IV. Bronzezeit.

- Müller-Karpe H.* Frühe Städte in der Alten und Neuen Welt. // Jahrbuch des RGZM, Bd. 36, 1.
- Mythologie generale. Paris, 1996.
- Na'aman N.* Esarhaddon's Treaty with Baal and Assyrian Provinces along the Phoenician Coast. // RSF, 1994. V. 22, 1.
- Naster P.* Les monnayages satrapaux, provinciaux et regionaux dans l'Empire perse face au numeraire officiel des Achemenides. // State and Temple Economy in the Ancient Near East. Leuven, 1979.
- Negbi O.* // Biblical Archaeology today. Jerusalem, 1985.
- Negbi O.* Early Phoenician Presence in the Mediterranean Islands. // American Journal of Archaeology, 1992. V. 96.
- Nibbi A.* The Canaan in Egypt. // Atti del II congresso internazionale di studi fenici e punichi. Roma, 1991.
- Niemeyer H.-G.* Orient im Okzident. // Mitteilungen der Deutschen Orientalischen Gesellschaft. 1972. Bd. 104.
- Niemeyer H.-G.* Das frühe Karthago und die phönizische Expansion im Mittelmeerraum. Göttingen, 1989.
- Niemeyer H.-G.* Die phönizische Niederlassungen im Mittelmeer. // Die Phönizier im Zeitalter Homers. Mainz, 1990.
- Niemeyer H.-G.* Phoenician Toscanos as a Settlement Model? // Proceeding of the British Academy, 1995. V. 86.
- Oates J.* Assyrian Chronology, 631—612 B. C. — Iraq, 1965. V. 37.
- Oates J.* The fall of Assyria. — CAH., 1991. V. III, 2.
- Del Olmo Lete G.* El continuum cultural canaaneo. Barcelona, 1996.
- Ottosson M.* Temples and Cult Places in Palestine. Uppsala, 1980.
- Pallottino M.* El problema de las relaciones entre Cerdeña e Iberia en la antigüedad prerromana. // Ampurias, 1952. T. 14.

- Pallottino M.* Etruscologia. Milano, 1963.
- Pallottino M.* Scavi nel'santuario etrusco di Pirgi. Conclusione storica. // *Archeologia classica*, 1964. V. 16.
- Pallottino M.* Italien vor der Römischenzeit. München, 1987.
- Paraskevaidou H. A.* The name of Phoenicians: some considerations. // *Atti del II congresso internazionale di studi fenici e puniche*. Roma, 1991.
- Parrot A., Chehab M. H., Moscati S.* Les Pheniciens. Paris, 1975.
- Peckham J. B.* The Development of the Late Phoenician Scripts. Cambridge, Massachusetts, 1968.
- Peckham J. B.* The Nora Inscription. // *Orientalia*, 1972. T. 41.
- Perez Rojas M.* El nombre de Tartessos. // *Tartessos y sus problemas*. Barcelona, 1969.
- Pettinato G.* I rapporti politici di Tiro con l'Assiria ala luce del «trattato tra Asahaddon e Baal». // *RSE*, 1975. V. 3, 2.
- Pettinato G.* Il commercio internazionale di Ebla. // *State and Temple Economy in the Ancient Near East*. Leuven, 1979.
- Pettinato G.* Ebla e la Bibbia. // *Oriens antiquus*, 1980. V. 19, 1.
- Petzold K.-E.* Die beiden römisch-karthaginische Verträge und das foedus Cassianum. // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Berlin; New York, 1972. Bd. I, 1.
- Pfiffig A. J.* Uni-Hera-Astarte. Wien, 1965.
- Les Pheniciens*. Paris, 1997.
- Philipp H.* Tamaricum sive Palma. — *RE*, 1932. Hbd. 8A.
- Posener G., Bottero J., Kenion K. M.* Syria and Palestine c. 2160—1780 B. C. // *CAH*. 1971. V. I, 2.
- Pons J.* Ezekiel, livre. // *Dictionnaire encyclopedique de la Bible*. Brepols, 1987.
- Ponsich M.* Recherches archeologiques à Tanger et sa region. Paris, 1970.
- Porpola S. and Watanbe K.* Neo-Assyriam Treates and Loyalty Oats. Helsinki, 1988.

- Potscher W.* Herakles. — Kleine Pauly. 1979. Bd. II.
- Prausnitz M. H.* Die Nekropolen von Akhziv und die Entwicklung der Keramik vom 10. bis zum 7. Jh. V. Chr. In Akhziv, Samaria und Ashdod. // Phönizier im Westen. Mainz, 1982.
- Preisendanz K.* Tanit. // RE. 1932. Hbd. 8A.
- Preisendanz K.* Melkart. // RE. 1935. SptBd. III.
- Pritchard J. B.* The Phoenicians in their Homeland. // Expedition, 1971. V. 14, 1.
- Pritchard J. B.* The Tanit Inscription from Sarepta. // Phönizier im Westen. Mainz, 1982.
- Puech E.* Le rite d'offrande de chevaux d'après une inscription phénicienne de Kition vers 800 avant notre ère. // RSE, 1976. V. 4, 1.
- Puech E.* Les premières émissions bibliques et les rois de Byblos à la fin du Ve siècle avant J.-C. // Atti del II congresso internazionale di studi fenici e punici. Roma, 1991.
- Raban A., Stieglitz R.* The Sea Peoples and their Contribution to Civilization. // Biblical Archaeological Review, 1991. V. 17, 6.
- Rachet G.* Dictionnaire de l'archéologie. Paris, 1983.
- Ramon J.* Las ánforas púnicas de Ibiza. Eivissa, 1991.
- Reade J. E.* The Neo-Assyrian Court and Art: Evidence from Sculpture. // Iraq, 1972. V. 34.
- Rebuffat R.* Une bataille navale au VIII siècle. // Semitica, 1976. T. 26.
- Reviv H.* On urban representative institutions self-government in Syria-Palestine in the second half of the second millennium B. C. // JAOS, 1969. V. 12, 3.
- Rey-Coquais J.-P.* Arados et sa Pérée. Paris, 1974.
- Rey-Coquais J.-P.* Une double dédicace de Lepcis Magna à Tyr. // L'Africa Romana. Atti del IV congresso di studi. Sassari, 1986.
- Reyes A. T.* Archaic Cyprus. Oxford, 1994.

- Ribichini S.* Una tradizione sul fenicio Sid. // RSE, 1982. V. 10, 2.
- Ribichini S.* Questions de mythologie phénicienne d'après Philon de Byblos. // Religio Phoenicia. Namur, 1986.
- Ridgway D.* Archaeology in Sardinia and Etruria, 1974—1979. // Archaeological Reports for 1979—1980, 1980. № 26.
- Rocco B.* La Grotta Regina (Palermo). // Annali, 1969. T. 19 (29).
- Röllig W.* Die Phönizier des Mutterlandes zur Zeit der Kolonisierung. // Phönizier im Westen. Mainz, 1982.
- Ruiz Mata D.* La colonización fenicia. // Historia de España. Madrid, 1989. T. II.
- Ruiz Mata D.* El periodo cartaginés de la colonización púnica. // Historia de España. Madrid, 1989. T. II.
- Ruiz Mata D., Perez C. J.* El poblado fenicio del Castillo de Doña Blanca. Puerto de Santa Maria, 1995.
- Sader H.* Den Ruinen entsteigt die Vergangenheit. Archäologie in Beirut. — Antike Welt, 1997. Jahrg. 28, 5.
- Safren J. D.* New Evidence for the Title of Provincial Governor at Mari. // Hebrew Union College Annual, 1979. V. 50.
- Said-Zamit G. F.* The Punic Tombs of the Maltese Islands. // RSE, 1997. V. 25, 2.
- Sallmann K.* Plinius 1. // Kleine Pauly, 1979. Bd. IV.
- Salviat F.* Lions d'ivoire à Thasos. // BCH, 1962. T. 86.
- Sasson J. M.* Cananit Maritime Involvement. // JAOS, 1966. V. 86, 2.
- Scandone-Mattiae G.* Inscriptions royales égyptiennes de l'ancien empire à Ebla. // Mesopotamien und seine Nachbarn. Berlin, 1982.
- Scandone-Mattiae G.* Hathor signora di Biblo e la Baalat Gebal. // Atti del II Congresso internazionale di studi fenici e punice. Roma, 1991.

- Scandone G.* Testimonianze egiziane in Fenicia dal XII al IV sec. a. C. // RSF, 1984. V. 12, 2.
- Schiffmann I.* Zur Interpretation IFPCO 36 und 39 aus Sardinien. // RSF, 1976. V. 4, 1.
- Schretter M. K.* Alter Orient und Hellas. Innsbruck, 1974.
- Schubart H.* Phönizische Niederlassungen auf der Iberischen Halbinsel. // Phönizier im Westen. Mainz am Rhein, 1982.
- Schubart H.* Asentamientos fenicios en la costa meridional de la Península Ibérica. // Huelva VI. Huelva, 1986.
- Schubart H., Niemeyer H.-G.* Toscanos. Mainz, 1975.
- Schulten A.* Tartessos. Hamburg, 1950.
- Schwarzenbach A.* Die geographische Terminologie des Alten Testaments. Leiden, 1954.
- Segert S.* A Grammar of Phoenician and Punic. München, 1976.
- Seston W.* Remarques sur les institutions politiques et sociales de Carthage d'après une inscription latine de Thougga. // CRAI, 1967.
- Seyrig H.* Statuettes trouvées dans les montagnes du Liban. — Syria, 1953. T. 30.
- Shedletski L. and Levine B.* The msr of the Sons and Daughters of Ugarit. // Revue Biblique, 1999. T. 106, 3.
- Singer I.* The «Land of Amurru» and the «Lands of Amurru» in the Sausagamuva Treaty. // Iraq, 1991. V. 53.
- Snodgrass A.* Archaic Greece. Berkeley and Los Angeles, 1981.
- Soergel E.* Die Tierknochen aus der altpunischen Faktorei von Toscanos. // Madrider Mitteilungen, 1968. Bd. 9.
- Solá Solé J. M.* Miscelanea púnico-hispana I. // Sefarad, 1956. An. 16.
- Solá Solé J. M.* La inscripción púnica Hispania 10. // Sefarad, 1961. An. 25.
- Solá Solé J. M.* Nueva inscripción fenicia de España. // Rivista degli Studi Orientali, 1966. V. 41.

- Sollberg E.* Byblos sous les rois d'Ur. // Archiv für Orientforschung, 1959—1960. Bd. 19.
- Soyez B.* Byblos et la fete des Adonies. Leiden, 1977.
- Stayer L. E.* Carthage: A View from the Tophet. // Phönizier im Westen. Mainz am Rhein, 1982.
- Stern E.* New Evidence from Dor for the First Appearance of the Phoenicians along the Northern Coast of Israel. // BASOR, 1990. № 279.
- Stern E.* Hazor, Dor and Megiddo in the Time of Ahab and under Assyrian Rule. — Israel Exploration Journal, 1990. V. 40, 1.
- Stieglitz R.* The Geopolitics of the Phoenician Littoral in the Early Iron Age. // BASOR, 1990. № 279.
- Stieglitz R.* The City of Amurru. // JNES, 1991. V. 50, 1.
- Stoll.* Melikertes. — Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1894—1897. Bd. II, 2.
- Stockton E. D.* Phoenician Cult-Stones. // Australian Journal of Biblical Archaeology, 1974—1975. V. 2, 3.
- Stubbings F. H.* Mycenaen Pottery from the Levant. Cambridge, 1951.
- Szzyrmer M.* Mythes et dieux de la religion phenicienne. // Archeologia, 1968. № 20.
- Szzyrmer M.* Grand inscription dedicataire de Mactar. // Semitica, 1972. T. 22.
- Szzyrmer M.* L'assemblée du Peuple dans les cités puniques d'après les temoignages epigraphiques. // Semitica, 1975. T. 25.
- Szzyrmer M.* Carthage et la civilisation punique. // Rome et cônquete du Monde Meditteraneen. Paris, 1978.
- Szzyrmer M.* A propos de l'inscripton punique de Carthage CIS I,4483. // Semitica, 1996. T. 46.
- Tadmor H.* Die Zeit des Ersten Tempels, die babylonische Gafangenschaft und die Restauration. // Geschichte des Judischen Volkes. München, 1981. Bd. I.

- Tadmor H.* The Aramaization of Assyria: Aspects of Western Impact. // Mesopotamien und seine Nachbarn. Berlin, 1982.
- Tadmor H.* The Inscriptions of Tiglat-Pileser III, King of Assyria. Jerusalem, 1994.
- Teixidor J.* Bulletin epigraphique. // Syria, 1970. T. 47.
- Teixidor J.* Early Phoenician Presence in Cyprus: Analysis of Epigraphical Materials. // The Archaeology of Cyprus. Parklidge, New Jersey, 1975.
- Tel Mikne-Ekron.* / ed. S. Gittin. Jerusalem, 1998.
- Themelis R. G.* Die Nekropolen von Lefkandi Nord auf Euboia. // Griechenland, die Ägäis und die Levante während der «Dark Ages» von 12. bis 9. Jh. V. Chr. Wien, 1983.
- Thomson G.* Frühgeschichte Griechenlands und der Ägäis. Berlin, 1960.
- Tlatli S.-E.* La Carthage. Paris, 1978.
- Torres Ortiz M.* La cronologia absoluta europea y el inicio de la colonización fenicia en Occidente. // Complutum, 1998. V. 9.
- Toynbee A.* Hannibal's Legacy. London, 1965.
- Treidler H.* Eine alte ionische Kolonisation in numidischen Africa. // Historia, 1959. Bd. 8.
- Tsirkin Ju. B.* Japhet's Progeny and the Phoenicians. // Phoenicia and the Bible. Leuven, 1991.
- Tsirkin Ju. B.* The Phoenicians and Tartessos. // Gerion, 1997. T. 15.
- Tusa V.* Motya. // The Princeton Encyclopedia of Classical Sites. Princeton, 1976.
- Tusa V.* La presenza fenicio-punica in Sicilia. // Die Phönizier im Westen. Mainz, 1982.
- Tusa V.* La cultura degli elimi nella Sicilia occidentale. // Thracia Pontica II. Yambol, 1985.
- Tyloch W.* Le probleme de Taršiš à la lumiere de la philologie et de l'exegese. // Actes du deuxieme congrès international d'études des cultures de la Méditerranée Occidental. Alger, 1978.

- Unger E.* Nebukadnezar II und seine Sandabaku (Oberkommissar) in Tyrus. // Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft, 1926. Bd. III.
- De Vaux R.* La Phénicie et les Peuples de la Mer. // Melanges de l'Université Saint-Joseph, 1969. T. 45.
- De Vaux R.* El et Baal, les dieux de peres et Yahweh. // Ugaritica VI. Paris, 1969.
- Vegas del Pinar J.* Consideraciones sobre de política monetaria Barquida a partir del analisis de sus monedas de plata. // RSE, 1993. V. 21, 1.
- Verkinderen F.* Les cités phéniciennes dans l'Empire d'Alexandre le Grand. // Phoenicia and the East Mediterranean in the First Millennium B. C. Leuven, 1987.
- Villard F.* La ceramique grecque de Marseille. Paris, 1960.
- Villaronga P.* Economía monetaria en la Península Ibérica ante la presencia cartaginesa durante la segunda guerra punica. // Los Fenicios en la Península Ibérica. Barcelona, 1986. T. I.
- Ville G.* Utica. // RE, 1962. SupplBnd. 9.
- Vives y Escudero A.* La moneda Hispanica. Madrid, 1924. T. III.
- Wagner C. G.* Fenicios y cartagineses en la Península Ibérica. Madrid, 1983.
- Wagner C. G.* Gadir y las más antiguos asentamientos fenicios al este del Estrecho. // Congreso Internacional: El Estrecho de Gibraltar. Madrid, 1988.
- Wagner C. G.* El sacrificio del Moloch en Fenicia: una respuesta cultura adaptiva a la presión demográfica. // Atti de II congresso internazionale di studi fenici e puniche. Roma, 1991.
- Wagner C. G., Alvar J.* Fenicios in Occidente: la colonización agrícola. // RSE, 1984. V. 17.
- Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1957. T. I.
- Warmington B. H.* Carthage. London, 1960.
- Webb G.* (in collaboration with Karageorghis V.). A Short

- Guide to the Excavations at Kition. Nikosia (без ро-
да выпуска).
- Weber O.* Anmerkungen. Leipzig, 1908.
- Wein E. J., Opificius R.* 7000 Jahre Byblos. Nürnberg, 1963.
- Weinberg J. P.* Das Wesen und die funktionelle
Bestimmung der Listen in I Chr. 1—9. // Zeitschrift
für die Alttestamentischen Wissenschaft, 1981. Bd.
93,1.
- Weippert M.* Zur Syrienpolitik Tiglatpileasers III. //
Mesopotamien und seine Nachbarn. Berlin, 1982.
- De Wever J.* Thucycide et la puissance maritime de
Massalia. // Antiquite classique, 1968. T. 37.
- Will E.* Le Monde Grec et l'Orient. Paris, 1972. T. I.
- Peoples of Old Testament Times. / Ed. Wiseman D. J. Oxford,
1973.
- Wiseman D. J.* Babylonia 605—539 B. C. // CAH, 1991.
V. III, 2.
- Von Wissmann H.* Ophir und Havila. // RE, 1970. SptBd. XII.
- Wittaker Ch. R.* Land and Labor in the North Africa. //
Klio, 1978. Bd. 60, 2.
- Wright J. R. H.* Ancient Building in South Syria and
Palestine. Leiden; Köln, 1985.
- Xella P.* Le polytheisme phenicien. // Religio Phoenicia.
Namur, 1986.
- Xella P.* Baal Hammon. Roma, 1991.
- Yon M.* Sanctuaires d'Ougarit. // Travaux de la maison de
l'Orient, 7, 1984.
- Yon M.* Le royaume de Kition. Epoque archaique. //
Phoenicia and the Est Mediterranean in the First
Millennium B.C. Leuven, 1987.
- Zadok R.* On the ethnolinguistic composition of the
population of Assyria proper in 9th — 7th centuries
B. C. // Assyria im Wandel der Zeit. Heidelberg, 1992.
- Ziegler K.* Sicilia. // RE, 1923. Hbd. 4A.
- Ziegler K.* Thapsos. // RE, 1934. Hbd. 10A.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абдера*, город в Испании 221, 280
Абдера, город во Фракии 117
Абидос 288
Абротон 234
Абуль 233
Аден 146
Азия 5, 26, 52, 69, 72, 76, 116, 136, 137, 246, 289, 299, 300, 314, 450
Айя-Ирини 216
Акабский залив 138, 148, 390
Аккад 44
Аккадяне 39
Аккар 72
Акко 47, 49, 60, 61, 77, 78, 90, 91, 125, 134, 170, 185, 186, 193, 196, 200, 206, 288, 293, 299—301, 383, 385
Акрагант 329, 342, 434
Акра Левка 360, 361
Алалия 318, 323—325
Алашия, см. *Кипр*
Александрия 446
Алжир 319
Алтея 432
Аль-Мина 145, 162, 163, 169, 294, 295
Альпы 360, 362, 363
Амалектяне 49
Аматунт 213—215
Амбросийские скалы 129
Аммия 66, 69
Аммон 158, 262
Аморей 17, 18, 29, 30, 39, 44—46, 87
Амурру 29, 53, 60, 61, 63, 65, 66, 68—72, 74—78, 80, 81, 100, 101, 172, 173, 180, 367, 385
Амурру, город, см. *Цумур*
Англия 13
Антиливан 257
Апеннинский полуостров 229
Арабы 49
Аравия, Аравийский полуостров 38, 39, 139, 146, 147, 152, 157, 200
Арад 210
Арам 145
Арамеи 87, 88, 92, 103, 119, 196, 271
Арвад 3, 4, 31, 32, 40, 41, 52, 54, 59, 60, 62, 63, 65, 69, 72, 84—86, 91, 100, 101, 147, 168, 172, 174, 178—

- 182, 185—187, 189, 191,
193, 195, 199, 200, 202,
206, 216, 264, 265, 283—
286, 293—296, 304, 305,
307, 308, 366, 368, 372,
375, 382, 388, 390, 392,
396—398, 457
- Арвадиты* 30, 178—180, 187,
281, 284, 294, 390
- Аргосцы* 160
- Ардата* 51, 61, 69
- Арециты* 30
- Армянское нагорье* 157, 170
- Артемисий* 333, 334
- Арцава* 80
- Асир* 90, 91
- Аскалон* 83, 84, 91, 97, 289,
292
- Аскалониты* 29, 83, 86, 97—
98
- Ассирия* 92, 100, 101, 119, 141,
146, 149, 150, 172, 173,
180—183, 185, 186,
188—192, 194, 196, 197,
200, 201, 204, 254—257,
272, 274, 285, 309
- Ассур* 141, 146, 149, 150, 254
- Атлантический океан, Ат-
лантика* 247, 255, 281
- Аттика* 158
- Ауза* 168, 207, 209, 234, 244,
247
- Афины* 97, 294, 301, 302, 340,
342, 402, 455
- Афон* 287, 290
- Афонский перешеек* 278
- Африка* 5, 9, 103, 106, 107,
111, 117, 135, 152, 153,
159, 168, 207, 220, 222,
224, 226, 233—235, 237,
238, 241, 250, 259—261,
280, 318—320, 323,
325—327, 330, 333—338,
341, 345, 346, 348, 349,
351—353, 355, 363—365,
400, 406, 411, 417, 420,
424, 426, 427, 429, 430,
432, 435, 440, 441
- Афры* 270, 319, 335
- Ахайя* 456
- Ахетатон* 64, 75
- Ахея* 121, 122
- Ахзив* 134
- Ахламу* 87
- Ашдод* 258
- Ашкеназ* 142
- Багдад* 50
- Балеарские острова* 226
- Балеары* 409, 432
- Балканский полуостров* 24,
80, 83, 329
- Баргусии* 432
- Баркад* 156
- Бастулы* 429
- Батруна (Бируна)* 66, 169,
367
- Бахрейн* 23, 38, 39
- Беотия* 56, 131
- Берит* 16, 22, 40, 52, 54, 62,
67, 69—74, 78, 173, 285,
286, 366, 383, 390
- Бетис* 243
- Библи* 11, 19, 25, 26, 31—35, 39,
41—55, 61, 62, 66, 67,
69—72, 77, 78, 94—96,
98—100, 126, 137, 140,
148, 169, 170, 172—175,
177, 182, 185, 187, 191,
194, 195, 199, 206, 208,
265, 285, 296, 366—368,
371, 372, 374, 375, 378,
380, 381, 385, 386, 390,
396, 406, 451, 455
- Библисты* 43, 381
- Бирджи* 222

- Бирса* 448
Бирута, см. *Берит*
Бит-Адини 150
Бит-Архис 367
Бития 229, 235, 241, 429
Бит-Цурайа 266, 274
Бластофиникийцы 429
Ближний Восток 4, 11, 13, 19, 22, 97, 120, 136, 141, 144, 161, 197, 204, 218, 281, 373, 388, 450, 451
Боса 226
Ботрис, см. *Батруна*
Бреслау (Вроцлав) 7
Бретань 339
- Вавилон** 67, 141, 148, 188, 256, 257, 259, 262, 264, 265, 267, 268, 271, 272, 274, 276, 277, 293, 307, 309, 369
Вавилония 92, 269, 273, 277, 296
Вавилонское царство, см. *Вавилония*
Вавилоняне 141, 257—261, 263, 264, 266, 267, 274
Верхнее море 273
Верхний Евфрат 150
Верхний Египет 48, 54
Верхняя Месопотамия 169
Внутренняя Сирия 23, 44, 66, 72, 87, 88, 99, 102, 295
Восток 48, 57, 93, 119, 120, 126, 131, 153, 162, 163, 212, 230, 238, 251, 280—282, 315, 328, 387, 442, 458, 459, 462
Восточная Сицилия 224
Восточное Средиземноморье 16, 43, 49, 64, 68, 139, 218
- Гавлос* 224, 429
Гадес 14, 37, 38, 57, 106, 108—112, 116—118, 129, 131, 230, 232, 234, 240, 244, 248, 249, 268, 280, 331, 332, 339, 360, 363, 428, 434, 442—444
Гадир, см. *Гадес*
Гадитане 38, 110, 240, 3331, 338, 339, 428
Гадитанская провинция 434
Гадитанский залив 244
Газа 53, 83, 97, 138, 148, 186, 258—260, 390
Галик 343, 351
Галилея 89, 90, 119, 125, 384
Галлия 225, 317, 323
Гараманты 409
Гвадалорсе 231
Гвинея 338
Гебал, см. *Библ*
Гезер 95
Гела 328, 329, 342
Гелидония 99
Геллеспонт 281
Гераклейон 110
Гераклея 328
Геракловы Столпы 231, 251, 325, 332, 336, 338, 414
Гиксосы 49—51
Гимера 329—331, 334, 335, 339—343
Гипахейцы 145,
Гиппон 85, 234, 248
Гиппон Акра (Гиппон Диаррит) 234, 325
Гиппон Царский 234
Гиргашиты 29, 30
Годзо, см. *Гавлос*
Гранде 231
Греки 6, 9, 16, 18, 23, 24, 26, 27, 33, 34, 40, 56, 58, 92,

- 104, 106, 114, 121, 122, 129, 131, 133, 145, 152, 154, 159, 160—163, 178, 179, 187, 210, 213, 214, 217, 219—222, 224, 227—229, 234, 245, 253, 260, 284, 291, 294, 297, 298, 301, 302, 304, 312, 313, 317, 319, 324, 325—330, 333, 335, 336, 338, 340, 341, 343, 350—354, 356, 406, 409, 431, 457, 458
- Греция* 6, 24, 25, 57, 58, 80, 92, 96, 97, 105, 115, 116, 123, 129, 139, 154, 158, 161, 162, 179, 206, 217, 230, 278, 281, 282, 284, 287, 298, 326, 329, 333, 362, 366, 372, 397, 423, 449, 452, 453, 454, 458, 461, 462
- Губла, Gubla, см. Библи*
- Дальний Запад* 112, 121, 204, 281
- Дамаск* 88, 127, 138, 140, 141, 145, 146, 149, 156, 157, 168, 174, 176, 179, 182, 186, 283
- Дан, город* 31, 90, 91, 145
- Дан, племя* 31
- Двуречье, см. Месопотамия*
- Дедан* 142, 145, 146, 155
- Делос* 455
- Дельта* 92
- Дельфы* 260, 455
- Дильмун* 23, 39
- Дитану* 17
- Доданим* 142, 145, 156
- Дом Моиса* 156
- Дор* 83, 98, 119, 134, 193, 291—293, 368, 394
- Дорийцы* 156, 160, 161, 219, 220, 245
- Древний Ближний Восток* 13, 450
- Древний Восток* 15, 25, 374, 451, 458
- Дур-Шаррукин* 149
- Евреи* 21, 23, 31—32, 84, 87—90, 92, 97, 127, 153, 210, 212, 389, 394
- Европа* 111, 203, 230, 238
- Евфрат* 46, 51, 52, 119, 146, 150, 154, 189, 273, 277
- Египет* 25, 26, 30, 42, 43, 46—50, 52, 54, 55, 59—61, 63, 64, 66—68, 70, 72, 75—81, 83, 92, 95, 96, 98, 99, 101, 126, 136, 137, 148, 171, 183, 184, 186, 191, 912, 197, 199, 201, 256—259, 261, 262, 265, 267, 272, 276, 277, 291, 296, 297, 300, 302, 305—307, 315, 366, 368, 386, 451, 452, 454
- Египтяне* 25, 27, 34, 41, 43, 47—49, 51, 52, 72, 74, 76, 78, 83, 96, 98, 99, 148, 183, 192, 256—259, 261, 266, 267, 268, 286, 289, 303
- Заиорданье* 23, 123, 127, 156, 158, 451
- Зама* 363
- Запад* 12, 113—115, 127, 130, 151, 153, 162, 210, 227, 245, 270, 275, 293, 315, 334
- Западная Сицилия* 223, 224
- Западное Средиземноморье*

- 134, 218, 226, 313, 317,
336
- Заречье* 276, 277, 279, 283,
303, 306
- Зеленый Мыс* 338
- Иаван* 142, 145, 154—156,
161, 210, 211
- Иаван из Узала* 145
- Иа-да-на-на* 152, 251
- Иа-ман* 152
- Ибер* 361, 363, 432, 436, 438—
440
- Иберия* 111, 112
- Иберы* 226, 361, 441
- Идалий* 217
- Идумея* 262
- Иерихон* 89
- Иерусалим* 89, 124, 136, 176,
190, 261—265
- Изала* 146
- Израиль* 88, 89, 102, 124, 136,
138, 140, 142, 145, 148—
150, 158, 170, 171, 174—
176, 179, 184, 201, 206,
386, 394, 395
- Израиль, современное госу-
дарство* 13
- Израильтяне* 18, 29, 31, 97,
175, 395
- Индийский океан* 123
- Индия* 39
- Ионийцы* 156, 160, 161, 163,
217, 276, 290
- Иония* 275, 456
- Иордан* 89
- Ирката* 31, 51, 52, 61, 173,
174, 397
- Испания* 10, 12, 14, 37, 105—
107, 110, 113, 114, 116—
118, 151, 152, 162, 220,
221, 224, 226, 227, 230,
231, 239—241, 243, 245,
250, 280, 281, 316, 317,
323, 327, 331, 332, 334,
347, 348, 357—363, 401,
418, 425, 427, 429, 431,
432, 434, 436—444, 447,
457, 458
- Испанцы* 152, 331, 332, 360,
362, 433, 438—440, 442
- Исс* 283, 309
- Истм* 130, 134
- Итака* 155
- Италики* 406
- Италия* 13, 14, 36, 152, 223,
230, 245, 282, 323, 343,
353, 354, 356, 360, 362,
363, 436, 441, 447
- Иудеи* 21, 84, 89, 115, 138,
141, 146, 148, 258, 261,
274, 293
- Иудея* 136, 137, 142, 145—
150, 158, 170, 171, 174,
176, 190—192, 201, 256,
261, 263, 265, 373
- Йевуситы* 29
- Кабри* 61
- Кабул* 385
- Кадеш* 77
- Кадис, см. Гадес*
- Кадитис* 259
- Кадмея* 56, 57
- Кайза* 172, 173, 180
- Какулима* 338
- Калах (Кальху)* 149, 150, 173
- Каларис* 229, 321, 323, 429
- Кальяри, см. Каларис*
- Камарина* 342
- Камерун* 338
- Камир* 122
- Кампания* 229
- Кана* 188
- Кане* 146

- Канны* 362, 363, 447
Капуя 229
Кар-Асархаддон (Порт Асархаддона), см. *Сидон*
Карийцы 104, 333
Каркар 175, 179, 180, 186, 372, 397
Кармел 3, 23
Карне 62
Картхадаит 213, 234, 235, 321
Карфаген 8—10, 12, 15, 30, 57, 84, 85, 109, 111, 112, 115, 153, 177, 208, 211, 213, 214, 221, 234—237, 241, 245, 248, 249, 252—254, 268, 270, 271, 276, 279, 280, 311—322, 325—331, 334—337, 339, 341—361, 364, 365, 369, 376, 384, 389, 391, 399, 401—431, 433—435, 437, 441—444, 446—449, 456, 458—463
Карфагенская держава, Карфагенская республика см. *Карфаген*
Карфагеняне 16, 38, 117, 235, 237, 241, 246, 248, 251—253, 270, 276, 312, 314—325, 327—345, 347—357, 360, 363—365, 399, 404, 409, 411, 414, 416, 419, 420, 427—435, 440, 441, 443, 444, 448, 459, 460
Карфаген кипрский 32, 212, 213, 249, 251, 373, 384, 387
Кархемьши 80, 146, 257, 260
Каспиана 277
Кастильо де Донья Бланка 244
Катана 350
Кедар 146
Кедем 48
Келесирия 257
Керкуан 318
Кибос 325, 336
Киклады 158
Киликийцы 286, 289
Киликия 145, 151, 156, 162, 169, 170, 174, 187, 189, 277, 303, 305
Килмад 146
Кима (Кумы) 227—229
Кимейцы 228
Киммерийцы 142
Кинип 325
Кипр 10, 14, 27, 46, 80, 81, 99, 100, 135, 148, 149, 152, 171, 187, 189, 191, 208—212, 214—218, 224, 235, 241, 244, 249, 250—252, 254, 255, 267, 291, 298—300, 306, 373, 457
Киприоты 210, 254, 255, 286, 289, 306
Кирена 250, 267, 325, 352
Китий 85, 135, 209, 210, 212—216, 225, 241, 247, 254, 255, 298
Киттим 142, 148, 210—212, 249
Кифера 105, 106, 109, 159, 160
Книдяне 242, 319
Кносс 50
Колесница Богов 338
Коринф 57, 131, 219, 246, 349, 456
Корсика 225, 323, 324, 331
Кос 105
Коссура 429
Красное море 38, 123, 138, 148, 258, 259

- Кримисс* 350
Крит 6, 25, 26, 50, 154, 156, 161, 453
Крокодилон 3
Кротон 327
Куккуредус 321
Кунди 189
Куэ 170, 174, 187

Лада 286, 289
Лаис 31, 90
Лакедемоняне, см. *спартанцы*
Лампсак 312, 313
Ланет 216
Ларнака тис Ланетос 216
Левант 33
Лелантская равнина 161
Лемнос 27, 105
Леонтины 220
Лептис 203, 234, 248, 318, 319, 325, 327, 429—431, 434
«Лестница Тира» 78
Лефканди 161
Ливан, Ливанские горы 3, 4, 23, 28, 35, 55, 62, 68, 86, 88, 91, 100, 124, 134, 168, 176, 194, 257—259, 367, 380, 388
Ливан, современное государство 11, 13, 14
Ливийцы 79, 95, 311, 325, 337, 340, 342, 344—347, 357, 411, 422, 431—433
Ливия 27, 111, 112, 326, 348, 440, 441
Ливофиникийцы 429, 430
Лидийское царство, см. *Лидия*
Лидия 274
Ликс 106, 109, 110, 117, 233
Лилибей, город 343, 344, 350, 354
Лилибей, мыс 319
Лимассол 213
Линд 122
Липарские острова 355
Литани 189

Мавры 335
Магог 142, 143
Мадай 142
Мазарес 106
Майза 172, 173, 180
Макала 343
Макара 106
Макситаны, см. *максиин*
Максиин 311, 319, 325
Мактар 406, 446
Малака 221, 280
Малая Азия 76, 80, 81, 99, 107, 116, 145, 154, 155, 157, 169, 170, 174, 191, 275, 295, 300, 312, 323, 454
Малый Сидон 188
Мальта, см. *Мелита*
Марат (Амрит) 294
Мари 46, 268
Марокко 233, 338
Марсакслукк 225
Маруб 190
Маэсалиоты 320, 331, 333, 334
Массалия 86, 313, 317, 323, 331
Мастиены 441, 446
Мастия 152, 348, 446
Махаллата 172, 173, 180
Мегара 448
Мегиддо 51, 53, 136, 137, 171, 259
Мелита 10, 13, 14, 224, 225, 239, 244, 250
Мелос 105—108, 159, 160
Мемфис 218, 244, 278

- Менико** 215
Мером (Воды Меромские) 188
Месопотамия 39, 59, 81, 87, 141, 148, 157, 169, 170, 188, 189, 192, 257, 261, 264, 265, 272, 273, 277, 366, 383, 451, 452
Мессана 354, 355, 417
Метагонии 426, 434
Мешех 141, 142, 154—156
Мигдол (Мигдал) 259, 260
Мидийцы 142, 290
Мидия 142
Микале 290, 333
Микенцы 26, 93
Микены 96
Милет 217, 275
Минийцы 159
Минойцы 6, 26
Миной 329
Мирианд 169
Мириандский залив 169, 187
Митанни 52, 67
Моав 158, 262, 263
Могадор 233, 280, 334
Монте Сираи 239, 243
Мотия 219, 221—223, 241, 242, 320, 340, 343, 356, 431
Мушки 154, 155

Наксос 220, 222, 228, 250
«Народы моря» 4, 6, 24, 79, 80—83, 86, 92, 208
Неаполь 234
Неаполь, город в Сардинии 213, 234, 321
Негев 123, 210
Нидерланды 13
Нижнее море 273
Нижний Египет 48, 54, 126

Нижняя Галилея 206
Нил 42, 43, 79, 92, 148, 258, 259
Ниневия 141, 149, 151, 197, 199
Ниптур 266
Ново-Вавилонское царство 141, 256, 268, 272, 274—276
Новый Карфаген 361, 389, 425, 439, 445, 446
Нод 19, 22, 23, 39
Нола 229
Нора 151, 226, 229
Нумидийцы 235, 335, 352, 357, 417, 433, 441, 448
Нумидия 364, 441

Олькады 441
Ореты (оретаны) 441
Отока 321
Оноба 280
Оронт 31, 43, 145, 162, 164, 168, 169, 174, 178
Офир 123, 125, 126, 138, 147, 153, 386, 388

Палестина 21, 23, 25, 45, 49, 51, 53, 61, 64, 77, 80, 81, 83, 86—90, 92, 95, 97, 102, 103, 119, 123, 125, 136, 138, 141, 148, 156, 191, 201, 205, 224, 259, 267, 277, 288, 291, 293, 367, 368, 387, 451
Палетир, Старый Тир, см. Ушу
Пангейские рудники 117
Пания 455
Панорм 219, 221, 223, 327, 429
Пар-Хамон 169

- Пафос* (Старый Пафос, Палеопафос) 214, 215
- Пахин* 106
- Передняя Азия* 4, 46, 64, 66, 78, 79, 84, 92, 139, 173, 177, 197, 251, 256, 272, 273, 285, 297, 376, 454
- Персидский залив* 23, 38, 39, 46
- Персия* 256, 260, 273, 274, 277, 278, 284, 292, 296, 298—300, 307—309, 394, 455
- Персы* 37, 86, 166, 248, 253, 260, 274—276, 278, 279, 283, 286, 289—292, 294, 297, 298, 300, 303—309, 318, 323, 333, 335, 375
- Перуззиты* 30
- Пирги* 130, 322
- Пиренеи* 360, 362, 363
- Пиренейский полуостров* 230, 231, 233, 316, 332—334, 348, 360, 361, 363, 430, 439, 440
- Питекусса* 162, 163, 227, 228, 245
- Питиусса* 315—317, 443, 459
- Питиусская гавань* 325
- Посидей* 162
- Прекрасный мыс* 326, 348
- Пренесте* 391
- Протоармяне* 155
- Пунийцы* (пуны), см. карфагеняне
- Пуническая гавань* 322
- Раема* 146, 147, 153
- Рас Ибн Хани* 82
- Рафия* 186
- Рашидие* 158, 163
- Раштуна* 181
- Регий* 324, 329
- Ретену* 48
- Рехоб* 188
- Римляне* 109, 210, 213, 214, 326, 332, 354—356, 360, 362—365, 408, 415, 419, 421, 425, 426, 428, 431
- Рифат* 142
- Родос* 105—107, 121, 122, 154, 156, 159, 160
- Родосцы* 155, 242, 319
- Саба* (Сава) 146, 147, 152, 153
- Сабрата* 234, 318
- Сагунт* 362, 440
- Саис* 201
- Са-Калета* 316, 317
- Саки* 290
- Саламин*, город на Кипре 217, 287, 297—299
- Саламин*, остров в Греции 279, 281, 287, 289, 290, 330, 333
- Самария* 146, 149, 171, 184, 186, 387
- Самос* 282
- Сардиния* 10, 13—14, 151, 220, 223, 225—229, 235, 239, 240, 243, 245, 250—252, 270, 280, 321, 323, 324, 326, 327, 332, 334—336, 346, 348, 354, 357, 391, 403, 425, 429, 431, 434, 435, 441, 457
- Сарды* 334, 335, 346, 347, 433
- Сарепта* 78, 135, 190, 202, 216, 270, 276, 368, 385
- Северная Африка* 9, 10, 16, 58, 233, 334, 410, 222, 224
- Северная Месопотамия* 87, 146, 157, 164, 272

- Северная Палестина* 125
Северная Сирия 46, 81, 139, 150, 164, 169, 170, 174
Северная Финикия 26, 31, 33, 34, 52, 178
Северо-Восточная Сирия 80
Северо-Восточная Испания 432
Северо-Западная Африка 233
Северный Египет 95
Секси 105, 221, 249, 280
Селинунт 329, 339, 341—344, 409
Семиты 50
Сенегал 338
Сибарис 327
Сидон 16, 28—34, 40, 52, 54, 59, 62, 63, 67, 69, 71—74, 77, 78, 82, 83, 85, 86, 91, 92, 98—100, 111, 126, 167, 170—173, 175—177, 187, 189—193, 195, 196, 198, 202, 206, 216, 258, 262, 264, 267, 268, 279, 281—288, 291, 293, 295, 296, 299, 300—309, 315, 366, 368, 371, 372, 376, 377, 379, 381, 383, 388, 390, 392, 393, 394, 396, 455
Сидон Великий 102, 188, 189
Сидон Малый 188, 189
Сидон Приморский 368
Сидония 295
Сидоняне 18, 27—30, 32—34, 57, 59, 73, 85, 86, 92, 102, 114, 178, 203, 216, 383, 388, 394, 407
Сизу 189
Сийанну 31, 180
Сиканы 320, 342
Сикюлы 219, 220, 320
Синай, Синайский полуостров 23, 48
Сион 142
Сиракузы 219—220, 222, 328—331, 340—343, 349—354, 363, 402
Сирия 3, 44, 45, 51—53, 64, 65, 68, 71, 77, 81, 87, 88, 92, 94, 103, 123, 137—139, 145, 156, 162, 168, 175, 178, 179, 201, 205, 257, 258, 260, 261, 267, 277, 283, 301, 303, 306, 367, 451
Сиро-Палестинский регион 17, 20, 33, 171
Сирос 155
Сиро-финикийское побережье 17, 27, 44, 50, 54, 64, 73, 162, 208
Сирт 318
Сицилия 10, 14, 58, 106, 107, 111, 118, 212, 218—224, 227, 228, 230, 237, 238, 242, 245, 250, 251, 270, 280, 319—321, 326—330, 334, 335, 339—345, 348—357, 362, 419, 420, 429, 431, 432, 434, 441, 443
Скифы 142, 272, 273
Солунт 219, 221—223, 327
Спартанцы 108, 114, 115, 159, 160, 300, 355, 421
Средиземное море 3, 6, 8, 23—25, 34, 36—40, 44, 58, 91, 98, 99, 127, 136, 151, 152, 162, 173, 174, 181, 195, 244, 258, 259, 285, 297, 298, 311, 450
Средиземноморье 5, 11, 79, 120, 121, 127, 208, 218, 224, 225, 230, 247, 254,

- 280, 281, 295—297, 301, 311, 318, 323, 331, 334, 364, 401, 459
- Средняя Италия* 225, 227
- СССР* 13
- «Страна моря»* 195
- Сузы* 307
- Сукас*, Тель-Сукас 23, 82, 91, 179, 294
- Сульх* 228, 229, 239—241, 243, 245
- Сутии* 18
- США* 13
- Табал*, см. *Тубал*
- Тамариций* 106
- Тамасс* 216
- Танис* 92, 96
- Тапс* 106
- Тарент* 354
- Тарраконская Испания* 37
- Таррос* 229, 239—241, 429
- Тарс* 151, 169
- Тар-си-си* 152, 251
- Тартесс* 12, 151—153, 226, 230, 240—241, 244, 246, 280, 317, 331, 332, 348, 459
- Тартессии* 152, 240, 244, 245, 331, 441
- Тариши* 126, 135, 140, 142, 145, 150—154, 226, 230, 245, 251, 293, 386
- Тас Силг* 244
- Тасфра* 234
- Тегарам* 155
- Тель-Эль-Амарна* 64
- Тель-Касиле* 147
- Термы* 343
- Терситы*, см. *тартессии*
- Тигр* 189
- Тильмун*, см. *Дильмун*
- Тингентера* 109
- Тингис* 233
- Тир* 4, 12, 28—33, 36, 40, 47, 49, 52—56, 58, 59, 62, 66, 67, 69, 72—74, 76—78, 83—86, 90, 96, 100, 103, 111—114, 120, 121, 123, 124, 126—129, 131—141, 143, 144, 147—151, 157, 158, 164—178, 182—196, 198, 199, 202—208, 210, 215, 216, 235—238, 246, 247, 249—255, 258, 262—272, 275, 276, 279—282, 284—286, 288, 289, 292, 293, 296, 297, 299—305, 307—311, 313, 315, 316, 318, 328, 366—369, 371, 375, 376, 379—388, 390, 392—396, 407, 412, 425, 427, 444, 454—456, 458, 459
- Тир* (Сури), ассирийская провинция 193
- Тирас* 142
- Тирийцы* 28, 32, 37, 38, 40, 55—58, 67, 73, 74, 84, 85, 93, 97, 99, 103, 113, 116, 117, 123, 125, 127, 129, 138, 140, 147, 148, 156—158, 160, 166, 170, 184, 185, 187, 189, 198, 193, 194, 203, 206, 215, 216, 218, 288, 289, 293, 297, 298, 309, 314, 337, 348, 382—384, 386, 389, 393, 394, 427, 428
- Тирренское море* 227, 323, 324
- Тогарма* 142, 145, 155, 156
- Тосканос* 232, 243, 245
- Трафра* 234
- Триполис* 304
- Троя* 27, 80, 83, 108, 112, 115

- Губал 145, 154—156
 Гугга 424
 Гунет 345, 352, 353
 Гунис 8, 13, 14, 325
 Турдетаны (турболеты) 152, 440
 Турдулы 152
 Турта 152
 Угарит 17, 22, 30, 31, 45, 55, 56, 59, 60, 68, 81, 82, 93, 97, 208, 211, 268, 372—374, 382, 383, 385
 Угаритяне 32, 77, 211, 383
 Узу, см. Ушу
 Улацца 47, 49, 51, 53, 61, 77, 78
 Ур 44
 Урарту 163, 164
 Урук 272
 Уснату 180
 Усну 181, 397
 Утика 103, 106, 108—112, 118, 135, 233, 234, 244, 248, 253—254, 336, 348, 353, 357, 365, 384, 427, 430
 Уфас 230
 Ушу 28, 40, 52, 55, 62, 73, 74, 77, 78, 185, 186, 193, 196, 200, 367, 381, 382
 Фасос 105, 107, 109, 112, 117, 118, 123, 135, 159, 161, 215
 Фенху, Fenkhu 25, 26, 34, 48, 51, 137
 Фера 105—107, 159, 160, 325
 Ферейцы 159
 Фивы, город в Греции 56—58, 131
 Фивы, город в Египте 92
 Филеновы алтари 328
 Филерм 122
 Филистимляне 25, 83, 84, 91, 97, 98, 119, 123, 138, 183
 Филистия 158, 170, 192, 258
 Финикийцы 3—10, 13—18, 23—25, 27, 28, 33—42, 45, 46, 49, 57—59, 77, 90, 93, 97, 100, 102, 104—107, 110, 111, 113—119, 121, 122, 128—130, 138, 139, 146, 147, 149, 152—156, 158—164, 166, 169, 170, 178—180, 183, 185, 187, 189, 195—197, 200, 202, 203, 207—225, 227, 229—235, 238, 239, 241—246, 249, 251, 255, 257, 258—262, 265, 267, 271—274, 276—278, 280, 281, 286—292, 294—298, 300, 301, 304, 305, 309, 311—313, 315, 316, 319, 320, 321, 327—330, 334, 335, 343, 344, 379, 384, 393, 394, 396, 429—431, 442, 452, 456—458
 Финикия 3—8, 10, 11, 14—16, 23—25, 27, 29, 31, 34, 35, 37, 48, 52—54, 58—63, 67, 72, 73, 77, 79, 80, 82, 85, 91—95, 97, 100, 102, 103, 115, 119—121, 136, 137, 146, 148, 168, 169, 172—174, 177, 178, 181, 183, 185, 187—189, 195, 197, 200, 201, 203, 205, 207, 208, 213, 216, 218, 224, 248, 249, 256—260, 263, 265—268, 273—279, 281, 290, 293, 295, 297, 299—303, 306—310, 314, 366, 367, 379, 387, 395, 398, 423, 450—456, 462

- Фокейцы** 86, 289, 312, 313, 317, 323, 324, 331
Фокея 312, 317, 323, 318
Фракийцы 159
Фракия 117
Франция 8, 13
Фригийцы 81, 154, 155,
Фригия 141, 154, 155, 187
- Хадрумет** 234, 248, 318, 337, 429
Хазор 89
Халдеи 271
Халкида 161, 227
Хамат 31, 174, 179, 181, 373
Хаматяне 29
Хамиты 29
Ханаан 5, 7, 16—19, 23 29—31, 53, 73, 87, 88, 248
Ханаанеи 5—7, 16, 18, 21, 22, 24, 30, 34, 39, 44, 49, 87—91, 102, 119, 205
Хапиду 65, 66, 74
Харран 146, 149, 150
Хару, см. *Сирия*
Хатти 80, 81, 257
Хетты 29, 68, 75—77, 81
Хеттское царство 81, 87, 92, 154, 159
Хивиты 29
Ховар 142
Хор 191
- Цафон** 181
Цемариты 29, 30
Центральное Средиземно-морье 271, 322
Цере 322, 323
Церетане 324
Цимирра 195
Цирта 16
Цумур 31, 51—53, 61, 66, 67, 69, 70, 72, 77, 78, 82, 100, 101, 172, 173, 181, 183, 186, 195, 285
- Чекеры** 119
- Шамим-Аддирим** 368
Шарон, Шаронская долина 291—293, 393, 394
Шарухен 51
Шасу 49
Шеба 152
Шигата 367
Шумеры 39
- Эбес** 315—317, 327, 426, 427, 442
Эбла 43, 268
Эвбея, остров 154, 156, 158, 161, 162, 228
Эвбея, город в Африке 325
Эвримедонт 291, 292
Эгатские острова 356
Эгейский бассейн, Эгеида 24, 25, 56, 76, 80, 99, 105, 108, 116, 121, 156, 158, 159, 161, 217, 295, 308, 315
Эгейское море 80, 104, 286, 287, 340, 341
Эгейцы 26, 340
Эгеста 242, 320, 327, 339
Эдем 19, 22, 23
Эден 146, 150
Эдом 145
Эдомитяне 138
Экном 420
Элам 92
Элевтер 178
Элея 324
Элимы 219, 220, 242, 320, 327, 328, 341, 342
Элисса 142
Эллада, см. *Греция*

- Эллины*, см. *греки*
Эль-Хофра 16
Эмар 59
Эмпориш 319, 434, 457
Эмпорик 233
Эмира 105
Энтелла 349, 350
Эолида 228
Эретрия 161, 227ы
Эрик 327, 344, 429
Эритрейское море 36—39
Эритрия, см. *Эриффия*
Эритры 105
Эриффия, *Эрития* 37, 38
Эстримниды 339
Этеокиприоты 210, 214
Этрурия 315, 322, 323
Этруски 36, 130, 228, 229, 322, 324, 330—333, 406, 431, 459
Эфиопия 263
Эфиопы 27
Эцион-Гебер 125, 126, 138, 153
- Юго-Восточная Испания* 12, 348, 432, 441
Юго-Западная Сардиния 324
Южная Аравия 147, 148
Южная Месопотамия 274
Южная Палестина 123, 138, 372, 373
Южная Сардиния 324
Южная Сирия 157, 174
Южная Финикия 33, 53, 86, 177, 178, 258
Южная Испания 12, 58, 117, 126, 152, 153, 157, 230, 231, 249, 285, 315, 316, 332, 334, 338, 429, 431—432, 441
Южная Италия 228, 363
Южная Эгеида 159
Южный Кипр 216
Южный Рог 338
- Ялис* 105, 122
Яффа 151, 291—293, 368, 394

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Аббар* 269
Абдалоним 310, 369, 371
Абдастарт I 166, 370
Абдастарт II 165—167, 370
Абдастарт (Стратон), царь
Сидона 301—303, 308,
368
Абдастарт, царь Арвада, см.
Астарит 166, 167, 301,
302, 368, 379, 397
Абдемон 297—299
Абдиаширта 65—71, 169
Абдмилъкат 189, 191, 192
Абдубаст 213
Абдэл 189
Абибаал 137
Абимилки (Азимилк) 28, 40, 55,
63, 73, 74, 167, 307, 308,
310, 396
Абишему I 46, 47
Абишему II 46, 47
Аввакум 144
Августин 16
Авель 18, 20—22
Авиен 231, 338
- Авраам* 33
Агафокл 351—356, 409, 417,
420, 431
Агбал 284, 287
Агесилай 300, 302
Адад-Нирари III 177
Адам 18, 20
Азария 181
Азибаал 200, 397
Азиру 63, 68—76, 378, 390,
396
Азитавадда 373
Азрийау 181
Александр Македонский 6,
39, 40, 166, 167, 293,
308—310, 368, 379, 381,
382, 442, 445, 455, 456
Амар-Суэн 44
Амафант 131
Амаштарт 376
Амврий (Омри) 170, 171, 175
Аменхотеп II 65
Аменхотеп III 52, 63—65, 67
Амон, царь Иудеи 201
Амон, бог 92

¹ В указатель включены имена исторических лиц и мифологических персонажей, но не включены имена современных исследователей.

- Амон-Ра 191
 Амурру 17, 18
 Амфилох 162
 Анаксилай 329
 Анания 256
 Анат 17, 217
 Андросфен 38
 Анис 287
 Антей 130
 Антиох Сиракузский 219,
 221, 320
 Аполлон 250, 458
 Аппиан 358, 405, 409, 417,
 424, 425, 430
 Априй (Хофра) 255, 263, 267,
 268
 Аргантоний 331
 Арианд 296
 Аристагор 335
 Аристотель 252, 401, 404,
 406, 415, 416, 422, 424
 Арриан 247, 283, 309, 379,
 398
 Артабан 292
 Артаксеркс I 292
 Артаксеркс II 298, 300, 303
 Артаксеркс III 303, 305—308,
 381, 394
 Артафрен 287
 Артемидор 110, 152
 Архагат 353
 Асархаддон 128 152, 189, 190,
 192—194, 196, 199, 251,
 254, 368, 378—380, 386,
 390
 Асирату 32
 Ассур 141, 146, 149, 150, 254
 Астарим 165, 167, 370
 Астарит, царь Арвада, см.
 Абдастарт
 Астарт 165—167, 370
 Астарта 57, 105, 128—130,
 132, 133, 160, 166, 167,
 191, 209, 210, 214, 217,
 225, 322, 371, 376, 377
 Астарта Пафоса 214
 Астарта Эрицинская 133
 Астиаг 260
 Афина 133, 217
 Афиней 105, 121
 Афиней Полиоркет 240
 Афродита 105, 160, 214, 215,
 217
 Ахав 31, 32, 170, 171, 174—
 176, 192, 394, 395
 Ахемениды 29, 277, 296, 301,
 308, 396, 455
 Ахерб 235, 376, 377
 Ахилл Татий 57
 Ахирам 372, 374
 Ахорис 299, 300
 Ашишурбанал 199—201,
 397
 Ашурнасиранал II 149, 172—
 174, 177, 179, 180

 Баал, бог 176, 250
 Баал I, царь Тира 128, 190—
 194, 196, 199, 378, 380,
 386, 390
 Баал II, царь Тира 264, 268,
 269
 Баалат-Гебал, Владычица
 Библа 41, 42, 61, 375
 Баал-Хаммон 215
 Баал-Цор, см. Мелькарт
 Баал-Шамим 128
 Баалезор I 136
 Баалезор II 175
 Баалей 236
 Баалшалим 375
 Балу 17
 Баркиды 236, 359, 401, 425,
 435—438, 440—447, 462
 Бар-Хадад 157, 174, 176
 Белесий 306

- Бел-Шадуа* 193
Берос 114, 257, 263
Битий, предводитель карфагенского флота 235
Битий, предводитель нумидийцев 236
Блепс 312
Бомилькар 352, 353, 359, 417, 443
Брут 326
Бурна-Буриаш 57—58

Варрон 410
Варух 143, 144
Витрувий 240
Виштакна (Гистасп) 292

Гамилькар, сын Магона 329, 330, 334, 335, 339, 340, 431
Гамилькар, полководец 351
Гамилькар, сын Гисгона 350, 351
Гамилькар, полководец в конце IV в. до н. э. 443
Гамилькар Барка 356—362, 414, 417, 433, 434, 437—439, 441
Ганнибал, сын Гамилькара Барки 111, 152, 236, 249, 359, 360, 362—365, 399, 402, 404, 418—421, 426, 427, 430, 432, 433, 435—441, 447, 448
Ганнибал, внук Магона 335
Ганнибал, сын Гисгона 340—342, 345
Ганнон, правитель Газы 186
Ганнон, см. *Ханнуну*
Ганнон, внук Магона 335, 337, 338, 404, 413, 414
Ганнон, полководец в конце IV в. до н. э. 352, 417

Ганнон Великий 344, 347, 349, 358, 400, 411, 417, 435, 448, 461
Ганнон, потомок Ганнона Великого 358, 435, 437
Ганнон, командир отряда в Мессане 417
Ганнон, офицер Ганнибала 432, 438
Ганнон, офицер Магона 439
Ганнониды 351, 358
Гасдрубал, сын Магона 334—336
Гасдрубал, внук Магона 335, 350
Гасдрубал, полководец 361, 362, 449
Гасдрубал, зять Гамилькара Барки 358, 359, 433, 435—437, 442, 445
Гасдрубал, сын Гамилькара Барки 363, 417, 418, 435, 436, 441, 447
Гасдрубал, сын Гисгона 433, 438, 439, 441
Гасдрубал, демагог 419
Гасдрубал, командующий войсками в Карфагене во время III войны с Римом 449

Гекатей 33
Гелиос 114
Гелон 328—330
Геракл 105, 109, 111, 114, 129—131, 133, 159, 169, 217, 305, 381, 444
Гераклид Миласский 333
Гераклиды 113, 115
Герастарт 269, 271, 308, 398
Геркулес 106, 376, 444
Гермес 305
Гермократ 340, 341
Геродор 429

- Геродот* 36—39, 56, 104, 105, 107, 108, 117, 118, 132, 133, 145, 159, 160, 169, 218, 246, 255, 259, 260—262, 267, 272, 274—277, 281, 284, 286—290, 296, 311, 320, 324, 325, 327, 329, 331, 338, 379, 413
Герострат (Герастарт) 398
Гефестион 368
Гиарб 235, 312
Гиг (Гугу) 142
Гигин 57
Гиерон 330
Гиерон II 354, 355
Гикет 349, 350
Гимилькон, внук Магона 335, 338, 339
Гимилькон, родственник Ганнибала, сына Гисгона 342, 344, 345
Гиндибу 179
Гисгон, внук Магона 335, 339, 340
Гисгон, сын Ганнона Великого 350, 351, 433, 441
Гог 142
Гомер 29, 33, 105, 111, 113, 131, 142, 214, 215
Гораций 326
Гофолия (Аталия) 171, 176

Давид 31, 88, 89, 97, 123, 124, 138, 371
Давидиды 137, 350
Дагон 293, 393
Дарий I 253, 277, 279, 282, 283, 296, 310, 328
Дарий III 308
Датис 287
Деластарт 370
Демарунт 22
Деметра 345, 346

Демокед 282
Дидим 122
Дий 115, 134
Диодор 105, 106, 11, 113, 114, 116, 207, 219, 223—225, 238, 246, 255, 267, 282, 283, 289, 298, 300, 303, 304, 315—317, 329, 333, 348, 351, 362, 368, 399, 413, 414, 419, 429, 438, 439
Диокл 340, 341
Дион 349
Дион Хризостом 337
Дионис 133
Дионисий, фокеец 289, 334
Дионисий, тиран Сиракуз 223, 342—344, 347, 349
Дионисий младший 344, 349
Доризэй 320, 325, 327—329
Дупти-Тешуб 76

Ева 18, 22
Европа 203
Египет 33
Езра 203
Елисей (Элишша) 175, 211, 212

Закабаал 235
Зевс 128
Зимрида 28, 63, 72, 396

Иаков 18, 22
Иафет 21, 142, 145, 146, 210, 211
Ибдати 44
Идрией 306
Иезавель 31, 170, 175, 371, 394, 395
Иезекиил 31, 139—145, 147, 148, 150, 158, 163, 164, 197, 206, 247, 263, 264,

- 265, 272, 284, 380—
382, 386—388, 390, 392,
393
- Иеремия* 142—144, 230, 256,
258, 259, 262, 263, 273
- Иероваам* 136
- Израиль*, см. *Иаков*
- Иисус Навин* 89, 102, 188
- Ииуй* (Иеху) 176, 206
- Илимияни* 47
- Илирабих* 71, 380
- Илифия* 130, 132
- Илия* 175
- Илумиквати* 47
- Ино* 129—132
- Интенэль* 47
- Иоаким* 261
- Иона* 141, 151, 293
- Иорам* 176
- Иосафат* 138, 147, 153
- Иосиф Флавий* 83—85, 125,
132, 134, 135, 151, 165,
168, 184—186, 206—207,
210, 254, 257, 263,
269, 270, 288, 370, 371,
384
- Иосия* 21, 125, 210
- Ипувер* 43
- Итишмуаби* 47
- Исайя* 30, 31, 144, 146, 151,
164, 188, 247—249, 391,
393
- Исократ* 297—299
- Итобал*, царь Сидона 32, 189
- Итобаал I*, царь Тира 165,
167—172, 175, 177, 207,
209, 234, 371, 377, 394,
395
- Итобаал II*, царь Тира 181,
189
- Итобаал III*, царь Тира 263,
264
- Ификл* 121
- Йавал* 19
- Йаву* 22
- Йакинбаал* 269
- Йакинлу* 199, 397
- Йамму* 22
- Йахве* 22, 124, 136, 175, 278
- Йево* 22
- Йеред* 20
- Йехавмилк* (Йехимилк) 370,
372, 375
- Йувал* 19
- Кадм* 56—58, 105, 117, 130,
131
- Каин* 18—23, 39
- Камбиз* 276, 279
- Карату* 32
- Карталон* 435
- Кассий* 410
- Катон Марк Порций* 364
- Катуманд* 331
- Кенаан*, см. *Ханаан*
- Киаксар* 273
- Кидин* (Кидим)-*Мардук* 57
- Кимон* 291
- Кипселиды* 246, 456
- Кир* 260, 273—276, 279, 288,
320
- Кир Младший* 301
- Коман* 313
- Конон* 298
- Кора* 345, 346
- Крез* 260
- Ксантипп* 355, 421
- Ксенофонт* 108, 169
- Ксеркс* 253, 260, 278, 279, 281,
284, 286—290, 292, 326,
329, 333, 372, 379, 397
- Курди-Аишуур-лумур* 183
- Лампсака* 312
- Леастарт* 165

- Левкотей* 129—131
Лемех 19, 20
Ливий 235, 319, 407, 408, 415, 416, 419, 426, 428, 431, 434, 437—440, 448
Лули, см. *Элулай*
Магон, правитель Карфагена 322, 329, 334, 335, 337, 339, 413, 419
Магон, карфагенский полководец в Сицилии 343
Магон, карфагенский полководец 349, 350
Магон, агроном 400, 409, 410
Магон, командир гарнизона в Новом Карфагене 425, 428, 439
Магон, сын Гамилькара Барки 426
Магониды 10, 339, 340, 345, 346, 351, 414, 415, 423, 435, 461
Маздай 303, 305, 307
Малала 33
Малх 241, 270, 271, 319—321, 413, 414, 417, 461
Мамерк 350
Манассия 191, 192
Манефон 114
Мардоний 281, 286, 289
Масинисса 363, 364
Матанбаал 397
Матанбаал, другой царь Арвада 397
Маттан II 182
Маттан III 288
Мегасфен 251
Мела 108, 111, 113
Меликерт 57, 129—132
Мелькарт 39, 57, 58, 105, 106, 109, 110, 128—132, 134, 157, 159, 167, 176, 210, 235, 246, 250, 253, 350, 376, 443—445, 458
Мелькарт Фасосский 133
Менандр Эфесский 32, 115, 132, 134, 165, 168, 184, 236
Менелай 27, 28, 115
Ментор 305—307
Меңус 25
Мербаал 397
Мербал (Магарбаал) 271, 281, 284, 287
Меритатон 74
Мернептах 79, 88
Метастарт 165, 370
Меттен 269, 271
Метуастрат, см. *Метастарт*
Милкйатон 226
Милькирам 387
Минос 104
Мита (Мидас) 155
Мицри, имя 30
Мицри, спутник Элиссы 236
Море 22
Мурсилис II 31, 76
Мут-Балу 373
Набонид 271, 273, 276
Навуфей 394, 395
Навуходоносор 190, 251, 257—259, 261—266, 268, 269, 272, 275, 369, 380, 397
Нанн 129
Наполеон III 8
Нарам-Суэн 376
Неемия 21
Нектанеб 302, 303, 305
Непот 111, 416
Нергал 169
Нерон 400
Несубанебдед 95, 96
Нехо 257—262, 267

- Ной 20, 21
 Нонн 129
 Норах 226
- Овидий** 203, 312, 314
 Орозий 320
 Осия 184
 Осоркон 137
 Оффелл 352
 Охозия 176
- Павсаний** 56, 57, 105, 226, 320
 Палемон 129, 130, 132
 Патеркул, Веллей Патеркул 106, 108, 109, 111, 112
 Пентатл 242, 319, 320
 Пигмалион (Пумийатон) 167, 235—237, 376, 377
 Пиндар 122, 250, 330, 332
 Пиоти II 42
 Пирр 353, 354
 Писистрат 133
 Плиний 3, 37, 55, 59, 106, 108—110, 115, 117, 234, 337, 338, 400, 413, 429
 Полибий 110, 152, 326, 358, 407, 415, 420, 425, 426, 432, 433, 435, 438—441, 445
 Полиэн 328, 344
 Посейдон 131, 132
 Посейдоний 110
 Протис 313
 Псамметих I 201
 Псамметих II 262
 Псевдо-Аристотель 109, 111, 115, 116
 Псевдо-Скилак 234, 270, 285, 288, 289, 235, 305, 318, 325
 Псевдо-Скимн 429
 Птолеми 455
- Рамсес I** 77
Рамсес II 60, 77—79, 88
Рамсес III 80, 81, 83
Рамсес VI 95
Рамсес IX 94, 95
Рамсес XI 94, 95
 Резон, основатель Дамасского государства 156
 Резон, царь Дамаска 182
 Решеф 211, 405
 Рибадди 169, 367, 378—380, 386, 390
 Ровоам 136
 Руф, Курций Руф 123, 204, 246, 368, 379, 381, 392, 395
- Саллюстий** 103, 111, 114, 164, 165, 203—205, 234, 247, 248, 325, 392, 402, 407
Салманасар III 125, 174—177, 180, 237, 397
Салманасар V 183—187
 Сандуарри 189
 Санхунйатон 114
 Саргон II 149, 186, 187, 195
 Сатасп 333
 Сафон, внук Магона 335
 Свида 312
 Седекия (Цидкия) 261, 262, 264
 Селевк Никатор 251
 Селевкиды 455
 Сенусерт 48
 Сервий 111, 235, 237, 312
 Сесси, см. Рамсес II
 Сети I 60, 76, 78
 Сети II 60
 Сетх, Сутех 50
 Сид, см. Цид
 Сидкия 189
 Сизиф 130

- Силен 111
 Силий Италик 236
 Сим 146, 147
 Сиром, см. Хирам
 Сифакс 433
 Сменхкара 74, 75
 Солин 38, 226, 234, 237
 Соломон 31, 32, 56, 83, 84,
 123—127, 135, 136, 138,
 149, 153, 156, 170, 230,
 371, 384, 388—390
 Солон 402
 Сосил 111
 Стефан Византийский 105,
 108
 Страбон 3, 23, 38, 41, 62, 84,
 101, 106, 109—114, 117,
 130, 162, 178, 216, 228,
 234, 251, 281, 283, 428,
 448
 Стратон, см. Абдастарт
 Суниат (Сунйатон) 344, 347,
 448
 Суптилулиумас I 68, 155
 Сципион, Публий Корнелий
 Сципион 363, 405, 438
 Табнит 167, 288, 376, 377
 Тархамму 47
 Тах 300, 302, 303
 Тахарка 191, 251
 Теннес 304, 306, 307, 379, 381
 Терилл 329
 Тетрамнест 281, 287, 288
 Тефарие Велианас 322
 Тиглат-Паласар I 100, 101,
 103, 119, 179
 Тиглат-Паласар III 180—
 184, 186, 193, 397
 Тимей 236, 237, 340
 Тимолеонт 349—351
 Тиннит 314, 443
 Тирибаз 299, 300
 Тот 60
 Трог, Помпей Трог 37, 83—
 85, 166, 167, 237
 Тубал-Каин 19, 20
 Тукульти-Нинурта II 155
 Тутанхамон 76
 Тутмос I 51
 Тутмос III 26, 51—53, 60, 63,
 65
 Тутмос IV 52
 Ун-Амун 94—96, 98, 99, 216,
 208, 378, 380, 381, 388
 Уни 130
 Уни-Астарт 130, 322
 Уректер 96, 126,
 Урумилк 189
 Фалант 105, 121
 Фалес 217
 Федим 28
 Фелет 165, 167, 370, 371, 377
 Феникс, см. Финик
 Фера 159
 Ферон 329, 330
 Фессалион 306
 Филаон 287
 Филипп V 249, 363, 420, 427,
 433
 Филон Библиский 18, 114, 128
 Финик 18, 34
 Фоб 312
 Фукидид 104, 106—108, 110,
 116, 118, 160, 219, 220,
 221, 223, 230, 238, 250,
 320
 Хазаэл 176
 Хам 18, 21, 29, 31, 146
 Хамунири 70, 71
 Ханаан 18, 29, 31
 Ханох 19, 20
 Хануну 272

- Хати* 322
Харон Лампсакский 312
Хасехемуи 42
Хатхор 42
Хазмуас 94
Хелбес 269
Херихор 95
Хиан 50
Хирам I 32, 123—126, 128, 129, 132—136, 153, 165—167, 247, 249, 252, 281, 287, 288, 371, 384—386, 388
Хирам II 32, 182, 373
Хирам III 271, 275
Хирам IV 288
Хирам, тирский ремесленник и архитектор 124, 389
Хна 18
Хоремхеб 76

Цид 33

Чекер-Баал 94, 378, 380, 381, 386, 388

Шабон 226
Шарданат 30
Шет 18, 20
Шешонк 136, 137
Шитипбаал 181

Эвагор 297—300
Эвктемон 115
Эвмей 27, 155

Эврилеонт 329, 330
Эйя 76
Эл 19
Элибаал 137
Элий Аристид 250
Элисса 164, 211, 235—237, 248, 253, 312, 369, 376, 412, 413
Элулай 102, 185—189, 254
Эниэл 309
Энлиль-шати́к-зе́ри 266
Энох, см. *Ханох*
Эратосфен 38, 332
Эргий 121
Эфор 340
Эхнатон (Аменхотеп IV) 28, 62—64, 67—69, 71, 73—76
Эшмун 282, 365, 405
Эшмуназор 167, 288, 293, 368, 372, 376, 377, 393, 394
Эшмуназор II 291, 292, 376, 377, 379

Юнона 235
Юпитер 235
Юстин 33, 37, 83, 85, 91, 103, 166, 167, 270, 311, 312, 319, 320, 328, 331, 335, 337, 339, 347, 376, 380, 400—402, 412—415

Якинэль 47
Яхмос 50, 51

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Ханаан, Финикия, Сидон	16
Глава 2. Начало истории	35
Глава 3. Кризис египетской власти	64
Глава 4. Этнические и политические изменения в Передней Азии и судьба Финикии	79
Глава 5. Финикия в конце II тысячелетия до н. э.	94
Глава 6. Первый этап финикийской колонизации	102
Глава 7. Финикия в начале I тысячелетия до н. э.	121
Глава 8. Финикия под властью Ассирии	181
Глава 9. Второй этап финикийской колонизации	203
Глава 10. Финикия и ее отношения с Вавилоном и Персией	256
Глава 11. Исторический путь Карфагена	311
Глава 12. Социально-политическая структура Финикии	366
Глава 13. Социально-политическая структура Карфагена	399
Заключение	450
Сокращения наименований письменных и эпиграфических источников	464
Список литературы	467
Указатель географических и этнических названий	504
Указатель имен	518

Циркин Юлий Беркович
ОТ ХАНААНА ДО КАРФАГЕНА

Редактор *Т. Мазепова*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Младший редактор *И. Гриценко*
Технические редакторы *М. Курочкина, Н. Духанина*
Корректор *И. Мокина*
Компьютерная верстка *Л. Быковой*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

Лицензия ЛР № 066647 от 07.06.99 г. (ООО «Издательство Астрель»)
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г. (ООО «Издательство АСТ»)

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.01.2001.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,72. Тираж 5100 экз. Заказ 672.

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская область, г. Балашиха, проспект Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ»
674460, Читинская обл., Агинский р-н, п. Агинское,
ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155 — 1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.400.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Появившиеся в Средиземноморье в начале III тысячелетия до н.э. финикийцы сами себя называли ханаанеями, а страну свою — Ханааном, под этим же именем она упоминается в Ветхом Завете. Финикия так и не обрела политического единства, ее история — это история отдельных городов: Библа, Сидона, Берита, Тира, Арвада; а также колоний в Северной Африке, в Испании, на островах и африканском побережье Средиземного моря, в том числе Карфагена. В то же время общность языка, множество открытий в области культуры, высоко развитое искусство говорят о том, что перед нами — одна из интереснейших цивилизаций древности. И пожалуй, одна из самых малоизученных. Эта книга — первый в отечественной исторической науке опыт создания последовательной истории Финикии.

ISBN 5-17-005552-8

9 785170 055524